

СОКН ЗЕМЛИ

ЖЕНЩИНЫ В КОЛОДЕЦЕ

НАКОНУТ КАМОНУН

Annotation

«Соки земли» – одно из самых монументальных эпических произведений мировой литературы XX века, за которое Гамсун получил Нобелевскую премию. В пустошь, никем не обработанную лесистую местность с удобной землей, приходит человек по имени Исаак и начинает на ней работать. Валит деревья, корчует пни, строит жилье и пашет отвоеванную у леса землю. И так как человек не может жить один, к нему приходит женщина – Ингер. Сначала она нанимается к Исааку в работницы, потом становится его женой. «Соки земли» – история их жизни.

- [Кнут Гамсун](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)

- [Глава III](#)
- [Глава IV](#)
- [Глава V](#)
- [Глава VI](#)
- [Глава VII](#)
- [Глава VIII](#)
- [Глава IX](#)
- [Глава X](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Кнут Гамсун
«Соки земли»

Часть первая

Глава I

Длинная, длинная тропинка стелется по болотам и уходит в леса, – кто проложил ее? Мужчина, первый попавший сюда человек. До него здесь не было тропинки. Потом, одно за другим, прошли по неясным следам на мочезинах и болотах животные и следы стали отчетливее, а там, один за другим, пронюхали о тропинке лопари и стали ходить по ней когда им нужно было перебраться со скалы на скалу, чтоб проведать своих оленей. Так и образовалась тропинка чрез обширную пустошь, никому не принадлежавшую, бесхозяйную землю.

Человек идет по направлению к северу. Он несет мешок, первый мешок, в нем съестные припасы да кое-какие инструменты. Человек крепок и груб, у него рыжая жесткая, словно железная, борода и мелкие рубцы на лице и руках, – где он заполучил эти шрамы: на работе или в бою? Может быть, он бежал от наказания и скрывается, может быть, он философ, ищет покоя и тишины, – но как бы то ни было, он идет и идет, кругом не слышно ни птиц, ни зверей, изредка бормочет он про себя какое-нибудь слово: – О-ох, Господи! – говорит он. Миновав болота и выйдя на приветливое местечко, с открытой полянкой в лесу, он опускает на землю мешок и начинает бродить кругом исследуя местность; немного погодя возвращается, вскидывает мешок на спину и идет дальше. Так продолжается весь день, он следит за временем по солнцу, спускается ночь, и он бросается в вереск, положив под голову руку.

Через несколько часов он опять идет. – О-ох, Господи! – идет прямо на север, следит за временем по солнцу, обедает куском сухой лепешки с козьим сыром, выпивает воды из ручья и продолжает свой путь. И этот день тоже уходит на странствие, потому что ему приходится исследовать очень много уютных местечек в лесу. Чего он ищет? Места земли? Должно быть, он выселенец из городов, глаза у него на чеку, и он все время смотрит, иногда взбирается на пригорок и высматривает. Вот и опять садится солнце.

Он идет по западной стороне длинной балки, поросшей смешанным лесом, здесь и лиственный лес и луговинки, так тянется

часами, темнеет; но он слышит тихое журчанье речки, и это слабое журчанье подбадривает его, как присутствие чего-то живого. Поднявшись на возвышенность, он видит внизу долину в полутьме, а дальше к югу – небо. Он ложится.

Утром перед ним расстилается ландшафт: лес и луговина, он спускается в долину по зеленому откосу, далеко внизу видит излучину реки и зайца, который как раз перескакивает через нее одним махом. Человек кивает головой, как будто так и нужно, чтобы речка была не шире заячьего прыжка. Сидевшая на яйцах куропатка внезапно срывается из-под его ног и злобно клохчет, человек снова кивает, оттого, что здесь есть зверьки и птицы – это тоже хорошо! Он бродит по кустам голубики и облепихи, по зубчатолистным кустикам звездоцвета и мелким папоротникам; останавливается то тут, то там, ковыряет железкой землю и находит в одном месте чернозем, в другом – болото, удобренное многовековым листопадом и перегноем ветвей. Человек кивает головой: здесь он поселится, да, так и сделает, поселится здесь! Два дня бродит он по окрестностям, но вечерами возвращается к тому же откосу. Ночи спит на подстилке из хвои; он уже так освоился здесь, что даже устроил себе постель из хвои под выступом горы.

Самое трудное было найти место; это ничье место, но его: с этого же момента дни стали заполняться работой. Он сейчас же принялся срезать бересту в соседних лесах, пока в деревьях еще бродил сок, клал бересту под гнет и сушил ее, а когда накапливалась большая куча, носил в село за много миль и продавал на постройки. Домой же к откосу приносил новые мешки с припасами и материалами – муку, свинину, котел, лопату; ходил по тропинке туда и обратно, и все носил и носил. Прирожденный носильщик, он сновал по лесу, как паром между берегами, казалось, он любил выпавший на его долю жребий: много ходить и много носить, как будто не иметь на спине ноши было ленивым существованием и совсем ему не по душе.

Однажды он пришел с тяжелой ношей и, кроме того, притащил на веревке двух коз и молодого козла. Он радовался на своих коз, словно то были коровы, и ласкал их. Проходил мимо первый чужой человек, бродячий лопарь, увидел коз и понял, что попал к человеку, осевшему здесь; он сказал:

– Ты совсем будешь жить здесь?

– Да, – ответил человек.

– Как тебя зовут?

– Исаак. Нет ли у тебя знакомой работницы для меня?

– Нет. Но я поговорю там, куда иду.

– Поговори! Скажи, что у меня есть скотина, а ходить за ней некому.

Стало быть – Исаак; лопарь скажет и это, человек в пустоши не беглый, он сказал свое имя. Он – беглый? Так вот он и отыскался. Он был просто неутомимый работник, запасал на зиму корм для своих коз, начал расчищать землю, разделять поля, оттаскивал камни, складывал из камней ограду. К осени он смастерил жильё, землянку из дерна, она была плотная и теплая, в бурю в ней не трещало, она не могла сгореть. Он мог войти в это жилище, затворить дверь и сидеть у себя, дома, мог стоять на пороге полновластным хозяином, когда кто-нибудь проходил мимо. Землянка была разделена на две половины, в одном конце жил он сам, в другом скотина, в глубине, под выступом скалы, он устроил сеновал. Все было под рукой.

Проходит еще двое лопарей, отец с сыном, они останавливаются, опираются обеими руками на свои длинные посохи и смотрят на землянку, на расчищенное место, слышат козы колокольчики на косогоре.

– Здравствуй, – говорят они, – видать в пустошь пожаловали знатные люди! – Лопари ведь всегда льстят.

– Не знаете ли вы работницы для меня? – отвечает Исаак. У него только одно это на уме.

– Работницы? Нет. Но мы поговорим.

– Будьте так добры! Скажите, что у меня есть дом, земля и скотина, но нет работницы, так и скажите.

О, он искал эту работницу всякий раз, когда относил село бересту, но так и не нашел. Одна вдова да две пожилые девицы посмотрели на него и не решились пойти с ним; отчего это так вышло, Исаак не понимал. Неужели не понимал? Кто захочет служить у одинокого мужчины дикой пустыне, за много верст от людей, в целом дне пути от ближайшего жилья! Да и сам мужчина-то вовсе не отличался нежностью или приятностью, совсем даже наоборот, и когда он говорил, то далеко не как тенор с возведенными к небесам

глазами, а был звероват и груб голосом. Приходилось, значит, оставаться одному.

Зимой он делал большие деревянные корыта, продавал их в селе и приносил домой, в снег и вьюгу, мешки с едой и всяким снаряжением; то были трудные дни, он примерзал к ноше. Так как у него была скотина, и ходил за нею он сам, он не мог оставлять ее надолго, и что же тогда придумал? Нужда учит человека сообразительности, мозг его был силен и свеж, он упражнял его все больше и больше. Во-первых, перед уходом из дому он выпускал коз на волю, чтоб они питались ветками в лесу. Но он придумал и другое: он вешал у реки большую деревянную посудину так, что вода капала в нее по капле, она наполнялась в четырнадцать часов. Наполнившись до краев, посудина приобретала нужную тяжесть и опускалась, но опускаясь задевала за веревку, соединенную с сеновалом, там открывался люк, и падали три вязки сена: животные получали корм.

Вот так он действовал.

Остроумная выдумка, пожалуй, божье внушенье, и человек выпутался из беды.

Все шло хорошо до поздней осени, но вот выпал снег, потом пошел дождь, опять снег, упорный снег, механизм стал действовать плохо, посудина наполнялась осадками и преждевременно открывала люк. Человек прикрыл посудину, некоторое время опять все было ладно, но когда наступила зима, водная капля замерзла, и приспособление перестало работать.

Тогда козам, как и самому человеку, пришлось привыкать обходиться без еды.

Тяжелые дни, человеку надо было иметь помощника, но его не было, и он все— таки не растерялся.

Он продолжал работать и устраивать свой дом, прорезал в землянке окно, вставил два стекла, это был замечательный и радостный день в его жизни, ему не надо было зажигать очаг, чтоб видеть, он мог сидеть в доме и мастерить деревянные корыта при дневном свете. Все улучшалось и светлело, ох, Господи! Он никогда не молился по молитвеннику, но мысли его часто обращались к богу, без этого нельзя было обойтись, он был сама искренность и трепет. Звездное небо, шелест в лесу, одиночество, глубокий снег, тайные силы на земле и над землей возбуждали в нем глубокие и набожные

мысли много раз в сутки; он был греховен и богобоязнен, по воскресеньям умывался в честь праздника, но трудился, как в другие дни.

Пришла весна, он обработал свой маленький участок и посадил картошку.

Скота прибавилось, обе козы принесли по паре козлят, с взрослыми и молодняком стало в пустоши семь коз. Он расширил хлев с запасом на будущее и вставил в нем также два окна. Светлело, и удавалось во всех смыслах.

И наконец однажды явилась помощница. Она долго бродила взад-вперед по косогору, не отваживаясь подойти; уж за вечерело, когда она насмелилась, но под конец все-таки пришла – крупная, кареглазая девушка, очень плотная и грубая, с здоровенными увесистыми руками, в лопарских комагах, хотя сама была и не лопарка, и с мешком из телячьей кожи за спиной. На вид она казалась уж в летах, этак, не в обиду будь сказано, под тридцать. Бояться ей было нечего, но она поклонилась и торопливо промолвила:

– Мне надо за перевал, оттого я и пошла этой дорогой.

– А-а, – сказал мужчина. Он понял не все, она говорила неясно и вдобавок отворачивала лицо.

– Да, – сказала она. – А путь страсть какой дальний!

– Да, – ответил он. – Ты через перевал?

– Да.

– Зачем тебе туда?

– У меня там родня.

– Вот как, – у тебя там родня. Как тебя зовут?

– Ингер. А тебя?

– Исаак.

– Ну-у! Исаак. Это ты здесь живешь?

– Да, живу вот здесь, как сама видишь.

– Пожалуй, тут не плохо, – промолвила она одобрительно.

Он был малый не промах и тут же сообразил, что пришла она по чьему-нибудь сказу, да, пожалуй, и просто вышла из дому третьего дня и прямехонько сюда.

Может, она слышала, что ему нужна работница.

– Зайди, дай передохнуть ногам, – сказал он.

Они вошли в землянку, поели ее припасов и попили его козьего молока; потом она сварила кофею, который принесла с собой в пузырьке. Они угостились кофеем перед сном. Он лег, а ночью в нем вспыхнуло желанье, и он взял ее.

Утром она не ушла, не ушла и во весь день, а суежилась, доила коз, вычистила мелким песком кастрюли и навела чистоту. Она так и не ушла. Ее звали Ингер. Его звали Иссаак.

И вот, для одинокого мужчины наступила новая жизнь.

Правда, жена его говорила неясно и упорно отворачивалась от людей, стесняясь своей заячьей губы, но на это нечего жаловаться. Не будь этого обезображенного рта, она наверно, никогда не пришла к нему, заячья губа была его счастьем. А сам-то он разве уж совсем без всякого порока?

Бородатый и необыкновенно коренастый, Иссаак был похож на страшный мельничный жернов, а мимо окна он носился словно смерч. И у кого еще была такая строгость в лице! Хорошо уж и то, что Ингер не убежала от него.

Она не убежала. Когда он уходил и возвращался домой, Ингер встречала его у землянки, обе составляли одно – землянка и она.

Ему прибавилось заботы о лишнем человеке, но забота оправдывалась, он мог больше бывать вне дома, больше двигаться. Во-первых, была река, отличная река, и мало того, что красивая на вид, глубокая и быстрая, вовсе не какая–нибудь маленькая речонка, должно быть, текла она из большого озера в горах.

Он добыл рыболовные снасти, обследовал реку вверх по течению, а вечером вернулся с ведром окуней и горных форелей. Ингер встретила его с изумлением, была поражена, не знала, что и подумать, она всплеснула руками и сказала:

– Господи Боже милостивый! Ну, уж и ты! – Она отлично заметила, что ему нравились похвалы, и он гордится ими, она прибавила еще несколько лестных слов: никогда ничего подобного она не видала, и не понимает, как это он умудрился!

И в других отношениях Ингер была тоже хоть куда. Правда, разума в голове у нее не бог весть сколько, но у кого-то из родных остались две ее овцы с ягнятами, и она привела их. Сейчас это было самое, что ни на есть нужное в землянке – овцы с шерстью и ягнятами, целых четыре штуки; скот умножался в огромном

масштабе, чистая задача и чудо, до чего он рос в числе! Помимо этого, Ингер принесла кое-что из платья и всякой мелочи: зеркало, нитку с красивыми стеклянными бусами, чесалки для шерсти и прялку. Ну, если она будет действовать так и дальше, скоро все будет набито от пола до потолка, и в землянке не хватит места! Исаак, разумеется, радовался этому наплыву земных благ, но, по своей обычной молчаливости, был скуп на выражения; он прошмыгал к порогу, посмотрел какова погода, и прошмыгал обратно на свое место. Да, можно сказать, ему здорово повезло, и он чувствовал все большую и большую влюбленность, влечение, или как это там ни назвать.

– Довольно уж тебе хлопотать! – сказал он.

– У меня в одном месте еще больше этого. А потом есть еще дядя Сиверт, слышал ты про него?

– Нет.

– А он богач. Он окружной казначей в нашем селе.

От любви умный плуеет, – ему захотелось по-своему показаться приятным, и он пересолил.

– Вот что я тебе скажу, – промолвил он, – не ходи окучивать картошку. Я сам займусь вечером, когда приду домой.

С этими словами он взял топор и ушел в лес.

Она слышала удары топора в лесу недалеко от дома и по треску догадывалась, что он валит крупные деревья. Послушав некоторое время, она пошла на поле и принялась окучивать картошку. От любви глупый умнеет.

Вечером он вернулся, волоча за собой на веревке огромное бревно. Грубый и простодушный Исаак изо всех сил гремел бревном, топотал и кашлял, чтобы она вышла и подивилась на него.

– Да ты совсем спятил! – и в самом деле воскликнула она, идя ему навстречу. – Человек ты или нет?! – Он не ответил. И не подумал даже!

Невелика штука справиться с бревном, об этом не стоило и говорить.

– А на что тебе эта лесина? – спросила она.

– Да и сам не знаю, – небрежно ответил он.

Но тут он увидел, что она уж успела окучить картошку, и стало быть, в усердии почти сравнялась с ним. Это ему не понравилось, он отвязал веревку с бревна и пошел с ней куда-то.

– Ты опять уходишь? – спросила она.

– Да, – сердито ответил он.

Он вернулся со вторым бревном, но на этот раз не пыхтел и не шумел, а подтащил его, как вол, к землянке и положил на землю.

За лето он перетаскал к землянке множество бревен.

Глава II

Однажды Ингер опять наложила припасов в свою телячью сумку и сказала:

– Пойду проведать своих.

– А-а, – промолвил Исаак.

– Да, надо потолковать с ними кое о чем.

Исаак не сразу пошел за нею, а порядочно помедлил.

Когда он, наконец, проковылял за дверь, отнюдь не выдавая своим видом любопытства и тяжелых предчувствия, Ингер уже едва виднелась на опушке леса.

– А ты вернешься? – крикнул он, не в силах совладать с собою.

– Неужто не вернусь! – отозвалась она. – Придумаешь тоже!

– А-а.

И вот он опять остался один, о-ох, Господи! Полный сил и жадный на работу, он не мог расхаживать по землянке и зря топтаться на месте, а принялся за дело, стал ворочать бревна, обтесывать лесины с обеих сторон. Проработал до вечера, потом подоил коз и лег спать.

Пусто и тихо в землянке, тяжким молчанием веяло от дерновых стен и земляного пола, глубоко и серьезно ощущал он свое одиночество. Но прялка и чесальные доски стояли на своем месте, и бусы на нитке лежали аккуратно припрятанные на полке под потолком. Ингер ничего не унесла с собою. Но Исаак был так бесконечно глуп, что в белую летнюю ночь на него напал страх темноты, и ему чудилось, что бог знает кто крадется под окнами. Часа в два, судя по свету, он встал и позавтракал, уплел огромный горшок каши на весь день, чтобы не тратить время на новую стряпню. И до вечера поднимал целину, в прибавок к картофельному полю.

Три дня он вперемежку тесал бревна и взрывал землю – авось Ингер придет завтра. Не беда, если он припасет рыбы к ее возвращению, он не хотел пойти к ней навстречу прямоком через скалы, и пошел кружным путем к рыбалке. Он забрался в незнакомые места в скалах, тут высились серые горы и темно-бурые горы и валялись мелкие камни, тяжелые, словно из свинца или меди. В этих темных камнях могло быть много добра, может, и золото, и серебро,

он не знал в них толку, и ему было все равно. Он спустился к реке, рыба хорошо клевала ночью под звенящим комарами небом, опять набралось целое ведро окуней и горных форелей, пусть-ка Ингер посмотрит! Возвращаясь утром тем же кружным путем, каким и пришел, он взял с собой два тяжелых камня со скалы, они были коричневые с темно-синими крапинками и ужасно тяжелые.

Ингер не пришла. Тянулись уж четвертые сутки. Он подоил коз, как в те времена, когда жил с ними один и некому было этим заняться, потом пошел к каменной россыпи и натаскал во двор большие кучи подходящих камней для ограды. У него было много грандиозных затей.

На пятый вечер он лег спать с маленьким подозрением в сердце, но, впрочем, прялка и чесальные доски оставались же тут, да и бусы тоже! Опять пустота в землянке и ни единого звука, часы тянулись долго, и когда, наконец, снаружи послышался какой-то топот, он сообразил, что это ему только почудилось.

– О-ох, Господи! – промолвил он, проникнутый своей заброшенностью, а такие слова Исаак произносил не зря. Но вот он снова услышал тот же топот, а немного спустя что-то промелькнуло под окнами, что-то такое с рогами, живое. Он вскочил, метнулся к двери и увидел призрак.

– Бог или сатана! – пробормотал он, а такие слова Исаак произносил только в крайности. Он увидел корову, Ингер и корову, обе они скрылись в хлеву.

Если б он сейчас не стоял и не слышал, как Ингер тихонько разговаривает в хлеву с коровой, он не поверил бы самому себе, но вот, ведь стоит же он! В ту же минуту у него мелькнуло дурное предчувствие: спаси ее Господь, она, разумеется, необыкновенная, чертовски замечательная баба, но что чересчур, то уж чересчур. Прялка и чесальные доски – куда ни шло, бусы-то, положим, подозрительно щегольские, ну да бог уж и с ними! Но корова, которую она нашла, может быть, где-нибудь на дороге или в загоне – ведь хозяин ее хватится и непременно разыщет. Ингер вышла из хлева и сказала, горделиво улыбаясь:

– А я привела свою корову!

– А-а, – ответил он.

– Я проходила так долго, потому что с ней нельзя было идти шибко по горам. Она стельная.

– Так ты привела корову? – сказал он.

– Да, – ответила она, чувствуя потребность поговорить от сознания своего богатства. – Уж не думаешь ли ты, что я вру! – прибавила она.

Исаак опасался самого худшего, но остерегся высказать свои подозрения и проговорил только:

– Поди, поешь.

– Ты видел корову? Разве не красавица?

– Чудесная. Откуда она у тебя? – спросил он со всем равнодушием, на какое был способен.

– Ее зовут Златорожка. Зачем ты сложил эту ограду? Ты уморишь себя работой, тем кончится. Да пойдем же, посмотрим корову!

Они пошли, Исаак был в одном белье, но это ничего не значило. Они очень тщательно осмотрели корову, осмотрели все отметины, голову, вымя, крестец, бока: красная с белым, тощая. Исаак осторожно спросил:

– Как думаешь, сколько ей лет?

– Думаю? – отозвалась Ингер. – Ей аккурат пошел четвертый год. Я сама ее выходила, и все, кто ее видал, говорили, что отроду не видывали такого умного теленка. Как по твоему, хватит у нас для нее корму?

Исаак начинал верить в то, чего ему так хотелось, и заявил:

– Что касемо до корма, так корма для нее у нас хватит!

Потом пошли в землянку, поели, попили, посидели. Улеглись спать, разговаривали о корове, о великом событии:

– Разве не красивая корова? У нее будет второй теленок. Ее зовут Златорожка. Ты спишь, Исаак?

– Нет.

– А что до этого, так она меня сразу признала и пошла за мной, словно вчерашний ягненок. Мы с ней часок поспали ночью в горах.

– А-а.

– Придется все лето держать ее на привязи, а то она убежит, потому что корова – она корова и есть.

– Где же она была раньше? – спросил, наконец, Исаак.

– У моих родных. Они не хотели отдавать ее, а ребяташки плакали, когда я ее повела.

Возможно ли, чтоб Ингер умела так замечательно лгать? Разумеется, она говорила правду, что корова – ее. Теперь на усадьбе, во дворе стало важное обзаведенье, можно сказать – ни в чем недохватки! Ох уж эта Ингер, он любил ее, и она отвечала ему взаимностью, они были неприхотливы, жили в век деревянных ложек и были счастливы. «Пора спать!» – думали они. И засыпали.

На утро просыпались для нового дня, и тут всегда находилось то одно, то другое, над чем помаяться, ну да и горе, и радость, такова уж жизнь.

Взять хотя бы для примера эти бревна – не попробовать ли ему сложить их?

По этому поводу, бывая в селе, Исаак смотрел в оба и, надумав план постройки, решил поставить сруб. А разве это ему не до зарезу нужно? Во дворе прибавились овцы, прибавилась корова, коз стало много и будет еще больше, скотина уж не помешалась в своем отделении в землянке, надо же было найти какой-нибудь выход. И лучше приняться за дело сейчас, покамест цвела картошка в ее начался сенокос. Ингер кое в чем ему пособит.

Исаак просыпается ночью и встает, Ингер после путешествия спит, как убитая. Он идет в хлев. Теперь он говорит с коровой не так, что слова переходят в приторную лесть, а тихонько оглаживает ее и исследует во всех местах, нет ли где метки, тавра, положенного неведомым хозяином. Он не находит никакой метки и удаляется с облегчением. Вот лежат бревна, он начинает катать их, поднимает на каменную кладку, прилаживает прорез для окна, большой прорез для горницы и маленький – для клетки. Это было очень трудно, он весь ушел в работу и позабыл о времени. Вот задымила крыша на землянке, вышла Ингер и позвала завтракать.

– Что это ты затеваешь? – спросила она.

– Ты уже встала? – ответил Исаак.

Ох, уж этот Исаак, такой скрытный, но ему нравилось, что она спрашивает, проявляет любопытство и обращает внимание на его затеи. Поев, он перед уходом посидел немножко в землянке. Чего он ждал?

– Да что же это я сижу! – сказал он и встал. – Дела-то ведь хоть отбавляй! – прибавил он.

– Дом, что ли ты строишь? – спросила она. – Неужто не можешь ответить?

Он ответил из милости, он был преисполнен необыкновенной гордости от того, что строит и сам со всем справляется, потому и ответил:

– Ты ведь видишь, что строю.

– Ну да. Так, так.

– Как же не строить? – сказал Исаак. – Ведь вот ты привела корову, надо же ей хлев.

Бедняжка Ингер, она была не так умна, как он, Исаак, венец создания. И было это до того, как она узнала его, научилась понимать его манеру говорить. Ингер сказала:

– Да ведь ты же строишь не хлев?

– Ну, – ответил он.

– Похоже больше, что ты строишь избу. Так оно и есть.

– По твоему так? – сказал он и взглянул на нее с напускным непониманием, даже как будто бы пораженный ее мыслью.

– Да. А скотине останется землянка?

Он подумал с минуту.

– Пожалуй, так оно будет лучше!

– Вот видишь, – победоносно проговорила Ингер, – я тоже не так-то уж проста!

– Нет. А что ты скажешь насчет клетки при горнице?

– Клеть? Тогда будет совсем как у людей. Ох, если б у нас так вышло!

Так вышло. Исаак строил, сколачивал углы и закладывал венцы, одновременно складывая очаг из подходящих камней, но последняя работа плохо у него ладилась, и Исаак по временам бывал недоволен собой. Когда начался сенокос, ему пришлось оставить стройку, ходить по косограм и косить, огромными копнами приволакивал он домой сено. В один дождливый день Исаак сказал, что ему надо сходить в село.

– Зачем тебе туда?

– Да и сам хорошенько не знаю.

Он ушел и проходил двое суток, вернулся с печкой – паром прополз через лес с плитой на спине.

– Да нет, ты просто не человек! – воскликнула Ингер. Исаак разобрал очаг, который так не подходил к новому дому, и поставил вместо него печку.

– Не у всех есть такие печки, – сказала Ингер. – Господи, помилуй нас грешных!

Сенокос продолжался, Исаак кучами таскал сено, потому что лесная трава далеко не то, что луговая, а гораздо хуже. Только в дождливые дни ему удавалось поработать на стройке, она подвигалась медленно, даже в августе, когда все сено было убрано, новый дом был доведен едва до половины. В сентябре Исаак сказал, что так не годится:

– Сбегай-ка в село и приведи мне на подмогу работника, – сказал он Ингер.

Ингер в последнее время что-то раздалась вширь и уж не могла бегать, но, разумеется, собралась в дорогу.

Но тут муж вдруг передумал, он снова загордился и решил сделать все один.

– Незачем беспокоить людей, – сказал он. – Я и один справлюсь.

– Тебе не справиться.

– Помоги мне только поднимать бревна. Когда подошел октябрь, Ингер заявила:

– Мне больше не вмоготу!

Это было очень досадно, надо было непременно поднять и положить стропила, чтоб покрыть дом до осенних дождей, а времени оставалось самая малость. Что такое стряслось с Ингер? Изредка она варила козий сыр, но большей частью только по нескольку раз в день переносила с места на место прикол у Златорожки.

– Принеси большую корзину или ящик, или что-нибудь такое в следующий раз, как пойдешь в село, – попросила раз Ингер.

– На что тебе? – спросил Исаак.

– Нужно, – ответила Ингер.

Он втаскивал стропила на веревке, Ингер подпихивала только одной рукой, но как будто помогало уже одно ее присутствие. Дело подвигалось медленно, крыша-то была невысока, но балки невероятно велики и толсты для маленького домика. Некоторое время

держалась ясная осенняя погода, Ингер одна выкопала всю картошку, а Исаак успел покрыть избу до начала затяжных дождей. Козы уже переселились на ночь в землянку к людям, и это ничего, все было ничего, люди на это не жаловались. Исаак опять собрался в село.

– Принеси же мне большую корзину или ящик! – опять сказала Ингер тоном умильной просьбы.

– Я заказал себе несколько оконных стекол, которые надо принести, – ответил Исаак, – да еще заказал две крашенных двери, – ответил он важно.

– Вот что, ну так придется обойтись без корзины.

– Да на что она тебе?

– На что? Да где же у тебя глаза?

Исаак ушел в глубоком раздумье и вернулся через двое суток с окном, дверью для горницы и дверью для клетки, кроме того на груди у него висел ящик для Ингер, а в ящике были разные съестные припасы. Ингер сказала:

– Уж дотаскаешь ты когда-нибудь до смерти!

– Хы, до смерти? – Исаак до того был далек от смерти, что вынул из кармана аптечный пузырек с нефтью и дал Ингер с наставлением усердно принимать ее, чтоб поправиться. А тут же были окна и крашенные двери, за которые он мог приняться, и он сейчас же бросился их прилаживать. Ах, и что же за дверки: подержанные, правда, но отлично выкрашены заново, расписаны красной и белой краской, они красовались на доме, словно картинки.

И вот они перебрались в новый дом, а скотина распространилась по всей землянке; одну овцу с ягненком оставили при корове, чтоб той было не так скучно.

Пустынножители зашли далеко вперед, просто чудо, как далеко.

Глава III

Пока земля не промерзла, Исаак выдирает из нее камни и корни и выравнивал себе луг на будущий год; когда земля промерзла, он стал ходить в лес и усердно рубил дрова.

– На что тебе столько дров? – спрашивала Ингер.

– И сам не знаю, – отвечал Исаак, но отлично знал.

Старый и густой нетронутый лес подходил к самым строениям и не позволял расширить площадь сенокоса, а, кроме того, Исаак рассчитывал каким-нибудь способом доставить дрова зимой в село и продать их тем, у кого не будет дров. Задумано было с толком. Исаак знал это твердо, продолжал расчищать лес и рубить его на дрова. Ингер часто приходила посмотреть, как он работает, а он притворялся, будто ему все равно, и он вовсе в ней не нуждается, но она понимала, что доставляет ему удовольствие. Изредка они перебрасывались словами:

– Неужто тебе больше нечего делать, кроме как приходить сюда и мерзнуть? – говорил Исаак.

– Мне не холодно, – отвечала Ингер, – а вот ты губишь свое здоровье.

– Возьми, надень мою куртку, вон она лежит!

– Пожалуй надеда бы, потому что нельзя мне сидеть здесь, когда Златорожка собралась телиться.

– Ну, разве Златорожка собирается телиться?

– Что ж ты не слышишь, что ли? А как по-твоему, оставить нам теленка?

– По мне делай как хочешь, я не знаю.

– Не можем же мы съесть теленка! Ведь тогда у нас останется только одна корова.

– Я и не думал, что ты захочешь, чтоб мы съели теленка, – отвечал Исаак.

Одинокие люди, некрасивые и грубые, но полные доброты друг к другу, к животным и к земле!

И вот, Златорожка отелилась. Знаменательный день в пустыне, огромная благодать и счастье. Златорожке дали вкусного пойла с

мучной подболткой, а Исаак сказал: – Не жалей муки! – хотя и принес ее на собственной спине. Возле нее лежал хорошенький теленочек, красавица-телка, тоже краснопегая, забавно удивленная чудом, которое она только что пережила. Через два года она сама станет матерью.

– Из этой телки выйдет чертовски красивая корова, – сказала Ингер, – а я не знаю, как бы назвать ее. – Ингер была ребячлива, и у нее на все было мало смекалки.

– Как назвать? – повторил Исаак. – Тебе не найти клички более подходящей, чем Сребророжка.

Выпал первый снег. Как только установился санный путь, Исаак отправился по деревням и, по обыкновению, был полон таинственности, не пожелал поделиться своими намерениями с Ингер. Вернулся он с величайшим сюрпризом – с лошадью и санями!

– Ну уж теперь, мне думается, ты колдуешь, – сказала Ингер, – ведь не взял же ты лошадь?

– Я взял лошадь.

– Я спрашиваю: нашел ее?

О, если б Исаак мог сказать: моя лошадь, наша лошадь! Но он только взял лошадь на время, чтоб свозить на ней дрова.

Исаак возил в село дрова и привозил оттуда припасы – муку, сельдей. А однажды привез на санях быка; он купил его баснословно дешево, потому что в селе уже началась бескормица. Бык был худой, шершавый да, судя по всему, не мог разжиреть, но не урод и должен был оправиться от хорошего корма. Ингер сказала:

– Чего только ты не притащишь!

Да, Исаак притаскивал все – притаскивал доски и тес, которые выменял на бревна, притащил точильный камень, вафельницу, всякие снасти и инструменты, все это за дрова. Ингер распухала от богатства и каждый раз говорила:

– Ты еще что-то привез? Теперь у нас есть бык и все, что только можно придумать!

И однажды Исаак ответил:

– Нет, теперь уж больше ничего не стану возить!

У них были запасы на долгое время, и они стали зажиточными людьми. Что-то затеет Исаак весной? Сотни раз шагал он зимой за возами своих дров и надумал: он расчистит место дальше за

косогором, вырубит весь лес, наготовит дров, оставит сохнуть на лето и зимой будет накладывать на воз вдвое больше. Расчет был безошибочный. Сотни раз думал Исаак и о другом: о Златорожке, откуда она взялась, чья была раньше? – Нигде не найти другой такой жены, как Ингер; бедовая бабенка, податливая и на все согласная; но ведь в один прекрасный день кто-нибудь может прийти отобрать Златорожку и увести ее на веревке. А из этого может выйти беда. «Ты ведь не взял лошадь?» – сказала Ингер. «Или уж не нашел ли?» – сказала она. Вот какая у нее была первая мысль, ей нельзя было безоговорочно верить, а что ему делать? Вот о чем он думал. Да и сам еще купил быка для Златорожки, это для краденой-то, может быть, коровы!

Но вот пришло время отдавать лошадь. Жалко было, потому что лошадка была маленькая, мохнатая и очень им полюбилась.

– Ну, что ж, ты все-таки сделал много дел, – сказала Ингер в утешение.

– Как раз к весне-то мне и нужна лошадь, – ответил Исаак, – у меня столько для нее работы.

И вот утром он тихонько выехал из дому с последним возом дров и вернулся только на третий день. Когда он приплелся домой пешком, то уже снаружи услышал доносившийся из избы какой-то странный звук, и остановился на минутку. Детский плач. – О-ох, Господи, – что ж поделаешь, но это было очень страшно и необыкновенно, а Ингер ничего не сказала.

Он вошел, и прежде всего ему бросился в глаза ящик, знаменитый ящик, который он притащил домой на своей груди; он висел теперь на двух веревках и превратился в люльку для ребеночка. Ингер капошилась полуодетая, да она уж успела подоить корову и коз.

Когда ребенок умолк, Исаак спросил:

– Ты уж справилась?

– Да, справилась.

– Так.

– Он родился в вечер, как ты уехал.

– Так.

– Я только хотела прибраться и повесить люльку, чтоб все приготовить; да насилу успела, потом сразу начались боли.

– Отчего ж ты меня не предупредила?

– Разве я могла знать в аккурат время! Это – мальчик. Никак не могу придумать, как его назвать, – сказала Ингер.

Исаак увидел маленькое красненькое личико, правильное и без заячьей губы, а головка густо поросла волосами. Настоящий здоровый мужичок, отвечающий своему званию и положению в ящике. Исаак почувствовал себя каким-то чудным, размякшим; мельничный жернов стоял перед чудом, оно зародилось когда-то в священном тумане и в жизнь явилось с крошечным личиком, как загадка. Дни и годы превратят это чудо в человека...

– Пойди поешь, – сказала Ингер...

Исаак расчищает лес и рубит дрова. Он уже теперь не то, что вначале, у него есть пила, он пилит дрова, и поленицы становятся огромными, он строит из них улицу, целый год. Ингер теперь больше привязана к дому и не может так часто навещать мужа за работой, но зато сам Исаак частенько навещает домой. И чудно же иметь такого маленького мальчишку в ящике!

Исааку и в голову не приходило беспокоиться о нем, да к тому же он был просто чурбанчик, пусть себе полеживает! Однако он все-таки был человек и не мог безучастно слышать крик, да еще такой жалобный крик.

– Да нет же, не бери его! – говорит Ингер, – у тебя, наверно, руки в смоле! – говорит она.

– У меня руки в смоле? Ты с ума сошла! – отвечает Исаак, – у меня руки не бывают в смоле с тех пор, как я построил этот дом. Дай сюда мальчишку, я его уйму!

– Нет, он сейчас и сам замолчит...

В мае к новому жилью в пустыне приходит из-за скал гостья, родня Ингер, она пришла издалека, и принимают ее радушно.

– Я пришла только посмотреть, как-то живется Златорожке с тех пор, как она ушла от нас!

– А об тебе-то маленьком, люди и не спросят! – жалобно говорит Ингер малютке.

– Да, вот оно что, – ну-ка погляжу, какой он. Вижу, вижу, мальчишка.

Лучше некуда! Ах, если б год тому назад мне сказали, Ингер, что я найду тебя здесь, с мужем и ребенком, за домом и богатством!

– Обо мне тебе нечего говорить. Это вот он взял меня такую, какая я была!

– А вы повенчались? Ах, как вы еще не повенчаны?

– Повенчаемся, когда придет время крестить вот этого мальчика, – говорит Ингер. – Мы бы уже давно повенчались, да все как-то не удосужиться. Что скажешь, Исаак?

– Повенчатся-то – ну, понятно.

– Ты не можешь, Олина, прийти к нам между работами присмотреть за скотиной, пока мы съездим? – спрашивает Ингер.

– Отчего же, – обещает гостья.

– Мы тебя отблагодарим.

– Да уж знаю, знаю... А вы уж опять что-то, вижу, строите. Что это вы строите?

Ингер пользуется случаем и говорит:

– Да спроси-ка его ты, мне он не говорит.

– Что я строю, – отвечает Исаак, – не стоит и речи. Амбарчик на случай, если понадобится. А что это ты говорила про Златорожку, ты хотела посмотреть ее? – спрашивает он гостью.

Они идут в хлев, показывают корову и телку, бык – просто чудо, гостья распинается насчет скотины и насчет самого хлева; все самого наилучшего сорта, а чистота прямо замечательная...

– Да уж я знаю, на Ингер можно положиться во всем, что касается ласки и заботливого обхождения со скотиной! – говорит женщина.

Исаак спрашивает:

– Так, стало быть, Златорожка жила раньше у тебя?

– Как же, еще телушкой! Правда, не прямо у меня, а у моего сына, да ведь это все равно. У нас и сейчас в хлеву ее мать!

Исаак давно уже не слышал более отрадных слов, и с души его сваливается бремя, он знает, что Златорожка теперь принадлежит Ингер и ему по праву.

Сказать по правде, он готов был прийти к печальному выводу в своих сомнениях: зарезать по осени Златорожку, выскоблить шерсть из кожи, закопать рога в землю и таким образом изгладить всякие следы существования коровы Златорожки в этом мире. Теперь это становилось ненужным. Он преисполнился гордостью за Ингер и сказал:

– Ты говоришь, чистоплотна? Другой такой не сыскать! Просто удивительно, как мне повезло, что я раздобыл себе такую работающую жену!

– Да разве иного можно было ожидать! – ответила Олина.

Эта женщина, пришедшая из-за гор, скромная и с деликатным говором женщина, толковая женщина, по имени Олина, пробыла у них два дня, и ей отвели для сна клеть. Когда она собралась домой, Ингер дала ей немножко шерсти от своих овец; она почему-то спрятала узелок от Исаака.

Ребенок, Исаак и его жена – мир опять стал тем же, ежедневная работа, много мелких и крупных радостей: Златорожка доилась отлично, козы принесли козлят и давали много молока, Ингер наготовила целую вереницу белых и красных сыров и поставила их созреть. Она задумала накопить столько сыров, чтоб купить на них ткацкий станок – ох уж эта Ингер, – и ткать-то она умела! Исаак строил амбар, должно быть у него тоже был свой план. Он сколотил из двойных досок новую пристройку к землянке, проделал в ней дверь и маленькое хорошенькое оконце в четыре стекла, потом настлал крышу из теса и стал ждать, пока почва просохнет, и можно будет нарезать дерну. Только необходимое и полезное, ни пола ни струганых стен, а потом Исаак выдолбил колоду, словно бы для коня и сделал ясли. Май был на исходе. Солнце обсушило пригорки, Исаак покрыл свой амбар дерном, и он стоял готовенький.

И вот, однажды утром он наелся на целые сутки, захватил с собой еще еды, вскинул на плечо заступ с лопатой и пошел в село.

– Принеси мне четыре аршина ситцу! – крикнула ему Ингер.

– На что он тебе? – спросил Исаак.

Похоже было, что ушел навсегда. Ингер каждый день смотрела на небо, определяла направление ветра, словно ждала морехода, по ночам выходила на двор и прислушивалась, подумывала даже взять на руки ребенка и пойти разыскивать мужа. Наконец, он вернулся с лошадей и повозкой.

– Тпруу! – громко сказал Исаак, остановившись у двери, и хотя лошадь была смирная и приветственно заржала, почуяв в землянке знакомых, Исаак крикнул в горницу:

– Выйди-ка, поддержи лошадь!

Ингер выскочила.

– Что это? – воскликнула она. – Ах ты, Исаак, неужто тебе опять ее дали!

Да где ты пропадал столько времени? Ведь нынче шестой день.

– Где ж мне быть? Пришлось побывать во многих местах, чгоб достать телегу. Подержи-ка лошадь, говорят тебе!

– Телегу? Да ведь не купил же ты телегу?!

Исаак нем, Исаак точно налит немотой. Он принимается вытаскивать из телеги привезенные плуг и борону, гвозди, съестные припасы, долото, мешок с ячменем.

– А как ребенок? – спрашивает он.

– Ребенку ничего не делается. Так ты купил телегу, спрашиваю. А я-то все мучаюсь и мучаюсь из-за ткацкого станка, – сказала она прямо-таки даже шутливо, до того обрадовалась, что он снова дома.

Исаак опять долго молчит, занятый своим, он думал и осматривался, куда девать все привезенные товары и снаряжение; кажется, не так-то легко найти для них место во дворе. Но когда Ингер перестала выспрашивать и пустилась вместо того разговаривать с лошадью, Исаак нарушил молчание:

– Видала ты разве крестьянский двор без лошади и телеги, без плуга и бороны, и без всего, что полагается? А раз уж ты хочешь знать, так я купил и лошадь, и телегу, и все, что в ней лежит, – ответил он.

Ингер только и могла покачать головой и проговорить:

– Спаси тебя Христос и помилуй!

А Исаак – теперь он не чувствовал себя маленьким и жалким, он словно бы рассчитался с женой за Златорожку и рассчитался по-барски:

– Пожалуйста, от нас – лошадку, да еще за наличные денежки! – Он был так возбужден, что потрогал еще раз плуг, приподнял его одной рукой, – отнес к стене избы и поставил там. Ведь здесь распоряжался он! А потом вынул борону, грабли, новые купленные вилы, все – драгоценные земледельческие орудия, сокровище для новосела. Великолепно, полное оборудование, теперь у него есть все, что нужно.

– Гм. Добудем как-нибудь и станок, – сказал он, – было бы у меня здоровье.

Вот ситец, кроме синего, никакого не было.

Он был неисчерпаем и расточал дары. Словно приехал из города.

Ингер говорит:

– Жалко, что Олина не видала всего этого, когда была здесь.

Сушья чепуха и женское тщеславие, и муж только хмыкнул на ее слова. Но, конечно, и он тоже ничего не имел против того, чтоб Олина видела все это великолепиие.

Заплакал ребенок.

– Ступай к парнишке, – сказал Исаак, – лошадь уж успокоилась.

Он отпрягает и ведет лошадь в конюшню – ставит собственную лошадь в конюшню! Он кормит и гладит, и ласкает ее. Сколько он остался должен за лошадь и телегу? Все, всю сумму, огромный долг; но к осени он его заплатит.

У него есть на это дрова, немножко прошлогодней бересты и, наконец, порядочный запас хороших бревен. За этим дело не станет. Потом, когда волнение и задор поулеглись в его душе, он пережил много часов горьких опасений и заботы, теперь ведь все дело зависело от лета и осени, от урожая! Дни уходили на работу над землей, и опять на работу над землей, он расчистил новые небольшие участки от корней и камней, вспахал, унавозил, заборонил, взмотыжил, растирал комья руками, ногами, ухаживал за землей всякими способами и превратил поля в бархатный ковер. Подождал еще дня два, – как будто собирался дождь, тогда он посеял ячмень.

Многие сотни лет деды его сеяли ячмень; то был акт, совершаемый с благоговением в тихий и теплый безветренный вечер, всего лучше перед несомненным мелким дождичком, и как можно скорее после весенней тяги диких гусей. Картофель – это новый овощ, в нем не было ничего мистического, ничего религиозного, его могли сажать и женщины и дети; эти земляные яблоки, вывезенные из чужих краев, как кофе, – сытый и чудесный продукт, но сродни репе. Ячмень же – это хлеб, ячмень или нет ячменя – это жизнь или смерть. Исаак шагал с обнаженной головой, призывая имя Иисуса, и сеял; он был похож на чурбан с руками, но душой был словно младенец. Заботливо и нежно кидал он каждую пригоршню, был кроток и покорен. Ведь прорастут же эти ячменные глазки и превратятся в колосья с множеством ячменных зерен, и так повсюду на земле, где сеют ячмень. В Иудее, в Америке, в Гульдбрандской долине – ох, как огромен мир, а крошечный кусочек, который засеивает Исаак – в

центре всего. Лучистым опахалом сыпался ячмень из его руки, небо было облачно и мягко, предвещало упорный мелкий дождь.

Глава IV

Время между сенокосом и жатвой проходило, а женщина Олина все не появлялась.

Исаак разделался теперь с землей, приготовил к сенокосу две косы и двое граблей, приделал к телеге длинный кузов, чтоб возить в ней сено, смастерил полозья и оглобли для саней на зиму. Много сделал полезных дел. А что касается до двух полок на стене в горнице, то он устроил и их так, что на них можно было класть разные вещи: и календарь, который он, наконец, купил и мутовки, и поварешки, не находящиеся в употреблении. Ингер говорила, что эти две полки сущая благодать!

Ингер все казалось благодатью. Вот и Златорожка уж не порывалась больше убежать, а преспокойно поживала себе с теленком и быком и целыми днями ходила по лесу. Вот и козы нагуляли тело и чуть что поволочат тяжелое вымя по земле. Ингер сшила длинную рубашку из синего ситцу и такой же чепчик, прелесть какой хорошенький, и это был крестильный наряд. Сам мальчуган лежал тут же и следил глазками за работой; мальчик был хоть куда, и когда она наконец решила назвать его Елисеем, то Исаак не стал возражать. Когда рубашка была готова, оказалось, что она на целых два локтя длиннее, чем надо, а каждый локоть ситца стоил денег, но что ж поделаешь, ребенок то был ведь первенький.

– Если когда-нибудь твои бусы могут пригодиться, так именно в этот раз! – сказал Исаак.

О, Ингер уж и сама подумала о них, о бусах-то, не даром же она была мать и, как все матери – глупая и гордая. Бусы нельзя было надеть на шейку мальчугану, но если нашить их на чепчик, будет очень красиво. Она так и сделала.

А Олина не шла.

Не будь скотины, можно было бы уехать всем вместе и вернуться через три–четыре дня с окрещенным младенцем. А не будь этого самого венчания, Ингер могла бы поехать одна.

– Не отложить ли нам пока венчание? – сказал Исаак. Ингер ответила:

– Раньше десяти-двенадцати лет Елисея нельзя будет оставить дома одного и поручить ему скотину!

Нет, значит, надо Исааку что-нибудь придумать. Собственно, все началось как-то без начала, может быть, венчание так же нужно, как крестины, почему он знает. Погода стала поворачивать на засуху, на настоящую знойную сушь; если скоро не выпадет дождь, все всходы погибнут; но на все воля Господня.

Исаак собрался ехать в деревню за кем-нибудь. Опять надо было проехать много миль.

И вся эта суматоха ради венчания и крестин! Поистине, у людей земли много мелких и крупных огорчений.

Но вот Олина пришла...

Теперь они были повенчаны, ребенок окрещен. Они даже позаботились раньше повенчаться, чтоб ребенка записали законным. А сушь продолжалась и палила маленькие ячменные поля, палила бархатные ковры муравы, а за что? Все в деснице Господней. Исаак скосил свои лужки, немного травы с них набралось, хотя весной он их и унавозил; он выкосил косогоры, дальние луговины, и не уставал косить, сушить и возить домой корм, потому что у него была лошадь и большое стадо. А в середине июля пришлось ему скосить на зеленый корм и ячмень, больше ни на что он не годился. Так что теперь одна надежда на картофель!

Как же обстояло дело с картофелем? Действительно ли он только особый сорт чужеземного кофе, и без него можно обойтись? О, картофель замечательный овощ, он выдерживает засуху, выдерживает сырость, а сам растет. Он не боится никакой погоды и удивительно вынослив, а если человек мало-мальски за ним поухаживает, он отплачивает в раз пятнадцать. Дело в том: кровь у картофеля не та, что у винограда, но мясо такое же, как у каштана, его можно варить и жарить, и он годится на все. Если у человека нет хлеба, но есть картофель, он не осужден на голод. Картофель можно печь в горячей золе и есть за ужином, его можно сварить в воде и подать на завтрак. А каких приправ он требует? Немного, картофель неприхотлив: кринки молока, селедки для него довольно, богачи едят его с маслом, бедняки посыпают солью с блюдечка; Исаак же по воскресеньям поедал его с доброй кринкой кислого Златорожжина молока.

Пренебрегаемый и благословенный картофель! Но теперь дело оборачивалось плохо и для картофеля.

Исаак несчетное число раз в день поглядывал на небо, небо было синее. По вечерам частенько смахивало на дождик. Исаак входил в избу и говорил:

– Сдается, что будет-таки дождик!

Часа через два всякая надежда опять исчезала. Засуха продолжалась уже семь недель, жара стояла невыносимая, картошка всю эту пору цвела сильным цветом, цвела неестественно и чудовищно.

Поля издали казались покрытыми снегом. Чем же все кончится? По календарю ничего нельзя было узнать, теперешние календари ведь не то, что прежние, они ни к чему. Опять стало показывать на дождик, Исаак пошел к Ингер и сказал:

– С божьей помощью нынче ночью будет дождь!

– Разве на то похоже?

– Да. И лошадь мотает головой над кормушкой. Ингер выплянула в дверь и сказала:

– Да, ужо увидишь.

Упало несколько капель. Часы текли, они поужинали, когда Исаак ночью вышел на двор, небо было синее.

– Ах ты Господи! – сказала Ингер. – Но зато к завтраму и последний ягель твой просохнет, – прибавила она и постаралась хорошенько его утешить.

Да, Исаак набирал ягелю, и накопил его очень много самого отборного сорта. Это был драгоценный корм, он сушил его, как сено, и накрывал берестой в лесу. У него оставалась неприкрытой только одна небольшая кучка, оттого он и ответил Ингер с таким глубоким отчаянием и апатией:

– Я все равно не стану убирать его, хоть бы он и просох.

– Что ты врешь! – сказала Ингер.

На следующий день он и в самом деле не убрал ягель, так как было сказано, – не убрал, и все тут. Пусть себе стоит, дождя все равно не будет, пусть себе стоит с богом! Свезет как-нибудь перед Рождеством, если солнце не спалит его до тех пор!

Так сильно и глубоко он чувствовал себя обиженным, совсем не стоило сидеть на пороге и смотреть на землю и владеть ею. Вон,

картофельные поля горят безумным цветом и сохнут, так пусть же и ягель лежит, где лежал, сделайте одолжение! Но, может быть, Исаак таил кое-какую хитренькую мыслишку при всем своем огромном простодушии, может, он делал это из расчета и хотел подразнить синее небо перед новолунием.

К вечеру опять стало показывать на дождь.

– Ты бы убрал ягель, – сказала Ингер.

– Зачем это? – спросил Исаак и притворился чрезвычайно удивленным.

– Да, да, ты все представляешься, а может пойти дождь.

– Ты ведь видишь, что в нынешнем году не будет дождя.

Однако ночью окно вдруг что-то потемнело, похоже стало, будто кто мазал по нему и мочил его. Что бы это такое было?

Ингер проснулась и сказала:

– Вот и дождь, посмотри на стекла! Исаак только хмыкнул и ответил:

– Дождь? Это не дождь. Не понимаю, о чем ты говоришь!

– Перестань врать! – сказала Ингер.

Исаак и в самом деле врал. И обманул только самого себя. Конечно, это был дождь, и даже настоящий здоровый ливень, но, хорошенько промочив Исааку ягель, он перестал. Небо было синее.

– Ведь я же говорил, что не будет дождя, – сказал Исаак упрямо и довольно злобно.

Для картофеля этот ливень был все равно что ничего, а дни приходили и уходили, небо было синее. Тогда Исаак начал работать над дровнями, работал усердно, смилив свое сердце, покорно строгал полозья, о-ох, – Господи! Да, дни приходили и уходили, ребенок рос, Ингер била масло и варила сыр, в сущности не так уж оно было страшно, один год неурожая работающим людям в деревне можно пережить. Да кроме того – когда миновали девять недель, дождь полил на славу, зарядил на целые сутки, шестнадцать часов как из ведра, небеса разверзлись. Будь это недели две тому назад, Исаак сказал бы:

– Слишком поздно! Теперь он сказал Ингер:

– Увидишь, он немножко поправит картошку!

– Если бы, – успокоительно сказала Ингер, – он все поправит!

И действительно, все как будто ожило, дождь поливал каждый день, трава зазеленела, точно по волшебству. А картошка все цвела, даже сильнее, чем раньше, и на ней выросли крупные ягоды; это-то, положим, было правильно, но никто не знал, что с ней делается в земле, Исаак не решался посмотреть. И вот, однажды Ингер пришла с двадцатью мелкими картофелинками, собранными с одного куста.

– А ей расти еще пять недель! – сказала Ингер.

Ах, эта Ингер, и всегда-то она утешала и говорила ласковые слова своим заячьим ртом. Да и говорила-то плохо, шепелявила и шипела, словно клапан, из которого выходит пар; но приятно было слушать ее утешения в этой плуши.

И характер у нее был жизнерадостный.

– Сделал бы ты еще одну кровать! – сказала она Исааку.

– Ну, – отозвался он.

– Хорошо, хорошо, ведь это не горит.

Они начали рыть картошку и выкопали всю к Михайлову дню, по старинному обычаю. Год вышел средний, хороший год, опять оказалось, что картошка не так уж требовательна к погоде, а растет несмотря ни на что и может выдержать, что угодно. Разумеется, не сравнить с настоящим средним годом, хорошим годом, когда дождей выпадает сколько надо, но они и так не могли пожаловаться. Однажды мимо проходил лопарь и подивился, как много у новоселов картошки.

– В деревнях она уродила гораздо хуже, – сказал он. У Исаака опять выдалось несколько недель на работу над землей до наступления заморозков.

Скотина ходила по полям и паслась, где вздумается. Исааку было приятно работать поблизости и слушать колокольчики; правда, это подчас отвлекало его, потому что бык стал баловной, раскидывал кучи ягеля, а козы карабкались и залезали всюду, даже на крышу землянки.

Мелкие и крупные заботы.

Однажды Исаак услышал сердитый крик: Ингер стоит на пороге, держа ребенка на руках, и показывает пальцем на быка и на молоденькую телку Сребророжку – они милуются. Исаак бросает мотыгу и бежит к ним, но уж поздно, беда уже случилась.

Исаак уводит ее в хлев, но все равно – уже поздно.

– Ишь ты, дрянь, раненько начала, всего-то год отроду, на полгода раньше, колдовка, девчонка!

– Да, да, – говорит Ингер, – но с одной стороны, оно и хорошо, а то обе коровы отелились бы по осени.

Ох, Ингер, голова у нее не очень толковая, но, может быть, она и знала, что делала, выпуская утром Сребророжку вместе с быком.

Пришла зима. Ингер чесала шерсть и пряла, Исаак возил дрова, огромные возы сухих дров; весь долг был уплачен, лошадь и телега, плуг и борона – все стало его собственностью. Он уезжал с приготовленными Ингер козьими сырами и приезжал то с пряжей, ткацким станком, мотовилом, веретеном, то с мукой и разными припасами, то с досками, тесом и гвоздями; однажды он привез лампу.

– Провалиться мне на месте, ты прямо колдун! – сказала Ингер, хотя давно уже догадывалась, что лампа будет.

Они зажигали ее по вечерам и чувствовали себя, как в раю, а маленький Елисей, наверное, думал, что это солнце.

– Посмотри, как он дивится! – говорил Исаак. Ингер стала прясть при лампе.

Исаак привез холста на рубахи и новые комаги для Ингер. Она просила привезти разных красок для шерстяной пряжи, он привез. Но однажды он привез часы. Что такое? Часы! Ингер точно с неба свалилась и несколько минут не могла вымолвить ни слова. Исаак осторожно и бережно повесил часы на стену, поставил наобум, подтянул гири и пустил бой. Ребенок повернул глазки на гулкий звук, потом перевел их на мать.

– Да уж, можешь подивиться! – сказала она, взяла мальчика на руки и сама взволновалась. Потому что из всех благ в одинокой жизни ничто не могло сравниться со стенными часами, которые идут себе во всю темную зиму и звонко отбивают каждый час.

Но вот дрова свезены, Исаак опять стал уходить в лес рубить дрова, опять прокладывал улицы и строил город из дров на будущую зиму. Он отходил все дальше и дальше от дома, большой бугор стоял уже совсем лысый и готовый для обработки, и Исаак уже не вырубал дочиста делянки, а сваливал только самые старые деревья с сухими верхушками.

Разумеется, он давно понял, для чего Ингер сказала ему про кровать, надо было поторопиться и не откладывать этого дела в долгий ящик. Раз в темный вечер он вернулся из лесу, а дома уж все

было готово, семья прибавилась, опять мальчик, Ингер лежала. И хитрая же эта Ингер, утром она непременно хотела спровадить его в село.

– Ты бы промял немножко лошадь, – сказала она, – она только стоит и роет копытом колоду.

– Мне некогда заниматься такой ерундой, – ответил Исаак и ушел.

Теперь он понял, что она просто хотела избавиться от него, а зачем это? Он бы пригодился и дома.

– Почему это ты никогда не можешь знать заранее? – спросил он.

– Теперь сделай кровать для себя, и переходи спать в клеть, – ответила она.

Впрочем, одной кровати было еще мало, надо было и постель для нее. У них было только одно одеяло, а нового нельзя было сделать до осени, когда они собирались колоть барашков, но даже и тогда вряд ли вышло бы целое одеяло из каких-нибудь двух-трех овчин. Исаак здорово мерз по ночам, он пробовал зарываться в сено под выступом скалы, пробовал ложиться к коровам, и чувствовал себя заброшенным и одиноким. Счастье, что стоял май, потом придет июнь, июль...

Удивительно, сколько было сделано в пустыне: жилье для людей, и скотный двор, и возделанные поля, и все в три года. Что такое опять строил Исаак?

Новый амбар, кладовую, пристройку к избе. Весь дом сотрясался и гремел, когда он вгонял восьмидюймовые гвозди. Ингер выходила и просила его пожалеть ребят. Ну да, ребята, поболтай с ними пока что, спой что-нибудь, дай Елисею ведерко, пусть постучит в него! Больших гвоздей не так много, вот только здесь их и надо вбить, в пазы, они будут держать всю пристройку.

А потом пойдут уж только доски и двухдюймовые гвозди, пустяковая работа.

Разве можно было обойтись без этого стука? Ведь вот, бочки с сельдями и муку, и все припасы ставили в конюшне, чтоб не оставлять под открытым небом, но свинина отзывалась навозом, кладовая прямо необходима. А мальчуганы пусть приучаются к ударам молотка по стене. Елисей, правда, стал немножко худенький и бледный, но зато второй, тот сосал, чисто божий ангел, и когда не кричал, то спал. Замечательный парнишка. Исаак не спорил против того, чтоб его

назвать Сивертом; пожалуй, это всего лучше, хотя сам он наметил было – Яков. В некоторых случаях Ингер рассуждала правильно: Елисея назвали в честь священника из ее села, а это благородное имя, а Сивертом звали Ингерова дядю, окружного казначея, того самого, что был холостяк, богачей и не имел наследников. Чего ж для ребенка лучше, как назвать его по имени этого дяди?

Опять наступил весенний перерыв в работе, и все на земле готовилось встречать Троицу. Когда у Ингер был только Елисей, она никак не могла урвать время, чтоб помочь мужу, первенец поглощал все ее внимание; теперь, когда у нее стало двое детей, она расчищала землю и делала многое другое: целыми часами сажала картошку, посеяла морковь и репу. Такую жену не скоро найдешь. А ко всему этому, разве она не ткала? Она пользовалась каждой минутой, чтоб побежать в клеть и спустить пару шпук, и выходила у нее полшерстяная ткань для нижнего белья на зиму. А потом окрасила пряжу и наткала синего и красного холста себе и ребятам, подбавила еще цветной пряжи и сшила тюфяк Исааку, Все необходимые и полезные вещи, и вдобавок такие прочные!

Ну, и вот семья новоселов стала крепко на ноги, и если урожай выдастся хороший, то им можно будет позавидовать. Чего еще не хватает? Разумеется сеновала, овина с молотильным током, это цель на будущее, и она будет достигнута, как и остальные цели, дай только время! Вот и маленькая Сребророжка отелилась, козы принесли козлят, овцы ягнят; молодняк так и кишел на пастбище. А люди? Елисей уже бойко разгуливал на собственных ножках, а маленького Сиверта окрестили. Ингер? Должно быть опять затяжелела, очень уж раздобрела. Что такое прежде был для нее ребенок? Ничего – то есть очень много, хорошенькие малютки, она гордилась детьми и давала понять, что не всем бог дает таких больших и красивых детей. Ингер усердно наверстывала молодость. У нее было обезображенное лицо, и она прожила молодые годы, как отщепенка, парни не смотрели на нее, хотя она умела и плясать и работать, они пренебрегали ее лаской, отворачивались – теперь настало ее время, она развернулась, зацвела пышным цветом и носила детей.

Сам Исаак, хозяин, остался тем же серьезным и угрюмым, но ему везло, и он был доволен. До прихода Ингер он жил смутной и тусклой жизнью, знал только картошку да козье молоко, да смелые кушанья

без названия; теперь он имел все, что мог пожелать человек в его положении.

Снова настала засуха, снова неурожай. Лопарь Ос-Андерс, приходивший со своей собакой, рассказывал, что народ в деревнях скопил ячмень на корм скоту.

– Да неужто? Стало быть, совсем уж плохо? – спросила Ингер.

– Да. Но у них был хороший лов сельдей. Дядя твой Сиверт здорово нажился.

– У него и раньше кое-что было! И в котелке и в печке!

– Точь-в-точь, как у тебя, Ингер!

– Да, слава богу, не на что пожаловаться. Что же про меня говорят дома?

Ос-Андерс качает головой и льстит: у него и слов нет, чтоб передать.

– Если хочешь кружку парного молока, так скажи, – говорит Ингер.

– Не беспокойся! Вот разве чуточку собаке. Появилось молоко, появился корм для собаки. Лопарь услышал музыку из горницы и насторожился:

– Что это?

– Это бьют наши часы, – отвечает Ингер, готовая лопнуть от гордости.

Лопарь опять покачал головой и сказал:

– У вас есть дом, и конь, и деньги, скажи мне, чего у вас нет!

– Да, мы уж и не знаем, как благодарить бога.

– Олина велела тебе кланяться.

– А-а! Как она поживает?

– Ничего. А где твой муж?

– Пашет.

– Говорят, он не купил землю? – бросает лопарь.

– Не купил? Кто это говорит?

– Люди говорят.

– Да у кого ж ее было покупать? Ведь это пустошь.

– Да, да.

– А поту он положил на эту землю немало!

– Они говорят, это государственная земля, Ингер ничего не поняла и сказала:

– Ну, может быть. Уж не Олина это говорила?

– Не помню, кто, – ответил лопарь, шныряя по сторонам лукавыми глазами.

Ингер удивлялась, что он ничего не выпрашивает, Ос-Андерс всегда что-нибудь выпрашивал, как все лопари; они всегда клянчат. Ос-Андерс сидит ковыряет в своей глиняной трубке и раскуривает ее. Вот так трубка, он курит и дымит так, что все его старое сморщенное лицо превращается в руническую надпись.

– Ну, мне не за чем спрашивать, твои ли это дети, – подлизывается он. – До того они похожи на тебя. Вылитая ты, когда была маленькой!

Ингер была урод и страшилище – разумеется, это глупо; но она все-таки вспыхнула от гордости. Даже лопарь может обрадовать материнское сердце.

– Если б мешок твой был не так набит, я бы дала тебе кой-чего, – сказала она.

– Нет, не беспокойся!

Ингер с ребенком уходит в дом, а Елисей тем временем остается с лопарем.

Они отлично ладят друг с другом, мальчик видит в мешке у лопаря что-то чудное, мохнатое, хочет потрогать. Собака возле повизгивает и влаивает.

Когда Ингер выходит с припасами, она слегка вскрикивает и садится на пороге:

– Что это у тебя? – спрашивает она.

– Ничего. Заяц.

– Я видела.

– Парнишка твой захотел посмотреть. Собака подняла его сегодня и прикончила.

– Вот тебе еда! – сказала Ингер.

Глава V

Старинным опытом установлено, что неурожаи следуют один за другим по крайней мере два года подряд. Исаак набрался терпения и примирился со своей судьбой. Ячмень сторел, сбор сена был посредственный, но картошка как будто опять выправлялась, так что, хоть и было плохо, но до голода еще далеко. У Исаака же были вдобавок дрова, да бревна для стройки, которые можно было свезти в село, а так как по всему берегу шел лов сельдей, то денег на покупку дров у людей было вдоволь. Уж не перст ли провидения, что ячмень не уродился? Где бы он стал молотить его без овина с током? Пусть хоть перст провидения, в конце концов не беда.

Другое дело, что появились новые загвоздки и тревожили его. Что такое сказал Ингер летом какой-то лопарь – что он не купил землю? Разве ему надо покупать, зачем это? Земля лежала себе полеживала, лес стоял-постаивал, он все обработал, построил жилье в непроходимой глуши, кормил свою семью и свою скотину, никому не был должен и работал, работал без устали. Бывая в селе, он много раз собирался потолковать с ленсманом, но все откладывал; ленсмана не очень хвалили, а Исаак был неречист. Что он скажет, когда придет, как объяснит, в чем дело?

Однажды зимой ленсман сам приехал к новоселам, с ним был человек и пропасть бумаг в портфеле – и был это сам ленсман Гейслер. Он увидел большой открытый бугор, очищенный от леса и ровно круглившийся под снегом, подумал, что все пространство также обработано, и сказал:

– Да ведь это большое поместье; что ж ты думаешь, такую штуку можно получить задаром?

Вот оно! У Исаака сердце захолонуло от страха, и он не ответил.

– Тебе бы следовало приехать ко мне и купить землю, – сказал ленсман.

– Так.

Ленсман говорил об оценке, размежевании, обложении, – сказал: государственный налог – и по мере разъяснения слова его казались

Исааку все менее и менее несообразными. Ленсман обратился к своему спутнику:

– Ну, ты, таксатор, как велико угодье?

Но не стал ждать ответа и записал площадь участка наобум. Спросил Исаака о количестве возов сена, мер картофеля. А как же им быть с межеваньем? Ведь нельзя же произвести размежеванье в лесу по пояс в сугробах, а летом сюда не добраться. Во сколько сам Исаак считает лес и выгон?

Этого Исаак не знал; до сих пор он считал своим все, что видел. Ленсман сказал, что казна требует определенного надела.

– Чем больше у тебя участок, тем дороже он стоит, – сказал он.

– Так.

– Да. И дают тебе не все, сколько ты схватишь глазом, а по твоей потребности.

– Так.

Ингер принесла молока, и ленсман с провожатым стали пить. Она принесла еще. Это ленсман-то строгий? Он даже погладил Елисея по голове и спросил:

– Он играет в камешки? Покажи камни. Что это такое? Какие тяжелые, должно быть в них какой-нибудь металл.

– Таких в горах очень много, – сказал Исаак. Ленсман вернулся к делу:

– Наверно, тебе всего дороже земля на юг и на запад? – спросил он Исаака.

– Скажем: четверть мили на юг?

– Целых четверть мили на юг?

– Целых четверть мили! – воскликнул его спутник.

– Не два же аршина обрабатываешь, – оборвал ленсман.

– А что стоит четверть мили? – спросил Исаак.

– Не знаю, да и никто не знает. Я назначу невысокую цену, ведь это глушь, за много миль от жилья, и никаких средств сообщения.

– Да, но целых четверть мили! – опять вмешался спутник.

Ленсман записал четверть мили на юг и спросил:

– А в сторону скал?

– Тут мне надо бы до воды. Там большое озеро, – ответил Исаак.

Ленсман записал:

– А к северу?

– Там-то не так важно, – ответил Исаак. – Там болото и нет порядочного леса.

Ленсман написал по своему усмотрению восьмую мили.

– А на восток?

– Тоже все равно. Там голые скалы вплоть до Швеции.

Ленсман записал. Записав, он с минуту посчитал, потом сказал:

– Разумеется, это большое владенье, и если б оно находилось возле села, ни у кого не хватило бы средств купить его. Я назначу за все про все сто далеров. Как ты думаешь? – спросил он спутника.

Тот ответил:

– Да разве это цена!

– Сто далеров! – воскликнула Ингер. – Не бери такого большого участка, Исаак!

– Нет, – сказал Исаак.

Спутник подхватил:

– И я то же говорю! Что вы станете делать с таким большим участком?

Ленсман сказал:

– Обрабатывать.

Он сидел, трудился и писал, изредка в горнице раздавался детский плач, должно быть ему не хотелось переписывать сызнова, и так он попадет домой не раньше ночи, да нет, не раньше утра! Он решительно сложил бумаги в портфель:

– Ступай запрягай! – сказал он товарищу. Потом повернулся к Исааку и заявил:

– Собственно говоря, следовало бы отвести тебе это место задаром, да еще приплатить за твои труды. Я так и напишу в своем докладе. А там посмотрим, сколько с тебя возьмет казна.

Исаак – бог весть, как он себя чувствовал! Как будто он ничего не имел против высокой оценки своего участка и своих непомерных трудов. Должно быть, он не считал невозможным выплатить с течением времени сто далеров, поэтому ничего и не сказал; он будет работать как раньше, возделывать землю, превращать сухостой и валежник в дрова. Исаак не принадлежал к верхоядкам, не рассчитывал на случайности, он работал.

Ингер поблагодарила ленсмана и попросила его заступиться за них перед казной.

– Да. Но я ведь ничего не решаю, я только сообщаю свое мнение.
Сколько лет младшему?

– Ровно полгода.

– Мальчик или девочка?

– Мальчик.

Ленсман был не строгий, но легкомысленный и не очень добросовестный.

Своего землемера и таксатора, понятого Бреде Ольсена, он не стал слушать, важную сделку провел кое-как, крупное дело, решающее судьбу Исаака и его жены и судьбу их потомков, быть может, в бесчисленных поколениях, он закрепил письменно наобум, ленсман только писал. Но он отнесся к новоселам очень ласково, достал из кармана новенькую серебряную монету и вложил в ручку маленькому Сиверту, потом кивнул головой и пошел садиться в сани.

Вдруг он спросил:

– Как называется это место?

– Как называется?

– Ну да. Какое у него название? Надо записать название.

Об этом никто и не думал. Ингер и Исаак только переглянулись.

– Селланро? – проговорил ленсман. Слово просто пришло ему в голову, вряд ли даже это было вообще название, но он говорил:

– Так – Селланро! – кивнул головой и уехал. Все наобум – границы, цена, название... Несколько недель спустя, будучи в селе, Исаак узнал, что с ленсманом Гейслером неблагополучно; подняли вопрос о каких-то деньгах, в которых он не мог отчитаться, и его вызывали к амтману. Вот как неладно случается: иные люди живут без оглядки, пока не наткнутся на тех, что живут правильно!

Однажды Исаак отправился в село с одним из последних возов дров, и на обратном пути ему довелось подвезти на своих санях ленсмана Гейслера.

Ленсман вышел из лесу с ручным чемоданчиком и сказал:

– Подвези-ка меня!

Некоторое время оба ехали молча. Только раз ленсман достал из кармана бутылку и отпил из нее, предложил и Исааку, но тот отказался.

– Боюсь, как бы не застудить живот, – сказал ленсман. Он заговорил о земельном деле Исаака:

– Я сейчас же препроводил дело и дал очень теплый отзыв. Селланро – красивое название. Собственно, тебе следовало бы отвести участок бесплатно, но если б я так написал, казна непременно заартачилась бы и сама назначила бы цену. Я написал пятьдесят далеров.

– Так. А не сто далеров вы написали?

Ленсман сдвинул брови, припоминая:

– Насколько помнится, я написал пятьдесят далеров.

– Куда вы сейчас едете? – спросил Исаак.

– В Вестерботнию, в семью моей жены.

– Трудно будет добираться туда в эту пору года.

– Как-нибудь. Ты не проводишь меня немножко?

– Извольте. Одному плохо.

Они приехали в усадьбу к Исааку, и ленсман переночевал в клети. Наутро он снова отпил плоток из бутылки и сказал:

– Я непременно расстрою Себе желудок этой поездкой! – Он был такой же, как и в прошлый свой приезд, ласково-властный, но легкомысленный и мало занятый своей судьбой; может, впрочем, она была и не так уж печальна. Когда Исаак, набравшись храбрости сказал, что обработан не весь бугор, а только небольшая часть, несколько маленьких полосок, ленсман дал ошеломляющий ответ:

– Я это отлично знал, когда сидел здесь в прошлый раз и писал. А возница мой, Бреде, тот ничего не понимал, он болван. У них в департаменте имеется таблица. И вот если такое малое количество стогов сена и мер картофеля приходится на такой большой участок, какой мною показан, то департаментская таблица гласит, что это скверная земля. Я играл тебе в руку, и согласен лишиться царства небесного за это плутовство. Нам бы надо иметь тридцать две тысячи таких молодцов, как ты. – Ленсман мотнул головой и обратился к Ингер:

– Сколько времени младшему?

– Ему сейчас девять месяцев.

– Ага. Мальчик?

– Да.

– Но ты не теряй времени и покончи со всеми формальностями как можно скорей, – продолжал он, обращаясь к Исааку. – Один человек хочет купить место на полдороге от тебя до села, и тогда твой

участок поднимется в цене. Ты купи первый, а там пусть себе поднимается. Так, по крайней мере, тебе хоть что-нибудь останется за твои труды. Ты ведь первый шевельнул эту плушь.

Хозяева поблагодарили его за совет и спросили, не сам ли он оформит сделку. Он ответил, что сделал, что мог, остальное зависит от казны.

– Я сейчас еду в Вестерботнию и не вернусь, – сказал он равнодушно.

Он дал Ингер 24 скиллинга, и это было уж чересчур.

– Не забудь свезти немножко убоины моей семье, когда поедешь в село, – сказал он, – телятины или баранины, что у вас будет. Жена заплатит. Да захватывай с собой кой-когда головки две-три козьего сыру, дети у меня его очень любят.

Исаак проводил его через перевал, на вершине лежал твердый наст, так что идти было не трудно. Исаак получил за это целый далер.

Так и ушел ленсман Гейслер и не вернулся больше в село. «И бог с ним», – говорили люди, его считали ненадежным человеком и пройдохой. Не то, чтобы он был незнающий, нет, человек он был образованный и много учился, но с чересчур широким размахом, и не церемонился с чужими деньгами. Выяснилось, что Гейслер бежал после строгого письма амтмана Плеюма, но семье его ничего не сделали, и она долго жила спокойно в деревне – жена и трое детей.

Впрочем, в скорости недостающие деньги были присланы из Швеции, семья ленсмана перестала считаться как бы заложниками и продолжала жить на старом месте, потому что ей так нравилось.

Для Исаака и Ингер этот самый Гейслер оказался вовсе не плохим человеком, наоборот, бог знает, какой-то еще будет новый ленсман, может, всю сделку с участком придется переделывать наново.

Амтман послал в село одного из своих писцов, это и был новый ленсман. Был он мужчина лет за сорок, сын фохта, по фамилии Гейердаль; по бедности он не мог стать студентом и чиновником, а пятнадцать лет просидел в конторе амтмана и все писал. Не имея средств жениться он остался холостяком; амтман Плеюм получил его в наследство от своего предшественника и платил ему то же нищенское жалованье, что и прежний. Гейердаль получал свое жалованье и писал. Он превратился в угнетенного и изможденного

человека, но был надежен, честен, да и работник отличный, поскольку хватало его способностей и знаний. Сделавшись ленсманом, он начал проникаться чувством собственного достоинства.

Исаак набрался храбрости и пошел к нему.

– Дело Селланро – да, вот оно, вернулось из департамента. Они там запрашивают разные сведения, ведь все это настряпал ваш Гейслер, – сказал ленсман. – Королевский департамент желает знать, нет ли на твоём участке больших и особенно богатых морошковых болот. Есть ли строевой лес? Нет ли руд и разных металлов в окружающих горах? В деле упоминается про большое горное озеро, есть ли в нём рыба? Правда, Гейслер привел кое-какие данные, но он ведь такой человек, что на него нельзя положиться, мне приходится все проверять после него. Я приеду на твой участок, в Селланро, при первой же возможности, и все осмотрю и произведу оценку. Сколько туда миль?

Королевский департамент требует настоящего межеванья, и, разумеется, нам придется его произвести.

– Это трудно будет раньше второй половины лета, – сказал Исаак.

– Как-нибудь уж придется. Мы не можем оттягивать ответ департаменту до конца лета. Я приеду на днях. Заодно придется продавать от имени казны пахотный участок другому человеку.

– Не тому ли, что хочет купить место на полдороги от меня.

– Не знаю, может быть. Это здешний человек, мой таксатор, мой понятой.

Он просил разрешения на покупку у Гейслера, но Гейслер отказал и ответил, что он не может обработать даже двухсот аршин! Тогда человек этот сам написал амтману и теперь это дело перешло для отзыва ко мне. Ох уж, этот мне Гейслер!

Ленсман Гейердаль приехал к новоселам вместе с оценщиком Бреде; они промокли в болотах, и промокли еще больше, когда пришлось обходить границы по тающему весеннему снегу в горах. В первый день ленсман проявлял большое усердие, но на второй двигался утомленно и по большей части стоял под горой и только покрикивал, да показывал. Не было уже речи о том, чтоб «исходить горы вдоль и поперек», – а морошковые болота, – сказал он, – будут самым тщательным образом обследованы на обратном пути.

Департамент наметил много вопросов, должно быть, опять по какой-нибудь таблице. Единственный толковый вопрос был о лесе. Строевого леса, действительно, было немного, и он рос на участке Исаака, но продажного строевого леса не было, разве что для домашнего употребления. Но даже если б и был здесь строевой лес, кто мог бы его доставить за столько миль? Для этого надо быть таким мельничным жерновом, как Исаак, который в течение зимы свозил по нескольку бревен в село и получал в обмен доски и тес.

Оказалось, что замечательный этот Гейслер представил доклад, которым никак нельзя было пренебречь. И вот новый ленсман старался поймать его и найти какую-нибудь ошибку, но, в конце концов, бросил. Он только чаще, чем Гейслер, советовался со своим спутником и оценщиком, и считался с его словами, а оценщик, должно быть, переменялся и усвоил себе другую точку зрения с тех пор, как сам сделался покупателем казенных земель.

– А какая по-твоему, должна быть цена? – спросил ленсман.

– Пятьдесят далеров за глаза для всякого, кто захотел бы купить, – ответил оценщик.

Ленсман изложил это в затейливых словах. Гейслер писал: «Владельцу придется платить ежегодный налог, и он не видит возможности уплатить, в качестве покупной цены, больше пятидесяти далеров, с рассрочкой на десять лет. Казна вольна или согласиться на его предложение, или лишить его земли и плодов его труда».

Гейердаль написал: «Покупщик почтительно ходатайствует пред высоким департаментом о разрешении сохранить за собой землю, которая не принадлежит ему, но в которую он вложил значительный труд, за цену 50 – пятьдесят – спецедалеров, уплачиваемых в сроки по благоусмотрению департамента».

– Я думаю, мне удастся оставить за тобой участок, – сказал ленсман Гейердаль Исааку.

Глава VI

Сегодня старого быка уводят со двора. Он превратился в существо чудовище, да и содержать его стало чересчур дорого; Исаак решил свести его в село, сбить кому-нибудь и привести вместо него подходящего молодого быка.

Затеяла это Ингер, и Ингер-то, конечно, знала, что делала, выпроваживая Исаака из дому именно сегодня.

– Если уж идти, так ступай сегодня, – сказала она. – Бык откормлен, весной на кормленную убойну хорошая цена, его можно отправить в город, а там платят страсть какие цены.

– Да, да, – ответил Исаак.

– Вот только, не кинулся бы он на тебя, дорогой.

На это Исаак ничего не ответил.

– Впрочем, он целую неделю был на воле, огляделся и приобвык немножко.

Исаак молчал. Но заткнул за пояс большой нож и вывел быка.

Ну уж и бык, здоровенный и страшный, бока у него тряслись на ходу. Ноги короткие, когда он бежал, то ломал кустарники грудью, чисто паровоз. Шея толстая до уродства, в этой шее жила слоновая сила.

– Только бы он на тебя не кинулся, – сказала Ингер. Исаак ответил, помолчав:

– Ну, что ж, тогда я заколю его дорогой и снесу мясо. Ингер села на крыльце. Ее мучили боли, лицо было воспаленное, она держалась на ногах до ухода Исаака; но вот он скрылся в лесу с быком, и Ингер могла теперь стонать без опасений. Маленький Елисей спрашивает:

– Маме больно?

– Да, больно.

Он передразнивает мать, хватается за спину и стонет. Малютка Сиверт спит.

Ингер ведет Елисея с собой в горницу, сажает на пол и дает игрушек, а сама ложится в постель. Пришел ее час. Она все время в полном сознании, следит за Елисеем, бросает взгляд на стену, смотрит который час. Она не кричит, почти не шевелится; во внутренностях ее

происходит борьба, бремя внезапно выскользывает из нее. Почти в ту же минут она слышит незнакомый крик в своей постели, тоненький жалкий голосок, и уж не может оставаться спокойной, а встает и смотрит на постель. Что же она видит? Лицо ее мгновенно становится серым и теряет всякое выражение, всякий смысл.

Раздается стон, какой-то неестественный, невозможный, словно задушенный вой, вырывающийся из самого нутра женщины.

Она опускается на постель. Проходит минута, но нет ей покоя, слабый писк на постели становится громче, она снова приподнимается и смотрит – О, Господи, хуже нельзя и придумать, пощады нет – ребенок в довершение всего девочка!

Исаак отошел от дому, может быть, с полмили, едва ли миновал час после его ухода со двора. В течение десяти минут дитя было произведено на свет и убито...

Исаак вернулся на третий день, ведя на привязи тощего молодого быка, едва передвигавшего ноги; оттого путь и был так долог.

– Ну, как все обошлось? – спросила Ингер, хотя и сама была очень слаба и больна.

Все обошлось сносно. Бык взбесился на последней полмиле от села, Исааку пришлось привязать его и сбегать за помощью. Когда он вернулся, оказалось, что бык порвал привязь, и его целый час не могли найти. Ну да все устроилось, торговец, скупавший мясо для города, заплатил хорошо.

– А вот и новый бык, – сказал Исаак, – пусть дети подойдут и посмотрят!

Все с тем же интересом к каждому новому животному, Ингер осмотрела быка, ощупала его, испросила о цене; маленького Сиверта посадили ему на спину.

– А мне жалко старого быка, – сказала Ингер, – он был такой гладкий и умный. Хоть бы уж они зарезали его как следует!

Дни были посвящены обычной рядовой работе, скотина гуляла на воле, в пустом хлеву прорастал в ящиках и лукошках картофель, предназначенный для посадки. В этом году Исаак посеял ячменя больше прежнего и приложил все усердие, чтоб хорошенько запахать его в землю, разбил грядки для моркови и репы, а Ингер посеяла семена. Все шло по-старому. Некоторое время носила на животе торбу с сеном, чтоб казаться толще, постепенно она уменьшала количество

сена и наконец бросила торбу. В конце концов, Исаак заметил и с удивлением спросил.

– Что же это, разве нынче ничего не будет?

– Нет, – ответила она, – не будет.

– Ну. Отчего же?

– Так уж пришлось. Ты что же, Исаак, думаешь распахать все, сколько от нас видно!

– Скинула, что-ли? – спросил он.

– Да.

– Так. А сама-то ты не хвораешь?

– Нет. Я все думаю, хорошо бы нам завести свинью.

Неповоротливый умом Исаак ответил спустя минуту:

– Да, свинью. Я и сам подумываю о ней каждую весну. Но покамест у нас не будет много картошки, да еще полоски ячменя, нам ее не прокормить.

Посмотрим, что бог даст нынче.

– А уж как хорошо бы иметь свинью!

– Да.

Дни проходят, побрызгивает дождь, нивки и луг чудесно зеленеют, нынче будет урожай! Мелкие и крупные события сменяются одно за другим, это – еда, сон и работа, это – воскресенья с умыванием лица и расчесыванием волос.

Исаак сидит в новой красной рубахе, вытканной и сшитой Ингер. Но вот, ровная жизнь потревожена крупным происшествием: одна овца с ягненком затерялась где-то в скалах, остальные овцы пришли домой вечером, Ингер сейчас же хватилась двух пропавших, Исаак отправляется на поиски. И первая мысль Исаака, раз уж случилась беда, хорошо, что она случилась в воскресенье, и ему не нужно отрываться от работы. Он ищет много часов, выгон огромный, он ходит и ходит; дома все в волнении, мать успокаивает детей короткими словами: две овцы пропали, тише, вы! Все принимают участие в тревоге, все маленькое общество, даже коровы понимают, что происходит что-то необычное, и мычат, потому что Ингер по временам выходит во двор и громким голосом кричит по направлению к лесу, хотя скоро уж ночь. Это целое событие в пустыне, несчастье для всей коммуны. Уложив детей спать, Ингер тоже отправляется на

поиски. Изредка она аукает, но не получает ответа, должно быть, Исаак зашел очень далеко.

Господи, куда же это девались овцы, что с ними приключилось? Уж не медведь ли задрал их? А может волк забежал из Швеции или Финляндии? Ничего подобного. Когда Исаак находит овцу, оказывается, что она завязла в расщелине, у нее переломана нога и распорото вымя. Должно быть она попала в расщелину давно, потому что, хотя и поранена довольно сильно, выщипала траву кругом себя до самой земли. Исаак поднимает овцу и вытаскивает ее из расщелины, она сейчас же начинает щипать траву. Ягненок тут же принимается сосать мать, и раненому вымени сущее лекарство, что оно опрастывается.

Исаак набирает камней и заваливает опасную расщелину, предательскую расщелину; не придется ей больше переламывать овцам ноги! Исаак носит ременные подтяжки, он снимает их, обвязывает ими овцу, притянув порванное вымя. Потом вскидывает овцу на плечо и идет домой. Ягненок бежит следом.

А дальше? Лучинки и просмоленные тряпки. Через несколько дней овца начинает лягаться больной ногой, потому что рана затягивается, излом срастается. Так все и налаживается – до какого-нибудь нового происшествия.

Повседневная жизнь, события, целиком наполняющие новоселов. О, – это вовсе не мелочи, это судьба, сама жизнь, от этого зависит счастье, радость, благополучие.

В промежутки между полевыми работами Исаак обтесывает новые бревна, которые лежат у него, сложенные в кучу, наверное, опять что-нибудь задумал.

Кроме того, выламывает подходящие камни и приносит во двор; натаскав достаточно камней, складывает их грядкой. Будь это год тому назад, или около, Ингер заинтересовалась бы и стала бы добиваться, что такое затевает муж, но теперь она большей частью занималась своим делом и не задавала никаких вопросов. Ингер работает так же усердно, как и прежде, держит в порядке дом, детей и скотину, но она начала петь, чего раньше за ней не водилось; учит Елисея вечерним молитвам, этого раньше тоже не было, – Исааку не хватает ее вопросов. Ее любопытство и похвалы делали его счастливым и таким необыкновенным человеком, теперь она проходит мимо и не замечает,

что он убивается на работе. – Должно быть, она все-таки расстроилась в последний раз! – думает он.

Опять приходит в гости Олина. Будь все как в прошлом году, ее встретили бы с радостью, нынче не то. Ингер с первой же минуты встречает ее недружелюбно; неизвестно, по какой причине, Ингер относится к ней враждебно.

– А я-то думала, что опять попаду кстати, – деликатно сказала Олина.

– Как так?

– Да ведь надо бы крестить третьего. Разве нет?

– Нет, – ответила Ингер, – ради этого тебе не стоило беспокоиться.

– Ну. Вот оно что!

Олина начинает расхваливать мальчиков, как они выросли, какие стали хорошенькие, Исаака, который распахал столько земли и опять как будто что-то строит – просто чудеса, другого такого двора и не найти! Скажи ты мне, что это такое он строит?

– Этого я тебе не могу сказать, спроси у него самого.

– Нет, – сказала Олина, – это мне неудобно. Я только хотела посмотреть, как вы все здесь поживаете, потому что это для меня большая радость и облегчение. Ну, про Златорожку я не стану и спрашивать и поминать, она попала, куда следовало! Проходит некоторое время в дружной болтовне, и Ингер уже не так сердита. Когда часы на стене отбивают свои гулкие удары, у Олины на глазах выступают слезы, она никогда в жизни не слышала такого боя – чисто орган в церкви! Ингер снова преисполняется щедростью и великодушием к своей бедной родственнице и говорит:

– Пойдем в клеть, я покажу тебе свою тканьину! Олина остается весь день.

Она разговаривает с Исааком и расхваливает все его дела.

– Я слыхала, что ты откупил по миле во все стороны, неужто нельзя было взять задаром? Кто это тебе позавидовал?

Исаак слышит похвалы, которых ему так недоставало, и опять чувствует себя человеком:

– Я откупил у правительства, – отвечает он.

– Ну да, ну да, только оно могло бы не обдирать тебя так, это самое правительство! Что это ты строишь?

– Не знаю. Так пустяки.

– И все-то ты строишь! У тебя крашенные двери и часы с боем на стене, должно быть, строишь чистую избу?

– Будет тебе врать! – отвечает Исаак. Но он польщен и говорит Ингер:

– Сварила бы ты каши на кислом молоке для гостьи.

– Нету, – отвечает Ингер, – я только что сбила масло.

– Я не вру, я женщина простая и только так, спрашиваю, – спешит ответить Олина. – Ну если это не чистая изба, тогда это огромный амбар для всего твоего добра. У тебя и поля и луга, и все у тебя, чисто в Библии, течет молоком и медом.

Исаак спрашивает:

– А каковы виды на урожай в наших местах?

– Да ничего себе. Если Господь не спалит его и нынче, прости мои согрешенья! Все в Его воле и власти. Но такого замечательного урожая, как у вас здесь, в наших местах нигде и в помине нет, куда там!

Ингер расспрашивает про других своих родных, в особенности про дядю Сиверта, окружного казначея, он гордость семьи, у него и сети, и невода, он уж и сам не знает, что ему делать со всем своим богатством. Во время этого разговора, Исаак отходит все дальше на задний план, и его новые строительные затеи забываются. И вот он говорит, наконец:

– Ну, уж раз тебе непременно хочется знать, Олина, так я попытаюсь построить небольшой овин с молотильным током.

– Так я и думала! – отвечает Олина. – Люди, которые настоящие, всегда обдумывают все и наперед и назад, и все держат в голове. Речь, понятно, не о горшке и не о кружке, которые не ты выдумал. Так ты говоришь – овин с током?

Исаак – взрослый ребенок, он не выдерживает лести Олины и попадает на удочку.

– Что касаясь до нового строения, то в нем будет ток, так я себе наметил в мыслях, – говорит он.

– Ток! – восторженно произносит Олина и качает головой.

– На что же нам ячмень в поле, когда его нельзя обмолотить?

– Вот это самое и я говорю: ты все обмозговываешь у себя в голове.

Ингер снова нахмурилась, беседа между мужем и гостьей видимо раздражает ее, она неожиданно говорит:

– Каши на кислом молоке! Где же я тебе возьму кислого молока? Уж не в речке ли?

Олина чует опасность:

– Ингер, дорогая, Господь с тобой, о чем ты говоришь? Не говори ты о каше на кислом молоке и не поминай про нее! Это мне-то, которая побирается по дворам!

Исаак сидит некоторое время молча, потом говорит:

– Нет, что же это я расселся, когда мне надо ломать камни для стены!

– Да уж, не мало камней надо на такую стену!

– Камней то? – отвечает Исаак. – Да сколько ни таскай, все, словно, мало!

По уходе Исаака между обеими женщинами воцаряется больше согласия, у них столько разговоров о деревенских делах, часы бегут. Вечером Олине показывают, как разрослось стадо, три коровы с быком, да два теленка, да множество коз и овец.

– Когда же этому конец? – вопрошает Олина, возводя глаза к небу.

Она остается ночевать.

Но на следующий день уходит. Ей опять дают с собой узелок, и так как Исаак работает на каменоломне, она делает небольшой крюк, чтоб не попасться ему на глаза.

Через два часа Олина возвращается в усадьбу, входит в горницу и говорит:

– Где Исаак?

Ингер стоит и стирает. Она знает, что Олина должна была пройти мимо Исаака и детей, которые находятся в каменоломне, и сейчас же чует беду:

– Исаак? На что тебе Исаак?

– На что! Да ведь я с ним не попрощалась. Молчание. Олина вдруг опускается на скамью, словно ноги не хотят держать ее. Всем своим видом, особенно своим полуобморочным состоянием, она точно умышленно говорит о чем– то необычайном.

Ингер не в силах больше сдерживаться, лицо ее полно бешенства и страха, она говорит:

– Ос-Андерс принес мне от тебя поклон. Нечего сказать, хороший поклон!

– А что?

– Зайца.

– Что ты говоришь? – с удивительной кротостью спрашивает Олина.

– Не смей отпираться! – кричит Ингер, дико сверкая глазами. – Я заткну тебе ротку вальком! Вот тебе!

Неужели она ударила? Ну да. И когда Олина от первого удара не падает, а, наоборот, вскакивает и кричит:

– Берегись! Я знаю, что я про тебя знаю! – Ингер снова колотит вальком и валит Олину на пол, подминает под себя, давит коленками.

– Что ж, ты хочешь на смерть убить меня? – спрашивает Олина. Прямо над собой она видела ужасный рот с заячьей губой, высокую крепкую женщину с тяжелым вальком в руке. У Олины тело горело от ударов, текла кровь, но она продолжала визжать и не сдавалась:

– Ну, ты хочешь убить меня!

– Да – убить, – отвечает Ингер и опять ударяет. – Вот тебе. Я тебя забью до смерти.

Она совершенно уверена: Олина знает ее тайну, остальное ей безразлично.

– Вот тебе по рылу!

– Рыло? Это у тебя у самой рыло! – простонала Олина. – Господь сам вырезал на твоём лице крест!

Справиться с Олиной трудно, очень трудно, Ингер поневоле перестает бить, удары ее ни к чему, они только утомляют ее саму. Но она грозит – тычет вальком прямо в глаза Олине, она задаст ей еще, еще, так что она и своих не узнает!

– Где у меня косарь, вот я сейчас покажу тебе! Она встает, как бы затем, чтоб достать нож-косарь, но уж главный пыл ее прошел, и она только ругается.

Олина поднимается и садится на скамейку, с желто-синим распухшим лицом, вся в крови, она откидывает с лица волосы, оправляет на голове платок, отплевывается; губы у нее вздулись.

– Тварь ты этакая! – говорит она.

– Ты была в лесу и вынюхивала, – кричит Ингер, – вот на что ты потратила столько часов, ты разыскала могилку. Но лучше бы ты

заодно вырыла яму себе.

– Ну, уж теперь погоди! – отвечает Олина, пылая жаждой мести. – Я больше ничего не скажу, но уж не видать тебе горницы с клетью и часов с музыкой!

– Это не в твоей власти!

– А уж об этом я позабочусь!

Обе женщины кричат. Олина не так груба и голосиста, о нет, она почти кротка в своей жестокой злости; но она въедлива и страшна:

– Где это мой узелок, жалко, оставила его в лесу. Можешь получить назад свою шерсть, я не хочу ее брать!

– А-а, ты, может, думаешь, что я ее украла?

– Ты сама знаешь, что сделала!

Они опять кричат. Ингер считает нужным указать, с которой из своих овец она настригла эту шерсть, Олина спрашивает кротко и ласково:

– Да, да, но почему знать, откуда у тебя первая овца? Ингер называет место у человека, где кормились ее первые овцы с ягнятами. – Закрыла бы ты лучше свой рот! – грозит она.

– Ха-ха-ха, – усмехается Олина. У нее на все ответ и она не сдается: – Мой рот? Вспомни-ка ты лучше про свой! – Она попрекает Ингер уродством и называет пугалом для бога и людей. Ингер вся кипит от ярости, и так как Олина толстая – называет ее тетехой:

– Подлая такая тетеха! И уж получишь ты спасибо за зайца, которого послала мне!

– Зайца? Пусть я во всем буду грешна, как в этом зайце! На кого же он был похож?

– На кого похож заяц?

– На тебя. Вылитый ты. А тебе не следовало бы смотреть на зайцев.

– Убирайся! – кричит Ингер. – Это ты подслала Ос-Андерса с зайцем. Я упеку тебя на каторгу!

– На каторгу? Ты и в самом деле сказала про каторгу?

– Ты завидуешь мне во всем, прямо лопаешься от зависти, – продолжает Ингер. – Ты, можно сказать, глаз не сомкнула с тех пор, как я вышла замуж и заполучила Исаака и все, что у меня есть! Господи Боже, Отец Небесный, и чего тебе от меня надо? Разве я виновата, что твои дети нигде не могут устроиться и никуда не

годятся. Ты не можешь видеть, что мои дети здоровы, красивы и у них имена благороднее, чем у твоих, а разве я виновата, что они красивее и лицом и телом, чем твои!

Если что могло взбесить Олину, так именно это. У нее было много детей, вышли они такие, какие уродились, но она превозносила и расхваливала их, приписывала им достоинства, каких они не имели, и скрывала их пороки.

– Что ты говоришь? – ответила Олина. – И как это ты не провалишься сквозь землю от стыда! Мои дети, да они против твоих – все равно, что светлые божьи ангелы! И ты еще смеешь говорить своим языком о моих детях? Все семеро они были божьи созданы, когда были маленькими, а теперь все стали большие и взрослые. Не беспокойся, пожалуйста!

– А Лиза твоя, разве не попала в тюрьму, не было этого? – спрашивает Ингер.

– Она ничего не сделала, она была невинна, как цветок, – отвечает Олина. – Да к тому же она живет замужем в Бергене и ходит в шляпке, а ты что!

– А что такое случилось с твоим Нильсом?

– Я не желаю отвечать тебе. А у тебя вот один лежит в лесу, что ты с ним сделала? Ты убила его?

– Замолчи и убирайся вон! – вопит Ингер и бросается на Олину.

Но Олина не отступает, она даже не встает. Эта неустрашимость, равная ее упорству, снова парализует Ингер, и она только говорит: – Нет, надо мне разыскать косарь!

– Не беспокойся, – советует Олина. – Я и сама уйду. Но раз уж ты выгоняешь свою собственную родню, так после этого ты тварь!

– Ладно, ступай уж!

Но Олина не уходит. Обе женщины бранятся еще долго, и всякий раз, как часы бьют час или половину, Олина язвительно улыбается и приводит Ингер в бешенство. В конце концов, обе несколько успокаиваются, и Олина собирается уходить.

– У меня длинный путь и ночь впереди, – говорит она. – Жалко, надо бы мне захватить с собой еды из дому.

На это Ингер ничего не отвечает, она пришла в себя и наливает Олине воды в чашку.

– На – оботрись вот, если хочешь! – говорит она. Олина понимает, что ей надо поправиться перед уходом, но, не зная, где у нее кровь, она моет не те места. Ингер стоит и смотрит, потом указывает:

– Здесь и на виске тоже! Нет, на другом, ведь я же показываю!

– Откуда мне знать, на какой висок ты показываешь! – отвечает Олина.

– И на губах тоже. Да что ты, боишься воды, что ли? – спрашивает Ингер.

Кончается тем, что Ингер умывает избитую противницу и швыряет ей полотенце.

– Что это я хотела сказать, – начинает Олина, вытираясь и совершенно мирным тоном. – Как-то Исаак и дети перенесут это?

– Разве он знает? – спрашивает Ингер.

– Неужто нет! Он подошел и увидел.

– Что он сказал?

– Что он мог сказать! Он лишился языка, как и я. Молчание.

– Это ты во всем виновата! – жалобно вскрикивает Ингер и раздражается слезами.

– Дай бог, чтоб у меня не было других грехов.

– Я спрошу у Ос-Андерса, можешь быть уверена!

– Спроси, спроси!

Они обсуждают спокойно, и Олина как будто не так уж кипит мстостью. Она политик высокого ранга и привыкла находить разные выходы, теперь она выражает даже некоторое сострадание: если это выплывет наружу, очень жалко будет Исаака и детей.

– Да, – говорит Ингер и плачет еще пуще, – Я все думаю и думаю об этом днем и ночью, Олина представляет себя в роли спасительницы, и заявляет, что может помочь. Она поселится в усадьбе на то время, что Ингер будет сидеть в тюрьме.

Ингер уже не плачет, она сразу прислушивается и соображает:

– Нет, ты не станешь смотреть за детьми.

– Это я-то не стану смотреть за детьми? Да что ты врешь!

– Ну да.

– Если у меня к чему-нибудь лежит сердце, так именно к детям.

– Да, к твоим собственным, – говорит Ингер, – но как ты станешь обращаться с моими? А когда я подумаю, что ты послала мне зайца,

чтоб погубить меня, то одно только и могу сказать, что ты большая грешница.

– Кто? Я? – спрашивает Олина. – Это про меня ты говоришь?

– Да, про тебя я говорю, – отвечает Ингер и опять плачет. – Ты поступила со мной, как самая последняя тварь, и я тебе не верю. А кроме того, ты только украдешь у нас всю шерсть, если будешь жить здесь. И все сыры пойдут на твою семью, а не на мою.

– Сама-то ты тварь! – сказала Олина.

Ингер плачет и вытирает глаза, изредка говорит. Олина, разумеется, не хочет навязываться, она может жить у Нильса, своего сына, у которого жила все время. Но когда Ингер посадят в тюрьму, Исааку и невинным малюткам придется плохо, Олина же могла бы пожить здесь и присмотреть за ними. Она изображает это в заманчивых красках, вовсе не так плохо будет. – Ты подумай об этом пока что, – говорит она.

Ингер убита. Она плачет, трясет головой и смотрит в пол. Как лунатик выходит в кладовку, выносит гостье узелок с припасами.

– Да нет, не беспокойся, – говорит Олина.

– Не идти же тебе голодной через перевал, – отвечает Ингер.

Когда Олина уходит, Ингер крадется за дверь, выглядывает, прислушивается.

Нет, от каменоломни ни звука. Она подходит ближе и слышит детей, они играют в камешки. Исаак сидит, зажав лом между колен, и опирается на него, как на посох. Вон он сидит.

Ингер крадется на опушку леса. Она врыла в одном месте крестик, крест повален, а на том месте, где он стоял, дерн приподнят, и земля разрыта. Она садится, сгребает землю руками и утаптывает ее. Потом тоже сидит.

Она пошла из любопытства посмотреть, насколько Олина раскопала могилку, а сидит оттого, что скотина еще не вернулась на ночь домой. Она плачет, мотает головой и смотрит в землю.

Глава VII

А дни идут.

Стоит чудесная погода: солнце и перепадающие дожди, по погоде и всходы.

Новоселы почти покончили с покосом и собрали пропасть сена, не хватает уж места, они складывают сено под выступами гор, в конюшне, складывают под домом, освобождают сарай от всего, что в нем есть, и набивают и его до крыши. Ингер работает с мужем, как неременная помощница, с утра до позднего вечера. Исаак пользуется каждым дождем, чтоб вывести крышу на новом сарае и, в особенности, закончить южную стену, чтобы сложить туда все сено. Дело быстро продвигается, авось все будет закончено! Великая забота и событие – да, оно не забылось, деяние совершено и последствия должны наступить. Хорошее большей частью проходит бесследно, злое же всегда влечет за собой последствия.

Исаак отнесся сначала очень разумно, он только сказал жене: – «Как же ты это сделала?» – На это Ингер ничего не ответила.

Через минуту Исаак опять заговорил:

– Что же ты, задушила его?

– Да, – сказала Ингер.

– Не следовало этого делать.

– Нет, – ответила она.

– И не понимаю я, зачем ты это сделала.

– Она была вылитая я, – ответила Ингер.

– Как это?

– Такой же рот. Исаак долго думал:

– Так, так, – промолвил он.

В тот же день они больше об этом не говорили, и оттого, что дни проходили так же спокойно, как и раньше, а кроме того, столько было сена, которое надо было убирать, да ожидался еще такой необыкновенный урожай, преступление мало по малу отошло в их мыслях на задний план. Но все время оно висело над людьми и над местом. Они не могли рассчитывать на молчание Олины, слишком уж это было ненадежно. Но даже, если б Олина и молчала, заговорили бы

другие, обрели бы слова немые свидетели, стены в избе, деревья вокруг маленькой могилки в лесу; Ос-Андерс намекает кое-кому, сама Ингер выдаст себя во сне или на яву. Они приготовились к самому худшему.

А что же мог Исаак сделать, как не принять дело разумно? Он понимал теперь, почему Ингер каждый раз хотела остаться одна во время родов, одна пережить великий страх за нормальное сложение ребенка, одна встретить опасность. Три раза проделывала она это. Исаак качал головой и жалел ее за злую долю, бедняжка Ингер! Он узнал о посылке лопаря с зайцем, и оправдал Ингер. Это привело к великой нежности между Ними, к сумасшедшей любви, они льнули друг к другу в опасности, она была полна к нему грубой ласки, а он безумствовал и никак не мог насытиться ею, он-то, мельничный жернов, чурбан! Она носила лопарские комаги, но лопарского в ней ничего не было, она была не маленькая и сморщенная, как лопарки, а, наоборот, стройная и высокая. Сейчас, в летнюю пору она ходила босая, высоко обнажив икры, и от этих голых икр Исаак не мог оторвать глаз.

Она продолжала все лето распевать стихи из псалмов и учить Елисея молитвам, но стала совсем не по-христиански ненавидеть всех лопарей и без стеснения выпроваживала тех, что проходили мимо их жилища:

– Может, вас подослал кто-нибудь, опять у вас, чего доброго, в мешке сидит заяц, ступайте себе мимо!

– Заяц? Какой такой заяц?

– Ну да, ты не слыхал, какую штуку выкинул Ос-Андерс?

– Нет.

– Да, уж я скажу тебе: он принес сюда зайца, когда я ходила тяжелая.

– Слыханное ли дело! Что ж, тебе вышел от этого какой-нибудь вред?

– Это тебя не касается, ступай себе. Вот возьми пожевать и ступай по– добру, по-здорову!

– Не найдется у тебя кусочка кожи подкинуть мне под комаги?

– Нет. А вот я съезжу тебя жердью, если ты не уйдешь.

А лопарь, он клянчит смиренно, но если ему откажут, он складывает в сердце зло и мстит. Двое лопарей с двумя детьми

проходили мимо хутора и послали детей в избу попросить подаяния, те вернулись и сказали, что в избе никого нет. Семья постояла немножко, потолковала по-лопарски, потом мужчина пошел посмотреть. Он долго не возвращался. Жена пошла за ним, потом дети, все забрались в избу и лопотали по-лопарски. Муж сунул голову в клеть, там тоже никого не было. Пробили часы, семья прислушалась, и пораженная замерла на месте.

Ингер должно быть почуяла чужих во дворе, она поспешно сбежала с косогора, и вдруг видит, что это лопари и лопарки, и лопари совсем ей незнакомые, тогда она спросила напрямик:

– Чего вам здесь надо? Разве вы не видели, что в доме никого нет?

– М-да, – говорит лопарь.

– Ступайте прочь!

Семья медленно и неохотно пятится к выходу.

– Мы остановились послушать твои часы, – говорит мужчина, – они так замечательно играют.

– Не найдется ли у тебя ломтика хлеба для нас? – просит жена.

– Откуда вы? – спрашивает Ингер.

– Из-за озера, с той стороны. Мы шли всю ночь.

– А куда идете?

– За перевал.

Ингер идет и отбирает им съестного; когда она выходит, жена выпрашивает лоскуток на шапку, моток шерсти, кусочек сыру, все-то ей нужно! Ингер некогда, Исаак с детьми на сенокосе.

– Ступайте себе, – говорит она. Женщина льстит:

– Мы видели твою скотину на поле, вот это скотина, чисто звезды на небе!

– Замечательная! – подхватывает и муж. – Не будет ли у тебя парочки старых комаг?

Ингер запирает дверь в избу и возвращается работать на косогор. Тогда мужчина крикнул что-то, она притворилась, будто не расслышала и продолжала идти, но она слышала очень хорошо:

– Правда ли, что ты покупаешь зайцев?

Трудно было не понять. Лопарь, может, спрашивал и без всякой задней мысли, кто-нибудь наврал ему, а может, он спрашивал и со зла; но Ингер, во всяком случае, получила предупреждение. Судьба предостерегала ее...

Дни шли. Новоселы были здоровые люди, пусть будет, что будет, они делали свою работу и ждали. Они жили тесно друг с другом, как звери в лесу, спали, ели; так дотянулось до того, что они испробовали новую картошку, и она оказалась крупной и рассыпчатой. Удар – почему же медлит удар? Стоял уже конец августа, скоро подойдет сентябрь, неужели они благополучно проживут и зиму? Они жили все время на чеку, каждый вечер заползали вместе в свою берлогу, радуясь, что день прошел без событий. Так проползло время до октября, когда приехал ленсман с человеком и с портфелем. Закон шагнул через их порог.

Допрос занял довольно много времени, Ингер допрашивали с глазу на глаз, она ничего не отрицала, могилу в лесу разрыли, труп вынули, забрали для вскрытия. И крошечный трупик был обернутый в крестильное платье Елисея, на голове расшитый бусинками чепчик!

Исаак снова обрел дар речи:

– Да, да, теперь уж нам будет хуже некуда, – сказал он. – Ну, я только говорю свое: тебе не следовало это делать.

– Да, – ответила Ингер.

– Как же это ты сделала? Ингер молчала.

– И как тебе могло прийти в голову!

– Она была такая же, как я. Тогда я свернула ей лицо на сторону.

Исаак покачал головой.

– Она сразу и померла, – продолжала Ингер и зарыдала.

Исаак помолчал:

– Ну, ну, теперь поздно плакать, – сказал он.

– У нее были темные волосики на затылке, – всхлипывала Ингер.

На этом все опять и кончилось.

И опять пошли дни. Ингер не арестовали, начальство отнеслось к ней милостиво, ленсман Гейердаль допрашивал ее, как стал бы допрашивать всякого другого, и только сказал:

– Печально, что такие вещи могут случаться! Когда Ингер спросила, кто на нее донес, ленсман ответил, что никто конкретно, многие, он слышал об этом деле с разных сторон. Не выдала ли она себя сама какому-нибудь лопарю?

Ингер вспомнила что, рассказывала каким-то лопарям, как Ос-Андерс пришел к ней среди лета с зайцем, и от этого у ребенка,

которого она носила под сердцем, сделалась заячья губа. А это не Олина послала зайца?

Ленсман не знал. Но если даже и так, он не стал бы заносить в протокол такое невежество и суеверие.

– Мать моя тоже увидела зайца, когда меня носила, – сказала Ингер...

Овин был готов, вышло большое строение, с сеновалами по обоим концам и с молотильным током посредине. Амбар и прочие временные места хранения были очищены и сено снесено в овин, ячмень сжали, высушили на жердинах и свезли, Ингер повыдергивала морковь и репу. Все было убрано. Теперь только бы жить да радоваться, у новоселов было всего вдоволь. Исаак опять распахивал до заморозков новь и увеличил ячменное поле, настоящий он был пахарь; но в ноябре Ингер сказала:

– Сейчас ей было бы полгодика, и она бы уж всех нас узнавала!

– Теперь уж ничего с этим не поделаешь, – отвечал Исаак.

Зимой Исаак молотил ячмень в новом овине, а Ингер долгими часами работала с ним и действовала цепом не хуже его, пока дети играли на сеновале. Зерно выдалось крупное и полновесное. К новому году установился отличный санный путь. Исаак начал возить дрова в село, у него были уже постоянные покупатели, хорошо платившие за дрова летней сушки. Однажды он сговорился с Ингер взять поеного бычка от Златорожки и свезти его вместе с козьим сыром мадам Гейслер. Мадам пришла в восторг и спросила, сколько все это стоит.

– Ничего, – отвечал Исаак. – Ленсман заплатил за все.

– Благослови его Господь, неужели заплатил? – сказала мадам Гейслер и совсем растрогалась. Она послала Елисею и Сиверту книжек с картинками, игрушек и печенья. Когда Исаак вернулся домой, и Ингер увидела подарки, она отвернулась и заплакала:

– Что с тобой? – спросил Исаак.

– Ничего. Сейчас ей был бы годик, и она бы уж все понимала!

– Да, да, но ведь ты же знаешь, какая она была – сказал Исаак, желая ее утешить. – А кроме того, может все еще и обойдется. Я разузнал, где сейчас Гейслер.

Ингер подняла голову:

– Разве он может помочь нам?

– Не знаю.

Потом Исаак повез ячмень на мельницу, смолот его и вернулся домой с мукой.

А там опять принялся за лес и стал заготавливать дрова на будущий год. Жизнь его текла от одной работы до другой по временам года, от земли к лесу, и от леса опять к земле. Исаак проработал уже шесть лет на своем хуторе, а Ингер пять, все могло бы быть хорошо, если бы так продолжалось. Но так не продолжалось. Ингер работала над тканью и ходила за скотом, она усердно пела псалмы, но, Господи, по части пения она была что колокол без языка.

Как только установился путь, ее вызвали в село для допроса. Исааку пришлось остаться дома. Пока он ходил один, он надумал съездить в Швецию и разыскать Гейслера, может добрый ленсман опять пожалует жителей Селланро.

Но когда Ингер вернулась, оказалось, что она уж все разузнала, справилась и насчет приговора: по настоящему полагается пожизненное заключение, параграф первый. Да, она встала в самом святилище правосудия и откровенно призналась; двое свидетелей из деревенских смотрели на нее жалостливо, а судья допрашивал очень ласково. Но все равно ей было не устоять перед светлыми головами законников. Высокопоставленные судейские господа такие искусники, они знают всякие параграфы, выучили их наизусть и помнят, вот какие у них светлые головы. Но они тоже и не без здравого смысла, даже и не без сердца. Ингер не могла пожаловаться на правосудие; она не сказала про зайца, но когда она, вся в слезах, призналась, что пожалела свое дитя и потому лишила ее жизни, судья тихонько и серьезно кивнул головой:

– Но у тебя самой заячья губа, – сказал он, – а ведь ты же хорошо устроилась?

– Да, слава Богу, – ответила Ингер. И ничего не рассказала о тайных страданиях своего детства и юности.

Но судья, все-таки, должно быть, кое-что понял, он сам был хромоногий и никогда не мог танцевать.

– Приговор – да, право, не знаю! Собственно, полагается пожизненное заключение. И я не знаю можно ли нам понизить и на сколько ступеней, вторую ли взять ступень или третью, с 15-ти лет на двенадцать, или с двенадцати до девяти лет. Сейчас заседает комиссия

по смягчению уложения о наказаниях, и все никак не покончат с делом. Но будем надеяться на лучшее, – сказал он.

Ингер вернулась в тупом спокойствии, арестовать ее признали ненужным.

Прошло месяца два, и вот однажды вечером Исаак, вернувшись с рыбной ловли, узнал, что на усадьбе был ленсман с новым понятым. Ингер радостно встретила Исаака и похвалила его, хотя рыбы он принес мало.

– Что это я хотел сказать? У нас тут были гости? – спросил он.

– Гости? О ком ты спрашиваешь?

– Я вижу свежие следы перед домом. Тут ходили в сапогах.

– Никого не было, кроме ленсмана и еще одного с ним.

– Так. Чего же им было нужно?

– Ты сам знаешь.

– Они приезжали за тобой?

– Ну вот, за мной! Они просто привезли приговор. И я скажу тебе, Исаак, Господь милостив к нам, вышло не так, как я боялась.

– Ну, – в волнении проговорил Исаак, – значит, не так уж надолго?

– Нет, всего несколько лет.

– Сколько же лет?

– Ну, да тебе, наверно, покажется, что много, но я-то благодарна Господу за всю жизнь!

Ингер не сказала точное число лет. Позже вечером Исаак спросил, когда за ней приедут, но этого она не знала или не хотела сказать. Она опять стала задумчива и говорила, что не представляет себе, как все пойдет без нее, наверное придется-таки взять Олину. Исаак тоже ничего другого не мог придумать. Да, кстати, куда же девалась Олина? Против обыкновения, она в этом году не пришла. Уж не думает ли она всерьез не показываться после того, как все им расстроила? Наступила передышка между работами, но Олина не являлась. Уж не послать ли за ней! Небось, придет побираться, тетеха этакая, тварь! Наконец, Олина явилась. Господи, вот человек, словно между нею и супругами ничего и не произошло, она даже сказала, что принесла Елисею пару чулок с каемкой.

– Захотелось мне посмотреть, как вы тут поживаете за перевалом, – сказала она.

Оказалось, что она опять оставила мешок со своим платьем и вещами в лесу и приготвилась погостить долго. Вечером Ингер отвела мужа в сторону и сказала:

– Ты, кажется, хотел попробовать разыскать Гейслера? Сейчас есть время между работами.

– Да, ответил Исаак, – раз Олина здесь, я могу пойти завтра же с утра.

Ингер очень обрадовалась.

– Да захвати с собой все деньги, какие у тебя есть.

– Ну, а ты-то разве не можешь их спрятать?

– Нет.

Ингер сейчас приготвила большую торбу с едой, а Исаак проснулся среди ночи и собрался в путь. Ингер проводила его на крыльцо и не плакала, не жаловалась, а только сказала:

– Дело в том, что за мной могут приехать в любой день.

– Ты что-нибудь знаешь?

– Откуда мне знать! Да, наверно, это и не сейчас еще будет. Только бы ты нашел этого Гейслера, он, наверно, тебе что-нибудь присоветует!

Что мог сделать теперь Гейслер? Ничего. Но Исаак пошел.

Только нет, Ингер, наверно, кое-что знала, может быть, она же и позаботилась послать за Олиной. Когда Исаак вернулся из Швеции, Ингер уже увезли. При детях была Олина.

То была тяжелая весть для Исаака, и он громко спросил:

– Она уехала?

– Да, – ответила Олина.

– В какой день это было?

– На другой день после твоего ухода.

Исаак понял, что Ингер опять хотела удалить его и остаться одной в решительную минуту, оттого-то она и велела ему взять с собой все деньги. Ох, а Ингер и самой, наверно, понадобилась бы кое-какая мелочь на длинную дорогу!

Но вышло так, что мальчуганы сейчас же занялись маленьким желтеньким поросенком, которого Исаак привез с собой. Впрочем, больше ничего он и не привез! Имевшийся у него адрес Гейслера устарел, Гейслера в Швеции не было, он вернулся в Норвегию и жил в Трондъеме. А поросенка Исаак принес на руках из Швеции, кормил

его молоком из бутылки и клал его спать к себе на грудь; он хотел порадовать им Ингер, а вот теперь с ним играют и забавляются Елисей и Сиверт.

Это несколько развлекло Исаака. Притом же Олина передала от ленсмана, что казна, наконец, согласилась продать Исааку Селланро, и ему надо только пойти в контору к ленсману и заплатить деньги. Это было хорошее известие, оно вывело Исаака из угнетенного состояния. Несмотря на страшную усталость, он наложил в торбу припасов и сейчас же отправился в село. Наверное, в нем тлела маленькая надежда, что он еще успеет застать там Ингер.

Сорвалось, Ингер уехала на восемь лет. На душе у Исаака стало пусто и мрачно, он едва слышал, что говорил ленсман; печально, что случаются такие вещи. Он надеется, что Ингер это послужит хорошим уроком, так что она переменится, исправится и не будет больше убивать своих детей!

Ленсман Гейердаль в прошлом году женился. Жена его не хотела быть матерью и решила не иметь детей, благодарю покорно! У нее их и не было.

– Наконец-то я могу покончить с делом Селланро, – сказал ленсман. – Королевский департамент согласился на продажу приблизительно на предложенных мною условиях.

– Так, – сказал Исаак.

– Это тянулось долго, но я имею удовлетворение, что работа моя не пропала даром. То, что я написал, прошло почти точка в точку. – Точка в точку, – повторил Исаак и кивнул головой. – Вот купчая, тебе остается засвидетельствовать ее на первом тинге.

– Ладно, – сказал Исаак. – А сколько мне придется платить?

– Десять далеров в год. Да, вот тут департамент внес маленькое изменение; десять далеров в год, вместо пяти. Не знаю, как ты к этому отнесешься?

– Лишь бы мне справиться, – сказал Исаак.

– И в течении десяти лет.

Исаак испуганно поглядел на него.

– Да, департамент иначе не соглашается, – сказал ленсман. – Да это, в сущности, вовсе и не цена за такой большой участок, обработанный и обстроенный, как у тебя.

Десять далеров на этот год у Исаака имелись, он получил их за дрова и за козий сыр, который скопила Ингер. Он уплатил и еще немножко осталось.

– Это прямо счастье для тебя, что департамент не проведал о преступлении твоей жены, – сказал ленсман, – а то он, может быть, передал бы участок другому покупщику.

– Так, – сказал Исаак. – Так, стало быть, она в самом деле на восемь лет уехала?

– Да, этого уж не переделаешь, правосудие должно свершиться. Впрочем, приговор ей вынесли мягче мягкого. Теперь тебе остается сделать одно: проведи точные и резкие границы между своим участком и казной. Выруби лес и кустарник по прямой линии по тем вехам, что я расставил и отметил в протоколе. Дрова пойдут в твою пользу. Я приеду немного погодя посмотреть.

Исаак отправился домой.

Глава VIII

Быстро ли идут годы? Да, для того кто состарился.

Исаак не был стар и немощен, для него годы потянулись долго. Он работал на своем участке и предоставлял железной бороде своей расти, как заблагорассудится.

По временам однообразие пустынного уголка нарушалось мимоидущим лопарем или происшествием с каким-либо из домашних животных, потом все шло по-прежнему. Один раз прошла целая толпа мужчин, они сделали привал в Селланро, поели и выпили молока, расспросили Исаака и Олину о тропинке через скалы, сказав, что идут проводить телеграфную линию, а в другой раз приехал вдруг Гейслер – сам Гейслер. Он совершенно свободно пожаловал из села, и было с ним двое людей с горными инструментами, заступами и мотыгами.

Ох, уж этот Гейслер! Он был все такой же, как прежде, несколько не изменился, поздоровался, поговорил с детьми, вошел в избу, опять вышел, оглядел землю, открыл двери в скотный двор, на сеновал, заглянул и туда.

– Превосходно! – сказал он. – Исаак, у тебя еще сохранились те камешки?

– Камешки? – переспросил Исаак.

– Те мелкие тяжелые камни, с которыми твой мальчуган играл в тот раз, когда я как-то был здесь?

Камни попали в кладовую и лежали каждый вместо гирьки на мышеловке, их сейчас же принесли. Ленсман и двое чужих стали их рассматривать и говорить, постукивали по ним, взвешивали на руке.

– Медная лазурь! – сказали они.

– Можешь ты пойти с нами на скалу и показать, где ты нашел эти камни? – сказал ленсман.

Все отправились в скалы, и хоть до места было недалеко они все-таки проходили по скалам два дня, искали металлоносные жилы, взрывали камни.

Домой вернулись с двумя торбами, битком набитыми каменной мелочью. Исааку удалось тут поговорить с Гейслером о своем

положении, о покупке участка, который обошелся в сто далеров вместо пятидесяти.

– Ну, это не играет никакой роли, – легкомысленно бросил Гейслер. – У тебя в скале ценностей, может быть, на тысячи.

– Ну! – сказал Исаак.

– Но ты как можно скорее засвидетельствуй купчую в тинге.

– Так.

– А не то, понимаешь, казна начнет с тобой тяжбу. Исаак понял.

– Но у меня беда с Ингер, – сказал он.

– Да, – отозвался Гейслер и обдумывал что-то непривычно для него. – Пожалуй, можно бы добиться пересмотра дела. Если все как следует выяснится, ей, наверно, немножко сбавят наказание. А то можно подать прошение о помиловании, и тогда мы добьемся того же скорее.

– Ну, вы так полагаете?

– Но просить о помиловании еще нельзя. Надо чтоб прошло некоторое время.

Что это я хотел сказать? Да, ты отвез моей семье мяса и сыра, – сколько я тебе должен?

– Ничего, вы мне и так уж много заплатили раньше.

– Я?

– Вы так много помогли нам.

– Нет, – отрезал Гейслер и выложил несколько далеров. – Возьми! – сказал он.

Вот это человек, он ничего не хотел брать задаром, а денег у него в бумажнике опять было как будто вдоволь, он был здорово набит, бог весть, так ли уж на самом деле хорошо ему жилось?

– Но она пишет, что живется ей хорошо, – продолжал Исаак, думавший только о своем.

– А-а, твоя жена-то?

– Да. А после того, как у нее родилась девочка, у нее, ведь родилась большая и здоровенькая девочка...

– Это превосходно!

– Да, и с тех пор все помогают ей и, говорит, относятся к ней хорошо.

Гейслер сказал:

– Я пошлю теперь эти камешки специалистам и узнаю, что в них находится.

Если в них порядочно меди, ты получишь много денег.

– Так, – промолвил Исаак. – А через сколько времени, вы думаете, можно подать прошение о помиловании?

– Немного погодя. Я напишу тебе. Я скоро опять приеду. Ты что сказал, твоя жена родила после того, как уехала отсюда?

– Да.

– Значит, ее увезли беременной. Этого они не имели права делать.

– Так.

– Это лишний повод к тому, чтоб выпустить ее через некоторое время.

– Вот хорошо-то было бы! – с благодарностью проговорил Исаак.

Исаак не знал, что начальству уже пришлось сочинять много длинных бумаг по поводу беременности его жены. В свое время ее не арестовали по месту ее жительства по двум причинам: за неимением в селе арестного дома и из желания проявить мягкость. Последствия оказались неожиданными. Позже, когда за Ингер приехали, никто не спросил о ее состоянии, и сама она тоже ничего не сказала. Может быть, она промолчала умышленно, чтоб иметь при себе ребенка в предстоящие тяжелые годы: если она будет хорошо вести себя, наверно, ей позволят иногда видаться с ним. А может быть, она просто отупела и равнодушно примирилась с тем, чтобы ее увезли, несмотря на ее положение...

Исаак трудился – корчевал пни и пахал, прорубил в лесу границы между своим участком и казной, дров опять набралось на целый год. Но так как при нем уже не было Ингер, ради которой стоило бы стараться, то он лез из кожи больше по привычке, чем ради удовольствия. Вот он пропустил уже два тинга, не засвидетельствовав купчей, – не лежало у него к этому сердце, – и только нынче осенью, наконец, собрался. С ним было не совсем благополучно.

Терпеливый и упорный – это-то так, но он был терпелив и упорен, потому что такая уж у него образовалась складка. Он снимал шкуры, потому что это надо было сделать, козьи шкуры, телячьи шкуры, вымачивал их в реке, обкладывал корой, выделявал на изготовление обуви. Зимой, уже с первой молотьбы отбирал семена для

будущей весны, чтоб это было сделано, лучше когда это уж сделано, он был человек порядка. Но жизнь стала серой и одинокой, о-ох, Господи, опять он остался без жены и все такое.

Что за радость была ему теперь сидеть по воскресеньям в горнице, умытым, в нарядной красной рубахе, когда не для кого стало наряжаться! Воскресенья тянулись дольше всех дней, они осуждали его на праздность и печальные мысли, ему оставалось только бродить по земле и соображать, что еще осталось сделать. Всякий раз он брал с собой мальчуганов и всегда одного нес на руках. Приятно было слушать их болтовню и отвечать на их вопросы.

Старуху Олину он держал, потому что больше было некого. В сущности, иметь Олину было вовсе не так плохо, она чесала шерсть и пряла, вязала чулки и варежки и тоже варила козий сыр; но рука у нее была несчастливая, и работала она без любви, ничто из того, к чему она прикасалась, не принадлежало ей. Вот, например, купил как-то Исаак еще при Ингер очень хорошенькую коробочку у торговца, она стояла на полке, глиняная такая коробочка с собачьей головой на крышке, собственно, должно быть, табакерка; Олина сняла крышку и уронила на пол. Ингер отсадила несколько отводков фуксии в ящик, они стояли под стеклом, Олина сняла стекла и опять наложила их неловко и слишком тесно – на следующий день все отводки погибли. Исааку, верно, нелегко было это видеть, он, может быть, соорудил гримасу, а так как и вообще-то вид у него был не особенно кроткий, то, пожалуй, гримаса вышла довольно страшной. Олина была упряма и речиста, она буркнула:

– Разве я виновата!

– Не знаю уж, – ответил Исаак, – но ты бы лучше не трогала.

– Я не прикаснусь больше к ее цветам, – сказала Олина. – Но они уж все равно погибли.

И почему это лопари стали теперь захаживать в Селланро гораздо чаще, чем раньше? Ос-Андерс, какие у него тут дела, неужто он не может просто пройти мимо? В одно лето он два раза ходил через перевал, а у Ос-Андерса ведь не было оленей, за которыми надо присмотреть, он кормился подаянием и жил из милости у других лопарей. Когда он приходил на хутор, Олина бросала всякую работу и принималась сплетничать с ним о знакомых сельчанах, а когда он

уходил, мешок у него бывал туго набит всякой всячиной. Исаак угрюмо молчал два года.

Но вот Олине опять понадобились новые башмаки, и тут он уж не стал молчать. Стояла осень, Олина же каждый день трепала башмаки, вместо того, чтоб ходить в комагах или деревянных башмаках. Исаак сказал:

– Сегодня хорошая погода. Хм! – это для начала.

– Да, – ответила Олина.

– Послушай-ка, Елисей, разве не десять сыров было нынче утром на полке? – спросил Исаак.

– Да, десять, – ответил Елисей.

– А сейчас только девять.

Елисей опять пересчитал, порылся в своей головенке и вспомнил:

– Да, а еще тот, что унес Ос-Андерс, вот и будет десять.

Молчание воцарилось в горнице. Маленький Сиверт тоже принялся считать и повторил за братом: – Вот и будет десять. Опять молчание. Тогда Олине уж пришлось объясниться:

– Да, я дала ему крошечный сырок, я думала, это ничего. А детям еще рано соваться не в свое дело. Теперь я вижу в кого они уродились! И что не в тебя, Исаак, это я знаю.

Намек, который Исаак не мог не отпарировать:

– Дети такие, как надо. А вот ты-то скажи мне, что это за благодеяния Ос-Андерс оказал мне и моей семье?

– Благодеяния? – переспрашивает Олина.

– Да.

– Он-то, Ос-Андерс? – говорит она.

– Да. За что это я должен давать ему козьи сыры?

Олина успела сообразить и отвечает:

– Господь с тобой, Исаак! Да разве это я привадила Ос-Андерса? Если я когда-нибудь заговаривала с ним, пусть я не сойду живая с места.

Блестяще. Исааку приходится сдаться, как и много раз раньше.

Олина же не сдавалась:

– А если я должна ходить здесь, на зиму глядя, босая и не иметь того, что Господь создал для ног, так ты мне так и скажи. Я говорила про башмаки и три и четыре недели тому назад, но их и званья нет, и я хожу, как ходила.

– А что такое приключилось с твоими деревянными башмаками, что ты их не носишь?

– Что с ними приключилось? – обиженно спрашивает Олина.

– Да, позволь спросить.

– С деревянными башмаками?

– Да.

– Ты не говоришь о том, что я чешу шерсть и пряду, и хожу за скотиной, и держу детей в чистоте, об этом ты не говоришь! А ведь и жена твоя, которая попала в тюрьму – и та, кажется, не ходила босиком по снегу.

– Нет, она ходила в деревянных башмаках, – ответил Исаак. – А когда шла в церковь или к порядочным людям, надевала комаги, – сказал он.

– Да, да – отозвалась Олина, – на то она и была такая шикарная!

– Да, шикарная. А когда летом ходила в комагах, то вкладывала в них только сухой осоки. Ты же носишь чулки с башмаками круглый год!

– А что до этого касается, то деревянные башмаки мои наверное скоро износятся. И не думаю я, чтоб мне стоило торопиться стаптывать такие хорошие башмаки ради чужих дел.

Она говорила тихо и елеино, но глаза у нее были полузакрыты, а вид ласковый.

– Эта твоя Ингер, – сказала она, – мы ее звали подкидышем, – она терлась около моих детей и научилась и тому и другому за все те годы. Если моя дочь в Бергене ходит в шляпке, так может и Ингер тоже поехала на юг, в Тронгейм, купить себе шляпку, хе-хе.

Исаак встал и хотел уйти. Но Олина уж дала волю своему сердцу, своей накопившейся черной злобе, она прямо излучала мрак и заявила, что ни у одной из ее дочерей лицо не разорвано словно у мечущего пламя хищного зверя, если можно так сказать, но зато и вышли они простенькие. Не всем ведь дано такое искусство, убивать детей надо умеючи!

– Берегись ты! – крикнул Исаак, и, чтоб не было недоразумений, прибавил. – Этакая чертова баба!

Но Олина не побереглась, о нет – Олина ухмыльнулась, закатила глаза к потолку и намекнула, что, в сущности, это безобразие, если

люди с заячьей губой ходят себе, как ни в чем не бывало, среди других людей. Надо же иметь совесть!

Исаак был рад, когда ему удалось наконец вырваться из дома. И что же ему оставалось делать, как не купить Олине башмаки. Пионер в лесу, он даже не мог, как иные, равные богам счастливицы, скрестить руки на груди и сказать своей служанке: – Уйди! – Такая необходимая домоправительница – она была в безопасности, что бы не говорила и не делала.

Ночи стоят прохладные и лунные, болота застывают так, что по нужде могут выдержать человека, за день солнце опять растапливает их и делает непроходимыми. В одну холодную ночь Исаак идет в село заказать Олине башмаки. Он несет с собой два козьих сыра для мадам Гейслер.

На полдороге от села уже поселился новый сосед. Должно быть человек со средствами. Дом ему строили плотники из села, и вдобавок он нанял работника вспахать полоску песчаной земли под картошку; сам он делал мало или и вовсе ничего. Человек этот был Бреде Ольсен, подручный ленсмана и понятой; человек, к которому обращались, когда надо послать за доктором, или когда жена пастора собиралась заколоть свинью. Ему еще не было тридцати лет, а кормить приходилось четверых детей, не считая жены, которая и сама-то была не лучше ребенка. О, средства Бреде были наверно не очень велики, не много наживешь от того, что всем служишь затычкой да разъезжаешь по описям за недоимки; и вот он решил заняться земледелием. Под дом свой на хуторе он взял ссуду в банке. Участок его назывался Брейдаблик – это жена ленсмана Гейердаля придумала такое название.

Исаак быстро проходит мимо хутора, не завернув к соседу, но окно в доме все облеплено детскими лицами, хотя утро еще очень раннее. Исаак торопится, потому что ему хочется дойти до этого же места завтра в ночь. Человеку в пустыне много есть о чем подумать и ко многому приходится приспособливаться.

Как раз сейчас у него не так уж много работы, но он скучает по мальчуганам, оставшимся дома с Олиной.

Дорогой он вспоминает свое первое странствование здесь. Время стерлось, последние два года были длинными; много было хорошего в Селланро, кое-что было и плохого, о-ох, Господи! Так, стало быть, и

еще один хуторок появился в пустыне, Исаак признал место, одно из тех удобных мест, которые он сам обследовал во время своего странствования, но потом прошел мимо. Здесь ближе к селу, это правда, но лес не так хорош; местность ровная, но болото; землю легко поднять, но трудно копать. И что это значит, неужели Бреде не думает устроить навес сбоку сеновала для инструментов и повозок? Исаак заметил, что телега стоит посреди двора, под открытым небом.

Он сделал, что было нужно у сапожника, а мадам Гейслер, оказалось, уехала, потому сыры он продал торговцу. Вечером он отправляется домой. Мороз все крепчает, так что идти легко, но походка у Исаака тяжелая, бог весть, когда приедет Гейслер, раз и жена его уехала, может, и никогда не приедет. Ингер нету, а время идет.

На обратном пути он тоже не заходит к Бреде, нет, он делает крюк и проходит стороной. Ему не хочется говорить с людьми, только бы идти.

– А телега-то у Бреде все еще стоит на дворе, пожалуй, так и останется! – думает он. – Ну да, каждому свое! Вот у него самого – у Исаака, есть и телега, и навес для нее, а лучше ли ему от этого; дом у него только наполовину дом, когда-то он был целым, а теперь осталась только половина.

Когда среди дня он видит свой дом на откосе, на душе у него светлеет, хотя он устал и измучился от двух суток пути: стоят постройки, из трубы вьется дым, оба мальчика на дворе, едва завидев его, бегут к нему навстречу.

Он входит в избу, в горнице сидит два лопаря, Олина в удивлении встает со скамейки и говорит:

– Что это? – ты уж вернулся! – Она варит кофе на плите. Кофе? Кофе!

Исаак и раньше замечал: когда приходил Ос-Андерс или другие лопари, Олина долго спустя варила кофе в маленькой Ингеровой кастрюльке. Она варит его, когда Исаак в лесу или в поле, если же он неожиданно приходит и видит, то молчит. Но он знает, что всякий раз у него становится одним козьим сыром или мотком шерсти меньше. И потому хорошо, что Исаак не поднимает руку на Олину и не разрывает ее на куски за ее низость. В общем, Исаак старается быть все добрее и добрее, ради чего бы он это ни делал, то ли ради

сохранения мира в доме, то ли в надежде, что бог за это скорее возвратит ему Ингер. У него есть склонность к размышлению и суеверию, даже крестьянская темнота его искренна и простодушна. Вот осенью оказалось, что дерновая крыша в конюшне начала протекать над лошадью, Исаак пожевал— пожевал свою железную бороду, а потом улыбнулся, как человек, сообразивший в чем штука, и заложил крышу тесинами. У него не вырвалось ни одного сердитого слова. Другая черта: кладовая, в которой он держал съестные припасы, была построена на высоких каменных устоях по углам. Птицы залетали в нее сквозь большие отверстия в каменной кладке и метались, не находя выхода. Олина жаловалась, что птицы клюют провизию, портят и пачкают сало.

Исаак сказал:

— Это плохо, что птицы залетают и не могут вылететь! — И в разгаре спешной работы наломал камней и заложил отверстия в устоях.

Бог знает, что он думает при этом, может надеялся, что Ингер скорее вернется к нему, если он будет так хорошо вести себя.

Глава IX

Опять приехал в Селланро инженер с подрядчиком и двумя партиями рабочих, и опять они собирались проводить телеграфную линию через горы. По тому, как они шли теперь, линия должна была пройти немножко выше домов, в лесу предполагалось прорубить широкую просеку, это ничего, место сделается не так пустынно, мир ворвался сюда и бросал свет.

Инженер сказал:

– Это место становится теперь центральным пунктом между двух долин, тебе, может быть, предложат надзор за линией по обе стороны.

– Так, – сказал Исаак.

– Ты будешь получать двадцать пять далеров в год.

– Так, – сказал Исаак, – а что мне за это придется делать?

– Держать линию в порядке, исправлять провода, если они порвутся, очищать от кустов, которые растут на линии. У тебя будет на стене маленькая машинка, которая показывает, когда надо выходить на линию. И тогда ты должен бросать все, чем будешь занят, и идти.

– Я мог бы взять эту работу на зиму, – сказал Исаак.

– На весь год, – возразил инженер, – разумеется на весь год, и зимой и летом.

– Весной, летом и осенью у меня работа на земле, и на другое нет времени.

Тогда инженер с добрую минуту смотрел на него, прежде чем задал следующий удивительный вопрос:

– Да разве ты так больше выгадаешь?

– Выгадаю? – повторил Исаак.

– Разве ты больше заработаешь на земле за те дни, когда придется обходить линию?

– Этого я не знаю, – ответил Исаак. – Ну, только дело такое, что живу я здесь ради земли. У меня большая семья, много скотины, всех надо прокормить.

Мы живем землей.

– Ну, что ж, – сказал инженер, – я могу предложить место другому.

Угроза эта, видимо, принесла Исааку большое облегчение, он не хотел обидеть важного барина и поспешил объяснить:

– Дело в том, что у меня лошадь и пять коров, да еще бык. Потом двадцать овец и шестнадцать коз. Скотина дает нам пищу и шерсть, и кожи, надо же ее кормить.

– Ясно, – коротко промолвил инженер.

– Да, да. И вот я и не знаю, как я добуду ей корм, если в рабочее время буду уходить смотреть за телеграфом.

– Не стоит об этом больше говорить. Надзор будет поручен соседнему новоселу, Бреде Ольсену, он, наверное, с радостью согласится. – Инженер повернулся к своим спутникам: – Идемте дальше, ребята!

Олина по тону, верно, поняла, что Исаак заупрямился, сделал глупость и обрадовалась:

– Что это ты сказал, Исаак: шестнадцать коз? А ведь их сейчас только пятнадцать, – сказала она.

Исаак посмотрел на нее. И Олина посмотрела прямо ему в лицо.

– Разве коз не шестнадцать? – спросил он.

– Нет, – ответила она и беспомощно взглянула на присутствующих, как бы подчеркивая бестолковость.

– Так, – тихонько протянул Исаак.

Он закусил зубами кусок бороды и стал грызть ее.

Инженер и его спутники ушли.

Если бы Исаак хотел выразить свое неудовольствие Олине или искалечить ее, то ему представлялся удобный случай, о, чудесный случай, они были в горнице одни, мальчики побежали провожать прохожих. Исаак стоял посреди комнаты, Олина сидела возле печки. Исаак два раза откашлялся, чтоб показать, что собирается поговорить. Он молчал. В этом была его душевная сила. Неужто он не знает своих коз, как свои пять пальцев, с ума сошла эта баба, что ли!

Как это пропадет какая-нибудь животина из хлева, когда он сам ухаживает за всеми и ежедневно со всеми разговаривает, со всеми шестнадцатью козами наперечет! Значит, Олина стащила одну козу, когда вчера здесь была женщина из Брейдаблика.

– Гм! – сказал Исаак едва сдерживаясь от искушения сказать что-нибудь еще.

Что сделала Олина? Может быть, это было не прямое убийство, но не очень далеко от того. Для него вопрос о шестнадцатой козе был очень серьезный.

Но не мог же Исаак век стоять посреди горницы и молчать. Он сказал:

– Гм. Так сейчас всего пятнадцать коз?

– Да, – кратко ответила Олина. – Посчитай сам, у меня больше пятнадцати не набирается.

Сейчас, в эту вот самую минуту он мог бы это сделать: протянуть руку и значительно изменить фигуру Олины одним хорошим движением. Мог. Но не сделал, а храбро произнес, идя к двери:

– Сейчас я больше ничего не скажу! – С этими словами он вышел, с таким видом, как будто в следующий раз за надлежащими словами остановки не будет.

– Елисей! – крикнул он.

Где Елисей, куда девались оба парнишки? Отец хотел задать им вопрос, они были уже большие мальчики, могли видеть, что делается. Он нашел их под овином, они забились в самую глубину, снаружи не видать, и выдали себя боязливым шепотом. И вот они выползли на свет, словно два преступника.

Дело в том, что Елисей нашел цветной карандаш, забытый инженером, но когда он побежал, чтобы отдать его, взрослые широко шагавшие мужчины были уже далеко в лесу, Елисей остановился. У него явилась мысль, что, пожалуй, недурно бы оставить карандаш себе. Он кликнул маленького Сиверта, чтоб вместе решить это дело, и оба заползли под овин со своей добычей. Ах, что за карандашик! Замечательное событие в их жизни, чудо! Они набрали щепок и исписали их значками, а карандаш писал с одного конца красным, с другого синим; ребяташки писали поочередно. Когда отец позвал их так настойчиво и громко, Елисей прошептал:

– Они вернулись за карандашом! – Радость сразу исчезла, ее точно вымело из души, маленькие сердечки их сильно забились и застучали. Братья выползли наружу. Елисей протянул отцу руку с карандашом: вот он, они его не сломали, но лучше бы он никогда не попадался им на глаза!

Никакого инженера не оказалось. Сердца их опять успокоились, они почувствовали райское счастье после волнения.

- Здесь вчера была женщина, – сказал отец.
- Да, а что?
- Соседка с низу. Вы видали, как она уходила?
- Да-а!
- Была с ней коза?
- Нет, – сказали мальчики. – Коза?
- С ней не было козы, когда она уходила домой?
- Нет. Какая коза?

Исаак размышлял. Вечером, когда скотина вернулась с пастбища, он пересчитал коз один раз: оказалось шестнадцать. Он пересчитал еще раз, пересчитал пять раз – было шестнадцать коз. Ни одна не пропала.

Исаак вздохнул с облегчением. Как же это понимать? Олина, тварь этакая, должно быть не умеет считать до шестнадцати. Он с досадой сказал ей:

- Что ты там болтаешь и путаешь – ведь коз шестнадцать?
- Разве шестнадцать? – невинно спросила она.
- Да.
- Ну-уу. Так, так.
- Нечего сказать, хорошо ты считаешь!

Олина ответила тихо и обиженно:

– Раз все козы налицо, значит, слава богу, Олина ни одной не съела. Я рада за нее!

Она удивила его этой загадкой и успокоила. Он не стал больше считать скотину, и ему не пришло в голову пересчитать овец. Разумеется, Олина вовсе не так уж плоха, как никак, она ведет его дом и хозяйство, ходит за его скотиной, она просто очень глупа и вредит только самой себе, а не ему. бог с ней, пусть живет, что с нее взять. Но серой и безрадостной казалась жизнь Исааку.

Прошли годы. На крыше избы выросла трава, даже крыша овина, которая была на несколько лет моложе, стояла зеленая. Лесные мыши давно уже пробрались в кладовую. На хуторе развелось много синиц и других мелких птичек, на бугре жили тетерки, налетели даже грачи и вороны. Но самое удивительное случилось прошлым летом: вдруг появились чайки с берега, они прилетели за много миль с моря и опустились здесь, на этом участке в пустыне! Вот какую известность приобрел на белом свете хуторок! А, как по-вашему, какие мысли

зашевелились у Елисея и маленького Сиверта, когда они увидели чаек? Это были незнакомые птицы из далеких, далеких краев, их было немного, но все-таки шесть штук, беленькие, все одна в одну, они расхаживали пешечком по земле, изредка пощипывая травку.

– Отец, зачем они сюда прилетели? – спросили ребяташки.

– Оттого, что почуяли угрозу на море, – отвечал отец. Очень уж чудно и непонятно было с этими чайками! И много других полезных и хороших знаний преподавал Исаак своим детям. Они уже настолько выросли, что пора было отдать их в школу, но школа находилась за несколько миль в селе, и до нее было не добраться. Исаак сам учил мальчиков азбуке по воскресеньям, но за каким-нибудь высшим образованием он и не гнался, этот прирожденный землепашец за наукой не гнался, поэтому катехиз и священная история покойненько лежали на полке, рядом с козьими сырами. Исаак, должно быть, полагал, что книжная неученость составляет до известной степени силу человека, и потому предоставлял детям расти свободно. Оба были его радостью и благословением. Исаак часто вспоминал, какие они были маленькими, и как мать не позволяла ему брать их на руки, потому что руки у него в смоле. Ха, смола, чище чего не бывает в жизни! Деготь, козье молоко или, скажем, костный мозг – тоже здоровые и превосходные вещи, но смола, сосновая смола, что и толковать!

И вот дети блаженствовали в грязи и невежестве, но в редкие дни, когда им случалось помыться, они были хорошенькие ребятки, а маленький Сиверт был прямо-таки крепыш. Елисей, тот вышел потоньше и посерьезнее.

– Да, а откуда же чайки могут знать, что собирается гроза? – спросил он.

– Они чувствуют погоду, – отвечал отец. – Но уж если на то пошло, никто так не чувствует погоду, как муха, – сказал он, – бог ее знает, что с ней делается, ревматизм, что ли разыгрывается, или головокружение, или еще что.

И муху никогда не надо отгонять, а то она еще хуже пристанет, – сказал он. – Запомните, ребятки. Овод – тот другого нрава, он сам помирает. Овод он так: появится ни с того, ни с сего в какой-нибудь день летом, потом также ни с того, ни с сего и пропадет.

– Куда же он девается? – спросил Елисей.

– Куда девается? Сало в нем свернется, он упадет и не может подняться!

Каждый день приносил новые познания: прыгая с высоких камней, язык надо отводить подальше в рот, а не держать между зубами. Когда дети вырастут и захотят, чтоб в церкви от них хорошо пахло, пусть потрутся листком бирючины, что растет на бугре. Отец был полон премудрости. Он рассказывал детям про камни и про кремень, что белый камень тверже серого; когда он нашел кремень, пришлось разыскать губу – нарост на дереве – сварить ее в щелоке и сделать трут. А потом высек детям из кремня огонь. Он учил их и про луну: когда ее можно взять левой рукой – стало быть, она на прибыли, а когда можно взять правой рукой – стало быть, она на ущербе – запомните, ребята! Изредка случалось, что Исаак заносился чересчур высоко и говорил мудрено: так, однажды он распространился насчет того, что верблюду труднее попасть на небо, чем человеку пролезть в игольное ушко. В другой, поучая о славе ангелов, сказал, что у них каблук подбиты звездами, вместо сапожных гвоздей. Школьный учитель в селе наверно посмеялся бы над незлобивой и простодушной наукой, удовлетворявшей хуторян, но фантазии детей Исаака она давала крепкую и здоровую пищу. Они воспитывались и образовывались для своего собственного тесного мира, что же могло быть лучше? Осенью, когда кололи скотину, мальчики преисполнились любопытства, страха и печали за животных, которых ожидала смерть. Исаак держал животное одной рукой, а другой колот, Олина же спускала кровь. Вот вывели старого козла, такого умного и бородатого, ребята стояли в уголке и смотрели.

– Чертовски холодный ветер нынче, – сказал Елисей, высморкался пальцами и вытер глаза. Маленький Сиверт заплакал откровеннее и не мог удержаться, закричал:

– Ой, бедненький старенький козлик!

Когда козла закололи, Исаак подошел к детям и преподал им следующее наставление.

– Никогда не надо говорить «бедная» и жалеть убойную скотину. Она от этого только труднее помирает. Запомните это!

Так шли годы, и вот снова наступила весна.

Ингер опять прислала письмо, что ей живется хорошо, и она многому учится в тюрьме. Девчоночка ее уже большая, и зовут ее

Леопольдина, по тому дню, в какой она родилась, 15-го ноября. Она все умеет делать: особенно же мастерица на вязанье и шитье, замечательно хорошо у нее выходит, и по материи и по канве.

Удивительнее всего в этом последнем письме было то, что Ингер сама написала его. Исаак на эти дела был не мастер, ему пришлось отнести письмо в село к торговцу, чтобы тот прочитал ему; но после того, как письмо попало ему в голову, оно засело там крепко, и, придя домой, он знал его наизусть.

И вот он с величайшей торжественностью сел за стол, разложил перед собой письмо и стал читать детям. Пусть Олина увидит, что он умеет читать по– писаному, но, впрочем, к ней он не обратился ни с одним словом. Кончив, он сказал:

– Ну, вот, слышите, Елисей и Сиверт, мать ваша сама написала это письмо и научилась делать столько разных вещей. А маленькая сестричка ваша знает больше, чем все мы вместе взятые. Запомните это!

Дети сидели и молча дивились.

– Да, это знатно! – промолвила Олина.

Что она хотела сказать? Уж не сомневалась ли она в правдивости Ингер? Или не доверяла чтению Исаака? Не стоило допытываться настоящего мнения Олины, когда она сидела со своим кротким лицом и говорила загадками. Исаак решил не обращать на нее внимания.

– А когда мама ваша вернется домой, вы тоже научитесь писать, – сказал он мальчикам.

Олина перевесила тряпки, сушившиеся у печки, переставила котел, опять перевесила тряпки, вообще засуетилась. Она все время думала.

– Раз уж у вас здесь в лесу пошло такое знатное житье, ты мог бы принести в дом полфунтика кофею, – сказала она Исааку.

– Кофею? – повторил Исаак. Это у него невольно вырвалось.

Олина спокойно ответила:

– До сих пор я сама покупала понемножку на собственные деньги.

Кофе, который был для Исаака все равно, что мечта, сказка, радуга! Олина, разумеется, вралась, он не сердился на нее; но в конце концов, мешкотный на мысли человек вспомнил про Олинины проделки с лопарями и сказал с досадой:

– Это чтоб я-то стал покупать тебе кофею! Да никак ты сказала, полфунта?

Говорила бы уж – фунт. Этого еще недоставало!

– Будет тебе врать, Исаак! У брата моего Нильса пьют кофий, у соседа Бреде в Брейдаблике тоже пьют кофий.

– Да, оттого что у них нет молока, не водится молока.

– Уж как там ни на есть. А только раз уж ты такой ученый и читаешь по– писаному без запиночки – так ты должен знать, что кофий пьют в каждом доме.

– Тварь! – сказал Исаак.

Тогда Олина села на лавку, отнюдь не собираясь молчать:

– А что касается до Ингер, – сказала она, – раз уж я осмелюсь вымолвить такое святое слово...

– Можешь говорить, что хочешь. Я с тобой не считаюсь.

– Она вернется домой и всему научилась? Чего доброго завела себе ожерелье и шляпку с перьями?

– Да уж наверное.

– Да, да, – сказала Олина, – так пусть немножко отблагодарит и меня за все великолепие, которого достигла.

– Тебя? – спросил Исаак. Он не понимал. Олина смиренно ответила:

– Потому что это я, по мере слабых сил своих, помогла выпроводить ее отсюда.

На это Исаак ничего не мог сказать, все слова замерли у него на языке, он сидел и смотрел, выпучив глаза. Правильно ли он расслышал? У Олины же был такой вид, как будто она ровно ничего не сказала. Нет, в словесном бою Исаак терпел поражение.

Он вышел, потемнев в лице. Олина, эта тварь, питалась злобой и жирела от нее.

– Эх, жалко, что я не убил ее в первый же год! – подумал он и сам себя испугался. – Вот был бы молодец то, – продолжал он думать. – Молодец – он?

Страшнее нельзя себе и представить.

И тут следует забавная сцена: он идет в хлев и считает коз. Они стоят со своими козлятами и все налицо. Считает коров, свинью, четырнадцать кур, два теленка. – А овец-то я и позабыл! – говорит он самому себе вслух, пересчитывает овец и притворяется, будто ему

очень важно узнать, все ли они целы. Исаак отлично знает, что одна овца исчезла, знает давно, зачем же разыгрывать комедию? Дело вот в чем: Олина в свое время сбила его и нагала, будто пропала коза, хотя козы были все целы; он тогда разбушевался, но без толку. И никогда у него не выходило проку от споров с Олиной. Осенью, собираясь колоть скотину, он сразу заметил, что одной суягной овцы нету, но у него не хватило храбрости потребовать тут же отчета. Не собрался и позже.

Но сегодня он мрачен, Исаак мрачен, Олина взбесила его. Он опять считает овец, тыкает указательным пальцем в каждую овцу и считает вслух – пусть Олина послушает, если стоит за дверью. И он громко говорит разные скверные вещи про Олину: что она придумала совсем новый способ кормить овец, так что одна и вовсе пропала, суягная овца, вот какая она дармоедка и воровка! О, пусть себе Олина стоит за дверью и наберется, как следует, страху.

Он входит из хлева, идет в конюшню и считает лошадей, оттуда направляется к дому, пойдет домой и скажет! Но Олина то, должно быть, заметила кое-что из окошка, она тихонько выходит из дверей, в руках у нее лоханка, она направляется в хлев.

– Куда ты девала лопухую суягную овцу? – спрашивает Исаак.

– Суягную овцу? – переспрашивает Олина.

– Будь она здесь, у нее было бы теперь два ягненка, куда ты их девала?

Она всегда приносила по два ягненка. Стало быть, я из-за тебя потерял трех овец, понимаешь ты это!

Олина совершенно поражена, уничтожена обвинением, она качает головой, и ноги точно тают под ней, так что она того гляди упадет и расшибется» Голова ее все время работает, изворотливость всегда выручала ее, всегда приносила ей барыш, не изменит она ей и теперь.

– Я краду коз, и я краду овец, – тихо говорит она. – Не знаю вот только, что я с ними делаю? Разве, что съедаю.

– Да уж, черт тебя знает, что ты с ними делаешь.

– Так. Стало быть, ты так плохо кормил меня, Исаак, что мне приходилось красть? Но я и за глаза тебе скажу, что за все эти годы мне не было нужды красть.

– Ладно уж. Куда ты девала овцу? Отдала Ос-Андерсу, что ли?

– Ос-Андерсу! – Олина ставит на земь лоханку и молитвенно складывает руки.

– Да спаси меня Господь от греха! О какой овце с ягненком ты толкуешь? Не о яловой ли козе, еще лопоухая такая?

– Тварь! – говорит Исаак и поворачивается уходить.

– Ну не чудак ли ты, Исаак! Всего-то у тебя вдоволь, и скотины во дворе, что звезд на небе, а тебе все мало! Почем я знаю, какую овцу и каких двух ягнят ты с меня спрашиваешь? Благодарил бы лучше бога за его милосердие до тысячного колена. Вот пройдет лето да самая малость зимы, и опять овцы пойдут ягниться, и у тебя станет втрое больше, чем сейчас!

Ох, уж эта Олина!

Исаак уходит, рыча, словно медведь. – И болван же я был, что не убил ее в первый же день! – думал он, всячески ругая себя. – Вот простофиля-то, дурак!

Ну, да и сейчас не поздно, подожди, пойдя только в хлев! Нынче вечером, пожалуй, уж не стоит с ней возиться, зато завтра посмотрим. Три овцы пропали! Говорит – кофею!

Глава X

Следующий день принес крупное событие: на хутор пришли гости, пришел Гейслер. Болота еще не просохли, но Гейслер не обращал внимания на дорогу, он пришел пешком, в богатейших сапогах с длинными голенищами и широкими лакированными отворотами; перчатки на нем были желтые; страсть, какой нарядный; человек из села нес его багаж.

Пришел он собственно за тем, чтоб купить у Исаака участок скалы, медную жилу, – какую им назначить за нее цену? А кстати, принес и поклон от Ингер – молодец баба, все ее там полюбили; он приехал из Тронгейма и сам говорил с ней.

– Ну, Исаак, много же ты здесь наработал!

– Да не без того. Так вы говорили с Ингер?

– Что это там такое? Ты поставил мельницу, сам мелешь себе муку?

Великолепно. И много поднял целины с тех пор, что я здесь был.

– Так что с ней благополучно?

– Да, благополучно. С твоей женой-то? Да, да, вот послушай!

Пойдем в клеть.

– Нет, там не прибрано! – говорит Олина, желая их устранить оттуда по многим причинам.

Они вошли в клеть и затворили за собой дверь, Олина осталась в горнице и ничего не слышала.

Ленсман Гейслер сел, хлопнул себя изо всех сил по коленкам и стал решать судьбу Исаака.

– Надеюсь, ты еще не продал свою медную скалу? – спросил он.

– Нет.

– Отлично. Так я покупаю ее. Да, я говорил с Ингер, и не с ней одной. Ее, наверное, скоро освободят, дело сейчас у короля.

– У короля!

– У короля. Я был у твоей жены, разумеется, меня пустили без всяких затруднений, мы долго разговаривали:

– Ну, Ингер, ведь ты хорошо поживаешь, совсем хорошо?

– Да, пожаловаться не на что.

– А по дому скучаешь?

– Да уж не без того.

– Ты скоро попадешь домой, – сказал я. И вот что я скажу тебе, Исаак, она молодец баба, никаких слез, наоборот, она улыбалась, кстати, ей сделали операцию и зашили теперь рот, как следует. Прощай, сказал я ей, ты здесь недолго останешься, вот тебе мое слово!

– Я пошел к директору, еще бы недоставало, чтоб он меня не принял! У нас, говорю, есть тут одна женщина, которую надо выпустить и поскорее отправить домой, Ингер Селланро. – Ингер? – сказал он. – Да, она хорошая женщина, я, – говорит, – был бы рад оставить ее еще на двадцать лет. – Ну, из этого ничего не выйдет, – сказал я, – она и так пробыла у вас чересчур долго. – Чересчур долго? – спросил он. – Разве вы знаете ее дело? – Я знаю дело, как нельзя лучше, – отвечал я, – я был у них ленсманом. – Пожалуйста, садитесь, – сказал он тогда (еще бы!). – Да, мы стараемся сделать, что можно, для Ингер и для ее девочки, – сказал директор. – Так она, стало быть, из ваших мест? Мы помогли ей приобрести швейную машину, сделали помощницей заведующей мастерской и многому научили ее: домоводству, ткацкому ремеслу, красильному, шитью, кройке. Так вы говорите, что она пробыла здесь слишком долго? – У меня был готов на это ответ, но я решил подождать и сказал только: – Да, дело ее велось неправильно, оно должно быть пересмотрено; теперь, после пересмотра уголовного дела, ее, может быть, и совсем оправдали бы. Ей послали зайца, когда она была беременна. – Зайца? – спросил директор. – Зайца, – ответил я, – и ребенок родился с заячьей губой. – Директор улыбнулся и сказал: – Ага, вот что. И вы полагаете, что на этот момент было обращено недостаточно внимания? – Да, – сказал я, – об этом моменте совсем даже и не упоминалось.

– Но ведь это и не так уж важно? – Для нее это оказалось довольно важно.

– Неужели вы думаете, что заяц может творить чудеса? – спросил он. – Я отвечал: – Может ли заяц творить чудеса или нет, об этом я не стану спорить с господином директором. Вопрос в том, какое влияние мог оказать вид зайца при данных обстоятельствах на женщину с заячьей губой – на жертву.

Он подумал с минуту, потом сказал: – Да, да, но наше дело здесь только принять приговоренных, мы не проверяем приговор. Согласно

приговору, Ингер пробыла здесь не дольше, чем полагалось.

Тут я заговорил, о чем следовало: – В самом приговоре о заключении Ингер Селланро допущена ошибка. – Ошибка? – Во-первых, ее не следовало увозить в том состоянии, в каком она находилась. – Директор удивленно посмотрел на меня. – Ах, так, – сказал он. – Однако, ведь не нам же, в тюрьме разбирать это.

Во-вторых, – сказал я, – она не должна была целых два месяца отбывать наказание в полной мере, пока тюремное начальство не обнаружило ее состояние. – Это попало в точку, директор молчал долго: – У вас есть доверенность на ведение дела этой женщины? – спросил он. – Да, сказал я. – Как я уже говорил, мы довольны Ингер и обращаемся с нею соответственно, – заговорил директор, и опять стал высчитывать, чему они ее научили, – мы, говорит, научили ее даже читать и писать. И дочку, ее тоже пристроили у кого-то и так далее. Я разъяснил, какова обстановка в семье Ингер; двое малышей, наемная работница для ухода за ними, и так далее. – У меня есть заявление от ее мужа, – сказал я, – оно будет приложено или к заявлению о пересмотре дела или к ходатайству о помиловании. – Покажите мне это заявление, – сказал директор. – Я принесу его завтра в присутственные часы, – ответил я.

Исаак сидел и слушал, это было поразительно, какое-то приключение в чужом краю. Он не отрывал глаз от губ Гейслера.

Гейслер продолжал рассказывать: – Я пошел к себе в гостиницу и написал заявление, писал как будто от тебя и подписался Исаак Селланро. Но ты не думай, что я написал хоть слово насчет того, что они неправильно поступили в тюрьме. Даже и не намекнул. На следующий день я отнес документ. – Пожалуйста, садитесь! – сейчас же сказал директор. – Прочитал мое заявление, изредка кивая головой, и, в конце концов, сказал: – Прекрасно. Но оно не годится для пересмотра дела. – Годится вместе с дополнительным заявлением, которое у меня тоже имеется, – сказал я и опять цопал в точку. Директор поспешно ответил:

– Я обдумывал это дело со вчерашнего дня и нахожу достаточные основания для возбуждения ходатайства за Ингер.

– Которое вы, господин директор, при случае, поддержите? – спросил я.

– Я дам отзыв, хороший отзыв. Тогда я поклонился и говорю:

– В таком случае, помилование обеспечено. Благодарю вас от имени несчастного мужа и покинутой семьи.

– Я думаю, нам незачем запрашивать дополнительные сведения с места ее родины, – спросил директор, – вы ведь все знаете?

Я отлично понимал, почему все должно было происходить, так сказать, втихомолку, и ответил:

– Сведения с места только затянут дело.

– Вот тебе и вся история, Исаак. – Гейслер посмотрел на часы. – А теперь к делу! Можешь ты проводить меня на медную скалу?

Исаак был камень и чурбан, он не мог так мгновенно менять тему, и весь полный мыслью и изумления принялся расспрашивать. Он услышал, что ходатайство направлено к королю и будет рассматриваться в одном из ближайших заседаний государственного совета.

– Чудеса! – проговорил он.

Пошли на скалу, Гейслер, его провожатый и Исаак, и пробыли там несколько часов; за это короткое время Гейслер прошел по месторождению медной жилы, прихватил еще порядочный кусок камня и наметил вехами границы участка, который намеревался купить. Он был торопыга. Но отнюдь не дурак, быстрые суждения его были удивительно уверенны.

Вернувшись на хутор – опять с мешком образцов камней – он достал письменные принадлежности и сел писать. Но он занимался не только писаньем, а по временам и болтал:

– Да, Исаак, очень уж больших денег за скалу ты сейчас еще не получишь, но сотню-другую далеров я тебе дам! – Он опять принялся писать. – Напомни мне посмотреть твою мельницу перед уходом, – сказал он. Потом заметил синие и красные линии на ткацком станке и спросил: – Кто это нарисовал? – А это Елисей нарисовал лошадь и козла; за неимением бумаги он малевал своим карандашом на станке и на других деревянных вещах. Гейслер сказал: – Это совсем недурно сделано! – и дал Елисею мелкую монетку.

Гейслер пописал еще немножко.

– Должно быть здесь скоро появятся и еще новые хуторяне?

На это провожатый его сказал:

– Да, уж начали появляться.

– Кто же?

– Да вот хоть бы первый, в Брейдаблике, как его называют, Бреде из Брейдаблика.

– Ну, уж этот! – презрительно фыркнул Гейслер.

– Да, да, а потом купили участки еще двое.

– Да годятся ли они на что-нибудь! – сказал Гейслер. И заметив в эту минуту, что в комнате двое ребяташек, притянул к себе маленького Сиверта и дал ему монетку. Удивительный человек этот Гейслер! Только вот, глаза у него стали побаливать, края век подернуты как будто красным инеем. Это могло быть от бессонных ночей, а еще бывает и от крепких напитков. Но не похоже, чтоб он находился в упадке; о чем попало, он вероятно все время думал о лежавшем перед ним документе, потому что вдруг схватил перо и опять написал несколько строчек.

Но вот он как будто кончил. Он обернулся к Исааку:

– Да, как я уже говорил, богачом ты от этой продажи не сделаешься. Но впоследствии может оказаться и побольше. Мы так и напишем, что впоследствии ты получишь еще. А две сотни можешь получить сейчас.

Исаак не особенно понимал, в чем дело, но двести далеров, это во всяком случае, опять-таки чудо и огромная сумма. Он соглашался получить ее только на бумаге и не собирался, разумеется, получать наличными, но пусть уж будет так, у Исаака было другое на уме, он спросил:

– А вы думаете, ее помилуют?

– Твою жену? Если б в здешнем селе был телеграф, – ответил Гейслер, – я запросил бы в Тронгеме, может, ее уже выпустили.

Исаак слышал кое-что о телеграфе, чудная штука, проволока на высоких столбах, что-то такое сверхъестественное – у него шевельнулось недоверие к словам Гейслера.

– Ну, а если король откажет?

– В таком случае я пошлю дополнительное заявление, в котором будет сказано все. И тогда твою жену непременно освободят. Можешь не сомневаться.

Затем он прочитал записанное, запродажную на участок скалы: двести далеров немедленно и в дальнейшем порядочный процент при разработке или возможном сбыте медной руды.

– Подпиши вот здесь! – сказал Гейслер.

Исаак подписал бы моментально, но писака он был плохой, всю свою жизнь резал буквы только на дереве. Ох, но тут стояла противная Олина и смотрела во все глаза, он взял перо, чертовски легонькую штучку, помусолил надлежащий конец и подписал – написал свое имя. Затем Гейслер приписал еще что-то, должно быть разъяснение к его подписи, а провожатый Гейслера расписался в качестве свидетеля.

Готово.

Но Олина все еще стояла неподвижно. Она словно окаменела на месте. Что такое происходит?

– Подавай на стол, Олина! – сказал Исаак, пожалуй, немножко громче обычного, оттого что пописал на бумаге. – Уж чем богаты, тем и рады, сказал он Гейслеру.

– Здесь вкусно пахнет мясом и похлебкой, – сказал Гейслер. – Ну, смотри, Исаак, вот деньги! – Гейслер достал бумажник, большой и толстый, вынул из него две пачки кредиток, пересчитал и положил на стол: – Пересчитай сам!

Молчание. Тишина.

– Исаак! – окликнул Гейслер.

– Да. Ну, так, так, – ответил Исаак и пробормотал в крайнем смущении.

– У меня и в расчете такого не было после всего, что вы для нас сделали...

– Здесь должно быть десять десятков, а здесь двадцать пятерок, – отрезал Гейслер. – Надеюсь, со временем тебе придется получить больше.

Наконец, Олина пришла в себя. Чудо свершилось. Она подала на стол.

На следующее утро Гейслер сходил на реку и осмотрел мельницу. Все было маленькое и сделано очень грубо, словно мельница для жителей преисподней, но крепкое и пригодное для людей. Исаак повел своего гостя немного дальше вверх по реке и показал другой порог, на котором он уже немножко поработал, здесь он собирался устроить маленькую лесопилку, если Господь даст здоровья.

– Только дело в том, что очень далеко отсюда до школы, – сказал он, – придется поместить ребятишек в селе.

Легкомысленный Гейслер не усмотрел в этом никакого неудобства:

– Как раз сейчас здесь становится все больше и больше новоселов, так что наверно будет образован школьный округ.

– Ну, это-то будет уж, когда мои ребята вырастут.

– А если даже придется поместить их у кого-нибудь в селе? Свезешь туда мальчуганов и провизии, и будешь брать их домой через три, через шесть недель, разве для тебя это что-нибудь значит!

– Нет, – ответил Исаак.

Ну, да; ничего не значило, если вернется домой Ингер. Дом и земля, пища и всякое богатство – все у него было, есть и большие деньги, и железное здоровье. Ох, а что до здоровья – закаленное и неподорванное во всех смыслах – настоящее мужицкое здоровье.

По отъезде Гейслера Исаак начал обдумывать разные гордые затеи. Да, потому что этот Гейслер, дай ему Господь здоровья, на прощанье сказал такие утешительные слова, что пришлет Исааку весточку с первой же оказией, когда доберется до телеграфа.

– Ты справишься в почтовой конторе недельки через две, – сказал он.

Уже это одно было необыкновенно, и Исаак приступил к устройству сиденья в телеге. Да, да, сиденье, которое будет сниматься во время возки навоза и надеваться для езды. Когда он его сделал, оно оказалось таким белым и новеньким, что следовало бы покрасить его в более темный цвет. А впрочем, чего только не надо было бы сделать! Следовало бы покрасить все постройки.

Разве он не думал целыми годами о большом сарае с помостом для сена? И разве не мечтал поскорее закончить лесопилку, обнести оградой весь свой участок, построить лодку на озере? О чем только он ни думал! Но сколько бы сил он ни затрачивал, времени никак не хватало. Не успеет оплянуться, наступало воскресенье, а там, глядишь, немножко погода – опять воскресенье.

Но покрасить он решил непременно, строения стояли такие серые и голые, словно раздетые. Время свободное было, весна не установилась, и мелкий скот гулял на воле, но мерзлота еще нигде не оттаяла.

Он берет с собой несколько дюжин яиц на продажу, идет в село и возвращается с краской. Ее хватило на одну постройку, на овин, он вышел красный. Он приносит еще краски – желтой охры для избы.

– Да уж, видно, так и есть, как я говорила, страсть, как важно здесь будет! – ежедневно бормочет Олина. О, Олина отлично

понимала, что житью в Селланро скоро конец, она была достаточно упряма и стойка, чтоб перенести это, но горечь в ней накоплялась. Исаак, со своей стороны, перестал теперь с ней считаться, хотя она здорово тащила и крала на последках. Исаак даже подарил ей годовалого барана, потому что, в сущности, она долго прожила у него за маленькую плату. Впрочем, Олина и для детей была не плоха – она не была строга и справедлива, но умела ладить с детьми, слушала, что они говорили, и позволяла им почти все. Если они приходили к ней, когда она варила сыр, она давала им попробовать, если в воскресенье приставали, чтоб не умываться – она позволяла.

Загрунтовав постройки, Исаак опять отправился в село и набрал краски, сколько мог унести, а это оказалось немало. Он трижды покрасил все стены и побелил окна и углы. Когда теперь, возвращаясь из села, он видел на откосе свою усадьбу, ему казалось, что перед ним какой-то волшебный замок. Пустыня сделалась неузнаваемой и обитаемой, благодать покоилась на ней, жизнь восстала из долгого сна, здесь жили люди, вокруг домов играли дети. Вплоть до синих гор стоит большой и ласковый лес.

В последний же раз, когда Исаак пришел за красками, торговец передал ему синее письмо с гербом, и взял за него пять скиллингов. Это была телеграмма, пересланная дальше по почте, и была она от ленсмана Гейслера. Благословен будет этот Гейслер, и удивительный же он человек! Он телеграфировал несколько слов: Ингер свободна, скоро приедет. Гейслер. – Тут лавка завертелась в глазах Исаака, а прилавок и люди уплыли куда-то далеко. Он больше почувствовал, чем услышал, как сам сказал:

– Благодарение и слава тебе, Господи!

– Ты можешь забрать ее пожалуй завтра же, – сказал торговец, – если она успела вовремя выехать из Тронгейма.

– Так, – сказал Исаак.

Он подождал до завтра. Ялик, привозивший почту с пароходной пристани, вернулся, но Ингер на нем не было.

– Ну, так раньше будущей недели не приедет, – сказал торговец.

Отчасти было хорошо, что у Исаака оказалось так много времени впереди, столько еще надо было сделать. Не мог же он все позабыть и забросить свою землю? Он идет домой и принимается вывозить навоз. С этим быстро покончено.

Он пробивает ломом землю в полях и день за днем следит за оттаиванием почвы.

Солнце большое и яркое, снег сошел, всюду зеленеет, выпущен и крупный скот.

И вот в один прекрасный день Исаак пашет, несколько дней спустя сеет ячмень и сажает картошку. Ха, ребяташки сажают картошку, словно ангелы, у них маленькие благодатные ручонки, и они положительно обгоняют отца.

Потом Исаак моет на реке телегу и прилаживает к ней сиденье. Он говорит мальчуганам, что собирается в село.

– А ты разве не пойдешь пешком?

– Нет. Я решил нынче съездить на лошади и в телеге.

– А нам нельзя с тобой?

– Вы будьте умники и оставайтесь покамест дома. Нынче приедет ваша мама и научит вас разным штукам.

Елисею хочется учиться, и он спрашивает:

– Когда ты писал на бумаге, на что это похоже?

– Да ни на что, – отвечает отец, – рука, словно привязанная.

– А оно не хочет раскатиться, как по льду?

– Кто?

– Да перо, которым ты пишешь?

– О-о, ну да! Только надо научиться управлять им.

Маленький Сиверт был другого склада и не интересовался перьями, он хотел посидеть в телеге, только посидеть на сиденье, помахать кнутом на воображаемую лошадь и ехать во всю прыть. Благодаря ему отец взял обоих мальчиков в телегу, и они проехали с ним порядочный кусок по дороге.

Глава XI

Исаак едет, пока не доезжает до ржавчика, тут он останавливается. Ржавчик, – дно у него черное, маленькая лужица воды неподвижна. Исаак знает, на что она годится, наверное, в жизни своей он не пользовался никаким другим зеркалом, кроме такого ржавчика. Что ж, сегодня он нарядно одет, в красной рубахе, и вот он достает ножницы и подстригает себе бороду. Этаким фат, этот мельничный жернов, неужели он и впрямь решил прифрантиться и расстаться с своей пятилетней железной бородой? Он стрижет, стрижет и поглядывает в зеркало. Разумеется, он мог бы проделать эту работу сегодня и дома, но он стеснялся Олины, довольно уж и того, что под носом у нее надел красную рубаху. Он стрижет и стрижет, кусочки бороды падают на зеркало. Лошадь не стоит, ему приходится прервать свой туалет и считать его законченным. И что ж! Он чувствует себя положительно моложе. Черт его знает, отчего это, но положительно он стал как будто стройнее. Потом едет в село.

На следующий день приходит почтовый пароход. Исаак встречает его на утесе, возле пристани торговца, но Ингер не видно. Господи, пассажиров много, и взрослых и детей, но Ингер нету. Он отошел назад и присел на утес, теперь сидеть здесь уж незачем, он пошел к пароходу. С борта на берег продолжали выгружать ящики, бочонки, сходили люди, бросали почту, но Исаак не видел своих. Зато он увидел женщину с маленькой девочкой, стоявшую у двери в трюм, но женщина эта была красивее, чем Ингер, хотя Ингер и не была безобразна.

Что такое – да ведь это же и есть Ингер! – Хм! – кашлянул Исаак и устремился вверх. Они поздоровались. «Здравствуй» сказала она и протянула ему руку, немного озябшая, побледневшая от морской болезни и путешествия, а Исаак только стоял молча и под конец выговорил:

– Да, да, погода хорошая!

– Я тебя видела вон там, но не хотела выставляться вперед, – сказала Ингер. – Ты приехал сегодня в село? – спросила она.

– Да. Гм!

– Вы все дома здоровы?

– Да, спасибо.

– Вот это Леопольдина, она гораздо лучше меня перенесла дорогу. А это твой папа, поздоровайся с папой, Леопольдина.

– Гм! – поспешно сказал Исаак, он чувствовал себя так чудно, он был точно чужой среди них.

– Видишь на лодке швейную машину, это моя. И потом у меня еще есть сундук.

Исаак пошел, пошел более чем охотно, матросы нашли ему сундук, но машину Ингер пришлось разыскивать самой. Это был красивый ящик незнакомой формы, с круглым верхом и ручкой – швейная машина в этих-то местах! Исаак навьючил на себя сундук и машину и посмотрел на свою семью.

– Я скоренько сбегаю наверх со всем этим, а потом приду за ней, – сказал он.

– За кем? – улыбаясь спросила Ингер. – Ты думаешь, такая большая девочка не умеет ходить сама?

Они пошли на гору, к лошади и телеге.

– У тебя новая лошадь? – сказала Ингер, – и телега с сиденьем?

– Понятно. Да, что я хотел сказать: не хочешь ли закусить немножко? Я захватил с собой.

– Уж когда выедем в поле, – ответила она. – Как думаешь, Леопольдина, ты можешь ехать одна?

Но отец не допустил:

– Нет, она может упасть под колеса. Сядь ты вместе с ней и правь сама.

Они поехали, а Исаак пошел сзади.

Он шел и смотрел на сидевших в телеге. Вот Ингер и приехала, чужая с виду и по платью, нарядная, без заячьей губы, только с красным рубчиком на верхней губе. Она перестала шепелявить, это было самое замечательное, говорила совсем чисто. Бахромчатый серый с красным шерстяной платок удивительно шел к ее темным волосам. Она обернулась в телеге и сказала:

– Хорошо если б у тебя было с собой одеяло, вечером ребенку будет, пожалуй, холодно.

– Пусть она наденет мою куртку, – сказал Исаак, – а когда выедем в лес, так там у меня положено одеяло.

– У тебя припасено в лесу одеяло?

– Да. Я не взял его сразу с собой, на случай, если вы сегодня не приедете.

– А! Что ты мне сказал? Мальчики, значит тоже здоровы?

– Да, спасибо.

– Я думаю, они очень выросли?

– Да, не без того. Нынче сами сажали картошку.

– О-о, – сказала мать, улыбаясь, и покачала головой, – неужто они уж умеют сажать картошку?

– Елисей мне до этих пор, а Сиверт вот по этих, – сказал Исаак, показывая на себе.

Маленькая Леопольдина попросила есть. И что за красивенькая малютка, чисто божья коровка в телеге! Она говорила нараспев, на непонятном Тронгеймском наречии, кое-что отцу приходилось даже переводить. Лицом она вышла в мальчиков, карие глаза и овальные щечки, которые все трое унаследовали от матери; дети вышли в мать, и слава богу! Исаак немножко стеснялся своей маленькой дочки, стеснялся ее маленьких башмачков, длинных, тоненьких ножек в шерстяных чулках, короткого платьица; здороваясь с незнакомым папой, она присела и подала ему крошечную ручку.

Въехали в лес и сделали привал, все стали есть, лошади задали корму.

Леопольдина бегала по вереску с куском в руке.

– Ты не очень изменился, – сказала Ингер, глядя на мужа.

Исаак отвернулся и ответил:

– Ну, тебе так кажется. А вот ты стала страх какая шикарная!

– Ха-ха-ха, ну нет, я уж теперь старуха, – сказала она шутливо.

Нечего скрывать, Исаак чувствовал себя неуверенным, точно стыдился чего– то. Сколько лет его жене? Наверное не меньше тридцати – то есть не может быть больше, никак не больше. Хотя у Исаака была настоящая еда, он сорвал ветку вереска и стал жевать эту ветку.

– Что это – ты ешь вереск! – смеясь воскликнула Ингер.

Исаак отбросил ветку, сунул в рот кусок хлеба, отошел к лошади и поднял ей передние ноги с земли. Ингер с изумлением следила за этой сценой и увидела, что лошадь встала на дыбы.

– Зачем ты это делаешь? – спросила она.

– Она такая смиренная, – сказал он про лошадь и отпустил ей ноги. Для чего он это сделал? Должно быть, ему непреодолимо захотелось. А может он хотел этим скрыть свое смущение.

Потом двинулись дальше, и все трое некоторое время шли пешком. Подошли к хутору.

– Что это такое? – спросила Ингер.

– Это участок Бреде, который он купил.

– Бреде?

– Называется Брейдаблик. Здесь большое болото, но насчет леса плохо. – Они еще поговорили об этом, пройдя Брейдаблик. Исаак заметил, что телега Бреде все еще стоит под открытым небом.

Но вот девочка захотела спать, и отец бережно поднял ее на руки и понес.

Они все шли, Леопольдина скоро заснула, тогда Ингер сказала:

– Давай завернем ее в одеяло и положим в телегу, пусть спит там, сколько хочет.

– Ее там растрясет, – возражает отец и несет девочку дальше. Они минуют болота и опять въезжают в лес, Ингер говорит! – Тпру! – Она останавливает лошадь, берет ребенка от Исаака и просит его переместить сундук и швейную машину, чтобы Леопольдину можно было положить на дно телеги: – Ничего ее не растрясет, что за глупости!

Исаак устраивает все, закутывает дочку одеялом и подкладывает ей под голову свою куртку. Потом едут дальше.

Муж и жена идут и говорят о том, о сем. Солнце долго не садится, погода теплая.

– Олина – где она спит? – спрашивает Ингер.

– В клети.

– А! А мальчики?

– Они на своих постелях в горнице. Там, в горнице, кровати, как было, когда ты уезжала.

– Я все смотрю на тебя, ты точь в точь такой же, какой и был, – говорит Ингер. – Сколько тяжестей, небось, перетаскали эти твои плечи, а, видно, не ослабели.

– Не-ет. А что это я хотел сказать: так тебе сносно жилось все эти годы? – О, Исаак был так взволнован, он задал этот вопрос и весь трепетал.

Ингер ответила, что да, она не может пожаловаться. Между ними начался чувствительный разговор, Исаак спросил, не устала ли она, и не хочет ли лучше ехать.

– Нет, спасибо, – сказала она. – Только я не понимаю, что это со мной сделалось; после этой морской болезни я все время точно голодна.

– Тебе хочется поесть?

– Да. Если только это не очень нас задержит.

О, эта Ингер, она, наверно, не сама была голодна, а хотела покормить Исаака, ведь он испортил себе закуску веткой вереска.

И так как вечер был светлый и теплый, а ехать еще с добрую милю, они принялись опять закусывать.

Ингер вынула из сундука пакет и сказала:

– Вот я тут привезла кое-чего мальчишкам. Пойдем за кусты, там солнце!

Они вышли за кусты и она показала подарки: красивые подтяжки с пряжками для мальчиков, тетрадки с прописями, обоим по карандашу, обоим по перочинному ножичку. Себе она везла замечательную книгу:

– Ты только посмотри, здесь написано мое имя, молитвенник! Это подарок директора на память.

– Исаак вполголоса восхищался каждой вещью. Она показала несколько маленьких воротничков, принадлежавших Леопольдине, и дала Исааку черный шарф, блестящий, как шелк.

– Это мне? – спросил он.

– Да, тебе.

Исаак осторожно взял в руки и погладил.

– Красивый, правда?

– О, красивый! В таком можно объездить весь свет! – А пальцы у него стали такие чудные, так и прилипали к этому чудесному шелку.

Вот уж Ингер и нечего показывать, но, укладывая пакет, она сидела, вытянув вперед ноги, так что видны были ее чулки с красными каемками.

– Гм. Это, должно быть, городские чулки? – спросил Исаак.

– Да. Это городская пряжа, только я сама их связала – на спицах. Это очень длинные чулки, выше колена, вот посмотри...

Немного погодя, она услышала свой собственный шепот:

– А ты... ты весь такой же... каким был!

Через некоторое время они опять едут, Ингер сидит в телеге и держит вожжи.

– Я привезла с собой пакетик кофею, – говорит она, – только нынче вечером тебе не придется попробовать, он не жареный.

– Ничего! – отвечает он.

Через час солнце село и стало свежо, Ингер хочет слезть и идти пешком.

Вдвоем они плотнее укутывают Леопольдину одеялом и улыбаются тому, что она так долго спит. Муж и жена опять тихонько переговариваются на ходу. Как приятно слушать речь Ингер, никто не говорит чище, чем она сейчас!

– У нас теперь не четыре коровы? – спрашивает она.

– Ох, нет, больше, – гордо отвечает он, – у нас восемь.

– Восемь коров!

– Да, вместе с быком.

– А вы продавали масло?

– Как же. И яйца.

– У нас и куры есть?

– Само собой. И свинья.

Ингер по временам до того удивляется, что не может опомниться и на минутку останавливает лошадь:

– Тпру!

А Исаак гордится и старается еще больше ее огорошить:

– А Гейслер-то, – говорит он, – знаешь Гейслера? Он был у нас недавно.

– И что ж?

– Он купил у меня медную гору.

– Ну? Что за медная гора?

– Из меди. Она вон там, наверху, на северной стороне озера.

– А-а. Так ты же, наверное, немного за нее получил?

– Как бы не так! Не такой он человек, чтобы не заплатил как следует.

– Сколько же ты получил?

– Гм. Ты не поверишь, – целых двести далеров.

– И ты их получил? – восклицает Ингер и опять останавливается на минутку: – Тпру!

- Получил. И за участок выплатил давным-давно, – сказал Исаак.
- Нет, ты прямо какой-то необыкновенный!

Поистине, приятно было удивлять Ингер и превращать ее в богачку; поэтому Исаак прибавил, что у них нет никаких долгов, ни торговцу и никому другому.

И у него припрятаны не только Гейслеровы двести далеров, но и еще сверх того, еще целых сто шестьдесят далеров. Так что он уж и не знает, как им благодарить бога.

Они заговорили о Гейслере, Ингер рассказала, как он потрудился для ее освобождения. Это прошло не так-то для него гладко, он долго приставал к директору и был у него много раз, Гейслер писал даже самим государственным советникам или каким-то другим начальникам, но это он делал за спиной у директора, и когда директор узнал, то очень рассердился, как и можно было ожидать. Но Гейслер его не испугался и потребовал нового допроса, нового суда и все такое. И тут уж королю пришлось подписать.

Бывший ленсман Гейслер всегда хорошо относился к этим двум людям, и они часто думали, за что бы это; он делал все за простую благодарность, это было прямо непонятно. Ингер говорила с ним в Трондъеме, и все-таки не поняла его. – Он никого другого в селе не хочет знать, кроме нас, – объяснила она.

– Он так сказал?

– Да. Он зол на здешнее село. Я, говорит, им покажу – селу-то!

– Так.

– И они, говорит, пожалеют, что остались без меня. Они выехали на опушку и увидели впереди свой дом.

Построек стало больше, чем прежде, они были красиво выкрашены, Ингер не узнавала места и резко осадилась лошадь:

– Да ведь это же не... не у нас! – воскликнула она. Маленькая Леопольдина, наконец, проснулась и тоже встала, она совсем выпалась, ее спустили на землю и она пошла.

– Мы туда едем? – спросила она.

– Да. Хорошо тут?

У домов двигались маленькие фигурки, это были Елисей и Сиверт, поджидавшие приезжих; они побежали навстречу, Ингер так озябла, такой на нее напал кашель и насморк, что отозвался даже на

глазах, они наполнились влагой. – На пароходе так простужаешься, видал ты, до чего можно застудить глаза!

Но, подбежав ближе, мальчики вдруг остановились и вытаращили глаза. Мать свою они позабыли, а маленькую сестрицу никогда не видали. Но папа – его они узнали только, когда он подошел совсем близко. Он остриг свою длинную бороду.

Глава XII

Теперь опять все хорошо. Исаак сеет овес, боронит, заглаживает его катком.

Маленькая Леопольдина прибегает и просится покататься на катке. Вот выдумала – покататься на катке! Она такая маленькая и ничего не понимает, братья ее лучше знают, на папином катке ведь нет сиденья.

Но папе приятно, что пришла маленькая Леопольдина и что она такая доверчивая, он говорит с ней и просит ее аккуратно ступать по полю, чтоб не набрать земли в башмачки.

– Да что это, на тебе, кажется, сегодня голубенькое платьице? Покажи-ка, ну да, конечно, голубенькое! И поясок и все такое. Ты помнишь большой пароход, на котором приехала? А машины видела? Ну, а теперь иди домой с мальчиками. Займитесь чем-нибудь.

После отъезда Олины Ингер впряглась в свою работу по дому и на скотном дворе. Она, пожалуй, несколько преувеличивает свою чистоплотность и из стремления показать, что она желает придать другой оборот делу, и, действительно, прямо необыкновенно, какая во всем произошла перемена, даже стекла в землянке у скотины начисто вымыты и стойла подметены.

Но это было только в первые дни, в первую неделю, потом она понемножку стала отставать. В сущности, весь этот парад на скотном дворе был совсем не нужен, можно было лучше использовать время, Ингер так многому научилась в городе, и следовало бы извлечь выгоду из этой науки. Она снова взялась за прялку и ткацкий станок и, правда, стала еще мастеровитее и проворнее, чересчур уж даже проворна, ох, ты! Особенно, когда на нее смотрел Исаак; он не понимал, как это человек может так шибко двигать пальцами, длинными, красивыми пальцами на большой руке. Но в разгаре одной работы Ингер вдруг бросала ее и переходила к другой. Правда, у нее теперь стало больше дела, чем прежде, и большой кругозор, может быть, она стала теперь и не так уж терпелива. В ней, как будто, поселилось какое-то беспокойство и подгоняло ее.

Вот взять хоть бы цветы, которые она привезла с собой. Луковицы и отводки, маленькие растеньица, о них тоже надо было позаботиться. Окошка стало мало, подоконник слишком узок для цветочных горшков. Исааку пришлось сделать ей маленькие ящики для бегоний, фуксий и роз.

А кроме того, одного окошка и вообще было мало; что значит одно окно для целой горницы!

– И еще вот что, – сказала Ингер, – у меня нет утюга. Мне нужен утюг, чтоб приглаживать швы, когда я шью белье и платье, а то нельзя сделать настоящего шва; хоть какой-нибудь утюг да нужен.

Исаак обещал заказать кузнецу в селе выковать замечательный утюг. О, Исаак готов был сделать все, готов был исполнить все требования Ингер, потому что, это-то он понимал, она многому научилась и стала совсем особенная. И речь у нее стала другая, лучше, благороднее. Она уж никогда не кричала ему по старому: – Иди поешь! – теперь она говорила: – Пожалуйста, пойди покушай! Все стало по-другому. В старину он отвечал самое большое:

«ладно» и работал еще с добрый час прежде, чем пойти. Теперь он отвечал:

«Спасибо!» и шел сейчас же. От любви умный глупеет, иногда Исаак отвечал:

«Спасибо, спасибо!» Но, конечно, все стало по-другому, и не слишком ли уж по-благородному они начинали жить? Когда Исаак говорил «навоз» или выражался на обычном наречии землепашца, Ингер, «ради детей», поправляла «Удобрение».

Она заботилась о детях, учила их всему и двигала вперед; крошка Леопольдина преуспевала в вязании крючком, а мальчуганы в письме и школьных науках, таким образом, они не попадут в сельскую школу неподготовленными.

Особенно ученым стал Елисей, маленький же Сиверт был, попросту сказать, недалек, лентяй, шалунишка, он даже осмелился развинтить что-то на маминой швейной машинке и настругал стружек со стульев и со стола, подаренным ему перочинным ножиком. Ему пригрозили, что отнимут перочинный ножик.

А кроме того, в распоряжении детей были все животные на хуторе, а у Елисея вдобавок еще и цветной карандаш. Он пользовался им очень осторожно и неохотно давал брату, но с течением времени

все стены покрылись рисунками, и карандаш укорачивался с угрожающей быстротой. В конце концов, Елисей оказался вынужденным посадить Сиверта на паек и давать ему карандаш только на один рисунок по воскресеньям. Это не совпало с желаниями Сиверта, но Елисей был не такой человек, чтоб с ним можно было торговаться. Не то, чтобы Елисей был сильнее, но руки у него были длиннее, и в драке он был увертливее. А Сиверт-то! То он находил в лесу выводок куропаток, один раз рассказал про какой-то необыкновенный комок из живых мышей и страшно важничал, а в другой раз – про форель в реке ростом с человека, но это были чистые выдумки, он не прочь был выдать черное за белое, это – Сиверт-то. Но, впрочем, в остальном был славный мальчик. Когда у киски появились котятки, это он приносил ей молоко, потому что она уж очень фыркала на Елисея, и Сиверту не надоедало стоять и смотреть в ящик, в этот домик, кишивший крошечными лапками.

А куры, которых он наблюдал ежедневно, петух с конской гривой и ярким опереньем, курицы, которые разгуливали по двору, переговариваясь между собой и поклевывая песок, или вдруг принимались страшно оскорбленно кричать, когда снесут яйцо.

А потом старый баран. Маленький Сиверт стал очень образован по сравнению с тем, что было раньше, но он не мог сказать про барана: «Господи, у него совсем римский нос!» Этого он не мог сказать. Зато Сиверт знал больше: он знал барана еще с тех пор, как тот был ягненком, понимал его, составляя с ним одно, был его родня, равное ему существо. Однажды какое-то мистическое первобытное впечатление мелькнуло в его сознании, он никогда не забывал этой минуты: баран щипал траву, вдруг он поднял голову и перестал жевать, а только стоял смирно и смотрел. Сиверт невольно посмотрел в том же направлении – нет, ничего примечательного. Но тут Сиверт сам почувствовал в душе что-то необыкновенное, словно он смотрит в Эдемский сад!

Были коровы, которых на каждого из детей приходилось по две, большие, медлительные животные, такие добродушные и ласковые, что маленькие человечки в любую минуту могли их поймать и погладить. Была свинья, белая и очень представительная при хорошем уходе, прислушивающаяся ко всем звукам, чудачка, помешанная на еде, щекотливая и пугливая, как девчонка. И был козел – в Селланро

всегда жил старый козел, когда один помирал, другой занимал его место. Поискать еще такого козлиного выражения, какое бывает у козла! Как раз нынче под его присмотром находилось очень много коз, но когда ему надоедала и прискучивала вся его компания, тогда он ложился, задумчивый и долгобородый. настоящий праотец Авраам. А потом вдруг вставал на колени и мекал на коз. За ним всегда тянулась струя острого запаха.

Повседневная жизнь на хуторе идет своим чередом. Когда редкий путник, пробирающийся через горы, проходит мимо и спрашивает:

– И хорошо вы тут поживаете? – Исаак отвечает и Ингер отвечает:

– Да, спасибо тебе на спросе!

Исаак все работает и работает, по всем своим делам он совещается с календарем, следит за фазами луны, сообразуется со сменами времен года и работает. Он проложил довольно порядочную дорогу через спуск к низине, так что может ездить в село на лошади и в телеге, но чаще ходит пешком, и тогда несет козий сыр или кожи, кору, бересту, масло, яйца, и продает все эти товары, а вместо них покупает другие. Летом он не часто ездит, между прочим и потому, что дорога от Брейдаблика и дальше необычайно плоха. Он просил Бреде Ольсена тоже подправить немножко дорогу, и Бреде обещал, но так и не сдержал слова. А больше просить Исаак не хочет. И предпочитает таскать тюки на собственной спине. Ингер тогда говорит:

– Я не понимаю, что ты за человек, как ты все это выносишь!

А он выносил все. Сапоги у него были такой феноменальной величины и тяжести, с подметками подбитыми железом, да еще ремни к ним он приколотил заклепками. Уже одно то, что человек мог ходить в таких сапогах, казалось чудом.

В один из своих походов в село он встречает несколько групп рабочих на болоте, они складывают кучки из камней и ставят телеграфные столбы. Частью – это жители здешнего села, Бреде Ольсен тоже с ними, хотя он выселился на хутор и должен бы заниматься земледелием.

– И как это он успевает! – думает Исаак. Надсмотрщик спрашивает Исаака, не продаст ли он телеграфных столбов. Нет. Даже за хорошую цену? Нет. О, Исаак стал немножко сообразительнее,

научился разговаривать. Если он продаст столбы, у него только прибавится немножко денег, несколько лишних далеров, а лесу-то у него не будет, так какая же ему от того выгода?

Подходит сам инженер и повторяет предложение, но Исаак отказывается.

– У нас и у самих есть столбы, – говорит инженер, – но удобнее взять из твоего леса, чтоб не возить издалека.

– Мне и для себя-то не хватает бревен, – говорит Исаак, – я собираюсь строить лесопилку, да нет амбара, нет служб.

Тут вмешивается Бреде Ольсен и говорит:

– Будь ты такой же, как я, Исаак, ты продал бы столбы.

Долготерпеливый Исаак посмотрел в упор на Бреде.

– Еще бы!

– Как так? – спросил Бреде.

– Но я не таков, как ты, – сказал Исаак. Кое-кто из рабочих фыркнули на этот ответ.

Ну да, у Исаака были особые причины немножко осадить соседа. Он как раз сегодня видел на Брейдабликском поле трех овец, и одну Исаак сейчас же признал, ту, лопоухую, что утащила Олина.

– Пусть себе Бреде пользуется овцой, – подумал он, идя своей дорогой, – пусть Бреде с женой разбогатеют на одну овцу!

А лесопилку он тоже все время держал в мыслях, это-то правда, и даже по последнему зимнему пути привез домой большую круглую пилу и необходимые принадлежности, которые торговец выписал для него из Тронгейма. Теперь эти машинные части лежали в сарае, смазанные льняным маслом для предохранения от ржавчины. Часть бревен для запруды он тоже свез, и мог начать строить здание в любое время, но все откладывал. Он сам не понимал, почему: стал он уставать, сдавать что ли? Для других в этом не было бы ничего удивительного, ему же самому казалось невероятным. Голова, что ли, у него ослабела?

Раньше он не пугался никакой работы, но должно быть он стал немножко другим с тех пор, как построил мельницу на таком же большом водопаде. Он мог бы взять помощника из села, но хотел опять попробовать сам, начать на днях, Ингер подсобит ему.

Он сказал об этом Ингер: – Гм. Не выберешь ли ты, как-нибудь часок подсобить мне на лесопилке?

Ингер подумала: – Хорошо, если мне будет время. Так ты хочешь строить лесопилку?

– Да, так я думаю и полагаю. В голове то я ее уж обдумал.

– Это труднее, чем мельница?

– Много труднее. В десять раз труднее, – похвастал он. – Господи помилуй, да тут все должно быть прилажено, до самого малюсенького кусочечка, а круглая пила – та должна пройти по самой середине.

– Как-то ты с этим справишься! – рассеянно сказала Ингер.

Исаак обиделся на эти слова и сказал:

– Надо попробовать.

– А нельзя найти какого-нибудь сведущего человека, который помог бы тебе? – спросила она.

– Нет.

– Ну, так значит, не справишься! – сказала она и повернулась.

Исаак тихонько поднял руку и провел по волосам, словно медведь поднял лапу.

– Вот этого-то я и боюсь, – сказал он, – боюсь, что не справлюсь, затем и просил тебя помочь, потому что ты-то понимаешь, – сказал он.

Тут медведь попал, правда, в точку, но только это ни к чему не привело.

Ингер вскинула голову, сердито хлопнула себя по бедрам и наотрез отказалась работать на лесопилке.

– Так, – сказал Исаак.

– Уж не прикажешь ли ты мне мокнуть в реке и терять здоровье. А кто же станет шить на машине, ходить за скотиной, заниматься хозяйством и все такое?

– Ну, да ладно, ладно, – согласился Исаак.

А и помощь-то ему требовалась всего на четыре угловых столба да на два средних по обеим продольным стенам, – вот и все! Неужто Ингер стала такая неженка от долгого житья в городе?

Дело же было в том, что Ингер очень изменилась и уже не столько думала о благе своих ближних, сколько о самой себе. Она пустила в ход чесальные доски, прялку и ткацкий станок, но гораздо больше любила шить на машине, когда же кузнец выковал ей утюг, она оказалась вполне вооруженной для выступления в качестве ученой портнихи. Это была ее профессия. Для начала она сшила два платица

Леопольдине. Исааку они очень понравились и он расхвалил их, пожалуй, даже чрезмерно. Ингер дала понять, что это еще ничего по сравнению с тем, на что она вообще способна.

– Только очень уж они коротки, – сказал Исаак.

– У нас в городе носят такие, – ответила Ингер, – ты в этом ничего не понимаешь.

Исаак, стало быть, вмешался, куда не следовало, и потому намекнул на счет какой-нибудь материи для нее самой, для самой Ингер.

– На пальто? – спросила Ингер.

– Да, или какой хочешь.

Ингер согласилась получить материю на пальто и рассказала, какую ей хочется.

Но когда она сшила пальто, надо же было кому-нибудь показать его, и потому она отправилась с мальчиками в село, когда их повезли в школу. И путешествие оказалось не совсем бесполезным, оно оставило след.

Во-первых, когда они ехали мимо Брейдаблика, хозяйка Брейдаблика с детьми вышли посмотреть на проезжающих. Ингер и оба мальчика сидели в телеге и ехали, словно господа, мальчики прямо в школу. На Ингер было пальто. При виде этого в сердце хозяйки Брейдаблика впились змея: без пальто она еще могла обойтись, она, слава богу, была не глупа; но у нее самой были дети, взрослая девочка Варвара, следующий за нею Хельге и третья Катерина – все в школьном возрасте. Разумеется, двое старших учились в сельской школе, но когда семья переселилась на болота, в этот отдаленный Брейдаблик, дети опять превратились в язычников.

– А ты захватила с собой провизию для ребят? – спросила хозяйка.

– Провизии-то? Вот, видишь сундук? Это мой дорожный сундук, который я привезла с собой домой, он полон провизии.

– Что же ты взяла?

– Чего взяла? Да свинины и мяса на варево, масла, хлеба, сыра, да закуски.

– Ну и богато вы живете! – сказала хозяйка, а худенькие и бледные детишки ее слушали и глазами и ушами обо всех этих прелестях.

– У кого же ты их поместишь? – спросила хозяйка.

– У кузнеца.

– Так, – промолвила тоже хозяйка. – Мои тоже скоро отправятся в школу, ну, они-то будут жить у ленсмана.

– Вот как, – сказала Ингер.

– Да, а не то у доктора или у священника. Ведь мой Бреде на короткой ноге со всею знатью.

Тогда Ингер оправила пальто и покрасивее выпустила черную шелковую бахромку.

– Откуда у тебя это пальто? – спросила хозяйка. – Привезла из города?

– Сама сшила.

– Ну вот, я так и говорю, вы там в пустоши того и гляди лопнете от богатства и роскоши.

Когда поехали дальше, Ингер была полна радости и гордости, а въехав в село, может быть слишком уже явно выказала свои чувства, во всяком случае, супругу ленсмана Гейердаля весьма раздосадовало, что она явилась в пальто.

Хозяйка Селланро забыла, кто она такая, забыла, откуда приехала после шестилетнего отсутствия. Но как бы то ни было, Ингер показала свое пальто, и ни жена торговца, ни Кузнецова жена, ни учительница не имели ничего против такого же пальто и для себя, но решили пока подождать.

Вскоре у Ингер появились и клиентки. Несколько женщин пришли из-за перевала любопытства ради. Должно быть, Олина нечаянно проговорила одной или другой. Приходившие приносили разные новости из родного села Ингер, а взамен получали угощение и могли полюбоваться швейной машиной. Молоденькие девушки приходили по две со стороны моря, из села, посоветоваться с Ингер.

Стояла осень, они скопили денег на обновы. Ингер же могла рассказать им, какие теперь на свете моды, а иной раз и скроить материю. Ингер оживлялась при этих визитах, расцвела, она была приветлива, благожелательна, и вдобавок мастерица своего дела и умела кроить без выкроек; иногда она тут же сшивала бесплатно длинные швы на машинке и передавала материю молодым девушкам с шутивными словами:

– Ну вот, а пуговицы можешь пришить сама!

Поздней осенью Ингер получила приглашение приехать в село пошить на начальство. Это невозможно, у нее семья и скотина, разные домашние дела, а прислуги нет. Чего у нее нет? Прислуги! Она сказала Исааку:

– Если б у меня была помощница, я шила бы гораздо больше.

Исаак не понял:

– Помощница?

– Ну да, помощница в доме, служанка.

Тут у Исаака должно быть, пошли круги перед глазами, потому что он усмехнулся в свою железную бороду и принял это за шутку.

– Да, нам следовало бы нанять служанку! – сказал он.

– В городе они есть у всех хозяек, – ответила Ингер.

– Так, так, – промолвил Исаак.

По правде сказать, он был не очень кроток или весел, а скорее не в духе, оттого что начал строить лесопилку, и дело не клеилось. Он не мог держать столб одной рукой, а другой действовать ватерпасом и одновременно укреплять поперечины. Но вот теперь, с возвращением мальчиков из школы, дело пошло на лад. Ребятишки действительно оказались очень полезны, особенно Сиверт был молодчина по части вбивания гвоздей. Елисей же ловчее действовал со шнуром.

После недельной работы Исаак и мальчуганы установили-таки столбы и надежно укрепили их толстыми, как балки, поперечинами. Самая трудная работа была сделана.

Лесопилка ладилась, все ладилось. Но по вечерам Исаак начал чувствовать усталость. Ведь надо было не только ставить лесопилку, приходилось делать и все остальное. Сено свезли, ячмень же стоял на корню и наливался, скоро надо жать и убирать, а там, смотришь, поспела картошка. Но Исааку здорово помогали мальчики. Он их не благодарил, это не принято среди таких людей, как он и ему подобные, но он был очень доволен ими. Иногда в разгаре рабочего дня им случалось присесть и разговориться, отец тогда словно всерьез советовался с сыновьями, за что бы им приняться раньше, а что отложить. То были минуты, переполнявшие ребятишек гордостью, и они научились хорошенько думать перед тем, как сказать, чтоб не ошибиться.

– Неладно будет, если нам не удастся покрыть лесопилку до осенней мокроты, – говорил Исаак.

Эх, если б Ингер была такая, как в старину. Но у Ингер, должно быть, здоровье стало уж не прежнее, как и можно было ожидать, после долгого пребывания в заключении. Что характер ее изменился – это само по себе; она стала ужасно невнимательна, как будто пустовата, легкомысленна. Про убитого ею ребенка однажды сказала:

– Я была порядочная дура, ведь рот ей можно было бы зашить, напрасно я ее задушила! – И ни разу не сходила на могилку в лес, где когда-то уминала руками землю и поставила крест.

Но Ингер вовсе не была чудовищем, она продолжала относиться с большой любовью к другим своим детям, заботилась о них, обшивала, просиживала ночи за починкой их платья и белья. Она мечтала вывести их в люди.

Но вот убрали ячмень, выкопали картошку. Пришла зима. Да, а лесопилку так и не удалось покрыть в эту осень, но ничего не поделаешь, не помирать же из– за этого! Сделается летом.

Глава XIII

А зимой пошла обычная работа: возка дров, починка инструментов и сбруи, Ингер занималась хозяйством и шила. Мальчики опять уехали надолго в село, в школу. У них уже несколько зим была пара лыж на двоих; ее хватало, пока они жили дома: один стоял и ждал, пока другой отбегает свое, или же один становился позади другого. Да, они отлично справлялись и так, они не знали лучшего, не были еще развращены. Но в селе условия жизни были роскошнее, школа прямо кишела лыжами, оказалось, что даже ребяташки из Брейдаблика имели каждый по собственной паре лыж. Так что Исааку пришлось сделать новую пару для Елисея, а старая досталась в пользование Сиверту.

Исаак сделал больше: он одел мальчуганов и купил им крепкие сапоги. А после этого Исаак пошел к торговцу и заказал ему кольцо.

– Кольцо? – спросил торговец.

– Да, кольцо, носить на пальце. Я так зазнался, что хочу подарить своей жене, кольцо на палец.

– Какое же, серебряное или золотое, а то, может, медное, только позолоченное?

– Серебряное. Торговец долго думал:

– Если уж на то пошло, Исаак, и если ты хочешь подарить своей жене такое кольцо, какое ей не стыдно будет носить, – подари уж золотое.

– Что?! – громко проговорил Исаак. Но в глубине души он, конечно, и сам думал о золотом кольце.

Они переговорили о кольце на все лады и столковались на кольце определенного размера. Исаак тяжело сопел, качал головой и находил, что это уж чересчур, но торговец сказал, что, кроме золотого, он другого выписывать не станет. На обратном пути домой Исаак, в сущности, радовался своему решению, но в то же время ужасался расходам, в какие может вводить любовь.

Зима стояла ровна, снежная, и когда к новому году установился хороший санный путь, люди из села начали возить на болота телеграфные столбы и складывать их на известном расстоянии друг от

друга. Подвод ехало много, мимо Брейдаблика, мимо Селланро, потом появились другие подводы из-за перевала, и вскоре вся линия была проведена.

Так шла жизнь, день за днем, без крупных событий. Что могло случиться?

Весной началась работа по установке телеграфных столбов. Бреде Ольсен действовал и тут, хотя у него были весенние работы и на собственном участке.

– И как это он успевает? – думал Исаак.

Самому Исааку хватало времени на то, чтоб поесть да поспать, он едва-едва справился со всеми весенними делами, правда, что земли у него теперь было разделано довольно много.

Но зато, в промежутке до покоса, он покрыл-таки лесопилку и мог приняться за установку механизма.

Конечно, лесопилка вышла не какое-нибудь чудо тонкого искусства, но прочности она была сверхъестественной и дело свое делала, лесопилка действовала, лесопилка пилила. Бывая на лесопилке в селе Исаак хорошенько все высмотрел и все перенял. И смастерил он крошечную лесопилочку, но был доволен ею, вырубил на двери год и поставил свое тавро.

Летом в Селланро случилось все-таки нечто не совсем обыкновенное.

Телеграфные рабочие забрались так далеко в пустошь, что однажды вечером передняя партия подошла к хутору и попросилась переночевать. Их положили в овине. По мере того, как шли дни, подходили другие партии, все ночевали в Селланро, работа проходила дальше, за хутор, люди же продолжали возвращаться ночевать в овин. В одну субботу вечером приехал для расчета инженер.

Когда Елисей увидел инженера, у него забилося сердце, и он шмыгнул за дверь, чтоб его не спросили про карандаш. Вот так тяжелая минута, а тут еще Сиверта нет, и не у кого искать поддержки! Елисей, словно злой дух, крался вдоль стен строения, наконец, наткнулся на мать и послал ее за Сивертом.

Больше нечего было делать.

Сиверт отнесся к делу гораздо спокойнее, правда, что плавная вина лежала не на нем. Братья сели в сторонке и Елисей сказал:

– Если б ты взял это на себя!

– Я? – сказал Сиверт.

– Ты гораздо младше, он тебе ничего не сделает. Сиверт подумал, понял, что брату приходится плохо, ему польстило, что Елисей в нем нуждается.

– Я мог бы, пожалуй, пособить тебе, – сказал он покровительственно.

– Сделай милость! – воскликнул Елисей и тут же отдал брату огрызок, оставшийся от карандаша. – Возьми его в полную собственность! – сказал он.

Они пошли было вместе домой, но Елисей сказал, что у него есть еще дело на лесопилке или, вернее, на мельнице, надо кое-что посмотреть, а на это потребуется время, вряд ли он управится раньше часа. Сиверт пошел один.

В горнице сидел инженер и рассчитывался бумажками и серебряными монетами, а покончив с расчетом, стал пить молоко из кринки и из стакана, которым угостила его Ингер, и он очень благодарил ее. Потом он поговорил с маленькой Леопольдиной, а увидев на стенах рисунки, сейчас же спросил, кто это их нарисовал.

– Не ты ли? – спросил он Сиверта. Инженер, наверно, хотел выразить свою благодарность за гостеприимство, и порадовать мать, расхвалив рисунки.

Ингер, со своей стороны, объяснила очень толково: ребяташки рисовали вдвоем, оба брата. У них не было бумаги; пока она не вернулась домой и не привезла, они царапали на стенах. Но у нее не хватает духу смыть их малеванье.

– И не надо, – сказал инженер. – А бумага? – сказал он и выложил множество больших листов на стол. – Вот, рисуйте себе до следующего моего приезда. А как насчет карандашей? Сиверт выступил со своим огрызком и показал, что остался совсем маленький кусочек. Инженер дал ему новый, неочищенный цветной карандаш:

– Рисуй на здоровье! Только пусть лучше лошадь будет у тебя красная, а козел синий. Ведь, ты не видал синих лошадей, не правда ли?

Потом инженер уехал.

В тот же вечер из села пришел человек с чемоданом, продал рабочим несколько бутылок и ушел. Но после его ухода в Селланро стало уж не так тихо, заиграла гармоника, начался громкий говор,

песни, а там немножко и поплясали. Один из рабочих стал приглашать танцевать Ингер, а Ингер, вот пойми ее, она тихонько усмехнулась и прошла с ним несколько кругов. После этого ее стали приглашать и другие, и она порядочно повертелась.

Кто ее поймет, эту Ингер! Быть может она танцевала сейчас первый блаженный танец в своей жизни, ее желали, горячо преследовали тридцать мужчин, она была одна, единственная, кого можно было выбрать, у нее не было соперниц. А как здоровенные телеграфисты поднимали и кружили ее! Почему не потанцевать? Елисей и Сиверт спали, как чурки в клетки под гомон на усадьбе, маленькая же Леопольдина не спала и с изумлением смотрела на ее прыжки.

Между тем, Исаак все время после ужина был на поле, а когда вернулся ложиться, ему поднесли из бутылки, и он тоже выпил немножко. Он сел и смотрел на танцы, держа Леопольдину на коленях.

– Попляши, попляши! – добродушно сказал он Ингер, – ног тут много!

Но немного спустя музыкант перестал играть, и танцы кончились. Рабочие собрались в село на остаток ночи и весь завтрашний день, с тем, чтоб вернуться только в понедельник утром. Вскоре в Селланро все стихло, только двое пожилых мужчин остались и пошли укладываться в овин.

Исаак поискал Ингер, чтоб уложить Леопольдину, но не найдя, сам внес девочку в дом и уложил. И тоже лег спать.

Среди ночи он проснулся. Ингер не было. – На скотном дворе она, что ли? – подумал он, встал и пошел туда.

– Ингер? – позвал он. Никакого ответа. Коровы повернули головы и посмотрели на него, все было спокойно. По старой привычке он пересчитал скотину, пересчитал овец и коз, одну суягную овцу всегда было так трудно загонять, вот и опять она осталась снаружи. – Ингер? – позвал он. Опять никакого ответа. – Не ушла же она с ними в село? – подумал он.

Летняя ночь была светла и тепла. Исаак посидел немножко на крыльце, потом встал и пошел в лес искать овцу. Он нашел Ингер. Ингер здесь? Ингер и еще один человек. Они сидели на вереске, она

вертела его фуражку на указательном пальце. Они разговаривали. За ней, должно быть, опять ухаживали.

Исаак тихонько подошел к ним сзади, Ингер обернулась и увидела его, она превратилась точно в тряпку, повалилась наперед грудью, выронила фуражку, сникла.

– Гм. Ты знаешь, что суягная овца опять пропала? – сказал Исаак. – Да нет, где тебе знать! – прибавил он.

Молодой телеграфист поднял свою фуражку и бочком пошел прочь:

– Ну, надо мне догонять остальных, – проговорил он. – Так спокойной ночи, – сказал он и пошел. Никто не ответил.

– Так. Вот ты где сидишь! – сказал Исаак, – Здесь и будешь сидеть?

Он пошел к дому. Ингер поднялась на колени, встала на ноги и пошла за ним, так они и шли, муж впереди, жена сзади, гуськом. Пришли домой.

Ингер выгадала время, успела оправиться:

– Я как раз и пошла за овцой, – сказала она, – я видела, что ее нет. А тут пришел этот парень и помог мне искать. Мы и минутки не посидели, когда ты пришел. Куда же ты идешь сейчас?

– Я? Надо же разыскать животину.

– Да нет же, ложись. А уж если кому искать, так пойду я. А ты ложись, тебе надо отдохнуть. А впрочем, овца может остаться и на поле, она и раньше оставалась.

– Да, чтоб ее сожрали звери! – сказал Исаак и пошел.

– Да нет же, не ходи! – крикнула она, догоняя его. – Тебе надо отдохнуть.

Я пойду сама.

Исаак дал уговорить себя. Но не хотел слышать, чтоб Ингер пошла искать овцу. Оба вернулись в дом.

Ингер сразу кинулась смотреть детей, сходила в клеть взглянуть на мальчиков, вела себя так, как будто уходила за самым законным делом, не обошлось даже и без кое-каких любезностей по отношению к Исааку, словно она ожидала нынче вечером ласки горячее обычного, – ведь он же получил самое полное разъяснение. Но нет, благодарю покорно, Исаака не так-то легко было повернуть, ему было бы гораздо приятнее, если б она горевала и не знала, куда деваться от

раскаянья. Гораздо приятнее! Что значило, что она съежилась в лесу, что ей стало чуточку не по себе, когда он наткнулся на нее, что это значило, раз так скоро проходило!

На следующий день, который пришелся на воскресенье, он был не ласковее, ушел из дому на лесопилку, на мельницу, ходил в поле с детьми и один. Когда Ингер попробовала присоединиться к ним, Исаак пошел в сторону:

– Я пойду на реку, посмотреть кой-что, – сказал он.

Что-то его грызло, но он переносил это в молчании и не бушевал. О, Исаак был в своем роде велик, как Израиль, например, – зыскательный и обманутый, но все же верующий.

В понедельник настроение улучшилось, и с днями впечатление от досадной субботней ночи постепенно начало сплавиваться. Время многое исправляет, плевками и чиханьем, едой и сном оно залечивает все раны. С Исааком же ничего особенного не случилось. У него не было даже уверенности в том, что его обидели, а кроме того, столько было другого, о чем подумать: как раз подходил сенокос. А в седьмых и последних, телеграф скоро будет готов, и на хуторе опять настанет мир и тишина. Широкая и светлая большая дорога пересекала лиственный лес, столбы с натянутыми проводами шли по ней вплоть до горного перевала.

В следующий субботний расчет, который был последним, Исаак устроился так, чтоб быть не дома, он сам не хотел. Он понес в село масло и сыр и вернулся только в ночь на понедельник. К этому времени рабочие все ушли из овина, почти все, последний человек выходил со двора с мешком за спиной, почти последний человек. Но что тут не все благополучно Исаак понял по корзинке, стоящей в овине; где ее владелец, он не знал, не хотел знать, но фуражка с козырьком лежала на корзинке, словно досадная улика.

Исаак швырнул корзинку на двор, швырнул вслед за ней фуражку и запер овин.

Потом пошел в конюшню и выпянул в окно. Пусть корзинка стоит там, – наверно, думает он, – и пусть фуражка валяется там, мне все равно, чья она.

Он сволочь, и я не желаю его знать, верно думает он. Но когда он придет за корзинкой, Исаак выйдет, схватит его этак за руку и

наделает синяков. А что касается до проводов со двора, так это он тоже увидит!

С этими мыслями Исаак отошел от окошка в конюшне, направился в хлев и выплянул оттуда, не находя покоя. Корзинка была обвязана веревкой, у бедняги не было даже замка для нее, а веревка ослабла – уж не слишком ли круто Исаак обошелся с корзинкой? Как это вышло, только он уже не чувствовал уверенности, что поступил правильно. Как раз в этот поход в село он видел выписанную им новую борону, о, чудеснейшая машина, чисто икона, и она только что прибыла. Теперь важно, принесет ли она благоговение. Может быть, высшая сила, направляющая стоны человека, сейчас смотрит на Исаака, заслуживает он благословения или нет. Исаак всегда уделяет много внимания высшим силам, он ведь собственными глазами видел бога в одну осеннюю ночь в лесу, очень жутко было его видеть.

Исаак вышел во двор и остановился над корзинкой. Еще подумал, сдвинул набекрень шапку и поскреб голову. Вид у него был отважный и развязный. Он стал похож на испанца. Но тут он, должно быть, подумал что-нибудь вроде этого: – Нет, вот я стою, и вовсе я не какой-нибудь замечательный и великолепный человек, а собака я и больше ничего! – Затем покрепче обвязал корзинку веревкой, и поднял фуражку и отнес обратно в овин. Ну, вот все сделано.

Когда он выходил из овина и спускался к мельнице, прочь от двора, прочь от всего, Ингер не стояла у окна в горнице. Ну что ж, пусть стоит где хочет, а впрочем, она, наверное, лежит в постели, где же ей и быть? А в старину, в первые безгрешные годы, здесь, на новом месте, в те-то времена, Ингер не знала покоя, не ложилась спать и встречала его, когда он возвращался домой из села. Нынче стало по-другому, все стало по-другому. Вот хоть бы, когда он подарил ей кольцо – неудачнее нельзя и придумать! Исаак был до необычайности скромн и не подумал даже сказать, что это золотое кольцо:

– Это так себе, пустяки, но ты надень его на палец и померяй!

– Оно золотое? – спросила она.

– Да, только не очень толстое, – сказал он.

– Ну, что ты! – должна была бы она ответить, а вместо этого она ответила: – Да, да, совсем не толстое, – Ну, и носи его вроде как бы травинку, – сказал он уныло.

Но Ингер была все же благодарна за кольцо, носила его на правой руке и поблескивала им, когда шила; изредка она давала его надеть деревенским девушкам, и покрасоваться в нем некоторое время, когда они приходили к ней посоветоваться. Неужели Исаак не понимал тогда, что она страшно гордилась кольцом!..

Но жутко и одиноко было сидеть на мельнице и всю долгую ночь слушать водопад. Исаак не сделал ничего плохого, ему незачем прятаться. Он вышел из мельницы и пошел по полю домой, в избу.

И тут Исаак размяк, во истину обрадовался и размяк. В горнице сидел Бреде Ольсен, сосед, не кто другой, как он, – сидел и пил кофе! Ингер не спала, оба сидели, разговаривали и пили кофе.

– А вот и Исаак! – сказала Ингер ласковым голосом, встала и налила чашку и ему.

– Добрый вечер! – сказал Бреде и был так же очень любезен.

Исаак хорошо приметил, что Бреде кутнул на прощанье с телеграфными рабочими, видно было, что он не выспался, но это ничего не значило, он улыбался и был ласков. Разумеется, он прихвастнул: – Собственно говоря, ему некогда возиться с этой телеграфной работой, у него ведь на руках хутор; но никак нельзя было отказаться, до того пристал к нему инженер. А привело это к тому, что Бреде пришлось взять место инспектора на линии. Не ради платы, конечно, Бреде мог зарабатывать во много раз больше в селе, но он не хотел кобениться. И вот ему повесили маленькую блестящую машинку на стену, довольно занятная машинка, что твой телеграф!

Исаак при всем своем желании не мог точить зуб на этого хвастунишку и шалопая, к тому же очень уж полегчало у него на душе оттого, что он застал у себя нынче вечером соседа, вместо чужого человека. Исаак обладал мужицким душевным равновесием, несложными мужицкими чувствами, мужицкой устойчивостью, ленью, он поддакивал Бреде и поматывал головой, слушая его легковесную болтовню.

– Не найдется у тебя еще чашечки кофею для Бреде? – спросил он Ингер. И Ингер налила еще.

Ингер рассказала про инженера, какой он необыкновенно добрый человек, он посмотрел рисунки и тетрадки мальчиков и сказал, что возьмет Елисея к себе.

– Возьмет к себе? – переспросил Исаак.

– Да, возьмет в город. Он хочет, чтоб он писал у него, сделает его конторщиком в своей конторе, так ему понравились его рисунки и писанье.

– Вот что! – сказал Исаак.

– А ты думаешь? Ему уж пора конфирмоваться. По-моему, это хорошо.

– По-моему, тоже! – сказал Бреде. И настолько то я знаю инженера, что ежели он сказал такое слово, то так и сделает.

– Нам не обойтись здесь без Елисея, – сказал Исаак. После этих слов стало как-то тихо и скучно. Разумеется, с Исааком трудно было столкнуться.

– А если мальчик сам захочет выбиться! – сказала, наконец, Ингер, – и если у него хватит ума, чтобы выйти в люди!

Снова тишина. Но тут Бреде сказал со смехом:

– Инженер наверное захотел бы взять и кого-нибудь из моих! У меня их много. Но старшая у меня Варвара, а она девочка.

– Да, да, Варвара, она у вас умница, – согласилась Ингер из вежливости.

– Да, уж в грязь лицом не ударит, – сказал и Бреде, – Варвара толковая и расторопная, она поступит теперь к ленсману и будет там жить.

– Она поступит к ленсману?

– Да, пришлось согласиться! Жена ленсмана так ко мне пристала.

Утро давно наступило, и Бреде собрался уходить.

– У меня там в овине корзинка и фуражка, – сказал он, – если только парни не утащили с собой, – пошутил он.

А время шло.

И, разумеется, Елисей попал в город. Ингер настояла на своем. Сначала он пробыл там год, потом конфирмовался, а потом основался в конторе у инженера и все больше и больше преуспевал в писаньи. Ох, да и что же за письма он посылал домой, то черными, то красными чернилами, чисто вывески! А уж как складно, как речисто! Изредка он просил денег, просил поддержки. Ему нужно купить часы с цепочкой, чтобы не просыпать по утрам и не опаздывать в контору, нужны деньги на трубку и табак, как у всех молодых конторщиков; на что-то такое, что он называл «карманными деньгами»; на какую-то вечернюю школу, где он учился рисованию и гимнастике и другим

предметам, необходимым в его профессии и положении. В общем, содержать Елисея на службе в городе стоило недешево.

– Карманные деньги? – спросил Исаак, – это что же – деньги, чтоб носить в кармане?

– Должно быть, так, – ответила Ингер, – должно быть, для того, чтоб не казаться уж совсем голышом. Да и не так это много, кое-когда один далер.

– Вот, вот, в аккурат: один далер нынче, один далер завтра, – сердито ответил Исаак. Но сердился он оттого, что скучал без Елисея и хотел, чтоб он был дома. – Этак выйдет много далеров, – сказал он. – У меня на это не хватит средств, напиши ему, что больше он ничего не получит.

– Ну, да ладно уж, – оскорбленно проговорила Ингер:

– Сиверт-то, небось, никаких карманных денег не получает! – сказал Исаак.

– Ты не бывал в городе и не понимаешь, Сиверту не нужно карманных денег.

К тому же, Сиверта не придется жалеть, когда помрет дядя Сиверт.

– Ты этого не знаешь.

– Нет, знаю.

И в известном отношении это было верно. Дядя Сиверт заявил, что наследником его будет маленький Сиверт. Дядя Сиверт наслушался о важности и величии Елисея в городе и, сердито мотая головой и поджав губы, клялся, что племянник, которому дано имя в его честь, в честь дяди Сиверта – не останется внакладе! Но что, особенно, имел дядя Сиверт? Имел ли он, кроме разоренной усадьбы и рыболовных снастей, еще и большую кучу денег и всякого богатства, как все думали? Никто этого не знал. К тому же, дядя Сиверт был очень упрям, он требовал, чтоб Сиверт переехал к нему жить. Это для дяди Сиверта являлось вопросом чести: он хотел взять к себе Сиверта, как инженер взял Елисея. Но как мог Сиверт уехать из дома? Это было невозможно. Он был единственным помощником отца. А кроме того, мальчик и сам не имел большого желания жить у дяди, у знаменитого окружного казначея; он попробовал один раз, но вернулся домой. Он тоже конфирмовался, тянулся вверх и рос. На

щеках у него появился темный пушок и руки стали большие с тугими мышцами.

Работал он, как взрослый мужчина.

Исаак наверное никогда не построил бы нового сарая без помощи Сиверта, а теперь, вот, он стоит, с помостом и отдушинами и всем, что полагается.

Большой, не меньше, чем у священника. Разумеется, это было строение из простых жердин, обшитых досками, но сколоченное необыкновенно прочно, на железных крюках по углам и обшитое дюймовыми досками, напиленными на собственной лесопилке. И Сиверт загнал не один гвоздь, поднял не одно огромное бревно для ворот, чуть не падая под его тяжестью. Сиверт любил бывать с отцом и усердно работал бок о бок с ним. У него была отцовская натура. И он даже настолько не избаловался, что, собираясь в церковь, по-прежнему шел на бугор и натирал себе лицо и руки для хорошего запаха листком бирючины. Зато у Леопольдины появились разные причуды, как и можно было ожидать от девушки и единственной дочери. Нынче летом она вдруг заявила, что не может есть за ужином кашу без патоки. Ну, вот, никак не может! И работница она была плохая.

Ингер не отказалась от мысли о служанке, каждую весну она заговаривала об этом и каждый раз Исаак был непреклонен. Насколько больше она накроила бы материи, нашла, наткала бы тонкого холста, вышила бы туфель, если б у нее было больше времени! И в сущности, Исаак был уже не так несговорчив, как раньше, хотя все-таки еще ворчал. Хо-хо, в первый раз он произнес целую длинную речь, не от справедливости и разума, и не от гордости, а, к сожалению, от слабости, от злости. Но теперь он, как будто, понемножку сдавался и стыдился.

– Если нужна мне в дом помощница, то именно теперь, – сказала Ингер. – Потом Леопольдина подрастет и сможет многое делать.

– Помощницу? – спросил Исаак, – на что тебе помощница?

– На что мне помощница? А у тебя самого нет помощника? А Сиверт-то?

Что мог Исаак ответить на такое неразумие? Он ответил: – Если у тебя будет девка, тогда вы вдвоем, наверное, вспашете, скосите и

уберете весь урожай на хуторе? А мы с Сивертом сможем тогда заняться своими делами.

– Ну, уж там видно будет, – ответила Ингер, – но сейчас я могла бы нанять Варвару, она писала об этом домой.

– Какую такую Варвару? – спросил Исаак, – Варвару Бреде?

– Да. Она в Бергене.

– Не хочу я видеть у нас эту Варвару Бреде, – сказал он. И прибавил: – Любую другую.

Стало быть от любой другой он не отказывался. Дело в том, что Варвара из Брейдаблика не пользовалась доверием Исаака. Она была непостоянна и легкомысленна, как отец. Может быть, как и мать – ветрогонка и несдержанна.

Она недолго прожила у ленсмана, всего год; после того, как подтвердилось, перешла к торговцу и у него прожила тоже год. Там она очень развилась и стала религиозна. И когда в село явилась Армия Спасения, она вступила в ее ряды; ей дали красную повязку на рукав и гитару. В этом обмундировании она уехала в Берген на яхте торговца. Это было в прошлом году. Теперь она только что прислана домой свою фотографию. Исаак ее видел: незнакомая барышня с завитыми волосами и длинной часовой цепочкой на груди. Родители гордились своей Варварой и показывали карточку всем проходившим мимо Брейдаблика; удивительно какая она стала образованная, важная, но красной нашивки на рукаве и гитары в руках у нее уже не было.

– Я брал ее с собой, показать жене ленсмана, она не узнала Варвару, – сказал Бреде.

– Она останется жить в Бергене? – подозрительно спросил Исаак.

– Она останется в Бергене, покуда у нее будет что жевать, – ответил Бреде.

– Если только не поедет в Христианию, – прибавил он. – Что ей делать дома?

Она получила новое место и состоит домоправительницей у двух богатых конторщиков, холостяков. Жалованье получает огромное.

– Сколько же? – спросил Исаак.

– Этого она так уж точно не говорит. Но что это страшно много, ежели сравнить с тем, что платят у нас в селе, я понял из того, что она получает подарки к Рождеству и в другое время, и с нее за это ничего не вычитают.

– Так, – сказал Исаак.

– Да. А ты не взял бы ее в работницы?

– Я-то? – спросил Исаак. Он не понял.

– Нет, хе-хе, я спросил только так, Варвара останется там, где она сейчас. О чем же я это говорил? Да! Ты никакого такого беспорядка не заметил на телеграфе по дороге сюда?

– На телеграфе? Нет.

– Положим, немного найдешь беспорядку на телеграфе с тех пор, как я взял его под свой присмотр. Да еще на стене у меня висит моя собственная машинка, которая предупреждает меня, когда что-нибудь неблагополучно. Как-нибудь пройду на линию и осмотрю. У меня и так чересчур много дел и хлопот, одному никак не справиться. Но раз я состою инспектором и занимаю общественную должность, придется нести эту работу, куда хватит сил.

– А ты не думаешь отказаться?

– Не знаю, – ответил Бреде, – я еще и сам не решил. Ко мне все пристают, чтоб я перебирался назад в село.

– Кто же к тебе пристаёт? – спросил Исаак.

– Да все. Ленсман хочет взять меня в понятия, доктор тянет в кучера, а пасторша не раз позвала бы меня помочь, будь не так до нас далеко. А что это, Исаак, правда ли, что ты получил такие большие деньги за свою гору, как говорят?

– Да, это тебе не соврали, – ответил Исаак.

– Да на что же она Гейслеру? Гора-то ведь здесь, у нас. Это что-то чудно.

Да и сколько лет уж прошло.

Исаак и сам часто раздумывал над этой загадкой, говорил с ленсманом, спрашивал адрес Гейслера, чтоб написать ему. Правда, что дело было мудреное.

– Я ничего не знаю, – сказал Исаак.

Бреде не скрывал, что интересуется этой продажей горы.

– Говорят, на казенной земле не одна твоя гора такая, – сказал он, – в других тоже могут быть разные сокровища, а мы-то ходим, как бессловесные животные, и ничего этого не видим. Я решил как-нибудь забраться в горы и хорошенько все исследовать.

– Да ты разве знаешь толк в горах и в породах камней? – спросил Исаак.

– Есть малость, да и порасспросил кое-кого. А если так, то надо что–нибудь придумать, я не могу прокормиться на хуторе со всей моей семьей. Это совершенно невозможно. Ты совсем другое дело, ты забрал весь лес и всю удобную землю. А здесь одно болото.

– Болото – хорошая земля, – сухо сказал Исаак. – У меня у самого болото.

– Да его никак не осушить, – ответил Бреде...

Но осушить болото было уж не так невозможно Сегодня, по дороге к низине, Исаак увидел: расчищают новые участки, два внизу, против села, а один значительно выше, между Брейдабликом и Селланро. О, значит, и тут пошла работа; первое время, когда Исаак поселился здесь, тут была пустыня. А эти три новосела были не здешние, но, должно быть, люди толковые. Они начали не с займа денег для постройки дома, а приехали, пожили немного, покопались в земле и опять уехали, словно умерли. Вот как по-настоящему надо браться за дело: рыть, пахать, сеять. Ближайшим соседом Исаака был Аксель Стрем, молодчина-парень, холостой, уроженец Гельгоlanda, он брал у Исаака плуг – распахать свое болото, и только на второй год построил сеной сарай да землянку для себя и двух-трех голов скота. Хутор его назывался «Лунное», потому что луна особенно красиво озаряла его. У него не было в доме женщины, и он никак не мог найти летом работницу – далеко от села. Но действовал он совершенно правильно. Не начинать же как Бреде, с постройки избы, а потом приехать с семьей и кучей ребят на хутор, не имея ни земли, ни скотины, чтобы прокормиться? Да что там понимает Бреде Ольсен насчет осушки болот и распашки целины!

Вот убивать время на всякую ерунду, это Бреде Ольсен умел! Разве он не проехал однажды мимо Селланро; как же, ведь он ехал в горы, искать по чьему–то поручению драгоценные металлы! Вечером он вернулся, не найдя ничего определенного, только кое-какие признаки, – сказал и кивнул. Скоро поедет опять и, заодно, обследует горы в сторону Швеции.

И верно, Бреде опять приехал. Должно быть ему понравилось, свалил на телеграф, будто ему надо объехать линию. Тем временем жена с детьми копались дома на земле, или оставляли все на волю Божию. Исааку наскучили его визиты, он уходил из горницы, когда Бреде появлялся, и Ингер с Бреде превесело разговаривали одни. О

чем им было говорить? Бреде часто бывал в селе и знал все новости о тамошней знати. Ингер, со своей стороны, могла порассказать о своем знаменитом путешествии в Тронгейм и пребывании там.

Она стала ужасно болтлива за те годы, что пробыла вне дома, заводила разговор с кем попало. Нет, она была уж не та простодушная и правильная Ингер, что раньше.

Женщины и девушки постоянно приходили в Селланро, то скроить платье, то сшить в одну минуту длинный шов на машине, и Ингер хорошо их принимала.

Приходила и Олина, не могла-таки выдержать, приходила и весной и осенью, мягкая, как масло, и фальшивая.

– Захотелось мне посмотреть, как вы тут поживаете, – говорила она каждый раз. – Да и соскучилась очень по ребятишкам, страсть, как я их полюбила. Уже такие-то они были ангелы. Да, да, они теперь, ведь, взрослые парни, но так уж чудно выходит, никак не могу позабыть, какие они были маленькие и как я за ними ходила. А вы все строите и строите, у вас уж настоящий город! А у вас не будет колокола на новом сарае, как у священника?

Однажды Олина привела с собой другую женщину, и втроем с Ингер они отлично провели вместе целый день.

Чем больше народу собиралось вокруг Ингер, тем лучше она кроила и шила и размахивала ножницами или водила утюгом. Это напоминало ей о днях, проведенных в тюрьме, где было так много женщин. Ингер не скрывала, где она набралась таких знаний – в Тронгейме. Выходило так, как будто она не наказание отбывала, а жила в учении, обучалась портняжному мастерству, тканью, красильному делу, письму, все это она вывезла из Тронгейма. Она говорила о тюрьме, как о родном доме. Там было так много народа, и начальство, и надзирательницы, и сторожа; когда она вернулась домой, ей показалось здесь очень пусто и было тяжело лишиться общества, к которому она так привыкла. Она даже притворялась, будто простужается, потому что отвыкла от холодного воздуха, даже через год после возвращения она боялась выходить в ветер и дождь. Работница ей нужна была собственно для работы вне дома.

– Да Господи ты Боже мой, – сказала Олина, – тебе ли не держать работницу, раз у тебя есть средства, и потом – ведь ты такая образованная и у тебя такой большой дом.

Приятно, что тебя понимают, и Ингер ей не возражала. Она шила с такой быстротой, что кольцо так и сверкало у нее на руке.

– Вот видишь, – сказала Олина другой женщине, – разве не правду я тебе сказала, что у Ингер золотое кольцо?

– Хотите посмотреть? – спросила Ингер и сняла кольцо. Олина взяла кольцо, и как будто не совсем веря, стала рассматривать, как обезьяна орех, разыскала пробу:

– Ну да, так и есть, как я говорила: каких только богатств нет у этой Ингер!

Другая женщина взяла кольцо с благоговением и подобострастно ухмыльнулась.

– Надень его, если хочешь, – сказала Ингер, – надень, ему ничего не делается!

Ингер была ласкова и радушна. Она рассказала про собор в Тронгейме? Нет, ведь вы там не были! – И словно это был ее собственный собор, она защищала его, хвасталась им, указала его высоту и размеры – чисто сказка! Семь священников служат в нем зараз и один не слышит другого. – Так, стало быть, вы не видали и колодца святого Олафа. Он находится в самом соборе, и колодец этот бездонный. Когда мы туда ходили, то брали с собой по камешку и бросали в колодец, но никогда он не доставал до дна. – Никогда не доставал до дна! – прошептали женщины, качая головой. – Да и кроме колодца в соборе тысяча других вещей, – восторженно воскликнула Ингер, – вот хоть бы серебряная рака. Это рака Святого Олафа. А мраморная церковь, маленькая церковка из чистейшего мрамора, датчане отняли ее у нас во время войны.

Женщины собрались уходить. Олина отозвала Ингер в сторонку, повела за собой в кладовую, где, она знала, лежат сыры, и затворила за собой дверь.

– Чего тебе нужно? – спросила Ингер. Олина зашептала:

– Ос-Андерс не посмеет больше приходить сюда. Я ему не велела.

– Ну, – сказала Ингер.

– Я сказала: пусть только посмеет, после того, что он тебе устроил!

– Да, да, – сказала Ингер. – Но он был здесь много раз, да и пусть себе приходит, я его не боюсь!

– Конечно, – сказала Олина, – но я знаю, что знаю, и если хочешь, донесу на него.

– А! – сказала Ингер. – Нет, не беспокойся!

Но ей было приятно, что Олина на ее стороне, это стоило маленькой головки сыра, Олина же прямо рассыпалась в благодарностях:

– Я всегда говорила и говорю: Ингер не очень-то раздумывает, когда дело идет о подарке, тут уж она дает обеими руками! Да, ты, конечно, не боишься Ос-Андерса, но я все-таки запретила ему показываться тебе на глаза. Эту-то малость уж я могла для тебя сделать!

Тогда Ингер сказала:

– Да что же из того, если б он и пришел. Он больше не может мне повредить.

Олина насторожила уши:

– Ну, разве ты узнала какое-нибудь средство против этого?

– У меня больше не будет детей, – ответила Ингер. И оказалось, что обе на равной ноге и у обеих равные козыри: Олина-то ведь отлично знала, что лопарь Ос-Андерс помер в прошедшем году...

А почему же у Ингер не будет больше детей? С мужем она нельзя сказать, чтоб не ладила, они жили совсем не как кошка с собакой, ссорились редко и никогда надолго, потом опять все шло по хорошему. Часто Ингер вдруг становилась такою же, как в былые дни, и переворачивала всю работу на скотном дворе или в поле, словно уходила в себя и черпала свежие силы.

Тогда Исаак смотрел на жену благодарными глазами, и будь он из тех, что сейчас же высказываются, он сказал бы: – Что такое? Гм. Да ты врешь! – или что-нибудь вроде этого, выражающее признательность. Но он чересчур долго молчал и слишком запаздывал со своей похвалой. И потому, не видя, должно быть, поощрения, Ингер не старалась проявлять такое трудолюбие постоянно.

Ей было за пятьдесят лет, и она могла бы иметь детей, на вид же ей не было, пожалуй, и сорока. Всему-то она научилась в заведении – не научилась ли она каким-нибудь фокусам и насчет себя самой? Она вернулась такая вымуштрованная и образованная от общения с другими убийцами, а может наслушалась кой-чего и от господ, от

смотрителя, докторов. Однажды она рассказала Исааку, что один молодой врач сказал о ее злодеянии:

– Почему наказывают за убийство детей, даже здоровых, даже и нормальных? Ведь они не больше, как кусочек мяса.

– Верно, он был зверь?

– Он то! – воскликнула Ингер и рассказала, как он был ласков к ней, и что это как раз он пригласил другого доктора сделать ей операцию, и благодаря ему она сделалась человеком.

Теперь у нее остался только рубец, и она стала совсем красивой женщиной, высокая и нежирелая, смуглая с густыми волосами, летом по большей части босая, в высоко подоткнутой юбке и с очень смело обнаженными икрами. Исаак их видел, да и кто их не видел.

Ссориться они не ссорились. Исаак был на это неспособен, да и жена стала уж чересчур скоро на ответ. На хорошую основательную ссору этому чурбану, этому мельничному жернову, требовалось много времени, она забивала его и так и этак словами, и он не находил, что сказать, к тому же он любил ее, здорово любил. Да и не так уж часто ему надо было огрызаться, Ингер не нападала на него, он был во всем превосходным мужем, и она оставляла его в покое. На что ей было пожаловаться? По совести, Исаак был не плох, она могла заполучить кой-кого и похуже. Поизносился? Ну да, конечно, в нем сказывались некоторые признаки усталости, но это ничего не значило. Он был полон, так сказать, старого здоровья и неиспользованного запаса сил, как и она, и в осень их совместной жизни он вносил свою долю ласки с неменьшей, если не большей горячностью, чем она.

Но был ли в нем какой-либо особый блеск и красота? Нет. И в этом она была выше его. По временам Ингер думала, что она видела людей и пошикарнее, мужчин в красивом платье и с тросточками, господ с носовыми платками и в крахмальных воротничках. Ох уж эти городские господа! Поэтому она обращалась с Исааком, как и полагалось с таким как он, так сказать, в меру его заслуг, не больше: он был мужик, лесной житель; будь рот у нее с самого начала правильный, она никогда бы за него не вышла, это она теперь знала.

Нет, уж тогда-то она вышла бы за другого! Дом и уют, который она получила, все это одинокое существование, уготованное ей Исааком, в сущности, было только-только сносно, во всяком случае, она могла выйти замуж в своем родном селе и водиться с людьми, а не

жить, как русалка в плуши. Здесь ей уже не нравилось, она повидала другое, взгляды ее изменились.

Удивительно, как могут меняться взгляды! Ингер уже не могла по-настоящему радоваться какому-нибудь красивому теленку или всплескивать от изумления руками, когда Исаак возвращался с большущим ведром рыбы с горного озера.

Нет, она шесть лет провела в более пышной обстановке. Да, миновали и те деньки, когда она была так ласкова и так деликатно звала его обедать. – «Что ты не идешь есть?» – говорила она теперь. Разве так обращаются с мужем?

Вначале он дивился этой перемене, этому грубому и сварливому тону и отвечал: – «Я не знал, что обед готов». Но она заявляла, что он должен бы это знать по солнцу, и тогда он перестал возражать и что-либо говорить по этому поводу.

Но один раз он все-таки поймал ее и использовал этот случай. Это было когда она вздумала украсть у него деньги. Не потому, что он был так уж скуп на деньги, но потому, что это были безусловно его деньги. И дело чуть не кончилось для нее большой бедой. Но Ингер вовсе не была такая уж испорченная и безбожница, ведь деньги-то были нужны для Елисея, все для того же Елисея, сидевшего в городе и опять выпрашивавшего себе далер.

Неужели же ему жить среди благородных господ и быть всегда без гроша? Разве у нее не материнское сердце? И вот она попросила денег у отца, а когда он не дал, взяла их сама. Как это вышло, подозревал ли ее Исаак или обнаружил случайно, но только проделка ее сразу открылась, и в ту же секунду Ингер почувствовала, как ее схватили за обе руки, подняли с пола и швырнули на землю. Это было что-то необычное, словно она откуда-то свалилась. Руки Исаака позабыли про свою старость и усталость. Ингер застонала, голова ее повисла, она задрожала и протянула ему далер.

И тут Исаак ничего не сказал, хотя на этот раз Ингер не мешала ему говорить, он почти выдохнул то, что хотел сказать:

– Чертова баба, тебя нельзя больше держать в доме! Он был неузнаваем.

Должно быть, дал волю давно накопившемуся раздражению.

То был печальный день и долгая ночь, и еще такой же день. Исаак ушел и не ночевал дома, хотя надо было свозить просохшее сено;

Сиверт ушел с отцом.

Ингер осталась с Леопольдиной, коровами, козами, но она чувствовала себя совсем одинокой, почти все время плакала и недоуменно мотала головой. Такое сильное душевное волнение она испытала всего раз в жизни; она вспомнила теперь этот один раз, это было, когда она душила крошечного ребеночка.

Куда ушли Исаак с сыном? Они не болтались зря, они украли сутки или около того от сенокосной поры и построили лодку на озере. О, изрядно-таки неуклюжая и неприглядная посудина, но прочная и крепкая, как и все, что они делали. И вот теперь у них была лодка и они могли ловить рыбу неводом.

Они вернулись домой, а сено лежало все такое же сухое. Они доверились небу, – и выгадали, остались в барышах. Сиверт ткнул пальцем.

– Эге, а мама-то убирала сено. Отец повел глазом на луг.

– Так.

Исаак сразу увидел, что целая куча сена исчезла, Ингер зерно ушла сейчас в дом полудновать. Это правильно она сделала, что убрала сено, хотя он обругал и поколотил ее вчера. И сено то было тяжелое, большетравное, ей здорово пришлось поработать, да еще выдоить всех коров и коз.

– Ступай, поешь, – сказал он Сиверту.

– А ты?

– Не хочу.

Через минуту после того, как Сиверт вошел в избу, Ингер ступила за дверь, смиренно остановилась на пороге и сказала:

– Не смилуешься ли ты над собой, не пойдешь ли тоже покушать?

На это Исаак что-то проворчал и хмыкнул. Но кротость Ингер за последнее время стала таким редким явлением, что Исаак начал колебаться в своем упорстве.

– Если б ты вколотил два зубца в мои вилы, я бы скопнила больше, – сказала она. – Она обращалась к хозяину двора, к главе и властелину с просьбой, и была благодарна, когда он ответил ей извинительным отказом:

– Ты и без того довольно наработала, – проговорил он.

– Нет, не довольно.

– Мне сейчас некогда приколачивать тебе зубцы к вилам, видишь, собирается дождь!

С этими словами Исаак принялся за работу.

Должно быть, он хотел избавить ее от работы: несколько минут, которые он потратил бы на починку вил, наверстались бы в десять раз, если б Ингер пришла им помочь. А Ингер все-таки пришла со сломанными вилами и принялась копнуть так, что только поворачивайся; приехал Сиверт с подводой, все навалились на работу, пот лил ручьями, и сено, воз за возом, отправлялось на сеновал. Любо-дорого! Исаак же снова задумался о высшей силе, направляющей все наши шаги, от кражи далера и до уборки целой кучи сена. А вдобавок на озере стоит лодка; после тридцати лет размышлений и сборов стоит теперь готовенькая лодка на озере:

– О-ох, Господи, – промолвил Исаак.

Глава XV

В общем, это вышел замечательный вечер, поворотный пункт. Ингер долгое время как бы выбившаяся из колеи, благодаря простому поднятию с пола, попала опять на надлежащее место. Ни один из них не говорил об этом происшествии, Исаак впоследствии даже устыдился самого себя за этот далер, который не представлял для него больших денег и с которым ему, все-таки, пришлось расстаться, потому что, в конце концов, он дал его Елисею. Да и кроме того: разве этот далер не принадлежал столько же Ингер, сколько и ему? Пришло время, когда покорность стал проявлять Исаак.

Всякие бывали времена, Ингер, должно быть, опять изменила свои взгляды, она опять переменялась, отказалась постепенно от своих благородных замашек и опять сделалась серьезной и заботливой женой и хозяйкой. Подумать только, что мужской кулак может сотворить такие чудеса! Но так и должно было случиться, здесь дело шло о сильной и работающей женщине, изнеженной долгим пребыванием в искусственной атмосфере; она наткнулась на мужчину, слишком твердо стоящего на ногах. Он ни на минуту не покидал своего естественного места на земле, своей почвы. Его нельзя было сдвинуть.

Всякие бывали времена; на следующий год снова наступила засуха и стала исподволь подтачивать ростки и надежду людей. Ячмень сохнул на корню, картошка – изумительная картошка! – та не сохла, а цвела. Луга начали сереть, картошка же цвела. Высшая сила управляла всем, но луга начали сереть.

И вот однажды явился Гейслер, бывший ленсман Гейслер, наконец-то, он опять явился. Очень удивительно, что он не помер, а опять вынырнул. Зачем это он явился?

На этот раз Гейслер не мог хвастать крупными затеями, покупкой горных участков и документами. Наоборот, он был довольно-таки плохо одет, борода и волосы у него поседели, веки были красные. И вещей за ним теперь уж никто не нес, под мышкой у него был только портфель, даже никакого чемоданчика.

– Здравствуйте, – сказал Гейслер.

– Добрый день, – ответил Исаак и ответила Ингер. – Вот какие к нам пожаловали гости!

Гейслер кивнул головой.

– Спасибо за последний раз в Тронгейме! – особо отметила Ингер.

На это Исаак тоже кивнул головой и сказал:

– Да, спасибо за это от нас обоих!

Но у Гейслера была привычка никогда не впадать в сентиментальность.

– Я пробираюсь через перевал в Швецию.

Хотя хозяева были угнетены засухой, визит Гейслера порадовал их, они радушно угостили его, им было очень приятно как следует принять его, он сделал им так много добра.

Сам Гейслер несколько не печалился, он сейчас же начал рассуждать обо всем, осматривал землю, кивал головой, по-прежнему держался прямо и имел такой вид, как будто у него в кармане много сотен далеров. И он принес с собой бодрость и оживление не потому, что громко кричал, а потому что речь у него была очень живая.

– Великолепное место это Селланро! – сказал он. – А теперь за тобой потянулись в эту пустыню и другие, Исаак. Я насчитал целых пять поселений.

Есть и еще, кроме этих?

– Всего семь, двоих не видно с дороги.

– Семь дворов, скажем, пятьдесят человек. В конце концов, здесь получится густо заселенный уголок. У вас нет здесь школьного округа и школы?

– Есть.

– Мне так и говорили. Школа на участке Бреде, потому что он находится почти в центре. Подумать только, Бреде – и вдруг хуторянин-землепашец! – сказал он и зевнул. – Я слышал про тебя, Исаак, ты – основа всего. Это меня радует. Ты завел и лесопилку?

– Да уж какая вышла. Но мне она большая подмога. Я распилил на ней не одно бревно и для нижних соседей.

– Так и следует!

– Хорошо бы послушать, что вы о ней скажете, если вас не затруднит дойти до нее.

Гейслер кивнул головой, как будто он был знаток этого дела, – кивнул – и это значило: ладно, он осмотрит лесопилку, осмотрит все, что сделано. Он спросил:

– У тебя было двое сыновей, где же другой? В городе? В конторе? Гм! – сказал Гейслер. – А этот вот молодчина, – как тебя зовут?

– Сиверт.

– А того?

– Елисей.

– В конторе у какого-то инженера? Чему он там научится? Только помирать с голоду. Он мог бы поступить ко мне, – сказал Гейслер.

– Да, – только и проговорил Исаак из вежливости. Ему было жаль Гейслера. Да, посмотреть сейчас на Гейслера, так не похоже было, чтоб он мог держать помощника, пожалуй, и одному-то ему приходилось трудненько. Вон и пиджак у него изрядно-таки протерся на локтях, и рукава с бахромой.

– Не угодно ли вам надеть сухие чулки? – спросила Ингер, подавая новую пару из своих, а чулки были из тех, что она завела в свою лучшую пору, с каемкой и тоненькие.

– Нет, спасибо, – кратко сказал Гейслер, хотя, конечно, ноги у него были совсем мокрые.

– Гораздо лучше было бы ему поступить ко мне, – сказал он про Елисея, – у меня нашлось бы для него дело, – прибавил он, вынув из кармана маленькую серебряную табакерку и повертев ее. Может, это был единственный предмет роскоши, оставшийся у него от прошлого.

Но он не мог долго сосредоточиться на чем-нибудь, сунул табакерку обратно в карман и завел разговор о другом:

– Послушай-ка, это луг там такой серый? Я думал, тень. Отчего это земля горит? Пойдем со мной, Сиверт!

Он моментально встал из-за стола, обернулся в дверях, поблагодарил Ингер за еду и исчез. Сиверт пошел за ним.

Они отправились к реке, Гейслер все время упорно высматривал что-то.

– Здесь! – сказал он и остановился. И вдруг прибавил: – Не годится, чтоб земля у вас пересыхала, когда под рукой река, из которой вы можете взять воду! К завтрашнему дню луг должен позеленеть!

Изумленный Сиверт сказал: – Да.

– Ты пророешь отсюда наискосок порядочную канавку, земля ровная, а дальше мы проведем желоб. Раз у вас есть лесопилка, наверно есть и длинные доски? Отлично! Сходи за лопатой и заступом и начинай здесь, а я вернусь и хорошенько намечу линию.

Он опять побежал на усадьбу, в башмаках у него хлюпало, до того он промок.

Исаака он засадил за работу над желобами, велел сделать побольше, их придется проложить там, где нельзя будет поднять воду в канаву. Исаак попробовал было возразить, что вода, пожалуй, не дойдет сюда, очень уж далеко, сухая земля выпьет ее, прежде чем она дойдет до попаленных мест.

Гейслер заявил, что, конечно, это делается не сразу, земля некоторое время будет впитывать воду, но немного спустя вода пройдет дальше.

– Завтра в этот час поля и луг будут зелеными!

– Так, – сказал Исаак и изо всех сил принялся орудовать над желобами.

Гейслер побежал к Сиверту:

– Ладно, – сказал он, – валяй так и дальше, я сразу увидел, что ты молодчина! Линия должна пойти по этим вешкам. Если на пути попадется большой камень или гора – веди канаву в бок, но в той же плоскости.

Понимаешь: на такой же высоте.

И опять к Исааку:

– У тебя готов один, нам понадобится, может быть, шесть; работай, Исаак, завтра все должно зазеленеть, урожай твой спасен. – Гейслер сел на бугорок, хлопнул себя обеими руками по коленкам и заболтал восторженно, перескакивая, словно молния, с одной мысли на другую!

– Есть у тебя смола, есть пакля? Удивительно, все-то у тебя есть! Потому что в начале желоба-то ведь будут протекать, потом замкнут и станут непромокаемы, как бутылки. Ты говоришь у тебя есть смола и пакля, потому что ты строил лодку, где ж твоя лодка? На озере? Надо мне посмотреть и ее!

Чего только ни наобещал этот Гейслер. Он был проворный господин, а сейчас стал, пожалуй, еще легче на подъем. Всякое дело

он желал делать рысью, ну а уж тут он носился, как ветер. Да и нужно сказать, умел он приказывать.

Разумеется, у него была склонность к преувеличениям, поля и луг никак не могли зазеленеть раньше чем послезавтра, но Гейслер был все-таки молодец, умел видеть и делать нужные выводы, и если урожай в Селланро был спасен, так действительно благодаря этому странному человеку.

– Сколько у тебя сейчас желобов? – Мало. Чем больше будет желобов, тем лучше побежит вода. Если ты сколотишь десять или двенадцать десятиаршинных желобов, то этого хватит. Ты говоришь у тебя есть несколько двенадцати-аршинных досок? Пусти их в ход, они окупятся осенью.

И на этом он не успокоился, вскочил с бугра и побежал опять к Сиверту:

– Великолепно, Сиверт, все идет отлично, отец твой сколачивает желоба, у нас будет больше, чем я мечтал. Ступай, притащи желоба, мы сейчас начнем!

Весь день шла горячка, Сиверту никогда не приходилось работать при такой гонке, в совершенно незнакомом для него темпе. Они едва урвали время пойти закусить. Но вот вода побежала. Местами пришлось прорыть канавку поглубже, кое-где опустить или приподнять желоб, но вода текла!

До позднего вечера трое мужчин ходили по полю, исправляя свою работу, и были серьезно заняты ею, но когда влага начала просачиваться в самые засохшие уголки земли, сердца новоселов затрепетали от радости.

– Я позабыл свои часы, – который час? – спросил Гейслер. – Завтра в этот час все будет зелено! – сказал он.

Сиверт и ночью вставал посмотреть на свои канавки. И встретил отца, вставшего за тем же делом. О, Господи, то-то было волнение и ожидание в глуши!

Но на следующий день Гейслер долго лежал в постели и был вял, весь его пыл прошел. Он не в состоянии был пройти на озеро посмотреть лодку, и уж только от стыда сходил взглянуть на лесопилку. Даже и к оросительным канавкам не проявил прежнего горячего интереса; увидев, что ни луг, ни поле за ночь не позеленели, он утратил бодрость, он не думал о том, что вода все бежит и бежит и

распространяется все дальше и дальше по земле. Он ограничился тем, что сказал:

– Может статься, что толк от этого ты увидишь не раньше, чем послезавтра.

Но не унывай.

Среди дня притащился Бреде Ольсен и принес с собой образцы камней показать Гейслеру.

– На мой взгляд, это что-то прямо удивительное, – сказал Бреде.

Гейслер не захотел смотреть его камни:

– Это так-то ты занимаешься земледелием – бродишь кругом в погоне за сокровищами? – язвительно спросил он.

Бреде, видимо, не желал выслушивать замечаний от своего бывшего ленсмана, а хорошенько отделал его, стал ему «тыкать».

– Я тебя не уважаю!

– Ты ведь только и делаешь день – деньской, что болтаешься, – сказал Гейслер.

– А ты-то сам, – ответил Бреде, – ты-то чем занят? У тебя ведь есть скала, которая ни к черту не нужна, а только занимает место. Хе-хе, можно сказать, настоящий хозяин!

– Ступай себе с богом! – сказал Гейслер.

И Бреде не задержался, вскинул свой мешочек за спину и, не прощаясь, пошел обратно в свое гнездо.

Гейслер уселся перелистывать какие-то бумаги и основательно задумайся над ними. Похоже было, словно он раззадорился и захотел посмотреть, как же обстоит дело с медной сказкой, с контрактом, анализом: да ведь это же почти чистая медь, медная лазурь, он должен что-нибудь делать, а не вешать голову!

– Приехал я сюда собственно за тем, чтобы наладить все это депо, – сказал он Исааку. – Я думаю очень скоро подрядить большую партию рабочих и начать разработку скалы; что ты об этом скажешь?

Исааку опять стало его жалко, и он ничего ему не возразил.

– Это для тебя не безразлично. Хочешь, не хочешь, а здесь появится много народа, и будет страшный шум и трескотня от взрывов, не знаю, как тебе это понравится. С другой же стороны, в округе начнется жизнь и движение, и тебе будет легко сбывать свои продукты. Ты сможешь запрашивать за них, что вздумается.

– Так, – сказал Исаак.

– Не говоря уже о том, что будешь получать большой процент с того, что даст скала. Это будут большие деньги, Исаак.

– Я и так уж получил от вас слишком много.

На следующее утро Гейслер покинул усадьбу и зашагал в восточном направлении, в Швецию. Он ответил кратким: «Нет, спасибо» на предложение проводить его. Ужасно жалко было смотреть, как он уходит, такой бедный и одинокий. Ингер наложила ему пропасть самых отменных продуктов, напекла даже вафель, но и этого ей показалось мало; она хотела ему дать еще кувшинчик сливок и целую кучу яиц, но он отказался тащить их. Так что Ингер даже немножко обиделась.

Гейслеру, конечно, было тяжело покинуть Селланро, против обыкновения ничего не заплатив; и он притворился, как будто заплатил, как будто и в самом деле выложил крупную бумажку, а потом сказал Леопольдине:

– Теперь я дам тебе одну штучку, поди сюда! И дал ей табакерку, серебряную табакерку.

– Вымой ее и можешь держать в ней булавки, – сказал он. – А если не пригодится, так стоит мне только добраться домой, и я пришлю тебе что–нибудь другое, там у меня пропасть всякого добра...

Оросительные же канавки остались и после Гейслера, остались и действовали ночью и днем, неделю за неделей; заставили поля позеленеть, заставили картофель отцвести, заставили ячмень выметать колос.

Снизу стали приходиться новоселы посмотреть на чудо, пришел Аксель Стрем, сосед из «Лунного», тот, что был неженат и не имел работницы, но справлялся все-таки сам, пришел и он. Он в этот день был в хорошем настроении и рассказал, что ему обещали на лето девушку, так что придет конец его муче!

Он не сказал, кто эта девушка. Исаак тоже не спросил; обещали же ему Варвару Бреде, это будет стоить только телеграммы в Берген. Ну что ж, Аксель выложил деньги на эту телеграмму, хотя человек он был куда какой расчетливый, попросту говоря, скуповатый.

А выманил сегодня Акселя к соседу водопровод, он осмотрел его из конца в конец и страшно заинтересовался. На участке его не было большой реки, но имелся ручей, не было у него и досок для желобов,

но он решил прокопать весь ход в земле, это можно было сделать. Пока еще на его низменном участке дело обстояло не так плохо, но если засуха простоят долго, придется и ему подумать об орошении. Осмотрев все, он стал прощаться. Его пригласили зайти в дом, но он отказался за недосугом, он решил еще нынче же вечером начать рыть канаву. И ушел.

Это не то, что Бреде.

А Бреде-то, уж и побегал же он по болотам, рассказывая, что в Селланро завелись водопроводы и всякие чудеса.

Вот и нехорошо очень уж усердствовать с землей, – говорил он, – Исаак-то докопался до того, что пришлось ему начать орошать!

Исаак был терпелив, но частенько желал избавиться от этого человека, от этого сплетника, болтавшегося в Селланро. Бреде ссылался на телеграф, что покуда он общественное должностное лицо, он должен содержать линию в порядке. Но телеграф уже много раз делал ему выговоры за упущения и опять предлагал это место Исааку. Бреде был занят не телеграфом, а металлами в скалах, это сделалось у него своего рода болезнью, навязчивой идеей.

Частенько случалось, что он приходил в Селланро, воображая, что нашел сокровище, он кивал головой и говорил:

– Особенно я не буду распространяться, но что я нашел что-то необыкновенное, этого я не стану утаивать! – Он растрчивал время и силы без всякой пользы. Возвращаясь усталый домой, он бросал на пол мешок с образчиками камней, тяжело отдуваясь после дневной работы, и заявлял, что никому не приходится так биться из-за куска хлеба, как ему. Он посадил немножко картофеля на кислом болоте, и если скашивал крапиву, буйно растущую вокруг самой его избы, то и это он называл земледелием. Он попал не на свою полочку, хорошего нечего было ждать. Вот уж дерновая крыша его осела, ступеньки на кухню развалились от сырости; точильный камень валялся на земле, телега вечно стояла под открытым небом.

Бреде жилось в том отношении хорошо, что такие мелочи совершенно его не огорчали. Когда дети, играя, катали точильный камень по траве, отец смотрел на это благодушно, а иногда и сам помогал им катать. Легкомысленная и ленивая натура, без всякой серьезности, но и без меланхолии, слабохарактерный, кой-каких винтиков в голове не хватает – он все-таки добывал кое-какое

пропитание, жил с своей семьей со дня на день, и все они как-то существовали. Но, разумеется, не мог же торговец вечно кормить Бреде и его семью, он говорил это часто, а теперь заявил строго-настрога. Бреде и сам это понимал и обещал положить этому конец: он продаст свой участок, может быть, хорошо на этом заработает и рассчитается с торговцем!

О, да если он на этом и потеряет, Бреде все равно продаст участок, на что ему земля! Он стремился назад в село, к легкомыслию, шалопайству и мелочной лавочке – вот куда он стремился, вместо того, чтоб расположиться на покой здесь, работать и позабыть шумный свет. Мог ли он позабыть рождественские праздники, или Семнадцатое мая, или базары в общинном доме! Он любил поговорить с человеком, потолковать о новостях, а с кем ему разговаривать в этих болотах? Правда Ингер из Селланро одно время как будто проявляла к нему некоторую склонность, но теперь она стала другая, опять совсем неразговорчивая. Да к тому же, она сидела в тюрьме, он же был человек общественный – компания не подходящая!

Нет, он сам себя устранил, покинул село. Теперь он с завистью видел, что ленсман нашел себе другого понятого, а доктор другого кучера; он бежал от людей, нуждавшихся в нем, и вот теперь, когда он не находился у них под рукой, они научились обходиться и без него. Но какой же он понятой и какой кучер! В сущности, его – Бреде – следовало бы доставить обратно в село на лошадях!

Теперь другое – Варвара, зачем он надумал пристроить ее в Селланро? Ну, это он затеял после совещания с женой. Если все пойдет правильно, то тут откроется некоторое будущее для девушки, да, может быть, и для всей семьи Бреде. Вести хозяйство у двух конторщиков в Бергене, конечно, штука не плохая, но бог есть, что она за это в конце концов получит; Варвара ведь красивая и из себя статная, пожалуй, дома у нее больше шансов хорошо устроиться. В Селланро-то ведь двое парней.

Потом Бреде понял, что этот план не удастся – и придумал другой. Оно, собственно говоря, нечего особенно гнаться за тем, чтоб породниться с Ингер, побывавшей в тюрьме, парни ведь есть и не в одном Селланро, вот хотя бы Асель Стрем. У него двор и землянка, он

человек работающий и бережливый, постепенно накопил себе скотины и добра, а ни жены, ни работницы у него нет.

– И вот что я тебе скажу – будет у тебя Варвара, никаких других помощников тебе и не надо! – сказал Бреде Акселью. – А вот погляди-ка ее карточку! – сказал он.

Прошло две недели, и вот приехала Варвара, Аксель немножко запоздал с сенокосом, приходилось ночью косить, а днем сгребать, и одному все делать – и вот тут приехала Варвара! Суший подарок! Выходило, что Варвара умеет работать, она перемыла посуду, выстирала белье, сварила обед, подоила коров, пришла и на сенокос, даже помогла таскать сено на сеновал, и тут поспела; Аксель решил дать ей хорошее жалованье и оставить ее.

Оказалось, что она не только на фотографии нарядная барышня. Варвара была прямая и тоненькая, голос у нее чуть сипловатый, она в очень многом обнаружила зрелость и опытность и была вовсе не желторотый птенчик. Он не понимал, отчего у нее такое узенькое и худое лицо:

– Я узнал бы тебя по виду, – сказал он, – но на карточке ты не похожа.

– Это с дороги, – отвечала она, – да еще и от городского воздуха. Но спустя некоторое время, она опять покруглела, похорошела, и сказала:

– Ты не знаешь, как сильно действует такая дорога и городской воздух! – Она намекнула и на искушения в Бергене – вот где надо смотреть в оба! – И пока они сидели и болтали, она попросила его подписаться на газету, Бергенскую газету, чтоб она могла следить за новостями в мире. Она привыкла к чтению, к театру и музыке, а здесь так скучно.

На радостях, что ему так повезло с работницей, Аксель подписался на газету и смотрел сквозь пальцы на то, что семейство Бреде частенько заглядывало к нему на хутор, пило и ело. Он хотел поощрить свою работницу.

Ничего не могло быть приятнее воскресных вечеров, когда Варвара перебирала струны гитары и напевала своим сиплым голосом; Аксель положительно приходил в умиление от незнакомых, красивых песен и оттого, что вот кто-то и в самом деле сидит у него на хуторе и поет.

За лето он узнал ее с другой стороны, но в общем все же оставался доволен.

Она была не без капризов, случалось, дерзка на язык, пожалуй, даже и чересчур. В тот вечер, в субботу, когда Акселю непременно нужно было сходить в мелочную лавку в селе, Варваре не следовало бросать землянку и скотину и уходить, как ни в чем не бывало. Это произошло из-за маленькой ссоры. А куда же она ушла? Просто домой в Брейдаблик, но все-таки. Когда Аксель ночью вернулся в землянку, Варвары не было, он сходил к скотине, разыскал себе поесть и лег. Утром Варвара пришла.

– Мне захотелось испытать, каково это жить в доме деревянным полом, – сказала она довольно язвительно.

На это Аксель ничего путного не мог ответить, потому что у него-то была простая землянка, с земляным полом, а ответил только, что лес у него есть, так что когда-нибудь будет и изба с деревянным полом! Тогда она словно бы раскаялась – она, ведь, была не дурная – и несмотря на воскресенье пошла в лес за новыми можжевельновыми ветками и выслала ими земляной пол.

Но раз уж она проявила такую старательность и доброту, то и Акселю пришлось вытащить красивый головной платок, который он купил ей вчера вечером; положим, он рассчитывал припрятать его и добиться за него что-нибудь посущественнее. И вот, платочек ей понравился она сейчас же надела его и даже спросила, идет ли он ей. Ну, конечно, он очень ей шел, да надень она на голову хоть его кожаную сумку, и та к ней пошла бы! Тогда она засмеялась и, желая отплатить ему такую же любезностью, сказала:

– Я и в церковь, и к причастию пойду скорее в этом платочке, чем в шляпке. В Бергене мы, ведь, все ходили в шляпках, кроме простых служанок, только что из деревни.

И опять самая нежная дружба.

А когда Аксель достал газету, принесенную с почты, Варвара села читать новости, о том, что творится на свете, о налете на ювелирный магазин на Страндгатан, о драке цыган, о детском трупике, выловленном из морского залива в городе. Он был зашит в старую рубашку, разрезанную наискось у рукавов.

– Кто же выбросил этого ребеночка? – сказала Варвара. – По старой привычке, она прочитала и рыночные цены.

Лето шло.

Глава XVI

Крупные перемены в Селланро.

Да, почти ничего не узнать против того, что было вначале. Теперь здесь стояли всевозможные строения, и лесопилка, и мельница, глухая пустыня превратилась в обитаемую землю. А впереди предстояло еще больше.

Замечательнее же всего была Ингер, так она переменялась и такая опять стала работающая.

Прошлогодний кризис не мог сразу побороть ее легкомыслия, вначале у нее бывали рецидивы, она ловила себя на желании поговорить о тюрьме и о Тронгеймском соборе. О, маленькие, невинные штучки, кольцо же сняла с руки, а вольно подоткнутые юбки спустила пониже. Она сделалась задумчива, на усадьбе стало тише, визитов поубавилось, незнакомые женщины и девушки из села приходили реже, потому что она не занималась с ними. Нельзя жить в глухой пустыне и постоянно веселиться. Радость не развлечение.

В глуши каждое время года имеет свои чудеса, но постоянны и неизменны: тяжелый, неизмеримый звук от небес и от земли, ограниченность со всех сторон, лесная тьма, ласки деревьев. Все тяжело и мягко, никакая мысль здесь невозможна. К северу от Селланро находилось маленькое озерцо, лужица, величиной с аквариум. В нем плавала крошечная рыба молодь, никогда не выраставшая, она там жила и умирала и ни на что не годилась, Господи, решительно ни на что. Однажды вечером Ингер стояла около этой лужицы, прислушивалась к коровьим колокольчикам, но ничего не услышала, потому что все было мертво; услышала только песню из аквариума. Она была такая тоненькая, тоненькая, почти не существующая, далекая-далекая. То пели эти крошечные рыбки.

В Селланро радовались и тому, что каждую осень и весну видели диких гусей, тянувшихся караванами над пустыней, и слышали их говор в небесном пространстве, он звучал словно человеческая речь. И казалось тогда, будто мир замирал на минуту, пока вереница не скрывалась. Не чувствовали ли люди в этот миг, что в них будто закрадывалась какая-то слабость? Они снова принимались за свою

работу, но сначала глубоко переводили дух, словно слышали чей-то призыв из далекого мира.

Великие чудеса окружали их всегда: зимою – звезды, зимою же часто северное сияние, небесный свод из крыльев, фейерверк у Господа бога. По временам, не часто, не постоянно, а изредка, слышали они гром. В особенности это бывало осенью; кругом – тьма, и люди и животные настраивались торжественно, скот, возвращавшийся с пастбища домой, сбивался в кучу и не двигался. К чему он прислушивался? Ждал ли конца? И чего ждали люди в поле, стоя под громовыми ударами и склоняя головы?

Весна – да, ее резвость и безумие и восторг, но осень! Она породила боязнь темноты и настраивала на молитвенный лад, чудились призраки и слышались таинственные голоса. В осенний день, случалось, люди выходили и искали чего-то, мужчины искали зачатого дерева, а женщины – скотину, которая бегала, сломя голову, наевшись грибов. Домой возвращались, напивав душу множеством тайн. Вдруг наступят нечаянно на крота и накрепко притопчут заднюю часть его к тропинке, так что ему уже не оторвать верхнюю часть туловища от земли. А то вдруг наткнутся на гнездо горной куропатки, и перед ними вырастет разъяренная самка. И даже больше мухоморы не лишены значения, человек не зря смотрит на них. Мухомор не цветет и не движется, но в нем есть что-то властное, он чудовище, он похож на обнаженное легкое, что живет и дышит без тела.

В конце концов, сломилась и Ингер, она ударилась в религиозность. Могло ли этого не случиться? Никто в глуши этого не минует, здесь не только земные стремления и брэнность, здесь благочестие и богобоязненность и пышное суеверие. Ингер, наверное, думала, что у нее больше, чем у других, есть причин ожидать небесной кары, и кара эта непременно последует. Она ведь знала, что бог ходит по вечерам и озирает всю свою пустыню, а глаза у него сказочно-огромные, ее то он уж найдет! В ежедневной своей жизни она не так много могла исправить; конечно, она могла запрятать золотое кольцо на самое дно сундука и могла написать Елисею, чтоб и он тоже постарался исправиться; но кроме этого ничего больше не оставалось, как побольше работать и не щадить себя. Еще одно она могла сделать: одеваться в скромные платья и только по воскресеньям

надевать на шею узенькую голубую ленточку, чтоб отметить праздник.

Эта не настоящая и ненужная бедность являлась выражением своего рода философии самоунижения, стоицизма. Голубая шелковая ленточка была старенькая, Ингер спорола ее с шапочки, которая стала мала Леопольдине, местами она выгорела, и, по совести сказать, порядочно испачкалась – Ингер носила ее теперь в виде смиренного украшения по праздникам. Ну да, преувеличивала и подражала нищете в хижинах, она притворялась бедной, а разве заслуга ее была бы больше, если б она одевалась так бедно из нужды?

Оставим ее в покое. Она имеет право на покой!

Она страшно преувеличивала и делала больше, чем следовало. В усадьбе было двое мужчин, но Ингер следила когда они уходили и сама пилила дрова. К чему было это мученье и эта эпитимия? Она была такой незначительный человек, такой ничтожный, ее способности были такие обыкновенные, жизнь ее или смерть пройдут незамеченными в стране. Только здесь, в глуши, она представляет нечто. Здесь она была почти большой, во всяком случае, больше всех, и ей казалось, что она достойна всех кар, какие на себя налагала. Муж сказал ей:

– Мы с Сивертом говорили, что не хотим, чтоб ты пилила за нас дрова и мучила себя.

– Я делаю это ради своей совести, – отвечала она. Совесть? Это опять навело Исаака на размышления.

Он был человек в летах, тяжелый на подъем, но слова его, когда до них доходило дело, были вески. Совесть, должно быть, что-то очень сильное, раз она опять совсем перевернула Ингер. И как бы то ни было, обращение Ингер подействовало и на него. Она заразила своего мужа, он стал задумчив и кроток. То была удивительно меланхоличная и тягостная зима. Исаак искал уединения, рыская по укромным местам. Желая сберечь свой лес, он купил несколько участков с хорошими строевыми деревьями в казенном лесу, росшем на склоне, обращенном к Швеции. Для рубки этих бревен он не хотел брать помощника, он хотел быть один, а Сиверту велел оставаться дома и следить, чтобы мать не изводила себя.

И вот, в короткие зимние дни, Исаак впотьмах уходил в лес и возвращался тоже впотьмах; не всегда бывала луна и звезды, порой

его собственные утренние следы заносило снегом, и он с трудом находил дорогу. Однажды вечером с ним случилось событие.

Он прошел большую часть пути, в ярком лунном свете уже виднелся на откосе его хутор, такой красивый и чистенький, но маленький и почти что вросший в землю: так глубоко запорошил его снег. Вот опять он наготовил бревен, то-то удивятся Ингер и дети когда узнают на что они ему нужны, какую необыкновенную постройку он задумал. Он сел на снег передохнуть немножко, чтоб придти домой не слишком запыхавшимся.

Кругом тихо, да благословит бог эту тишину и полноту мыслей, она только ко благу! Но Исаак ведь не даром пахарь, он и сейчас прикидывает взглядом, сколько земли ему предстоит расчистить в будущем, мысленно отбрасывает большие камни, у него решительно призвание к раскопкам. Вон там – он это знает – на земле его есть хороший длинный овражек, в нем пропасть руды, на каждой лужице там непременно металлическая пленка, вот его он и распашет.

Он делит глазом поле на квадраты; у него свои планы и соображения относительно этих квадратов, он сделает их ярко-зелеными и плодоносными. О, обработанное поле большая благодать. Оно действовало на него, как право и порядок, доставляло наслаждение...

Он встал и не сразу сообразил где он. Гм? Что случилось? Ничего, он просто посидел немножко. А сейчас что-то стоит перед ним, какое-то существо, дух, серый шелк – нет, ничего. Ему стало не по себе, он сделал маленький, неуверенный шаг вперед – прямо на него был обращен чей-то взгляд, пристальный взгляд, два широко раскрытых глаза. Одновременно вблизи зашелестели осины. А ведь всякому известно, что у осин очень неприятная и жуткая манера шелестеть, во всяком случае, Исаак никогда не слышал такого противного шелеста, как сейчас, и почувствовал, что его пронизывает дрожь.

Он протянул вперед руку, и наверно рука эта никогда не делала более беспомощного жеста.

Но что такое стоит перед ним, и настоящее это или нет? Не было дня, чтоб Исаак не мог поклясться, что существует высшая сила. Один раз он даже ее видел, но то, что он видел сейчас, не было похоже на бога. Уж не таков ли видом Святой Дух? Но в таком случае, зачем он

стоит здесь, среди чистого поля, два глаза, взгляд, и только? Уж не за тем ли, чтоб взять его, унести его душу? Ну что ж, пускай, ведь когда-нибудь это должно же случиться, а так он обретет блаженство и попадет на небо.

Исаак с волнением ожидал, что будет. Озноб его не прекращался, от призрака исходил холод, мороз, должно быть, это дьявол. Тут Исаак попал, так сказать, на знакомую почву, возможно, что это и действительно дьявол, но что же ему здесь надо? И за что именно он вцепился в Исаака? Ведь он сидел и мысленно распахивал землю – не это же рассердило черта? Никакого иного греха Исаак за собой не знал, просто он шел из леса домой, он, усталый и голодный рабочий человек шел в Селланро, ничего плохого на уме у него не было...

Он сделал еще шаг вперед, но небольшой, и сейчас же попятился обратно.

Видение не исчезало, Исаак нахмурился, словно хотел сказать: тут что-то не то. Дьявол так дьявол, но высшей власти у него нет. Лютер чуть не убил его один раз, да и многие прогоняли его крестным знаменем и именем Иисуса. Не то, чтобы Исаак бросал вызов опасности и издевался над ней, но он раздумал умереть и обрести блаженство, как уже было решил перед тем, и вот он сделал два шага по направлению к призраку, перекрестился и крикнул:

– Именем Господа Иисуса!

– Гм? Услыхав свой крик, он сразу очнулся и увидел Селланро вдалеке на откосе. Осины перестали шелестеть. Оба глаза исчезли из воздуха.

Он не мешкал на пути домой и не шутил с опасностью. Но стоя уже на пороге избы, громко в облегченно крякнул и вошел в горницу, полный сознания собственного величия, как настоящий мужчина, даже как человек, повидавший всякое.

Ингер вздрогнула и спросила, почему он так страшно бледен.

Он не стал таиться, что встретил дьявола.

– Где? – спросила она.

– Вон там. Напротив нас.

Ингер не выразила никакого недовольствия. Она, правда, не похвалила его, но в выражении лица ее не было ничего похожего на сердитое слово или пинок ногой. Наоборот, за последние дни

настроение у Ингер стало несколько светлее, и сама она сделалась ласковее, хоть и неизвестно, отчего; сейчас она только спросила:

– Это был сам дьявол?

Исаак кивнул головой и сказал, что насколько он может судить, – да, сам.

– Как же ты с ним разделался?

– Я пошел на него во имя Иисуса, – ответил Исаак. Ингер удивленно покачала головой, и прошло порядочно времени прежде, чем она собралась подать ужин.

– Во всяком случае, один ты больше не пойдешь в лес! – сказала она.

Она встревожилась за него, это его обрадовало. Исаак притворился, будто насколько не испугался, и никаких провожатых в лесу ему не нужно, но это он только притворялся, чтобы не перепугать без надобности Ингер своим жутким приключением. Он ведь сам мужчина и глава, защитник их всех.

Ингер видела его насквозь и сказала:

– Ну да, да, ты не хочешь пугать меня, но вперед ты будешь брать с собой Сиверта.

Исаак только хмыкнул.

– Ты можешь захворать или ослабеть в лесу, да, по-моему, ты и так не совсем здоров в последнее время.

Исаак опять хмыкнул.

Нездоров? Устал, измотался – это да. Но болен? Пусть Ингер не смешит его, он и был и есть здоров. Ест, спит, работает, у него прямо несокрушимое, страшное здоровье, Однажды на него обрушилось дерево и сорвало ему ухо, это не особенно его огорчило, он поднял ухо, прижал его к месту шапкой на несколько дней и ночей, оно и приросло. Когда у него бывало неладно внутри – он пил отвар из липового цвета на горячем молоке и потел, еще принимал лакрицу, которую покупал у торговца, и испытанное средство, лекарство древних – терьяк. Если случалось сильно порезать руку, он давал сойти крови присыпал рану солью, и она в несколько дней заживала. Доктора в Селланро никогда не приглашали.

Нет, Исаак не был болен. А происшествие с дьяволом может случиться и с самым здоровым человеком. Исаак не испытывал никаких сомнений по этому поводу. По мере того, как подвигалась

зима, и время близилось к весне, он, мужчина и верховный глава, начинал чувствовать себя почти героем: «Я знаю толк в этих вещах, держитесь только меня, при нужде я могу даже и пригрозить!»

А, в общем, дни стали теперь длиннее и светлее, прошла Пасха, бревна уже лежали во дворе, все сияло, люди вздохнули свободно после пережитой зимы.

Ингер опять первая потянулась к солнышку, она уж давно находилась в хорошем настроении духа. Отчего это происходило? Ха, причина была серьезная: она опять затяжелела, опять ждала ребенка. Все в ее жизни заравнивалось, нигде не оставалось трещины. А ведь это было величайшее милосердие после всех ее согрешений, счастье сопровождало ее, счастье ее прямо преследовало! Исаак и тот однажды заметил кое-что и спросил:

– Сдается мне, у тебя опять что-то, как же это так?

– Да, слава богу, наверно будет! – ответила она. Оба были одинаково удивлены. Разумеется, Ингер была еще не так стара, Исааку и вообще она ни для чего не казалось старой, но все равно, опять ребенок, да, да!

Леопольдина несколько раз в год уезжала в школу в Брейдаблик, в доме не было малюток, да и Леопольдина-то уж стала большая.

Прошло несколько дней, и вот Исаак что-то такое решил и отправился в село.

Ушел он в субботу вечером, чтобы вернуться утром в понедельник. Он не стал рассказывать за чем идет, вернулся с работницей. Ее звали Иенсина.

– Да что ты выдумал? – сказала Ингер, – она мне не нужна.

Исаак ответил, что теперь-то и нужна.

Во всяком случае, с его стороны это была такая хорошая и заботливая выдумка, что Ингер совсем растрогалась. Новая работница была дочь кузнеца, она проживет лето, а там видно будет.

– А кроме того, – сказал Исаак, – я послал телеграмму Елисею и велел ему приехать.

Внутри у нее что-то дрогнуло – материнское сердце. Телеграмму! Исаак хочет совсем доконать ее своей добротой! Она ведь так горевала, что Елисей живет в городе, писала ему о боге, говорила, что отец начинает сдавать, а участок становится все больше и больше, Сиверт всюду не поспевает, да к тому же он должен когда-нибудь

получить наследство после дяди Сиверта – все это она написала ему и даже послала денег на дорогу. Но Елисей стал совсем городским жителем и не стремился возвращаться к крестьянской жизни; он отвечал – что же он станет делать дома? Неужто работать по хозяйству и забросит всю свою ученость и знания? «Сказать откровенно, у меня нет к тому никакой охоты, – писал он. – Если же ты можешь прислать мне холста на белье, то избавишь меня от необходимости влезать в долги», – писал он. – И понятно, мать послала холста, удивительно часто посылала холст на белье; но когда в ней пробудилось религиозное сознание, пелена спала у ней с глаз, и она поняла, что холст Елисей продает, а деньги тратит на другое.

То же самое понял и отец. Он никогда об этом не говорил, он знал ведь, что Елисей у матери – зеница ока, и что она плачет о нем и кручинится; но двурядная ткань исчезала кусок за куском, и он сообразил, наконец, что ни один человек в мире не может сносить столько белья. Здравое все обдумав, Исаак решил, что он должен снова стать мужчиной и главой и вмешаться в дело.

Правда, страшно дорого стоило упросить торговца послать телеграмму, но эта телеграмма должна была особенным образом подействовать на сына, а кроме того, Исааку и самому было занятно прийти домой и рассказать Ингер, что вот послана телеграмма. На обратном пути он нес на спине еще сундучок своей новой работницы, но был полон такой же гордости и таинственности, как и в тот раз, когда возвращался с золотым кольцом...

Чудесное настало время. Ингер прямо не знала что бы ей такое сделать хорошего и полезного, и говорила мужу, как в старину – «Как это ты со всем справляешься!» Или: – «Ты совсем изведешься!» Или же: – «Ну, нет, теперь иди скорей домой и закуси, я напекла тебе вафель!» – Чтоб порадовать его, она спросила:

– Любопытно бы мне знать, на что ты запас эти бревна, и что ты затеваешь строить?

– И сам хорошенько не знаю, – ответил он и напыжился.

Все пошло, как в былые, давние времена. А после того, как родился ребенок, и оказалось, что это девочка, крупная девчонка, хорошенькая и правильного сложения – после этого Исаак был бы камнем и собакой, если б не возблагодарил бога. Но что же он собирался строить? Вот уж будет теперь Олине о чем порассказать,

побегать к соседям: пристройка к избе, еще горница. Что же, народу в Селланро стало много, взяли работницу, да ждут домой Елисея, да прибавилась еще маленькая девчоночка – старая изба будет теперь вместо клетки, больше она ни на что не годится.

И разумеется, в один прекрасный день он должен был рассказать Ингер, ей ведь так хотелось узнать, и хотя Ингер может быть и знала уж тайну от Сиверта – они частенько шушукались друг с дружкой – она все-таки страшно удивлялась, всплеснула руками и сказала: – «Да ты не врешь?»

Весь лоснясь от внутреннего удовольствия, он ответил:

– Ты столько натащила новых ребят в усадьбу, что я не знаю, как их и приютить!

Мужчины каждый день уходили ломать камень для новой каменной избы. Они старались перещеголять друг друга на этой работе, один молодой и крепкий, с полным круглым телом, с глазом, быстро определяющим место удара и быстро отыскивающим подходящий камень; другой – пожилой и медлительный, с длинными руками, наваливающийся на лом с чудовищной силой. Наломав большую кучу, они давали себе передышку и сдержанно разговаривали.

– А Бреде-то собрался продавать, – сказал отец.

– Да, – сказал сын. – Занятно, сколько он просит.

– Ну, да.

– А ты не слыхал ничего?

– Нет. Слыхал, что двести.

Отец подумал с минуту и сказал:

– Как по-твоему, годится этот камень на фундамент?

– Смотря по тому, собьем ли мы с него эту корку, – ответил Сиверт и сейчас же встал, дал отцу держать лом, а сам принялся колотить молотом. Он покраснелся и вспотел, вытягивался во весь рост и с размаха опускал молот, опять выпрямлялся и опускал молот, двадцать раз подряд, двадцать громов. Он не щадил ни инструмента, ни себя. Работа была тяжелая, рубашка вылезла у него из штанов, живот обнажился, каждый раз он приподымался на цыпочки, чтоб сильнее размахнуться молотом. Двадцать ударов.

– Давай посмотрим, – крикнул отец.

Сын остановился и спросил:

– Есть на нем трещина?

Оба легли на землю и осмотрели камень, осмотрели этого дурня, скотину; нет, трещины не было!

– Давай я попробую одним молотом, – сказал отец, вставая.

Работа еще труднее, вся на силе, молот разогрелся, сталь зазубрилась, рукоятка расшаталась.

– Рукоятка соскочит, – сказал Исаак и остановился. – Сил не хватает. – Только нет, этого он не думал, что сил не хватает.

И отец, этот кряж, непритязательный, полный доброты, предоставил сыну нанести последние удары и расколоть камень.

– Вот он и раскололся на две половинки. Пришлось-таки тебе с ним повозиться! – сказал отец. – Гм. А из Брейдаблика-то ведь может выйти толк.

– И по-моему тоже, – сказал сын.

– Ежели распахать да осушить болото.

– Избу надо поправить.

– Ну, понятно, избу поправить. Да, работы-то там будет много, что и говорить. А что, не собиралась мать на праздник в церковь?

– Да, говорила.

– Так. А вот что: надо хорошенько посмотреть везде, не найдется ли хорошая приступка для новой избы. Ты нигде не видал такой?

– Нет, – сказал Сиверт.

Они опять принялись за работу. Дня через два оба решили, что камней на стену хватит. Был вечер пятницы, они сели передохнуть и опять поговорили.

– Гм. Как по-твоему, – сказал отец, – не прикинуть ли нам насчет Брейдаблика?

– Как так? – спросил сын, – на что он нам?

– Да не знаю. Там школа, и расположен он как раз по середине.

– Так что из этого? – спросил сын.

– Я и сам не знаю, потому что нам-то он ни к чему.

– Ты уж думал об этом? – спросил сын. Отец ответил:

– Нет. Разве что Елисей согласится на нем поработать.

– Елисей?

– Да уж не знаю.

Оба долго размышляют. Отец начал собирать инструменты и нагружать их на себя, собираясь домой.

– Разве что так, – сказал наконец Сиверт, – Так ты бы поговорил с ним.

Отец закончил разговор, сказав:

– Ну вот, и сегодня мы не нашли хорошей приступки для новой избы.

На следующий день была суббота и надо было выйти из дома спозаранку, чтоб перебраться через перевал с ребенком. Работницу Иенсину взяли с собой, так что одна крестная мать была, других восприемников решили поискать по ту сторону перевала, среди родных Ингер.

Ингер страх как разоделась; она сшила себе платье с белой оторочкой у ворота и обшлагов. Ребенок был весь в белом, по подолу рубашечки была продернута новая голубая шелковая ленточка, ну, да и малютка-то была совсем особенная, она улыбалась и лепетала что-то свое, прислушиваясь, как бьют в горнице часы. Отец все искал для нее имя. Это было его право, он намеревался настоять на своем – вы только послушайте меня! Он колебался между Якобиной и Ревеккой, оба имени были в том же роде, что и Исаак, а в конце концов пошел к Ингер и робко сказал:

– Гм. Что ты скажешь насчет Ревекки?

– Ну что ж, хорошо, – ответила Ингер.

Услышав это, Исаак почувствовал себя героем и решительно заявил:

– Если ее будут как-нибудь звать, так только Ревеккой! Я буду не я, ежели не так!

И разумеется, он пожелал тоже отправиться в церковь, – помочь нести ребенка и так, вообще, для порядка. У Ревекки да чтобы не было провожатых!

Он подстриг бороду и надел красную рубаху, как в молодые годы; дело происходило в самую жару, но у него был новый зимний костюм, и он нарядился в него. Но, впрочем, Исаак был не такой человек, чтоб превыше всего ставить щегольство и изящество, поэтому он надел в дорогу баснословной величины сапожища.

Сиверт и Леопольдина остались дома смотреть за стадом.

Озеро переплыли на лодке, и это было большим облегчением против прежнего, когда приходилось обходить озеро кругом. А посредине озера, когда Ингер стала кормить девочку грудью, Исаак

увидел, как у нее блеснуло что-то, висевшее на тесемочке, что бы это такое было? В церкви он заметил, что на руке у нее золотое кольцо. Ох, уж эта Ингер, не могла-таки утерпеть!

Глава XVII

Елисей приехал домой.

Он пробыл в отсутствии несколько лет и стал ростом выше отца, руки у него были длинные и белые, а усы маленькие и темные. Он не чванился, а явно старался держаться просто и ласково; мать дивилась и радовалась. Его поместили в каморке вместе с Сивертом, братья ладили между собой, устраивали друг другу разные каверзы – и оба потом весело смеялись. Но, разумеется, Елисею пришлось помогать строить новую избу, и тут он скоро утомлялся и совсем раскисал, потому что не привык к физической работе.

Совсем плохо вышло, когда Сиверт отстал от работы и оставил ее только на тех двоих – тогда помощи отцу все равно что и не было.

А куда же девался Сиверт? Да вот, явилась в один прекрасный день из-за перевала Олина гонцом от дяди Сиверта, что он лежит при смерти! Разве Сиверту младшему не надо было пойти? Вот так положение, нельзя было придумать времени неудобнее, чтоб оторвать Сиверта; но делать нечего.

Олина сказала:

– Мне некогда было идти, уж так некогда, да что поделаешь, я привязалась ко всем здешним детям и к Сиверту, и мне захотелось помочь ему получить наследство.

– Так дядя Сиверт очень болен?

– О, Господи, да он тает с каждым днем!

– Он лежит?

– Лежит ли? Не смейтесь над смертью перед престолом Всевышнего! Дяде Сиверту уж не придется попрыгать и побегать в этом мире!

Из этого ответа они должны были заключить, что дела дяди Сиверта плохи, и Ингер настояла, чтоб Сиверт-младший шел сейчас же.

А дядя-то Сиверт, этот шутник и бездельник, вовсе и не лежал при смерти, он даже и не все время лежал в постели. Придя к нему, Сиверт-младший нашел в его маленькой усадьбе страшный беспорядок и запустение, даже и весенние работы не были как

следует сделаны, даже зимний навоз не вывезен; смерти же как будто так скоро вовсе и не предвиделось. Дядя Сиверт был уж старше, лет за семьдесят, он очень исхудал, бродил полуодетый по горнице и часто прикладывался отдохнуть, он нуждался в помощнике для разных дел, вроде починки сельдяных сетей, которые висели в сарае и рвались; но от конца он был настолько далек, что преисправно ел соленую рыбу и курил носогрейку.

Пробыв с полчаса и ознакомившись с положением дел, Сиверт собрался обратно домой.

– Домой? – сказал старик.

– Мы строим избу, и отцу некому помочь.

– Ну, а Елисей-то разве не дома? – спросил старик.

– Дома, да только он совсем не привычен.

– Тогда зачем же ты пришел?

Сиверт рассказал, с какой вестью пришла к ним Олина.

– При смерти? – спросил старик. – Так она думала, что я при смерти? Черт возьми!

– Ха-ха-ха-ха, – засмеялся Сиверт. Старик сердито посмотрел на него и сказал:

– Ты смеешься над умирающим, а называли тебя Сивертом в честь меня.

Сиверт был слишком молод, чтоб вешать голову, он никогда не интересовался дядей и теперь стремился поскорее попасть домой.

– Так, значит, и ты поверил, что я лежу при смерти и побежал? – сказал старик.

– Олина так сказала, – отвечал Сиверт. Помолчав с минуту, дядя предложил:

– Если ты починишь мои сети в сарае, я тебе кое-что покажу.

– Ну, – сказал Сиверт, – а что?

– Нет, это тебя не касается, – отрезал старик и опять улегся в постель.

Переговоры грозили затянуться, и Сиверт сидел и вертелся. Он вышел на двор и оглянулся по сторонам: все было запущено, неприглядно, руки не поднимались приниматься здесь за работу. Когда он вернулся в горницу, дядя уже встал и сидел у печки.

– Видишь это? – сказал он, указывая на дубовый ларец, стоявший на полу между его ногами. То был денежный ларец. Собственно это

был обыкновенный винный погребец с многими отделениями, из тех какие начальство и разные господа в старину брали с собой в дорогу; теперь бутылок в нем не было, старый окружной казначей держал в нем деньги и счета. Ох, этот погребец!

Ходили слухи будто в нем хранятся все богатства мира, люди на селе говорили: – «Будь у меня хоть те денежки, что только полежали в ларце у Сиверта!»

Дядя Сиверт вынул из ларца бумагу и торжественно проговорил:

– Ты ведь умеешь читать по писаному? Прочитай этот документ.

Сиверт младший насчет чтения по писаному был не мастер, далеко нет, но все-таки прочитал, что он назначается наследником всего дядиного имущества.

– А теперь можешь делать, как хочешь! – сказал старик и положил бумагу обратно в ларец.

Сиверт не особенно растрогался: в сущности, документ сказал только то, что он знал и раньше, он еще с самого раннего детства только и слышал, что со временем получит наследство после дяди. Другое дело, если б он увидел в ларце какие-нибудь драгоценности.

– Наверное, в ларце много всяких диковинок, – сказал он.

– Да уж больше чем ты думаешь! – сухо отвечал старик. Он был так разочарован и раздосадован поведением племянника, что запер ларец и опять лег в постель. И лежа, бросал оттуда племяннику разные новости:

– Я был уполномоченным от села и распоряжался его деньгами и богатствами больше тридцати лет, и мне нет надобности выпрашивать у кого-нибудь помощников. От кого это Олина узнала, что я при смерти? Как будто я не могу послать троих человек в тележке за доктором, ежели захочу! Не воображайте, что меня надуете! А ты, Сиверт, неужто, не можешь подождать, покуда я умру?

Я только вот что тебе скажу: документ ты прочитал, и он лежит у меня в ларце, больше я ничего не скажу. Но если ты от меня уйдешь, так скажи Елисею, пусть придет сюда. Его при крещении не нарекли в честь меня, и он не носит мое земное имя – но все равно, пусть придет!

Несмотря на угрожающий тон этих слов, Сиверт взвесил их и сказал:

– Я передам Елисею!

Олина все еще была в Селланро, когда вернулся Сиверт. Она успела за это время сделать не малый крюк, побывала на хуторе у Акселя Стрема и Варвары, и вернулась полная сплетен и тайн:

– А Варвара-то потолстела, – зашептала она, – уж не значит ли это что–нибудь? Только никому, смотри, не передавай. А, ты уж вернулся, Сиверт? Ну стало быть, не о чем и спрашивать, дядя твой упокоился? Ну что ж, он был уже старый человек, на краю могилы. Что – ну! Так он не умер? Слава тебе Господи, вот чудеса? Ты говоришь, я наболтала? Вот уж в чем не грешна, так не грешна: откуда ж мне было знать, что дядя твой обманывает бога? Он тает, вот какие были мои слова, и я готова еще раз подтвердить их под присягой.

Что ты говоришь, Сиверт? Ну, да, а разве твой дядя не лежал в постели и не хрипел, скрестив руки на груди, и не говорил, что он только лежит и мучается? Невозможно было спорить с Олиной, она забивала противника словами и выматывала у него душу. Услышав, что дядя Сиверт требует к себе Елисея, она ухватилась и за это обстоятельство и повернула его в свою пользу.

– Вот послушайте сами, как это я наболтала! Старик Сиверт созывает свою родню и тоскует по своей плоти и крови, видимое дело, это уж перед самым концом! Не отказывай ему, Елисей, ступай сейчас же, и застанешь своего дядю еще в живых! Мне тоже надо в ту сторону, нам по пути.

Но перед уходом из Селланро Олина все-таки отозвала в сторонку Ингер и пошептала ей еще про Варвару:

– Только не передавай никому, но уж есть признаки. И теперь, верно, располагают так, что она сделается хозяйкой на хуторе. Иные люди страсть как высоко мстят, хоть сами-то они не больше песчинки с морского берега.

Кто бы подумал такое про Варвару! Аксель-то работающий парень, а таких больших угодий и поместий, как здесь у вас, в нашей стороне не водится, это ты и сама, Ингер, знаешь, ты ведь из нашей деревни и нашего рода. У Варвары было несколько фунтов шерсти в ящике, простая зимняя шерсть, я у нее не просила, и она мне не предлагала, мы только и сказали, что «здравствуй» да «прощай», хотя я знала ее еще девчонкой, в то время, когда жила в Селланро, а ты, Ингер, уезжала в ученье.

– Маленькая Ревекка плачет, – сказала Ингер, прерывая Олину, и дала ей моток шерсти.

Олина рассыпалась в благодарностях:

– Ну вот, разве она только сейчас не сказала Варваре, что другой такой по части подарков, как Ингер, нет. Она столько дает, что уж и пальцы-то у нее начинают болеть, и никогда потом не попрекнет. Иди, иди к своему ангелочку, и никогда-то не видывала я ребеночка, так похожего на мать, как твоя Ревекка. А помнишь, Ингер, как ты раз сказала, что у тебя больше не будет детей? Вот видишь! Нет, надо слушать стариков, у которых у самих были дети, потому что пути Господни неисповедимы, – сказала Олина.

И она поплелась за Елисеем по лесу, съезжившаяся от старости, сухонькая, серая и любопытная, неугомонная.

Она направлялась к старику Сиверту сказать, что это она – Олина – уговорила Елисея пойти.

Елисея же не надо было принуждать, уговорить его не стоило никакого труда.

Он, в сущности, был лучше, чем казался, этот Елисей. И был он по-своему ловкий парень, добрый и смысленый от природы, только не очень крепкого сложения. То, что он не особенно стремился из города в деревню, имело свои причины. Он ведь знал, что мать его отбывала наказание за убийство, в городе об этом ему никто не говорил, ну, а в деревне все это помнили.

Недаром же он несколько лет прожил с товарищами, научившими его большей вдумчивости и деликатности, чем у него было раньше. Разве вилка не так же необходима, как нож? Разве день деньской он не пишет «кроны» да «эре», а здесь по-прежнему в ходу старинный счет на далеры. И он очень охотно отправился за перевал, в другую обстановку, – ведь дома он должен был все время держать в узде свое превосходство. Он старался приспособиться к другим, и это удавалось, но приходилось все время быть настороже. Вот например, когда он пришел в Селланро две недели тому назад: он привез с собой свое светло-серое весеннее пальто, хотя лето перевалило уж за половину, и, вешая его на гвоздь в горнице, мог бы, конечно, повернуть наружу шелковую подкладку со своим вензелем; однако он этого не сделал. То же и с палкой, с тросточкой. Правда, это был всего лишь остов дождевого зонта, у которого он отодрал спицы, но он не ходил с ним,

как в городе, и не помахивал, – куда там, а нес, смирененько, прижав к бедру.

Нет, нечего было удивляться, что Елисей пошел на ту сторону. Он не годился в плотники, он годился писать буквы; на это способны не все и не каждый, но дома никто не мог оценить его замечательную ученость и искусство, кроме, разве, матери. Он весело шел по лесу впереди Олины, решив подождать ее повыше, бежал, как теленок, торопился. Елисей некоторым образом удрал из дому тайком, он боялся, что его увидят, а все потому, что захватил с собой весеннее пальто и тросточку. Он надеялся повидать на той стороне людей и себя показать, может быть, попасть и в церковь. И вот он радостно мучился на солнцепеке в ненужном весеннем пальто.

На постройке же о нем никто не пожалел, наоборот, отец заполучил обратно Сиверта, а Сиверт был во много раз полезнее, и мог работать с утра до вечера. Они недолго провозились с избой, это была пристройка, три стены; рубить бревна им не надо было, они пилили их на лесопилке; из верхних отрезков у них сразу получались стропила для крыши. В один прекрасный день изба уж красовалась готовая пред их глазами, покрытая, с настланным полом и врезанными окнами. Больше до полевых работ они не успели сделать, обшить тесом и покрасить придется уж после.

И вдруг появился из-за гор со стороны Швеции Гейслер с большой свитой. А свита была верхом, на блестящих конях, седла желтые, – должно быть, богатые господа, такие они были толстые да тяжелые, лошади подгибались под ними; среди этих важных господ Гейслер шел пешком. Всего было четверо господ и пятый Гейслер. Да кроме того, два конюха вели каждый по вьючной лошади.

Всадники спешили во дворе, и Гейслер сказал:

– Вот это, Исаак, сам маркграф. Здравствуй, Исаак! Видишь, я опять приехал, как сказал.

Гейслер был все такой же. Хотя он и пришел пешком, но не видно было, чтоб он чувствовал себя хуже других; поношенное пальто уныло и сиротливо болталось на его исхудалой спине, но выражение лица его было властно и надменно.

– Мы с этими господами собираемся немножко побродить по скалам, они так разжирили, надо им поубавить сала.

Господа, впрочем, оказались ласковые и не гордые, они улыгнулись на слова Гейслера и попросили Исаака извинить их за то, что нагрянули на его хутор словно войной. У них есть с собой провизия, так что они не объедят его, но если им дадут переночевать под крышей, они будут очень благодарны. Может быть, они поместятся в новом доме?

Когда они немножко отдохнули, а Гейслер побывал у Ингер и поболтал с детьми, все гости ушли в лес и проходили до вечера. По временам на усадьбе слышны были странные громкие выстрелы в горах, и компания вернулась с новыми образцами камней в мешках. – Медная лазурь, – говорили они, кивая на камни. Они завели длинный ученый разговор и рассматривали карту, которую сами же набросали. Среди них был один инженер-горняк и один механик, другого называли областным начальником, третьего – помещиком; они говорили: воздушная дорога, канатная дорога. Гейслер изредка вставлял одно-два слова, и каждый раз как будто направлял их беседу, они прислушивались к его словам с большим вниманием.

– Кому принадлежит земля на юг от озера? – спросил Исаака областной начальник.

– Казне, – быстро ответил Гейслер. Он не задремал, был все время начеку, в руке он держал документ, который Исаак когда-то подписал своими каракулями. – Я ведь сказал тебе, что казне, а ты опять спрашиваешь! – сказал он. – Желаешь меня контролировать, так пожалуйста!

Позже вечером Гейслер позвал с собой Исаака в отдельную комнату и сказал:

– Продать нам медную скалу?

Исаак ответил:

– Да ведь вы один раз уж купили у меня скалу и заплатили.

– Верно, – сказал Гейслер, – я купил скалу. Но дело обстоит так, что ты имеешь проценты с продажи или разработки, так хочешь ты отказаться от этих процентов?

Этого Исаак не понял, и Гейслер должен был объяснить: Исаак не может разрабатывать руду, он землепашец, расчищает и распахивает землю; Гейслер тоже не может разрабатывать руду. Деньги, капитал? О, сколько угодно! Но у него нет времени, такая уйма дел, он все время в разъездах, должен присматривать за своими поместьями на

севере и на юге. И вот Гейслер задумал продать этим шведским господам; они все родственники его жены и богатые люди, знатоки дела, они могут разработать скалу. Понимает теперь Исаак?

– Я хочу так, как хотите вы! – заявил Исаак. Замечательно – это большое доверие доставило потрепанному Гейслеру видимое удовольствие:

– Да, вот я уж и не знаю, как быть, – сказал он и задумался. Но вдруг точно решил и продолжал. – Если ты предоставишь мне свободу действий, я, во всяком случае, сделаю лучше, чем сделал бы ты сам.

Исаак начал было:

– Гм. Вы и с самого начала сделали нам столько добра...

Гейслер нахмурился и оборвал: – Хорошо, хорошо!

Утром господа уселись за писанье. Писали они серьезные вещи: во-первых, купчую на сорок тысяч крон за скалу, потом документ, в котором Гейслер отказывался от всех этих денег до единого скиллинга в пользу своей жены и детей. Исаака и Сиверта позвали подписаться под этими бумагами в качестве свидетелей. После этого господа пожелали откупить у Исаака его проценты за безделицу, за пятьсот крон. Гейслер остановил их словами: – Шутки в сторону!

Исаак не очень-то понимал в чем дело, он уж продал один раз и получил, что следовало, вдобавок же речь шла о кронах – стало быть, чепуха, не то, что далеры. Сиверт же понял гораздо больше, тон переговоров удивлял его: здесь, несомненно решалось семейное дело. Один из господ сказал: – «Дорогой Гейслер, жалко, что у тебя такие красные глаза!» На что Гейслер резко, но уклончиво ответил: – «Действительно, жалко. Но в здешнем свете воздается не по заслугам!»

Уж не так ли обстояло дело, что братья и родственники госпожи Гейслер хотели купить ее мужа, да заодно уж избавиться от его посещений и его беспокойного родства? Скала же, надо полагать, представляла кое-какую ценность, этого никто не отрицал; но она находилась в отдаленной местности, господа говорили, что покупают только за тем, чтоб сбить ее другим людям, у которых будет гораздо больше возможностей разработать ее, чем у них.

В этом не было ничего несообразного. Еще они открыто говорили, что не знают, сколько выручат за скалу в том виде, в каком она сейчас: если начнется разработка, то сорок тысяч, может быть,

вовсе и не цена, если же скала останется, как есть, – так это брошенные деньги. Но на всякий случай они желали иметь руки развязанными и потому предлагали Исааку за его долю пятьсот крон.

– Я – уполномоченный Исаака, – сказал Гейслер, – и я продам его право не дешевле, чем за десять процентов покупной суммы.

– Четыре тысячи! – воскликнули господа.

– Четыре тысячи, – сказал Гейслер. – Скала принадлежала Исааку, он получает четыре тысячи. Мне она не принадлежала, я получил сорок тысяч.

Предлагаю вам побеспокоиться и обдумать это!

– Да, но четыре тысячи! Гейслер встал и сказал:

– Иначе никакой продажи!

Они подумали пошептались, вышли во двор, стали тянуть время.

– Седлайте лошадей! – крикнули они конюхам. Один из господ пошел к Ингер и по-княжески рассчитался за кофе, несколько штук яиц и помещение. Гейслер похаживал с виду равнодушный, но по-прежнему не дремал:

– Ну, а как вышло в прошлом году с орошением? – спросил он Сиверта.

– Спасли весь урожай.

– Вы распахали еще вон ту можечину с тех пор, как я был здесь в последний раз?

– Да.

– Вам надо завести еще одну лошадь, – сказал Гейслер. Все-то он видел!

– Пойди сюда и давай же покончим дело! – позвал его помощник.

Все опять пошли в пристройку. И Исааку выплатили его четыре тысячи крон.

Гейслер получил бумагу и сунул ее в карман, словно она ничего не стоила.

– Спрячь же ее! – сказали ему господа, – а жена твоя через несколько дней получит банковскую книжку.

Гейслер нахмурился и сказал: – Хорошо!

Но они еще не развязались с Гейслером. Он не раскрыл рта для какой-нибудь просьбы, но он просто стоял, и они видели, как он стоит; может быть, он выговорил сколько-нибудь деньжонок и для

себя лично. Когда помещик выдал ему пачку кредиток, Гейслер только кивнул и опять сказал: – Хорошо.

– А теперь давайте выпьем по стаканчику с Гейслером, – сказал помещик.

Выпили и все было кончено. Потом простились с Гейслером.

В эту минуту появился Бреде Ольсен. Что ему было надо? Бреде, конечно, слышал вчера громовые взрывы и понял, что в скалах что-то происходит. Вот он и явился и тоже пожелал продать гору. Он прошел мимо Гейслера и обратился к господам: он открыл замечательные породы камней, прямо невероятные породы, одни, как кровь, другие, как серебро; он знает каждый самый маленький закоулочек в окрестных скалах и ходит по ним, как по полу, он знает длинные жилы с тяжелым металлом, какой это может быть металл?

– Есть у тебя образцы? – спросил горняк.

– Да. Только не лучше ли вам пройти самим в скалы? Это недалеко. А образцы-то? Как же, много мешков, много ящиков, Бреде не захватил их с собой, но они у него дома, он может сбегать домой за образцами. Но скорее будет сбегать за ними в горы, если господа согласятся подождать.

Господа покачали головой и уехали. Бреде обиженно посмотрел им вслед.

Если надежда на минуту вспыхнула в нем, то теперь она погасла, он работал под несчастливой звездой, ничего ему не удавалось. Хорошо еще, что у него был легкий характер, помогавший ему выносить такую жизнь; он посмотрел вслед всадникам и сказал наконец: «Скатертью дорожка!»

Тут он опять стал вежлив с Гейслером, своим прежним ленсманом, уже не «тыкал» ему, а поздоровался и заговорил на «вы». Гейслер под каким-то предлогом вытащил бумажник и показал, как туго он набит деньгами.

– Не можете ли вы помочь мне, ленсман? – сказал Бреде.

– Ступай домой и перекопай свое болото! – ответил Гейслер, не дав ему ни гроша.

– Я мог бы, конечно, притащить с собой целый мешок образцов, но разве не лучше было бы им самим осмотреть горы, раз уж они были здесь?

Гейслер пропустил это мимо ушей и спросил Исаака:

– Ты не видел, куда я девал тот документ? Он очень важный, стоит много тысяч крон. Ага, вот он, в пачке кредиток!

– Что это были за люди? Просто приехали прокатиться? – спросил Бреде.

Гейслер, должно быть, все время очень волновался, теперь у него наступила реакция. Но все-таки у него еще оставались силы и охота на кое-какие дела: он позвал с собой в скалы Сиверта, и там Гейслер разостлал большой лист бумаги и начертил карту местности с южной стороны озера. Зачем-то ему это понадобилось. Когда он через несколько часов вернулся на хутор, Бреде сидел еще там, но Гейслер не стал отвечать на его расспросы, он был утомлен и только помахал ему рукой.

Он проспал без просыпу до раннего утра, потом встал вместе с солнцем, свежий и бодрый.

– Селланро! – сказал он, вышел на двор и оглянулся по сторонам.

– Все эти деньги, что я получил, – сказал Исаак, – неужто они мои?

– Чепуха! – ответил Гейслер. – Разве ты не понимаешь, что должен был бы получить еще больше. И, собственно, тебе следовало бы получить их от меня, согласно нашему договору; но, как ты видел, вышло иначе. Сколько ты получил? Всего тысячу далеров по старому счету. Я вот стою и думаю, что надо бы тебе завести лошадь.

– Да.

– У меня есть на примете одна лошадь. Теперешний понятой у ленсмана Гейердаля забросил свою усадьбу. Ему, кажется, больше нравится разъезжать по торгам. Он распродал свою скотину, теперь собирается продать лошадь.

– Я с ним потолкую, – сказал Исаак.

Гейслер широким жестом указал на лежавшую перед ними местность:

– Все это принадлежит маркграфу! У тебя есть дом и скот, и обработанная земля, никто не может уморить тебя голодом!

– Нет, – отвечал Исаак, – у нас есть все, что создал Господь!

Гейслер побродил по двору, потом вдруг пошел к Ингер:

– Не дашь ли ты мне и сегодня немножко провизии? – спросил он. – Несколько штук вафель, без масла и сыра, в них и так много здобы. Нет, сделай, как я говорю, больше я ничего не возьму.

И опять вышел. В голове у него, должно быть, было тревожно, он пошел в пристройку и сел писать. Все продумал он, верно, уж заранее, потому что писал очень недолго.

– Это заявление в казну, – важно сказал он Исааку, – в департамент внутренних дел, – сказал он. – У меня столько всяких хлопот.

Забрав узелок с провизией и простившись, он как будто вдруг что-то вспомнил:

– Да, вот что, в последний раз, когда я уходил, я, должно быть, позабыл – я вынул бумажку из бумажника, а потом сунул ее в жилетный карман. Там и нашел. У меня столько хлопот. – С этими словами он сунул что-то в руку Ингер и пошел.

Да, так и пошел Гейслер, и с виду казался даже довольно бравым. Он совсем не опустил и умер не скоро. Он приходил в Селланро еще раз и умер только много лет спустя. Всякий раз, когда он уходил с хутора, о нем скучали; Исаак думал было спросить его на счет Брейдаблика и посоветоваться, но как-то не вышло. Да Гейслер, наверное, и отсоветовал бы ему покупать этот участок – покупать совсем не устроенную землю для такого заядлого конторщика, как Елисей.

Глава XVIII

А дядя Сиверт все-таки помер. Елисею пришлось прожить у него три недели, но под конец старик таки помер. Елисей распорядился похоронами и проявил в этом большую расторопность, выпросил у соседей несколько горшков фуксий и флаг, который вывесил на спущенной штанге, купил у торговца черной тафты для спущенных штор. Послали за Исааком и Ингер, и они приехали к похоронам.

Елисей выступал в роли хозяина, устроил угощение для всех приглашенных, а когда покойника выносили, произнес даже несколько прочувствованных слов над гробом, так что мать его полезла за носовым платком от гордости и умиления. Все сошло блестяще.

На обратном пути домой Елисею пришлось нести свое весеннее пальто на виду, тросточку же он спрятал в один из его рукавов. Все шло хорошо до переправы в лодке через озеро, тут отец нечаянно наступил на пальто, и послышался треск.

– Что это? – спросил он.

– Ничего.

Но сломанную палку не выбросил, а по возвращении домой стал придумывать, как бы починить ее.

– А нельзя ее скрепить как-нибудь? – сказал Сиверт, большой шутник. – Посмотри-ка, если приладить с обеих сторон по здоровой щепке да обмотать просмоленными нитками?..

– Вот я тебя самого обмотаю просмоленными нитками, – ответил Елисей.

– Ха-ха-ха. А тебе лучше хотелось бы обмотать палку красной подвязкой?

– Ха-ха-ха, – засмеялся и Елисей, но потом пошел к матери, выпросил у нее старый наперсток, спилил с него доньшко и устроил настоящую аккуратную заклепку на своей тросточке. О, длинные белые руки Елисея были не так-то уж бестолковы!

Братья постоянно дразнили друг друга:

– А что, получу я то, что осталось после дяди Сиверта? – спросил Елисей.

– Получишь ли? А сколько там? – спросил Сиверт.

– Ха-ха, ты раньше хочешь знать, сколько, скупердй ты этакий.

– Да бери, пожалуйста! – сказал Сиверт.

– Там от пяти до десяти тысяч.

– Далеров? – воскликнул Сиверт. Он не мог удержаться. Елисей никогда не считал на далеры, но на этот раз так было выгодней, и он кивнул головой. И оставил Сиверта в этом убеждении до следующего дня. Потом опять вернулся к той же теме:

– Наверно, ты жалеешь о своем вчерашнем подарке? – сказал он.

– Дурак ты! – ответил Сиверт, но пять тысяч далеров как ни как – пять тысяч далеров, а не какая-нибудь мелочь; если брат не жулик и не цыган, он должен отдать ему половину.

– Так я скажу тебе одно, – заявил, наконец, Елисей, – я не думаю, что разжирею с этого наследства.

Сиверт с удивлением посмотрел на него: —. Ну, неужто?

– Да, не очень-то, не очень-то я с него разжирею! Елисей ведь научился разбираться в счетах; дядин ларец, знаменитый винный погребец, был показан и ему, и он должен был посмотреть все бумаги, проверить итоги и подсчитать кассу. Дядя Сиверт не представил своего племянника к работе на земле или к рочинке сетей в амбаре, он задурманил ему голову страшным хаосом цифр и всяких отчетных статей. Если какой-нибудь плательщик налога десять лет тому назад заплатил, что с него причиталось, козой или несколькими пудами вяленой трески, то коза или треска не значились в ведомости, но старик Сиверт рылся в своей памяти и говорил: – Этот заплатил! – «Ну, тогда эту цифру мы вычеркнем», – говорил Елисей.

В этом деле Елисей оказался настоящим человеком, он был ласков и подбадривал старика, говоря, что дела неплохи. Они отлично ладили друг с другом, даже шутили понемножку. Кое в чем Елисей был, правда, плуловат, но таким же был и старик Сиверт. Они просто-напросто состряпали документы в пользу не только Сиверта младшего, но и в пользу самого села, той общины, которой старик служил тридцать лет. Поискать таких чудесных дней, как те, что прошли!

– Лучше тебя, Елисейка, мне никого не найти, – говорил дядя Сиверт.

Он послал купить баранью тушу, – это среди лета, – рыбу ему приносили свежего улова с моря. Елисею был отдан приказ платить из

ларца. Жилось хорошо. Они залучили к себе Олину, и нельзя было выискать никого лучше для участия в пирушке, а также для распространения громкой славы о последних днях старика Сиверта. И удовольствие было обоюдное.

– Я думаю, нам следует чуточку позаботиться и об Олине, – сказал дядя Сиверт, – она вдова и с малым достатком. Сиверту младшему и так много достанется.

Это стоило опытной руке Елисея нескольких черточек пером, – в добавление к последней воле, – и Олина тоже очутилась в числе наследников.

– Я позабочусь о тебе, – сказал ей старик Сиверт. – В случае, если я не поправлюсь и не останусь на здешней земле, я постараюсь, чтоб ты не пропала с голоду, – сказал он.

Олина воскликнула, что у нее нет слов, но они все-таки нашлись, – она была растрогана, плакала и благодарила; никто не сумел бы найти такую связь между земным даром и, например, «великим воздаянием небесным на том свете», как Олина. Нет, дара слова она не утратила.

А Елисей? Если вначале он, может быть, и имел блестящие представления о положении дяди, то впоследствии начал задумываться о нем и заговаривать. Он попробовал было намекнуть: – ведь касса-то не совсем в порядке, – сказал он.

– Да, а еще все то, что останется после меня! – ответил старик.

– И потом у тебя, наверно, есть деньги в каких-нибудь банках? – спросил Елисей; потому что такие ходили слухи.

– Ну, это-то там видно будет, – сказал старик. – А сети-то, а усадьба и постройки, а стадо, рыжие коровы, да белые коровы! Ты что-то тут путаешь, Елисейка!

Елисей не знал, сколько могут стоить сети, но скотину он видел: все стадо состояло из одной коровы. Корова была красно-белая. Дядя Сиверт, должно быть, бредил. Да и в счетах старика Елисей не очень-то разбирался, в них была порядочная каша, особенно с того года, когда счет перешел с далеров на кроны; областной казначей частенько засчитывал мелкие кроны в полные далеры.

Не диво, что он воображал себя богачом! Но Елисей очень боялся, что когда все разберется, вряд ли много останется. Да пожалуй, что

ничего. Может, даже не хватит. Да, Сиверт мог с легким сердцем обещать ему то, что останется после дяди.

Братья подшучивали над этим, Сиверт несколько не приуныл, наоборот, наверное, его больше грызло бы, если б он и в самом деле проморгал пять тысяч далеров. Он прекрасно понимал, что его назвали в честь дяди из чистого расчета, сам он ничего не заслужил от дяди. И теперь он уговаривал Елисея принять наследство:

– Понятно, ты должен его взять, давай заключим письменное соглашение! – сказал он. – Я разрешаю тебе разбогатеть. Смотри, не упусти случая!

Вдвоем им бывало весело. Сиверт больше всех помогал Елисею выносить жизнь здесь, дома; без него многое было бы гораздо мрачнее.

А тут вдобавок Елисей опять словно испортился; три недели безделья, проведенные по ту сторону перевала, не принесли ему пользы, он ходил там в церковь и франтил, встречался с девушками. Дома, в Селланро, не было никого: Иенсина, новая служанка, не в счет. Простая работница – она больше подходила Сиверту.

– Мне хочется посмотреть, какая стала Варвара из Брейдаблика с тех пор, как выросла, – сказал он.

– Сходи к Акселю Стрему и посмотри! – ответил Сиверт.

Елисей пошел однажды в воскресенье. Он побывал на людях, набрался бодрости и веселья, разохотился и, прийдя, внес оживление в землянку Аксея.

Да и Варвара сама была не из таких, чтоб ею стоило пренебречь. Во всяком случае, в глуши она была единственная, она играла на гитаре и бойко разговаривала, вдобавок и пахло от нее не бирючиной, а настоящими духами, одеколоном. Елисей, со своей стороны, дал понять, что он приехал домой только на побывку, в отпуск, скоро его опять потребуют в контору. Да, все–таки приятно побывать дома, на старом пепелище, и сейчас ему одному отвели всю светелку. Но, конечно, это не город!

– Да, об этом что и говорить, деревня уж не то, что город! – поддержала Варвара.

– Аксель совсем стушеввался перед этими двумя горожанами, он заскучал и пошел смотреть землю. Они остались одни, и Елисей

совсем осмелел. Он рассказал, как был в соседнем селе и похоронил своего дядю, не забыл рассказать и о том, что держал речь над гробом.

Уходя, он попросил Варвару проводить его немножко. Ну, нет, извините!

– Разве в городе принято, чтоб дамы провожали кавалеров? – спросила она.

Елисей покраснел и понял, что оскорбил ее.

А в следующее воскресенье опять отправился в Лунное и на этот раз захватил с собой тросточку. Они разговаривали, как и в прошлый раз, и опять Аксель остался не при чем:

– У твоего отца большая усадьба, и он страсть как застроился, – сказала она.

– Да, да, он и сейчас строит. Отцу-то что! – ответил Елисей и прибавил, чтоб похвастать: – вот нам, беднякам, хуже!

– Как так?

– А разве вы не слышали? У него недавно были шведские миллионеры и купили медную скалу.

– Что ты говоришь? Так он получил много денег?

– Ужасно много. Не подумай, что я хвастаю, но только целую кучу тысяч.

Да, так что я хотел сказать? Ты говоришь: строит? Я вижу, у тебя тоже лежат бревна, а ты сам когда будешь строить?

Варвара ответила за Акселя:

– Никогда!

Никогда! – это просто задор и преувеличение. Аксель наломал камней еще в прошлую осень и перевез их на хутор зимой, в этом году в промежутках между полевыми работами он сложил фундамент с подвалом и всем, что полагалось, оставалось только сколотить сруб. Он надеялся подвести избу под крышу еще осенью и собирался попросить Сиверта прийти на несколько дней помочь ему, – что скажет на это Елисей?

– Ну, что ж. Но ты можешь взять и меня, – с улыбкой сказал Елисей.

– Вас? – почтительно спросил Аксель, вдруг переходя на «вы». – У вас талант на другое.

Как приятно быть признанным даже и в глуши!

– Боюсь только, что руки мои не очень на это годятся, – жеманно сказал Елисей.

– Покажи-ка! – промолвила Варвара и взяла его руку. Аксель опять остался вне разговора и вышел, они снова остались одни. Они были ровесники, вместе учились в школе, вместе играли, целовались и бегали, теперь они с бесконечной важностью освежали свои детские воспоминания, и Варвара немножко кокетничала. Понятно, Елисей был не то, что важные конторщики в Бергене, носившие очки и золотые часы, но здесь, в плуши, и он был барином, этого у него не отнимешь! Она вынула и показала ему свою бергенскую фотографию, вот какая она была тогда, а теперь!

– А чем же ты плоха теперь? – спросил он.

– Ну, так по-твоему я не очень подурнела?

– Подурнела! Скажу тебе раз навсегда, что по-моему ты стала вдвое красивее, – сказал он, – во всяком случае, полнее. Подурнела? Нет, это великолепно!

– А ты не находишь, что на мне здесь красивое платье, с вырезом у шеи и сзади? И я носила серебряную цепочку, – видишь? Она стоила очень дорого, мне подарил ее один из конторщиков, у которых я служила. Но потом ее потеряла.

Не то что потеряла, а мне понадобились деньги на дорогу домой.

Елисей спросил:

– Можно мне взять эту карточку?

– Взять? А что ты мне дашь за нее?

О, Елисей отлично знал, что на это ответить, но не посмел.

– Я тоже снимусь, как приеду в город, и пришлю тебе свою, – ответил он.

Она спрятала карточку и сказала:

– Нет, у меня только одна эта и осталась.

Тогда мрак заволок его юное сердце, и он протянул руку за карточкой.

– Ну, тогда дай мне за нее что-нибудь сейчас! – смеясь сказала она. Он обнял ее и крепко-крепко расцеловал.

Стеснение между ними исчезло. Елисей совсем расцвел и превзошел самого себя. Они любезничали, шутили и смеялись. Он предложил перейти на «ты».

– Когда ты взяла меня за руку, ты была прелестна, словно лебедь, – сказал он.

– Да, да, вот ты скоро уедешь в город и никогда больше сюда не вернешься, – ответила Варвара.

– Неужели ты такого плохого мнения обо мне? – спросил он.

– Ну да разве у тебя никого нет, кто бы тебя там задержал?

– Нет. Между нами говоря, я ни с кем не помолвлен, – сказал он.

– Как же! Наверно, помолвлен.

– Нет, говорю тебе, это истинная правда.

Они долго любезничали, Елисей окончательно влюбился:

– Я буду писать тебе, – сказал он. – Можно?

– Да, – ответила она.

– Я не хочу быть назойливым и делать это без разрешения. – Вдруг его охватила ревность и он спросил. – Я слышал, что ты помолвлена с Акселем, правда это?

– С ним-то, с Акселем! – сказала она так презрительно, что он успокоился.

– Пусть себе походит! – сказала она. Но тут же раскаялась и прибавила: – Но сам по себе он ничего, Аксель-то. И он выписал для меня газету и часто делает подарки, это уж надо сказать.

– Боже сохрани! – согласился Елисей, – он может быть самым выдающимся и замечательным человеком в своем роде, но суть не в этом.

Однако, при мысли об Акселе Варвара, должно быть, забеспокоилась, она встала и сказала Елисею:

– А теперь тебе пора уходить, потому что мне надо на скотный двор!

В следующее воскресенье Елисей пошел значительно позднее, чем в те разы, и захватил с собой письмо. Вот-то было письмецо! Целая неделя восторга и головоломной работы; он выносил его, вызубрил наизусть: «Фрекен Варваре Бредесен, вот уже два или три раза имел я невыразимое для меня счастье видеть тебя...»

Вечер был такой поздний, что Варвара наверное уже управилась на скотном дворе, а, может, даже и легла спать. Не беда, так даже лучше. Но Варвара не спала и сидела в землянке. И вид у нее был такой, как будто она совсем не хотела быть ласковой, ни капельки, у

Елисея создалось впечатление, что Аксель оттер его и пожалуй, пробрал ее.

– Пожалуйста, вот письмо, которое я обещал тебе!

– Спасибо! – сказала она, распечатала письмо и прочла без видимой радости.

– Хотела бы я уметь так хорошо писать, как ты! – сказала она.

Он был разочарован. Что он сделал? Что с ней? И где Аксель? Ушел. Может быть, ему надоели эти настойчивые воскресные визиты, и ему захотелось уйти из дому, а, может быть, нашлось нужное дело, потому что он ушел в село еще вчера.

– Что ты сидишь в душевой землянке в такой прелестный вечер? Пойдем погуляем! – сказал Елисей.

– Я дожидаюсь Аксея, – ответила она.

– Аксея? Что же, ты не можешь жить без Аксея?

– Могу, но ведь надо же его покормить, когда он вернется.

Время шло, пропадало даром, близость между ними не устанавливалась.

Варвара продолжала капризничать. Он попробовал опять рассказать о соседнем селе и опять не забыл про свою речь над гробом.

– Сказал-то я немного, но кое у кого вызвал слезы.

– Ну, – промолвила она.

– А в воскресенье был в церкви.

– Что тебе там понадобилось?

– Ну, понадобилось? Просто пошел посмотреть. Священник, по моему скромному мнению, неважный проповедник, у него нет никаких хороших приемов.

Время шло.

– Как по-твоему, что подумает Аксель, если он застанет тебя здесь и нынче вечером? – сказала вдруг Варвара.

О, если бы она ударила его прямо в грудь, он был бы не менее ошеломлен.

Неужели она забыла их прошлое свидание? Разве у них не было условлено, что он придет сегодня вечером? Он страшно огорчился и пробормотал:

– Я могу ведь и уйти!

Она, по-видимому, нисколько не испугалась.

– Что я тебе сделал? – спросил он дрожащими губами. Он был очень огорчен, страдал.

– Сделал, мне? Нет, ты мне ничего не сделал.

– Так что же с тобой сегодня случилось?

– Со мной? Ха-ха-ха. А в прочем, я не удивляюсь, что Аксель сердится.

– Я уйду! – повторил Елисей. – Но это опять ее не испугало, она не обращала внимание на то, что он сидел и боролся со своими чувствами. Она была совсем деревянная.

Тогда в нем стало нарастать раздражение, сначала он выразил его довольно тонко: что она не очень-то приятная представительница женского пола! Когда же это не помогло – о, лучше бы он молчал и терпел, – она сделалась только еще хуже. Но и он тоже стал не лучше.

– Если б я знал, что ты такая, я бы не пришел сегодня.

– Ну, так что ж? – ответила она. – Ты не проветрил бы свою палку, с которой сейчас сидишь.

О, ведь Варвара побывала в Бергене, она видала настоящие тросточки, потому она и могла так язвительно спрашивать, каким это ободренным зонтиком он так помахивает?

Он стерпел это.

– Наверное, ты хочешь получить обратно свою карточку? – сказал он.

Если не подействует это, то не подействует ничто, это самое крайнее, что можно представить себе в деревне – взять подарок обратно!

– Мне все равно, – уклончиво ответила она.

– Отлично, – дерзко заявил он, – я пришлю ее тебе при первой okazji. Тогда отдай мне мое письмо!

Он встал.

Ну что ж, она отдала ему письмо, но тут у нее выступили на глазах слезы.

Да, да, она переменилась, горничная растрогалась, дружок покидал ее, прости навеки!

– Не уходи, – сказала она, – мне нет дела до того, что подумает Аксель.

Но тут уж он решил воспользоваться своим преимуществом, простился и сказал: покорно благодарю.

– Когда дама ведет себя так, как ты, я удаляюсь, – сказал он.

Он тихонько вышел из землянки и направился домой, посвистывал, помахивал тросточкой и держался молодцом. Черт возьми! Через минутку вышла и Варвара, окликнула его два раза. Ну что ж, он остановился, отчего же, – но он был, как раненый лев. Она села на вереск с видом раскаяния, стала вертеть веточку вереска, понемножку, и он начал смягчаться и попросил поцелуя – напоследок, на прощанье, – сказал он. Нет, она не хотела.

– Ах, будь такая же очаровательная, как в прошлый раз! – умолял он, обхаживая ее со всех сторон и напирая все решительнее, чтоб скорее добиться своего.

Но она не пожелала быть очаровательной, а встала. И стояла. Тогда он молча кивнул головой и ушел.

Когда он скрылся, из-за кустов вдруг вынырнул Аксель. Варвара вздрогнула и спросила:

– Что это, разве ты – пришел сверху?

– Нет, я пришел снизу, – ответил он. – Но я видел, как вы вдвоем здесь прогуливались.

– Ах, видел! Ну, что ж, растолстел ты от этого?! – крикнула она, сразу разозлившись. Она и сейчас капризничала не меньше: – Чего ты ходишь и шпионишь? Какое тебе дело!

Аксель тоже был не в кротком настроении:

– Ну, он нынче был здесь?

– Так что ж? Чего тебе от него надо?

– Чего мне от него надо? Нет, ты скажи, чего тебе от него надо?

Постыдилась бы!

– Стыдиться? То ли нам помолчать об этом, то ли поговорить, – ответила Варвара старинным присловьем. – Я не обязана сидеть в твоей землянке, как межевой столб, так ты и знай! Чего мне стыдиться? Как только ты найдешь себе другую экономку, я сейчас же уеду. Попридержи лучше свой язык, если можно тебя об этом попросить. Вот тебе мой ответ. А теперь я пойду домой, подам тебе поесть и сварю кофе, а потом могу делать, что мне угодно.

Они пришли домой в полной ссоре. Нет, Аксель и Варвара не всегда жили дружно. Она прожила у него уже два года и изредка между ними происходили ссоры, большей частью из-за того, что Варвара хотела уехать. Он упрашивал ее остаться навсегда, переехать

к нему совсем, разделить с ним по– настоящему землянку и жизнь; он ведь знал, как плохо оставаться одному без помощницы – и она много раз обещала согласиться, в минуты нежности она даже не могла себе представить, что не останется. Но как только они ссорились, она сейчас же грозила, что уедет. Если уж не совсем, то она говорила, что поедет в город полечить зубы, они все изболелись. Уехать, уехать! Необходимо было наложить на нее какие-нибудь узы. Узы? Она смеялась над всякими узами.

– Ну что ж, ты и теперь хочешь уехать? – сказал он.

– А что? – спросила она.

– А ты можешь уехать?

– А почему же не могу? Ты думаешь мне некуда податься, потому что дело идет к зиме, но я могу получить место в Бергене в любое время.

Тогда Аксель сказал довольно твердо:

– Теперь уж не может быть, как раньше. Разве ты не ждешь ребенка?

– Ребенка? Нет. О каком ребенке ты говоришь? Аксель вытаращил на нее глаза. Помешалась что ли, Варвара?

Другое дело, что он сам – Аксель – может, был слишком нетерпелив: связав ее этими узами, он начал действовать чересчур уж уверенно, это было неразумно, незачем было так часто ей противоречить и раздражать ее, не нужно было приказывать ей весной сажать картошку, в крайности, он мог бы справиться и один. Он успел бы проявить свою власть после того, как они поженились бы, а до тех пор надо было бы действовать умно и уступать.

Но тут вышла эта неприятность с Елисеем, с этим конторщиком, который припутался с своими благородными речами и тросточкой, Разве это поведение для помолвленной девушки, да еще в ее положении! Можно ли представить себе что-нибудь хуже! До сих пор Аксель не имел соперника в глуши, а тут положение переменилось.

– Вот тебе последние газеты, – сказал он. – И вот еще одна вещичка, которую я раздобыл для тебя. Посмотри, понравится ли тебе.

Она осталась равнодушна. Хотя оба сидели и пили страшно горячий кофе с блюдечка. Она ответила с ледяной холодностью:

– Бьюсь об заклад, что это золотое кольцо, которое ты обещал мне больше года.

Но тут она промахнулась, потому что, действительно, это было кольцо. Но не золотое, и такого он ей никогда не обещал, это она сейчас выдумала; а серебряное с двумя изображенными на нем позолоченными руками, значит, тоже хорошее и с пробой, Но, ах эта злополучная поездка в Берген! Варвара видела там настоящие обручальные кольца, попробуй-ка втереть ей очки!

– Это кольцо можешь оставить себе, – сказала она.

– Да чем же оно плохо?

– Плохо? Ничем оно не плохо, – ответила она, встала и принялась убирать со стола.

– Для начала ты возьми это, – сказал он, – соберемся с деньгами, куплю другое. – На это она промолчала.

Но, все равно, в этот вечер Варвара была ужасная злюка. Неужто за новое серебряное кольцо не стоило хоть сказать «спасибо»? Должно быть, это щеголь конторщик перевернул ей мысли. Аксель не мог удержаться, чтоб не сказать:

– Да расскажи ты мне, зачем этот Елисей сюда бегаёт? Чего он от тебя добивается?

– Добивается от меня?

– Ну да, неужто он не понимает, в каком ты положении? Неужто не видит по тебе?

Варвара резко повернулась к нему лицом и сказала: – Ага, ты думаешь, что привязал меня к себе, но вот увидишь, это окажется вздором.

– Ну да? – сказал Аксель.

– Да. И увидишь, что я уеду!

Аксель только усмехнулся на это, и даже не очень широко и открыто, чтоб не задеть ее. Потом сказал успокоительно, как ребенку:

– Ну будь же умница, Варвара. Ведь мы же с тобой знаем. И разумеется, поздно ночью кончилось тем, что Варвара смирилась и даже заснула с серебряным кольцом на пальце.

Все опять наладилось.

Для тех-то двоих в землянке наладилось, но с Елисеем было хуже, он никак не мог пережить нанесенную обиду. Не имея понятия об истерии, он решил, что его обманули по чистой злобе, Варвара из Брейдаблика вела себя чересчур уж дерзко, пусть она хоть десять раз был в Бергене!

Фотографию Варваре он отослал таким способом, что сам отнес ее однажды ночью и просунул на сеновал, где спала Варвара. Он сделал это вовсе не в грубой и невежливой форме: долго возился с дверью, чтоб разбудить Варвару, а когда она приподнялась на локте и спросила: – Что же, ты нынче и дороги не найдешь? – то семейный характер этого вопроса кольнул его, как иголка или как шпага, но он не закричал, а только тихонько подбросил карточку на пол.

А потом пошел своей дорогой. Пошел? Собственно, он прошел несколько шагов, но потом побежал. Он был так взволнован, так расстроен, сердце у него колотилось. У кустов он остановился и опянулся назад. Нет она не вышла. А он почти не надеялся! И если б с ее стороны хоть чуточку ласки! Да и какой черт побежал бы, если б она погналась за ним по пятам, в одной рубашке и юбке, в отчаянии, убитая тем, что наделала, и своим чисто семейным вопросом, предназначенным не для него.

Он пошел домой без палки и не посвистывая, нет, он был уже не молодцом.

Кинжал в груди – не безделица.

На том все и кончилось.

В одно воскресенье он опять пошел, только посмотреть. С болезненным и невероятным терпением он лежал в кустах, прислушивался и вглядывался в сторону землянки. Когда жизнь и движение наконец проявились там, то словно для того, чтоб совсем доконать его. Аксель и Варвара вышли из землянки и вместе направились в хлев. Они были сегодня очень нежны друг с другом, переживали блаженные минуты, шли обнявшись. Он собрался помочь ей в хлеву.

Скажите, пожалуйста!

Елисей смотрел на парочку с таким видом, будто все потерял, все пропало.

Может быть, он думал: она идет рука об руку с Акселем Стремом; как она до этого дошла, я не знаю, когда-то она обнимала меня! Вот они скрылись в хлеву.

Ах, так? – сделайте одолжение! Наплевать! Неужели он будет лежать в кустах и страдать? Этого еще не доставало, – лежать носом в

траве и позабыть самого себя. Кто она такая? Он же, во всяком случае, то, что он есть. Наплевать еще раз!

Он вскочил на ноги. Потом отряхнул вереск и сор со штанов, выпрямился и еще постоял, Гнев и задор его разрешились странной выходкой. Он впал в отчаяние и запел довольно неприличную песенку. И у него было совсем особенное выражение лица, когда он усердно старался петь, как можно громче, самые непристойные куплеты.

Глава XIX

Исаак вернулся из села с новой лошастью.

Ну да, так и вышло, что он купил лошадь у понятого, она была, как и сказал Гейслер, заморенная, но стоила двести сорок крон, стало быть – шестьдесят далеров. Цены на лошадей стали нынче совсем несообразные; когда Исаак был ребенком; самую великолепную лошадь можно было купить за пятьдесят далеров.

Но почему же он сам не разводил лошадей? Он думал об этом, представлял себе, как у него будет породистый жеребенок, только его пришлось бы дожидаться год, а то и два года. Это хорошо для тех, у кого есть время на передышку в земледелии, кто может не распахивать целину на болоте, пока у него не заведется лошадь, чтоб свозить на ней урожай. Понятой так и сказал: – Мне незачем кормить лошадь; то сено, какое у меня есть, бабы мои перетаскают на себе, покамест я езжу по делам службы.

Новая лошадь – это была старая мечта Исаака, многолетняя мечта, и внушил это ему не Гейслер. Поэтому он и подготовился к ней надлежащим образом: лишняя перегородка в конюшне, лишняя привязь на лето; телеги и сани у него были, осенью сделает еще. Про самое важное – корм – он, конечно, не забыл: для чего же потребовалось распахать последнее болото еще в прошлом году? – да, конечно, для того, чтоб не урезать корм коровам и все же иметь запас на зиму и для лошади. И вот теперь болото засеяно клевером. Он предназначался для стельных коров.

Да, все было обдуманно. У Нигер опять был повод изумляться и всплескивать руками, как в старину.

Исаак привез из села новости: Брейдаблик продается, об этом объявляли у церкви. Пустяковый урожай, который там имеется, кое-какое сено и картошка тоже поступают в продажу, также и скотина, несколько штук коз и овец.

– Неужто он хочет весь распродаться и остаться голышом? – воскликнула Ингер. – И куда он денется?

– В село.

Оно так и было, Бреде перебирался в село. Но сначала он попробовал пристроиться на житье у Акселя Стрема, у которого все еще жила Варвара. Но неудачно. Бреде ни за что на свете не хотел портить отношений между дочерью и Акселем, так что поостерегся проявлять назойливость, но это все-таки перевернуло все его расчеты, ведь, Аксель к осени предполагал поставить новую избу, и если он с Варварой переберется туда, отчего бы Бреде с семьей не поселиться в землянке? Нет. В том то и дело, что Бреде мыслил не как хозяин, он не понимал, что Аксель решил выселиться, потому что землянка ему нужна была для скотины, которой прибавилось; землянку предполагалось превратить в хлев. Даже и тогда, когда ему все объяснили, соображения эти остались чужды Бреде:

– Ведь люди важнее скотины, – сказал он.

Аксель же думал совсем по-другому: «Скотина важнее, потому что люди всегда сумеют найти себе пристанище на зиму», Тут вмешалась Варвара.

– Вот как, твоя скотина тебе важнее нас, людей? Хорошо, что я это узнала!

Конечно, Аксель восстановил против себя всю семью тем, что у него не нашлось для нее места. Но он не сдавался. К тому же он был вовсе не глуп и не прост, а, наоборот, становился все скупее; он отлично знал, что этот переезд означает несколько лишних ртов, которые ему же придется кормить.

Бреде успокоил дочь, дав понять, что он и сам предпочитает переехать в село; он не может жить в пустыне. Только оттого он и решил продать землю.

В сущности же, продавал вовсе не Бреде Ольсен, а банк и торговец продавали Брейдаблик за долги, и только для виду продажа совершалась от имени Бреде. Он полагал, что этим спасется от позора. Но Бреде вовсе не был угнетен, когда его встретил Исаак, он утешался тем, что по-прежнему оставался инспектором телеграфной линии, это был верный доход, а со временем он, наверное, добьется и прежнего своего положения в селе и опять будет самым нужным человеком и правой рукой ленсмана. Разумеется, Бреде был до некоторой степени растроган: ведь как ни как приходилось расставаться с местом, где он жил и работал много лет, и которое полюбил! Но добрый Бреде никогда не позволял себе впадать в уныние. Это было в нем всего

лучше, самая главная его прелесть. В один прекрасный день ему пришло в голову осесть на земле; опыт оказался неудачным, но с такой же легкостью он поступал и в других вопросах, и выходило лучше: да и почему знать, может быть, из образцов камней, которые у него хранятся, еще получится огромное дело! Потом: взять хоть Варвару, которую он поместил в Лунном, ведь она уж никогда не расстанется с Акселем Стремом, за это он может поручиться, это и всякому видно.

Нет, дела еще не так плохи, пока у него есть здоровье, и он может работать на себя и на своих! – говорил Бреде Ольсен. Да и дети сейчас уж подросли настолько, что могут уехать на сторону и позаботиться о себе сами.

Вот, Хельге уж пристроился на лове сельдей, а Катерина поступает к доктору.

Так что у них осталось только двое младших – да, да, положим, третий наготове. Исаак привез из села еще одну новость: у жены ленсмана родился ребенок. Ингер сразу заинтересовалась: мальчик или девочка?

– Этого не слыхал, – ответил Исаак.

Так у ленсмана родился ребенок! – а не она ли постоянно восставала в женском кружке против непомерного числа детей у бедняков: дайте лучше женщинам право голоса и влияние на их собственную судьбу! – говорила она. А теперь и сама попалась! «Да, – сказала пасторша, – уж она ли не пускала в ход свое влияние, ха-ха-ха-, а вот все-таки не избежала своей судьбы!» Эта острота о госпоже Гейердаль ходила по всей деревне и многим была понятна.

Ингер, может быть, тоже ее поняла, только Исаак не понял ничего.

Исаак понимал, как надо работать, как вести хозяйство. Он стал теперь богатым человеком, имел большой участок с отличной усадьбой. Но из крупных денег, случайно попавших к нему, он извлек мало пользы: он их спрятал. Его прельщала земля. Если бы Исаак жил в селе, общение с людьми, может быть, несколько повлияло бы и на него, там было столько соблазнов, такая тонкость обращения. Он тоже купил бы ненужной дребедени и ходил бы в красной праздничной рубахе по будням. Здесь, в глуши, он был застрахован от всяких излишеств, он жил на чистом воздухе, умывался по воскресеньям и

купался, когда бывал на озере. А тысяча далеров – ну, что ж, это божий дар: разве не надо было спрятать их до последнего скиллинга? А зачем? Исааку хватало на необходимые расходы только от одной продажи того, что ему давали скот и земля.

Елисей понимал больше, он советовал отцу отдать деньги в банк. Может быть, это было умнее, но во всяком случае, Исаак все откладывал, да может так никогда и не отдал бы. Нельзя сказать, чтобы Исаак всегда пренебрегал советами сына. Елисей был вовсе не так плуп, он доказал это впоследствии.

Нынче, во время сенокоса, он попробовав косить – нет, на это он был не мастер, и ему приходилось все время держаться поближе к Сиверту, чтоб тот точил ему каждый раз косу; но у Елисея были длинные руки и сгребал и копнил он сено так, что любо-дорого. Сиверт, он, Леопольдина и работница Иенсина копнили сено после первого покоса, и Елисей тут не щадил себя, работал граблями до того, что руки у него все покрылись волдырями, и пришлось ему замотать их тряпками. Недели две он плохо ел, но работал не меньше. Что-то новое, должно быть, стряслось с парнем, похоже, ему пошла на пользу некоторая неудача в известном любовном деле, – или нечто вроде того, – он изведал чуточку вечной скорби или разочарование. А тут еще он докурил последний табак, привезенный из города, а это при других обстоятельствах могло бы заставить иного конторщика хлопать дверями и грубо выражаться о том и о сем; но нет, Елисей переносил это, как стойкий парень, даже осанка у него стала тверже, одно слово – настоящий мужчина. И что же придумал тогда шутник Сиверт, чтоб подразнить его? Нынче оба брата легли на камни у реки, чтоб напиться, и Сиверт был так неосторожен, что предложил брату засушить какого-то замечательного моху на табак. – Или, может, ты покуришь его сырым? – сказал он.

– Вот я тебе дам табаку! – ответил Елисей, схватил брата за голову и окунул по самые плечи в воду. – Ха, вот и получил! – Сиверт так и пошел с мокрыми волосами.

«Сдается, будто из Елисея начинает вырабатываться настоящий человек!» – думал иногда Исаак, видя сына за работой.

– Гм. Как думаешь, Елисей навсегда останется дома? – спросил он Ингер.

Она посмотрела на него с любопытством и осторожно сказала:

– Не знаю, как сказать. Нет, не останется.

– А ты говорила с ним?

– Нет. Немножко-то говорила. Но я так думаю.

– Ну, а если у него будет свой собственный клочок земли?

– Как так?

– Станет он на нем работать?

– Нет.

– Ну, так ты, значит, спрашивала?

– Спрашивала? Я не понимаю Елисея!

– Нечего тебе его порочить, – беспристрастно сказал Исаак. – Я вижу только одно, что он отлично справляется с работой.

– Ну это, пожалуй, – неохотно согласилась Ингер.

– Не понимаю, чего ты нападаешь на парня, – с досадой сказал Исаак. – Он работает все лучше день ото дня, чего же еще желать?

Ингер пробормотала:

– Он не такой, каким был. Ты бы поговорил с ним о жилетках.

– О жилетках? О каких жилетках?

– Он рассказывает, что летом ходил по городу в белых жилетках.

Исаак подумал и ничего не понял: – А разве ему нельзя дать белую жилетку? – спросил он. Исаак был сбит с толку, все это, разумеется, бабьи глупости, он находил, что парень имеет право на белую жилетку, да, кроме того, не понимал, в чем дело, и потому решил просто перескочить через это:

– А что ты скажешь, если его посадить работать на участок Бреде?

– Кого? – спросила Ингер.

– Да Елисея же.

– В Брейдаблик? – спросила Ингер. – И не думай. – Дело в том» что она уж обсуждала этот план с Елисеем, знала же его хорошо от Сиверта, который не вытерпел и проболтался. А впрочем – зачем же Сиверту было замалчивать этот план, сообщенный ему отцом единственно для того, чтоб его обсудили. Не первый раз он пользовался Сивертом в качестве посредника. Ну, а что же ответил Елисей? Как и раньше, как в своих письмах из города: «Нет, а не хочу забрасывать свою науку и превращаться опять в ничтожество!» Вот что он ответил. Мать стала приводить ему разные разумные доводы, но Елисей на все отвечал отказом, и говорил, что у него другие планы

на жизнь. У молодого сердца свои тайны, может быть, после того что случилось, ему казалось невозможным стать соседом Варвары. Этого никто не мог знать. С видом превосходства он возражал матери: он может получить в городе службу лучше той, что у него была, может поступить в конторщики к амтману или окружному судье, а там и еще будет повышаться, через несколько лет он, может быть, сделается ленсманом или смотрителем маяка, или попадет в таможду. Перед ученым человеком так много возможностей.

Как бы то ни было, но мать переменила мнение, он увлек ее, она и сама была очень неустойчива. Свет имел над нею такую большую власть. Зимой она еще читала известный замечательный молитвенник, подаренный ей при выходе из тюрьмы в Тронгейме; но теперь-то! Неужели Елисей может сделаться ленсманом?

– Да, – ответил Елисей, – кто такой Гейердаль? – самый обыкновенный старый конторщик, служивший в конторе амтмана.

Огромные перспективы. Мать готова была прямо отсоветовать Елисею менять жизнь и губить себя. Что стал бы такой человек делать в глуши!

Но тогда почему же Елисей вдруг вздумал так усердно работать на отцовской земле? Бог знает, может быть, у него и были кое-какие задние мысли.

Наверное, примешивалось и немножко мужичьей чести, не хотелось отставать от других, кроме того, не мешает подружиться с отцом на случай отъезда из дома; по правде сказать, у него были кое-какие долгишки в городе, и хорошо бы их заплатить, это открыло бы ему новый большой кредит. А дело шло не о какой-нибудь сотне крон: кое о чем посущественнее.

Елисей был не только не плуп, но, наоборот, по-своему довольно хитер. Он видел, что отец приехал, и знал, что в эту минуту он сидит в горнице у окошка и смотрит на поляну. И если Елисей приналяжет на работу как раз сейчас, то, может, от этого только выиграет, а повредить это никому не повредит.

Что-то неладное было в Елисее, Бог знает, что: не то расслабленность, не то уныние; он был не дурной, но избалованный. Распустился он, что ли, за последние годы. Что могла теперь сделать для него мать? Единственно, оказать ему поддержку. Она могла

увлечься видами на блестящее будущее сына и замолвить за него слово отцу, – это она могла.

Но Исаак, в конце концов, стал сердиться на ее отрицательное отношение: план насчет Брейдаблика, по его мнению, был вовсе не так плох. Нынче, по дороге домой, он даже остановил лошадь и наспех осмотрел заброшенный участок: в настоящих рабочих руках из него мог получиться толк.

– Почему мне об этом не думать? – спросит он у Ингер. – Мне жалко Елисея, и я хочу помочь ему устроиться.

– Ну, если тебе жалко Елисея, так не поминай больше про Брейдаблик! – ответила она.

– Вон что.

– Да, потому что в голове у него мыслей побольше, чем у нас с тобой.

Исаак и сам не вполне уверен, поэтому он не может говорить решительно, но его сердит, что он выдал свой план и говорил с такой неосторожной ясностью, оттого он и не хочет теперь отказаться от этого плана:

– Он сделает так, как хочу я! – заявляет вдруг Исаак. И он угрожающе возвышает голос, на случай, если б Ингер не расслышала.

– Да вот, смотри на меня, больше я ничего не скажу. Ведь там школа и участок находится в самой середке округа, и все такое, и какие это у него мысли? С таким сыном, как он, того и гляди помрешь с голоду, лучше это, что ли? А теперь я спрашиваю, как это моя собственная плоть и кровь может идти против... против моей собственной крови и плоти?

Исаак умолк. Он понимал, что чем больше он говорил, тем дело становилось хуже. Он собрался было переменить праздничное платье, в котором ездил в село, но потом подумал и остался, как был – чего это ради?

– Попробуй, поговори с Елисеем, – сказал он.

– Лучше поговори сам. Меня он не слушает.

Ну, конечно, Исаак – над всеми глава, он и сам это знает, пусть только Елисей попробует поворчать! Но опасаясь, быть может, поражения, Исаак сейчас уклоняется и говорит:

– Это-то я, конечно, могу и сам поговорить. Но помимо всяких дел, у меня есть и кое-что другое, о чем подумать.

– Вот что? – изумленно промолвила Ингер.

Исаак уходит, только на окраину своего участка, но, во всяком случае, уходит. Он так полон тайн, он хочет спрятаться. Дело вот в чем: ведь он привез из села и третью новость, она крупнее всех остальных, прямо неизмерима, он спрятал ее на опушке леса. Вот она стоит закутанная в парусину и бумагу, он раскутывает ее и оказывается, что это большая машина.

О, она красная и синяя, чудесная, с множеством зубцов и ножей, с руками, колесами, винтами – косилка. Разумеется, новая лошадь была приведена именно сегодня только из-за косилки.

Он стоит с глубокомысленным видом и припоминает с начала и до конца описание, которое ему прочитал торговец; он укрепляет в одном месте стальную пружину, подвигает в другом шкворень, потом смазывает каждое колесо, каждое отверстие, осматривает весь механизм. Никогда не переживал Исаак такой минуты. Взять в руки перо и написать на документе свою фамилию – да, это тоже большая ответственность. Все равно, что борона для разделки нови, у которой надо подгонять так много кривых ножей. Или большая круглая вила на лесопилке, та, что должна проходить точка в точку в центре, не отклоняясь ни на запад, ни на восток, не отскакивая, чего доброго, в потолок! Но косилка – такая маханица из стальных прутьев и крюков, и всяких приспособлений, и сотен винтов, да швейная машина Ингер против нее простая безделица!

И вот Исаак сам впрягается в оглобли и пробует машину. Это самая торжественная минута. Потому-то он и решил притаиться с машиной и сам выступить в роли лошади.

А что если машина неверно собрана и не станет работать, а с треском развалится на куски! Этого не случилось, машина стала резать траву. Да и как же иначе, Исаак изучал ее здесь много часов, солнце уже закатилось. Он опять впрягается и пробует, машина режет траву. Еще бы не резала!

Когда после жаркого дня пала обильная роса, и сыновья точили косы, готовясь к завтрашней работе, Исаак подошел к дому.

– Повесьте на сегодня косм. Возьмите новую лошадь и отведите ее на опушку!

Сказав это, Исаак не вошел в избу и не сел ужинать, как поужинали все, а покрутился по двору и опять ушел.

– Запрягать телегу? – спросил Сиверт.

– Нет, – ответил отец и пошел дальше.

Он был до того преисполнен тайны и гордости, что даже как-то приседал на каждом шагу, – с такой многозначительностью он выступал. Если он шел на смерть и гибель, то шел, как смелый человек, в руках у него ничего не было для защиты.

Сыновья пришли с лошадьёю, увидели машину и остановились. Это была первая косилка в местности, первая в селе, красная с синим, радующая человеческий глаз. Отец, глава дома, сказал совсем обыкновенным голосом:

– Запрягайте-ка в эту косилку! – сказал он. Они запрягли.

И вот поехали, правил отец. Брр! – говорила машина, срезая траву, сыновья бежали за ней, с пустыми руками, не работая, улыбаясь. Отец остановился и оглянулся: – «Ну, надо бы почище!» Он подвинчивает два винта, чтоб спустить ножи ближе к земле, и пробует, как выйдет теперь. Нет, ряд неровный, нехороший, рычаг и все ножи с ним подскакивают, отец и сыновья перебрасываются несколькими словами, Елисей нашел описание машины и читает:

– Здесь сказано, что надо садиться на сиденье, когда пускаешь в ход, тогда она устойчивее, – говорит он.

– Ну да, – говорит отец. – Я и сам знаю, я все изучил. Он садится на сиденье и едет, машина идет устойчивее.

Вдруг машина перестает косить, все ножи сразу останавливаются. Тпру! Что такое? Отец соскакивает с сидения, он уже утратил свое высокомерие, он с перепуганным и просительным лицом наклоняется над машиной. Отец и сыновья смотрят: что-то неверно, Елисей держит в руках описание.

– Вот тут на траве маленький болтик! – говорит Сиверт, поднимая его с земли.

– Ну хорошо, что ты нашел его, – говорит отец, как будто только этого винтика и не хватало для полного порядка. – Я как раз его и искал.

Но они никак не могут найти для него дырку, куда к черту девалась дырка для болтика?

– Вот здесь! – говорит Елисей и показывает отверстие. И тут, должно быть, Елисей начал чувствовать свое превосходство, его

способность понимать книжное описание была несомненна, он излишне долго показывал отверстие для болта и сказал:

– Судя по рисунку, болт этот надо вставить сюда!

– Ну понятно, сюда, – сказал отец, – он здесь и был. – И чтоб придать себе форсу, приказал Сиверту поискать, нет ли в траве еще болтов. – Тут должен быть еще один, – сказал он с необыкновенно важным видом, словно помнил все наизусть. – Больше нет? Ну, стало быть, теперь все на месте!

Отец опять хочет ехать.

– Да нет, это неверно, – кричит Елисей. О, Елисей стоит с рисунком в руке, с законом в руке, его никак не обойдешь: – Вот эта пружина должна быть наверху.

– А? – спрашивает отец.

– У тебя она внизу, ты привинтил ее снизу. Это стальная пружина, сна должна находиться наверху, а то болт опять выскочит и ножи останутся. Вот тут на рисунке видно.

– Я не захватил очков и не вижу рисунка, – говорит отец, значительно смиреннее. – Возьми и перевинти пружину, как надо. Но только сделай правильно! Не будь так далеко, я сходил бы за очками.

Все в порядке, отец опять залезает на сиденье. Елисей кричит:

– И поезжай поскорее, тогда ножи режут лучше. Тут так написано.

Исаак едет и едет, и все идет хорошо. Брр! – говорит машина, Он оставляет за собой широкий ряд подрезанной травы, она лежит так ровно, по ниточке, готовая к сушке и уборке. Вот его увидели из дома, и все женщины выходят к ним, Ингер несет на руках маленькую Ревекку, хотя та давно уже научилась ходить. Вот они подошли, четыре женщины широко раскрытыми глазами впиваются в чудовище и останавливаются тесной кучкой. О, как могуч и истинно горд теперь Исаак, он сидит на высоком сиденьи, в праздничном платье и полном уборе – в куртке и шляпе, хотя пот льет с него ручьями. Он огибает четыре больших угла, объезжает большую поляну, поворачивает, едет, косит траву, проезжает мимо женщин, а те словно упали с неба, ничего не понимают, машина же говорит: Брр!

Но вот Исаак останавливается и слезает, Ему хочется послушать что говорят люди на земле, что-то они скажут. Он слышит сдержанные восклицания, они не хотят ему мешать на его высоком посту, но

задают друг другу робкие вопросы, и эти вопросы он слышит, И вот, желая быть для всех ласковым и отечески заботливым главою и всех подбодрить, Исаак говорит:

– Ну вот, я скошу этот участок сейчас, а завтра вы скопните!

– Неужто ты не пойдешь даже ужинать? – спрашивает Ингер, совсем подавленная.

– Нет. У меня сейчас другие дела! – отвечает он. Потом он снова смазывает машину и дает понять, что это не простое дело, а настоящая наука. Потом едет и опять косит траву. Некоторое время спустя женщины уходят домой.

Счастливый Исаак! Счастливые жители Селланро.

Он уверен, что очень скоро к нему придут соседи, Аксель Стрем интересуется всеми новинками, он придет, может, завтра же. А Бреде из Брейдаблика – тот способен прийти еще нынче ночью. Исаак не прочь объяснить им устройство косилки и показать, как ею надо действовать. Он укажет, что такого ровного и гладкого ряда не сделать никакой косе и никакому человеку.

Но чего стоит такая первоклассная синяя с красным косилка – об этом лучше и не говорить!

Счастливый Исаак!

Но когда он в третий раз останавливает машину и смазывает ее, из кармана его выпадают очки. И хуже всего, что ребята видели. Уж не было ли в этом участия высшей силы, напоминания о том, чтоб он поменьше гордился. Ведь очки все время были при нем, и на обратном пути он то и дело надевал их и разбирал описание, но ничего не понял, пришлось вмешаться Елисею. О-ох, Господи, хорошо быть ученым!

В наказание себе Исаак решает отказаться от мысли сделать Елисея землепашцем в пустыне, он больше не будет об этом говорить, и не потому, что ребята придрались к этому несчастью с очками, наоборот. Проказник Сиверт правда не мог удержаться, но он только потянул Елисея за рукав и сказал:

– Ну пойдём-ка домой да сожжем свои косы, отец за нас покосит!

Эта шутка пришлась очень кстати.

Часть вторая

Глава I

Селланро уже не пустынное место, здесь семь человек детей и взрослых. А за короткое время сенокоса появлялось немало и чужих, приходивших посмотреть косилку; из них первый, разумеется, Бреде. Пришел и Аксель Стрем, и соседи снизу, почти что от самого села. А с той стороны, из-за перевала, пришла Олина. Эту ничто не брало.

Олина и в этот раз явилась из своего села не без новостей, она никогда не приходила с пустыми руками: наконец-то старика Сиверта обревизовали и после него не осталось никакого состояния! Как есть ничего!

Тут Олина поджала губы и поочередно обвела всех глазами: что такое, неужто никто не вздохнул в горнице? Неужто потолок не обрушился? – Первым улыбнулся Елисей.

– Как же это так? Ведь, как будто, тебя назвали в честь дяди Сиверта? – вполголоса спрашивает он.

Сиверт-младший отвечает погромче:

– Да. Но все, что после него останется, я подарил тебе.

– Сколько там было?

– От пяти до десяти тысяч.

– Далеров? – воскликнул вдруг Елисей и задорно посмотрел на Сиверта.

Олина, должно быть, находила, что сейчас не время шутить, ее самое так обошли, но все-таки у гроба старика Сиверта она напрягла все свои слабые силы и плакала горькими слезами. Елисей ведь сам отлично знал, что он написал: столько-то и столько-то Олине – на опору и поддержку в старости. – Куда же девалась опора? Сломали, как палку, коленом!

Бедняжка Олина, маленькое наследство ей не помешало бы, оно было бы единственным золотым лучом в ее жизни! Судьба не баловала ее. Она натерела в злобе – это да! Привыкла перебиваться со дня на день разными уловками и мелкими плутнями, сильна лишь умением распускать сплетни, вселять страх перед своим языком – это да! Но ничто не могло ее испортить, а наследство меньше всего. Всю жизнь она трудилась, рожала детей и учила их своим собственным

немногим приемам, клянчила для них, может быть, и крала, но заботилась о них – при всей своей бедности была настоящей матерью.

Способности у нее были не меньше, чем у иного политического деятеля; она действовала ради себя и своих, жила только интересами минуты и спасала свою шкуру, зарабатывала на этом – где головку сыра, где горсточку шерсти, и тоже могла жить и умереть в пошлой и неискренней готовности к бою.

Олина... быть может, старик Сиверт на минуту вспомнил ее молодой, красивой и румяной, но теперь она стара и безобразна, это портрет разрушения, ей давно бы следовало умереть. Где ее похоронят? У нее нет откупленного для себя места на кладбище, наверное, ее закопают где попало, с совершенно чужими и незнакомыми костями, там она и упокоится. Олина... родилась и умерла. Была когда-то молода. Наследство ей! Теперь, на краю могилы? Ну да, единственный золотой проблеск, и руки каторжницы передохнули бы на минутку. Справедливость бы настигла ее своей запоздалой наградой за то, что она выклянчивала для своих детей, может быть, и крала для них, но, во всяком случае, берегла их. Мгновение – и тьма снова воцарится в ней, глаза станут косить, пальцы шарить: «Сколько»? – скажет она, – а не больше? – Она опять будет права. Она рожала много раз, дала жизнь нескольким человеческим существам, это стоит большой награды.

Все лопнуло. По проверке Елисея, ведомости старика Сиверта порядочно хромали, но усадьба и корова, сарай и невода могли с избытком покрыть дефицит в кассе. И то, что в общем все обошлось так благополучно, произошло отчасти благодаря Олине, она была очень заинтересована в том, чтоб сохранить кое-какие остатки для себя, и поэтому восстановила позабытые статьи прихода и расхода, известные ей как старой сплетнице, или же такие статьи, которые ревизия умышленно пропускала, не желая опорочить уважаемых односельчан, Пройдоха Олина! Она и теперь ругала не самого старика Сиверта.

Он, конечно, завещал ей от доброго сердца, и после него остался бы крупенький капиталец, но двое молодчиков из окружного управления, что вели дело, объегорили ее. Но когда-нибудь все дойдет до ушей Всевышнего! – с угрозой говорила Олина.

Удивительно, она не видела ничего смешного в том, что попала в завещание: несмотря на все, это была честь, в завещании не упоминался никто из ей подобных!

Обитатели Селланро приняли несчастье спокойно, да отчасти они были к нему подготовлены. Правда Ингер никак не могла этого понять:

– Это дядя Сиверт? Который всю свою жизнь был таким богачом! – сказала она.

– Он и предстал бы правым и богатым пред агинцем и престолом» но его ограбили! – ответила Олина.

Исаак собирался идти в поле, и Олина сказала:

– Жалко, ты уходишь, Исаак, значит, я не увижу косилку. Ты ведь завел косилку, правда?

– Да.

– Да, да, говорят. И будто она косит скорее сотни косцов. Чего только ты ни заведешь, Исаак, с твоими-то средствами и золотом! Священник у нас тоже завел новый плуг о двух лемехах, но что такое против тебя наш священник!

Это я скажу ему и прямо в глаза.

– Сиверт покосит тебе машиной, он управляется с ней теперь гораздо лучше меня, – сказал Исаак и пошел.

В Брейдаблике назначен аукцион как раз в полдень, и он пошел туда, – пока он решил только это. Не то, чтобы Исаак все еще думал купить хутор, но аукцион – первый в этой местности и обидно пропустить его.

Подойдя к Лунному и увидев Варвару, он только кланяется и хочет пройти мимо, но Варвара заговаривает с ним и спрашивает, не вниз ли он идет.

– Да, – отвечает он и хочет идти. Ведь продается место, где она провела детство, оттого он и отвечает так кратко.

– Ты на аукцион? – спрашивает она.

– На аукцион? Нет, просто иду вниз. А где Аксель?

– Аксель-то, не знаю, право. Пошел на аукцион. Наверно, и он хочет заполучить что-нибудь на даровщинку.

Какая толстая стала Варвара и какая заноза, страсть!

Аукцион начался, он слышит выкрики ленсмана и видит много народа. Подойдя ближе, он узнает не всех, много здесь и чужих

людей, но Бреде щеголяет в полном параде, оживлен и болтлив:

– Здравствуй, Исаак! Как, и ты оказал мне честь и уважение, пожаловал на мой аукцион? Спасибо тебе. Мы много лет были соседями и добрыми друзьями, и никогда не слышали друг от друга худого слова! – Бреде умиляется: – Чудно подумать, что приходится покидать место, где жил и трудился и которое любил, но что поделаешь, когда так складывается.

– Потом тебе будет много лучше, – утешает Исаак.

– Да, знаешь, – подхватывает Бреде, – я и сам так думаю. Я нисколько не раскаиваюсь, ничего подобного. Выгоды я тут никакой не получил, потом, наверно, будет лучше, дети растут и вылетают из гнезда. Да, да, жена вот скоро принесет еще одного, но все равно! – и вдруг Бреде ни с того, ни с сего говорит: – Я отказался от телеграфа.

– Что? – спрашивает Исаак.

– Я отказался от телеграфа.

– Отказался от телеграфа?

– С нового года. На что он мне! А если я поступлю на должность и буду разъезжать с ленсманом или доктором, неужели телеграф должен идти у меня на первом месте? Нет, так не может продолжаться! Это хорошо для тех, у кого много времени: а бегать из-за какой-то телеграфной линии по горам и долам за пустячную плату, а то и вовсе задаром Бреде не станет! А кроме того, я не поладил с управлением, оно все пристаёт ко мне.

Ленсман продолжает выкрикивать цены на хутор, дошло уже до нескольких сот крон, каких и стоит, по общему мнению, участок, поэтому надбавки делают всего по пяти, десяти крон.

– Кажется, это Аксель набавил! – говорит вдруг Бреде и, загоровшись любопытством, бежит к нему: – Ты хочешь купить мой участок? Разве тебе своего мало?

– Я покупаю для другого человека, – уклончиво отвечает Аксель.

– Ну, мне-то ведь все равно, я не к тому спросил. Ленсман поднимает молоток, новая надбавка, сто крон сразу, никто не предлагает больше, ленсман несколько раз повторяет цену, ждет с минуту, держа молоток на весу, потом ударяет, – За кем цена?

– Аксель Стрем. Для другого...

Ленсман заносит в протокол: «Аксель Стрем, по поручению».

– Для кого это ты покупаешь? – спрашивает Бреде. – Меня это не касается, а все-таки...

Но тут сидящие за столом ленсмана господа нагибают друг к другу головы, там представитель банка, торговец со своим приказчиком, что-то произошло, кредиторы не покрыли своего. Призывают Бреде, и Бреде, легкомысленный и беспечный, только кивает, что он согласен, но, – «кто бы поверил, что за усадьбу больше не дадут!» – говорит он, и вдруг возвещает во всеуслышание:

– Раз у нас здесь происходит аукцион, и я уж обеспокоил ленсмана, так заодно я продаю то, что у меня еще имеется: телегу, скотину, вилы, точильный камень, мне это больше не понадобится, распродаюсь в пух и прах!

Мелкие предложения. Жена Бреде, такая же легкомысленная и беспечная, хотя и с огромным животом, тем временем вздумала продавать за столиком кофе; ей нравится разыгрывать из себя торговку, она улыбается, и когда сам Бреде подходит за чашкой кофе, она шуточки ради, требует плату и с него. А Бреде и в самом деле вытаскивает засаленный кошелек и платит.

– Посмотрите-ка на мою супружницу, – говорит он присутствующим. – Эта не пропадет! – говорит он.

Телега недорого стоит, она слишком долго стояла под открытым небом, но Аксель Стрем под конец набавляет целых пять крон, и телега тоже остается за ним. Больше Аксель ничего не покупает, но все и без того удивляются, как это такой осторожный человек столько накупил.

Теперь очередь за скотиной. Ее не выпустили на пастбище, чтоб она была под рукой. К чему Бреде скотина, раз у него нет для нее земли! Коров у него не было. Он начал свое хозяйство с двумя козами, сейчас у него четыре. Да еще шесть овец. Лошади тоже не было.

Исаак купил известную лопухую овцу. Когда дети Бреде вывели эту овцу из хлева, Исаак сейчас же стал набавлять на нее цену. Это возбудило внимание, ведь Исаак из Селланро был богатый и уважаемый человек, да и овец ему, как будто, не требовалось. Жена Бреде приостановила на минутку свою кофейную торговлю и говорит:

– Да, эту овцу стоит купить, Исаак, она старая, но каждый божий год приносит по два, по три ягненка.

– Знаю, – ответил Исаак и посмотрел на нее, – овца эта мне знакома.

На обратном пути он идет с Акселем Стремом, ведя свою овцу на привязи.

Аксель неразговорчив, и его как будто что-то грызет. У него нет особенных причин унывать, думает, вероятно, Исаак, луга у него хорошие, корм он почти весь уж убрал, и начал собирать избу. Все идет, как и должно у Акселя Стрема, не торопко, но верно. Теперь есть и лошадь.

– Ты купил участок Бреде, – сказал Исаак, – будешь его обрабатывать?

– Нет, не буду. Я купил для другого.

– Так.

– Как по-твоему, не очень дорого я дал?

– Нет. Там хорошее болото если им как следует заняться.

– Я купил для одного из своих братьев, который живет в Гельголанде.

– Так.

– А теперь думаю, не поменяться ли мне с ним.

– Поменяться? Да неужели станешь меняться?

– Может, Варваре там будет повеселее, – Разве что так, – сказал Исаак.

Порядочное расстояние они вдут молча. Потом Аксель говорит:

– Ко мне все пристают с телеграфом, – С телеграфом? Так, Да, я слышал, что Бреде отказался.

– Ну, – с улыбкой отвечает Аксель, – это не совсем так, не бреде отказался, а ему отказали, – Да, да, – говорит Исаак и про себя оправдывает Бреде, – на телеграф много уходит времени.

– Его оставили только до нового года, с тем, чтоб он исправился.

– Так.

– Как думаешь, не брать мне это место? Исаак долго думал, – Да, да, конечно, как ни как – деньги. – Мне они прибавят.

– Сколько?

– Вдвое.

– Вдвое? Ну тогда, по-моему, тебе надо подумать, – Но они немножко увеличили расстояние. Просто не знаю, что делать. У меня меньше продажного леса, чем было у тебя, и нужно прикупить кое-

что из домашней утвари, а то у меня почти что ничего нет. Деньги и наличные средства требуются постоянно, а скот мне дает не так много, чтоб хватало на продажу. Выходит так, что для начала надо мне попытаться с годик на телеграфе...

Ни одному не пришло в голову, что Бреде может исправиться, и место останется за ним.

Когда они приходят в Лунное, оказывается, что и Олина тоже там. Олина – она удивительная, круглая и жирная, ползает, словно червяк, и перевалило-то ей уж за семьдесят, но куда нужно она доберется. Она сидит в землянке и пьет кофе, но, увидя мужчин, бросает все и выходит на двор:

– Здравствуй, Аксель, добро пожаловать с аукциона! Ты ведь не сердись, что я заглянула к вам с Варварой? А ты все трудишься, строишь избу и все богатеешь! Что это, ты купил овцу, Исаак?

– Да, – отвечает Исаак, – узнаешь ее?

– Узнаю ли? Нет...

– Видишь, она ведь лопоухая.

– Лопоухая, – как это? Ну, так что ж? Что это я хотела сказать. Кому же достался участок Бреде? Я как раз говорила Варваре: кто-то, говорю, будет теперь твоим соседом? А бедняжка Варвара только плачет, как и можно ожидать; но Всемогущий Господь послал ей другой дом в Лунном. Лопоухая – я много видывала лопоухих овец в своей жизни. А уж правду сказать, Исаак, это твоя машина такая штука, что не моим старым глазам смотреть, А сколько она стоит, я даже и спрашивать не хочу, все равно мне не сосчитать. Если ты ее видел, Аксель, так понимаешь, о чем я говорю, ведь это все равно, что огненная колесница Ильи-пророка, прости Господи мои согрешенья...

По окончании уборки сена, Елисей стал собираться обратно в город. Он написал своему инженеру, что едет, но получил удивительный ответ, что времена стали тугие, приходится экономить, инженер вынужден упразднить его должность и быть сам своим секретарем.

Вот так черт! Но, собственно говоря, зачем какому-то окружному инженеру конторщик? Когда он брал мальчика Елисея из дому, он, должно быть, хотел разыграть из себя большую персону в глуши, и если он кормил и одевал его до конфирмации, так имел за это некоторую помощь по части письменных работ.

Теперь мальчик вырос, это все меняло.

«Но, писал инженер, если ты приедешь, я постараюсь поместить тебя в другую контору, хотя, пожалуй, это будет и трудно. Здесь чрезвычайно много молодых людей, ищущих работы. Будь здоров».

Разумеется, Елисею хотелось вернуться в город, разве можно было в этом сомневаться? Неужели ему губить себя? Ведь он хотел выбиться в люди! И Елисей ничего не сказал домашним об изменившемся положении, это было ни к чему, а кроме того, на него напала какая-то вялость, он и промолчал. Жизнь в Селланро оказывала на него свое действие, это была немудреная и серенькая жизнь, но спокойная и сонная, она развивала мечтательность, не за кем было тянуться, незачем рисоваться. Жизнь в городе расколола его как-то надвое и сделала чувствительнее, чем все прочие, слабее, в сущности, он стал всюду чувствовать себя чужим. Что ему опять начал нравиться запах бирючины – это еще куда ни шло! Но уж никакого смысла не было для крестьянского парня слушать по вечерам, как мать и девушки доят коров и коз, и впадать в такие вот мысли: они доят, слушай хорошенько, ведь это прямо удивительно, каждая отдельная струйка, словно песенка, не похожая на духовую музыку в городе, ни на оркестр Армии Спасения, ни на пароходный свисток, Струится песенка в подойник...

В Селланро не очень-то показывали свои чувства, и Елисей сдерживался в ожидании момента разлуки. Снаряжение у него теперь было хорошее, ему опять дали новой тканины на белье, и отец через третье лицо даже передал ему денег, при чем сам вышел на это время из комнаты. Деньги – неужели Исаак и в самом деле решил расстаться с деньгами? Иначе никак нельзя было, Ингер заверила, что это в последний раз, Елисей сейчас же пойдет в гору и выбьется на дорогу сам.

– Так, – сказал Исаак.

Настроение сделалось торжественным, в доме все притихло, на последний ужин всем дали по яйцу в смятку, и Сиверт уж стоял на дворе, готовый проводить брата и нести его вещи. Настало время прощаться.

Он начал с Леопольдины, Она тоже сказала «прощай» и вела себя отлично.

Тоже и работница Иенсина, чесавшая шерсть, ответила «прощай»; но обе они смотрели на него во все глаза, должно быть, потому, что веки у него были что-то красноваты. Он протянул руку матери и она, разумеется, громко заплакала, пренебрегая тем, что он ненавидел слезы.

– Дай тебе Бог всего хорошего! – всхлипнула она.

С отцом вышло всего хуже, по многим причинам: он был такой старый и бесконечно доверчивый, носил детей на руках, рассказывал о чайках и других птицах и зверях и разных чудесах на земле, это было ведь так недавно, всего несколько лет тому назад... Отец стоит у окошка, потом вдруг круто поворачивается, хватая сына за руку и говорит быстро и сердито:

– Ну так, прощай! А то я вижу молодая лошадь отвязалась! – И моментально отворачивается и выбегает из комнаты.

О, но ведь он сам только перед этим нарочно отвязал молодую лошадь, и шутник Сиверт это отлично понял, потому что посмотрел вслед отцу и улыбнулся. Да к тому же молодая лошадь ходила по отаве.

Но вот Елисей готов.

Мать вышла за ним на крыльцо, опять всхлипнула и сказала: «Господь с тобой!» – и передала ему что-то, – «вот это – и не благодари его, он не хочет. Да непременно пиши почаще».

Двести крон.

Елисей посмотрел вниз по откосу: отец изо всех сил старался вбить в землю прикол для привязи, и кажется, никак не мог, хотя вбивал-то он его в мягкий луг.

Братья вышли в поле, дошли до Лунного, Варвара стояла на крыльце и позвала их зайти:

– Что это, ты уж уезжаешь, Елисей? Ну так зайди же и выпей хоть чашку кофе!

Они заходят в землянку, и Елисей уже не так терзается любовью и не собирается выпрыгнуть из окна и принять аду. Нет, он кладет свое светлое летнее пальто на колени, стараясь, чтоб шелковая подкладка была на виду, потом приглаживает волосы носовым платком и наконец говорит совсем уж по благородному:

– Классическая у нас стоит погода!

Варвара тоже не останется в долгу, она играет серебряным кольцом на одной руке и золотым на другой, – да, она таки получила золотое кольцо – и на ней передник, закрывающий ей всю фигуру от шеи и, до ног, так что кажется, будто это не она такая толстая, а кто-то другой. А когда кофе сварился, и гости стали пить, она сначала пошила белый платочек, потом повязала крючком воротничок и занялась еще каким-то дамским рукоделем. Варвара не взволнована визитом, и это хорошо, тон от этого естественный, Елисей может опять пофорсить.

– Куда ты девала Аксея? – спрашивает Сиверт.

– Где-нибудь ходит, – отвечает она и выпрямляется. – Верно ты уж никогда больше не приедешь в деревню? – спрашивает она Елисея.

– Это в высшей степени неправдоподобно, – отвечает он.

– Здесь не место для человека, привыкшего к городу. Хотела бы я уехать с тобой.

– Ну это ты не серьезно?

– Не серьезно? Я попробовала, каково жить в городе и каково жить в деревне, а жила я не в таком городе, как ты, – куда побольше. Так как же мне здесь не скучать?

– Я не то хотел сказать, ты ведь была в самом Бергене! – поспешно сказал Елисей; она ведь была ужасно раздражительна!

– Я-то знаю, что не будь у меня газеты, я бы уж давно сбежала отсюда, – сказала она.

– А как же Аксель и все прочее, вот что я имел в виду?

– Ну, насчет Аксея это не мое дело. А тебя самого, скажешь, никто не ждет в городе? Тут уж Елисей не мог не порисоваться немножко, закрыл глаза и прищелкнул языком, чтоб показать, что да, совершенно верно, в городе его кое-кто ждет. О, но он использовал бы это совсем по-другому, не будь здесь Сиверта, теперь пришлось только ответить:

– Что ты болтаешь!

– Ах, – обиженно сказала она, и прямо непозволительно, до чего она стала сварлива: – Болтаю, – повторила она. – Да, от нас, в Лунном, много нечего и ждать, мы люди не очень знатные.

Елисей, впрочем, не очень-то за ней гнался, она сильно подурнела лицом, и ее беременность стала наконец заметна даже и для его детских глаз.

– Поиграй нам немножко на гитаре, – попросил он:

– Нет, – отрезала она. – Что это я хотела сказать тебе, Сиверт: не придешь ли ты на несколько дней помочь Акселю собрать новую избу? И нельзя ли завтра, когда пойдешь назад из села?

Сиверт подумал:

– Ну что ж. Только у меня нет одежды.

– Я сбегая нынче вечером за твоей рабочей одеждой, так что к твоему приходу она здесь будет.

– Ну что ж, – сказал Сиверт, – разве что так. Варвара необычайно оживилась:

– Вот бы хорошо-то! А то лето проходит, а избу надо бы покрыть до осенней непогоды. Аксель много раз собирался попросить тебя, да все не выходило дело. Вот хорошо, если бы ты оказал нам эту услугу!

– В чем смогу помочь – помогу, – сказал Сиверт. На том и порешили.

Но тут, по совести, настала очередь Елисея обидеться. Он, конечно, понимает: Варвара молодец, что так заботится о себе и Акселе и старается найти помощника для стройки, но слишком уж это явно, ведь она здесь не хозяйка и не век же тому назад он сам целовал ее, эту самую Варвару. Совсем она бесстыжая что ли?

– Да, – вдруг говорит он, – я еще приеду и буду крестить у тебя.

Она метнула в него взглядом и с досадой ответила:

– Крестить? А еще говоришь, что я болтаю. А впрочем, когда мне понадобится крестный отец, я пошлю за тобой.

Что оставалось Елисею, как не улыбнуться пристыжено и не убраться поскорей из землянки!

– Спасибо за кофе! – сказал Сиверт.

– Да, спасибо за кофе! – повторил Елисей, но не встал и не поклонился, – как же, очень нужно, злючка она, дрянь!

– Покажи-ка! – сказала Варвара. – Да, у тех конторщиков, у кого я жила, тоже были серебряные пластинки на пальто, только гораздо шире и длиннее, – сказала она. – Ну так, значит, ты придешь нынче, Сиверт, и переночуешь у нас? Я принесу твою одежду.

На этом и распрощались.

Братья ушли, Елисею наплевать на нее, да сверх того – у него в кармане две крупных бумажки. Братья старались не затрагивать никаких печальных тем, ни странного прощанья отца, ни слез матери;

они обошли Брейдаблик стороной, чтоб их там не задержали, и весело пошутили над этим плутовством. Но когда спустились настолько, что впереди завиднелось село, и Сиверту надо было поворачивать назад, оба немножко сплеховали, Сиверт даже сказал:

– А ведь, пожалуй, без тебя будет скучновато! Елисей засвистел и стал рассматривать свои сапоги, а в пальцах у него начался зуд, и он принялся шарить по карманам: – «Бумаги, – сказал он, – куда это они запропастились!» – Но все равно вышло бы нехорошо, если б Сиверт не выручил их обоих.

– Счастливо! – крикнул он, дал брату тумака и побежал. Это помогло, они издали обменялись прощальными словами и пошли каждый своей дорогой.

Судьба или случай. Вопреки всему Елисей возвращался в город на должность, которой у него уже не было, а при том же экстренном случае Аксель Стрем заполучил помощника. Они начали ставить избу 21-го августа, а через десять дней она была уже и покрыта. Изба-то, правда, небольшая, всего несколько локтей в вышину; одно только, что она была деревянная, а не землянка, но зато на зиму для скотины получится великолепный хлев из того помещения, где до сих пор жили люди.

Глава II

Третьего сентября Варвара исчезла. Совсем-то она не ушла, но ни дома, ни на дворе ее не было.

Аксель изо всех сил плотничал, старался приладить окно и дверь к новой избе, так что был очень занят; но когда подошло время полудновать, а его еще не звали есть, он пошел в землянку. Никого. Он разыскал себе закусить и за едой увидел, что все Варварины платья висят на месте, стало быть, она просто куда-то вышла. Он вернулся к своей работе и продолжал еще некоторое время строгать, потом опять заглянул в землянку – нет, опять никого. Должно быть, она где-нибудь прилегла. Он пошел искать.

– Варвара! – зовет он. Нету. Ищет кругом построек, обходит кусты по краю участка. Ищет долго, пожалуй, с час, зовет – нету. Он находит ее очень далеко, она лежит на земле, скрытая кустами, у ног ее бежит ручей, она простоволосая и босая, и вдобавок вся спина у нее мокренька.

– Чего ты здесь лежишь? – говорит он. – Отчего не откликнулась?

– Я не могла, – прошептала она, почти неслышно от хрипоты.

– Что это – ты упала в воду?

– Да. Я поскользнулась. О-ох!

– Тебе нехорошо?

– Да. Все уж кончено.

– Кончено? – спрашивает он.

– Да. Ты помоги мне добраться домой.

– А где же..?

– Что?

– А ребенка разве нет?

– Нет. Он был мертвый.

– Мертвый?

– Да.

Аксель медлителен и туго соображает, он стоит не двигаясь.

– Где он? – спрашивает Аксель.

– Тебе незачем знать, – отвечает она. – Проводи меня домой. Он был мертвый.

Я дойду сама, если ты поддержишь меня под руку.

Аксель несет ее домой и сажает на стул. Вода струится с нее.

– Он был мертвый? – спрашивает Аксель, – Ты же слышал, – отвечает она, – Куда ты его девала?

– Тебе его надо понюхать? Ты нашел чего поесть, пока меня не было?

– А зачем ты попала к ручью?

– Зачем я попала к ручью? Искала можжевельника, – Можжевельника?

– Для посуды.

– Там нет можжевельника, – говорит он, – Ступай работать! – сипло и раздраженно обрывает она. – Зачем я попала к ручью? Мне нужно было осоки, чистить кастрюли. Я тебя спрашиваю, ты поел?

– Поел? – повторяет он. – Тебе очень плохо?

– Нет.

– По-моему, надо позвать доктора.

– Попробуй только! – отвечает она, встает и начинает искать сухое платье, переодеться. – Тебе больше не на что швырять деньги?

Аксель возвращается к своей работе, дело подвигается у него слабо, но он все-таки кое-как поколачивает и достругивает, чтоб она слышала; в конце концов, он прилаживает раму, проконопатив ее мхом.

Вечером Варвара не садится ужинать, а хлопочет по хозяйству, доит коз и корову и только осторожнее обычного переступает через пороги. Легла она как всегда, на сеновале, и в те два раза, что Аксель ночью заходил ее проведать, спала крепко. Ночь она провела хорошо.

На следующее утро она была почти такая же, как всегда, только охрипла до того, что не могла произнести ни слов и обвязала шею длинным чулком. Они не могли разговаривать. Дни проходили, происшествие это стало забываться, другие события выдвинулась на передний план. Новой избе, собственно, полагалось выстояться и просохнуть, да надо было ее проконопатить, чтоб не дуло и не протекало, но времени на это не было, приходилось сейчас же перебираться в нее, привести в порядок хлев. Когда с этим покончили, и переселение состоялось, подоспела картошка, а после нее взялись за ячмень.

Жизнь шла своим чередом.

Но по многим мелким и крупным признакам Аксель понимал, что положение изменилось, Варвара чувствовала себя в Лунном такой же чужой, как и всякая другая работница, совсем не связанной, его власть над ней порвалась со смертью ребенка.

Он-то думал: «Подожди, дай только родиться ребенку! Но ребенок родился и его не стало. В конце концов Варвара даже сняла кольца и не стала носить ни одного, ни другого.

– Что это значит? – спросил он, – Что значит? – ответила она и тряхнула головой, Но, конечно, это не могло означать ничего, кроме коварства и измены с ее стороны.

Он разыскал-таки маленький трупик у ручья, Не потому, чтобы очень уж искал, он и так чуть не в точности знал, где он находится, но не трогал.

Случаю было угодно, чтоб он не совсем забыл о нем: над тем местом стали собираться птицы, каркающие вороны и галки, а немного погодя появилась и пара орлов в головокружительной вышине. Как будто сначала одна ворона увидела, как там внизу что-то положили, и не могла этой новости удержать про себя, не хуже человека, и подняла шум. Тогда и Аксель очнулся от своего равнодушия и только ждал удобного часа, чтоб прокрасться туда. Он нашел тельце под мхом и ветками, прижатыми двумя камнями; оно было в узле, завернутое в большую тряпку. С любопытством и страхом он слегка отогнул материю; закрытые глаза, темные волосы, мальчик, ножки накрест, – больше он ничего не видел. Узелок был мокрый, он начал просыхать, и имел вид скомканного после стирки белья.

Аксель не мог оставить его так, на виду. В глубине души он, должно быть, побаивался за себя и за свою землю; он побежал домой за лопатой и выкопал ямку поглубже, но так как место находилось совсем у ручья, и вода просачивалась в ямку, пришлось перенести могилку повыше на пригорок. Во время работы страх, что Варвара придет и застанет его, исчез, наоборот, он не на шутку разозлился, пусть приходит, он заставит ее хорошенько завернуть и запеленать ребеночка, все равно, мертворожденный он или нет! Он отлично понимал, что потерял со смертью этого ребенка: ему грозит снова остаться на своем хуторе без помощницы, и это в то время, когда скотины прибавилось больше, чем втрое. Сделайте одолжение, очень даже хорошо, если она придет!

Варвара же – может быть, догадалась, чем он занят, но во всяком случае она не пришла, и ему пришлось самому завернуть тельце и положить в новую могилку. Сверху он заложил ямку дерном, как раньше, и старательно скрыл все следы, так что ничего не было заметно, кроме маленькой зеленой кочки среди кустов.

Вернувшись домой, он встретил Варвару на дворе, – Где ты был? – спросила она.

Ожесточение его, должно быть, уж прошло, он ответил только:

– Нигде. А ты сама где была?

Но Варвара, может быть, уловила какое-то особенное выражение в его лице и прошла, не сказав больше ни слова. Он пошел за нею.

– Отчего это, – начал он и спросил напрямик: – что это значит, что ты перестала носить свои кольца?

Вероятно, она сочла полезнее сделать маленькую уступку, потому что улыбнулась и ответила:

– Ты такой сердитый, что мне прямо смешно! Но если тебе хочется, чтоб я снашивала кольца по буаням, изволь! – С этими словами она вынула кольца и надела.

Но увидела его глупо-довольное лицо она дерзко спросила:

– Ты еще чем-нибудь недоволен?

– Ничем я не недоволен, – ответил он. – Будь только такая, какой была раньше, все прежнее время, как пришла, Только это я и хотел сказать.

– Не так-то легко постоянно быть одной и тою же.

Он продолжал:

– Когда я покупал участок твоего отца, я думал ты захочешь лучше жить там, и мы могли бы туда переехать. Что ты скажешь?

Ха, на этом он проиграл; ага, он боялся потерять помощницу и остаться один со скотиной и хозяйством, она отлично это понимала:

– Да, ты так говорил раньше, – уклончиво ответила она, – Не желаю больше об этом слушать!

Акселю казалось, что он и так зашел очень далеко: он разрешил семье Бреде жить в Брейдаблике, и хотя купил вместе с участком и весь урожай, но к себе свез лишь несколько охапок сена, картошку же оставил семье. Страшно несправедливо со стороны Варвары сердиться, но она ни с чем не считалась и спросила, словно глупо оскорбленная:

– Нам переехать в Брейдаблик, чтобы вся моя семья осталась на улице!

Правильно ли он расслышал? Он посидел сначала разинув рот, потом забормотал что-то, готовясь к пространному ответу, но ничего не вышло, и он спросил:

– Разве они не переедут в село?

– Не знаю, – ответила она. – Уж не ты ли нанял им квартиру в селе?

Аксель все еще не хотел с ней препираться, но не мог подумать про себя, что она удивляет его, немножко удивляет:

– Ты становишься все непокладистее и сварливее, – сказал он, – но это ты только так.

– Что я говорю, я говорю серьезно, – ответила она. – И почему это мои родные не могли переехать сюда, скажи, пожалуйста? Но крайней мере, мать помогала бы мне хоть сколько-нибудь. Но по-твоему, конечно, у меня вовсе не так много работы, чтоб мне нужна была помощница, Кое-что в этом было, разумеется верно, но много было и несообразного; ведь семье Бреде пришлось бы жить в землянке, и Акселю по-прежнему некуда было бы девать скотину. Куда она клонит, и неужто у нее нет ни смысла, ни разума?

– Я скажу тебе одно, – промолвил он, – возьми лучше в помощь работницу.

– Это на зиму-то глядя, когда мне н без того меньше дела? Нет. Работницу можно было взять, когда она была мне нужна!

Опять она была отчасти права: когда она была беременна и больна, можно было взять работницу. Но ведь Варвара никогда не мешкала на работе, все время оставалась такой же работающей и проворной, делала все, что нужно, и ни разу не обмолвилась насчет работницы. Но ей нужна была работница.

– Ну, тогда я не понимаю, – уныло промолвил он. Молчание. Варвара спросила:

– Я слышала, ты поступишь на телеграф после отца?

– Как это? Кто тебе сказал?

– Говорят.

– Да, – отвечал Аксель, – может статья.

– Так.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому я спрашиваю, – ответила Варвара, – что ты отнял у моего отца дом и угол, а теперь отнимаешь и хлеб.

Молчание.

Но тут уж Аксель не захотел больше уступать:

– Я скажу тебе одно, – воскликнул он, – ты не стоишь всего того, что я делаю для тебя и для твоих родных!

– Ну-у, – сказала Варвара.

– Нет! – крикнул он и стукнул кулаком по столу. Потом встал.

– Не воображай, пожалуйста, что запугаешь меня! – завизжала она и подвинулась ближе к стене.

– Запугать тебя! – повторил он и презрительно засопел. – Но теперь я всерьез хочу знать, что ты сделала с ребенком. Ты его утопила?

– Утопила?

– Да. Он был в воде.

– А, так ты его видел? – закричала она. – Ты ходил, – она чуть не сказала: понюхать, но не посмела, не такой у него был вид, чтоб с ним можно было сейчас шутить. – Ты ходил смотреть?

– Я видел, что он побывал в воде.

– Да, – сказала она, – это-то ты мог видеть. Он родился в воде, я не могла встать, я поскользнулась.

– Вот что, поскользнулась.

– Да. И в ту же минуту ребенок родился.

– Так, – сказал он. – Но ты захватила из дому узел. Должно быть на тот случай, что поскользнешься?

– Узел? – повторила она.

– Большую белую тряпку, ты разрежала одну из моих рубах.

– Да, – сказала Варвара, – эту тряпку я взяла с собой, чтоб завязать в нее можжевельник.

– Можжевельник?

– Ну да, можжевельник. Разве я тебе не говорила что пошла за можжевельником?

– Как же. Или за осокой. – Ну да, все равно за чем...

Но даже и после такого крупного столкновения отношения между ними опять наладились, то есть не совсем наладились, а стали сносными. Варвара была разумнее и покладистее, она чуяла опасность. Но при таких условиях жизнь в Лунном стала еще более

натянутой и неприятной, без доверия, без радости, вечно настороже. Жизнь эта тянулась день за днем, но пока она, в общем кое-как тянулась, Акселью приходилось быть довольным. Он взял к себе эту девушку, она была ему нужна, он был ее возлюбленным и связал с нею свою жизнь. Ведь нелегкое это дело – переделать и себя и жизнь. Варвара знала все, что касалось его хозяйства: где стоят чашки и котлы, когда понесут козы и коровы, много ли корму на зиму или в обрез; что это молоко на сыр, а это – на еду; чужой человек ничего этого не будет знать, да чужого, пожалуй, еще и не найдешь.

Но много раз Аксель Стрем подумывал о том, чтоб заменить Варвару другой работницей, временами она становилась настоящей ведьмой, и он почти боялся ее. Даже в ту пору, когда он был с ней счастливым, его иногда отпугивала ее необычайная жестокость и грубость, но она была красива, у нее бывали и ласковые минуты, и она так горячо прижимала его к своей груди. Это было раньше, теперь все миновало. Нет, спасибо, она не желает опять попасть в ту же историю! Но не легко переделать себя и жизнь:

– Давай повенчаемся сейчас же! – говорил Аксель и приставал к ней.

– Сейчас? – отвечала она. – Нет, сначала я съезжу в город полечить зубы, они скоро все вывалятся.

Итак, приходилось оставить все по-старому, а Варвара теперь даже не получала жалованья, но имела гораздо больше и каждый раз, когда она просила денег и получала их, она и благодарила за них, как за подарок. Впрочем, Аксель не понимал, на что она может тратить деньги, зачем ей деньги в глуши? Копит она, что ли? Но зачем она копит? Только и делает, что копит круглый год?

Аксель не понимал очень многого: разве он не подарил ей обручальное кольцо, не подарил даже золотое? Правда, после этого последнего крупного подарка между ними довольно долго были хорошие отношения, но на веки-вечные его не хватило, – куда там! А не мог же он постоянно покупать ей кольца.

Словом: мил он Варваре или не мил? Чудные эти бабы! Можно подумать, что ее где-то дожидается готовенький муж со скотиной и полным хозяйством! С досады на бабьи глупости и капризы Аксель частенько доходил до крайности и стучал кулаком по столу. Бросалось в глаза, что в голове у Варвары как будто ничего не было, кроме

городской жизни в Бергене. Ладно. Но зачем же, черт побери, вздумала она приезжать сюда, на север? Телеграмма от отца сама по себе не сдвинула бы ее ни на шаг, наверное у нее была какая-нибудь другая причина. А теперь ходит недовольная с утра до вечера, год за годом. И котлы – то деревянные, а не жестяные или медные, и горшки – то вместо кастрюль, и вечная дойка, вместо прогулок на фермы, и мужичьи сапоги, серое мыло, мешок с сеном в изголовьи; и ни военной музыки, ни людей, так и живет...

После того крупного столкновения они ссорились часто, очень часто.

– То ли нам говорить, то ли нам молчать об этом! – говорила Варвара, – а ты вот не очень-то помнишь, как обошелся с моим отцом.

– Ну, а что такое я сделал?

– Ты отлично знаешь, – отвечала она. – Ну да впрочем, тебе все равно не быть инспектором.

– Ну?

– Да, я не поверю, пока не увижу.

– По-твоему, у меня не хватит на это ума?

– Счастье твое, если у тебя есть ум, но читать и писать ты не умеешь, и никогда не возьмешь в руки газету.

– Я умею читать и писать для себя, – сказал он, – а ты просто халда!

– Вот тебе для начала! – сказала она и швырнула на стол серебряное кольцо.

– Так, а другое? – спросил он, подождав с минуту.

– А, если ты хочешь отобрать у меня свои кольца, можешь получить, – сказала она и стала снимать золотое кольцо.

– Не уважаю твой характер! – заявил он и ушел. И, разумеется, спустя немного она опять надела оба кольца.

В конце концов, ее переставало смущать даже и то, что он высказывал подозрения относительно смерти ребенка. Наоборот, она только посмеивалась и становилась задиристой. Она не то, чтобы прямо сознавалась, а говорила:

– Ну, что ж! А если б я даже и задушила его? Ты живешь в глуши и ничего не знаешь о том, что творится в других местах.

Когда они однажды обсуждали этот вопрос, ей, видимо, захотелось заставить его понять, насколько преувеличенно серьезно он

относится к этому, сама она придавала детоубийству не больше значения, чем оно того стоило. Она знала двух девушек в Бергене, которые убили своих детей. Одна попала на несколько месяцев в тюрьму, потому что была глупа и не убила ребенка, а положила на улице, где он и замерз. Другую же оправдали.

– Нет, закон теперь вовсе не так бесчеловечно строг, как раньше, – сказала Варвара. – А кроме того, это вовсе не всегда выплывет наружу. Одна девушка, служившая в Бергенской гостинице, убила двоих детей, она была из Христиании и ходила в шляпке, да еще с перьями» За последнего ребенка ее посадили на три месяца, а про первого так ничего и не открылось, – рассказывала Варвара.

Аксель слушал и начинал все больше и больше ее бояться. Он пытался понять, разобраться хоть немножко в этом мраке, но в сущности, это чересчур серьезно. Со всей своей банальной испорченностью, она не стоила ни одной серьезной мысли. Ведь для нее детоубийство было лишено всякой идеи, всякой необычайности, в ней просто сказывались вся моральная нечистоплотность и распущенность, которых можно ожидать от прислуги. Это и обнаружилось в последующие дни: ни одного часа раздумья, она была ровна и естественна, такая же, как прежде, неизменно полна безразличного вздора, до мозга костей – прислуга.

– Надо мне поехать полечить зубы, – говорила она, – и потом мне непременно нужно купить сак.

Сак – это короткое пальто чуть-чуть ниже талии, бывшее в моде несколько лет тому назад. Варвара желала иметь сак.

Если она принимала все с таким откровенным хладнокровием, что же оставалось Акселю, как не успокоиться в свою очередь? Впрочем, он не всегда подозревал ее, и сама она ни в чем не сознавалась, напротив, каждый раз отрицала всякую вину, без гнева, без упрямства, но с дьявольским самообладанием – как прислуга отрицает, что разбила тарелку, хотя в действительности это так и было. Прошло недели две, и Аксель все-таки не выдержал. Однажды он остановился внезапно посреди комнаты и его точно осенило откровение:

– Да, Господи Боже мой, ведь все же видели ее положение, видели, что она беременна, вот-вот родит, а теперь она опять похудела – где же ребенок? А если все придут искать? Когда-нибудь спросят же

объяснение! Ведь если ничего не было плохого, так гораздо проще было бы похоронить ребенка на кладбище. Тогда он не лежал бы в кустах, не было бы в Лунном...

– Нет. Я только попала бы в переplet, – сказала Варвара. – Ребенка стали бы вскрывать и учинили бы допрос. Этого я вовсе не желала.

– Только бы потом не вышло хуже, – возразил Аксель. Варвара весело спросила:

– Чего ты все ходишь и думаешь? Пусть себе лежит в кустах! – Она даже улыбнулась и прибавила, – уж не думаешь ли ты, что он начнет ходить за тобой? Ты только молчи и никому не разболтай.

– Ну, что ты!

– Не утопила же я ребенка! Он сам захлебнулся в воде, когда я упала.

Просто удивительно, чего только ты не выдумаешь! А кроме того, это не узнается, – сказала она.

– Насчет Ингер из Селланро, говорят, узналось же, – возразил Аксель.

Варвара подумала:

– Мне все равно! – сказала она. – Закон нынче изменился, если бы ты читал газеты, ты бы сам увидел. Столько женщин родят детей и убивают их, и ничего им за это не бывает.

Варвара откровенно объясняет ему все, обнаруживая большую широту взглядов, не даром она побывала в свете, много видала и слыхала, многому научилась, она была гораздо развитие его. У нее было три главных аргумента, которые она постоянно приводила: во-первых, она этого не делала. Во-вторых – вовсе не так страшно, если она и сделала. А в-третьих – ничего не узнается.

– По-моему, все узнается, – возразил он.

– Хм... нет, совсем не все! – И для того ли, чтоб ошеломить его, или подбодрить, или же просто из тщеславия, хвастовства она бросила в него словно разорвавшейся бомбой:

– Да я сама сделала одну вещь, которая так и не узналась.

– Ты? – недоверчиво протянул он. – Что же ты сделала?

– Что же я сделала? Я убила!

Может быть, она не рассчитывала зайти так далеко, теперь приходилось идти дальше, ведь он сидел и смотрел на нее, вытаращив

глаза. О, это была даже не огромная и непобедимая наглость, а просто озорство, бравада. Ей захотелось поразить его, оставить слово за собой:

– Ты не веришь? – воскликнула она. – А помнишь детский трупик в городском заливе? Это я его бросила туда!

– Что? – проговорил он.

– Да тот трупик-то. Ты ничего не помнишь. Мы читали про него в газете.

Помолчав, он закричал:

– Ты просто сумасшедшая!

Но его растерянность, должно быть, поддала ей жару, придала какую-то особенную силу, так что она смогла рассказать и подробности:

– Я положила его в ящик – он был мертвый, я убила его как только он родился. И когда мы выехали в городской залив, я его выбросила.

Он сидел мрачный и безмолвный, а она продолжала говорить: – Это было давно, несколько лет тому назад, когда она уезжала в Лунное. Так что он видит, что не все узнается, далеко не все. Как он думает: что было бы, если б узнавалось все, что делают люди? А что делают замужние женщины в городах?

Они убивают детей еще до того, как те родятся, для этого имеются специальные доктора, Там не хотят иметь больше одного, в крайнем случае, двоих детей, и тогда доктор просто чуточку вскрывает им матку. Так что Аксель может ей поверить, – там это вовсе не бог весть какая штука.

– Так, значит, и последнего ребенка ты тоже прикончила? – спросил Аксель.

– Нет! – ответила она с величайшим равнодушием. – Да мне и не надо было, – сказала она. Но еще раз возвратилась к тому, что это было бы не так страшно.

Казалось, она привыкла постоянно иметь этот вопрос перед глазами, потому и стала так равнодушна. В первый раз ей, может быть, было все же немножко жутко, немножко страшно убивать ребенка; а во второй? Она рассматривала самое деяние с какой-то исторической точки зрения: это сделано, и так делается.

Аксель вышел из избы с тяжелой головой. Его не столько занимало, что Варвара убила своего ребенка, – его это не касалось. И то, что она вообще имела этого ребенка, тоже не стоило особенного разговора. Невинностью она не была, да и не притворялась. Наоборот, она не скрывала своей осведомленности и даже научила его некоторым запретным забавам. Ладно. Но последнего ребенка он отнюдь не желал терять, маленький мальчик, беленькое тельце, завернутое в тряпку. Если она была виновна в смерти этого ребенка, она причинила зло ему, Акселю. Разорвала связь, имевшую для него большую цену, и притом такую, какой он уже не мог создать. Но возможно, что он обвиняет ее и напрасно: может быть, она действительно упала в ручей и не успела подняться. Хотя узел-то ведь был с ней, половина рубашки, которую она взяла с собой...

Но часы шли, наступил полдень, потом вечер. Аксель улегся и постель, долго пролежал, глядя в темноту, наконец, заснул и проспал до утра. А там настал новый день, а после него другие.

Варвара оставалась все такая же. Она знала многое из того, что делается на свете, и равнодушно относилась к мелочам, представлявшим опасности и страхи в деревне. С одной стороны, это было утешительно – она была бодра за обоих, беспечна за обоих, Да и вообще-то, она вовсе не представляла из себя ничего страшного. Варвара – чудовище? Ничего подобного. Наоборот – красивая девушка, голубоглазая, чуточку курносая, золотые руки – как работает! Она постоянно скучала, ей надоели и хутор, и деревянные горшки, требовавшие усиленного мытья, надоел, может быть, и сам Аксель, и проклятое затворническое житье, но она не убивала ни одно живое существо и по ночам не стояла над Акселем с занесенным ножом.

Только один раз еще заговорили они о детском трупике в лесу. Аксель опять сказал, что лучше было бы похоронить его на кладбище и закидать землей, но Варвара, как и раньше, утверждала, что ее способ действия гораздо лучше.

После чего сказала нечто, указывавшее, что и она тоже рассуждала, проявляла изворотливость ума, думала маленьким, жалким мозгом:

– А если откроется, я поговорю с ленсманом, я у него служила, госпожа Гейердаль мне поможет, Не у всех такая протекция, а их все-

таки оправдывают.

И кроме того, отец мой в ладу со всеми властями, и сам понятой, и все такое.

Аксель только покачал головой.

– Ты не веришь?

– Что же по-твоему может сделать твой отец?

– Не твоего ума дело! – сердито крикнула она, – думаешь погубил его тем, что отнял у него дом и кусок хлеба!

По-видимому у нее было представление, что репутация отца несколько пошатнулась за последнее время, и что это может повредить ей самой. Что мог ответить на это Аксель? Молчать. Он был миролюбивый и работающий человек.

Глава III

К началу зимы Аксель Стрем остался опять один в Лунном, Варвара уехала.

Да, все было кончено.

Она говорила, что поездка ее в город будет непродолжительна, ведь это не в Берген, но она не хочет оставаться здесь и терять один зуб за другим, пока она не вывалится все до единого.

– Сколько же это будет стоить? – спросил Аксель. – Почему я знаю! – ответила она. – Во всяком случае, тебе это ничего не будет стоить, я заработаю.

Она объяснила, почему лучше предпринять эту поездку именно теперь: сейчас дотянутся только две коровы, к весне понесут две другие, да и все козы будут с козлятами, потом начнутся полевые работы, дела будет по горло до июня.

– Делай, как хочешь, – сказал Аксель.

Это ничего ему не будет стоить, ровно ничего. Но ей нужно денег, самые пустяки, на дорогу и на зубного врача, еще на сак и разные другие вещи, но если он не согласен, она обойдется и без них.

– Ты и так забрала уж много денег, – сказал он.

– Ну, так что ж, – ответила она. – Они уже все разошлись, – Разве ты не копила?

– Копила? Можешь поискать в моем сундуке. Я не копила и в Бергене, а там я получала жалованье гораздо большее.

– У меня нет для тебя денег, – сказал он.

Он не очень верил, что она вернется из этой поездки, к тому же она так долго мучила его всяческими капризами, что, в конце концов, он стал охладевать к ней. И на этот раз приличной суммы ей не удалось выманить, но он посмотрел сквозь пальцы на то, что она забрала с собой огромное количество провизии, и свез ее вместе с ее сундуком на пароход.

Вот и наступила развязка.

Оно бы ничего остаться одному на хуторе, он к этому привык, но скотина очень его связывала, и когда ему приходилось отлучаться из дому, она оставалась без ухода. Торговец посоветовал ему взять на

зиму Олину, она когда-то несколько лет прожила в Селланро, правда теперь она старая, но все— таки хлопотунья и работающая. Аксель послал за Олиной, но она не пришла, и он не имел от нее известий.

В ожидании Аксель работает на рубке дров, обмолачивает свой маленький скирд ячменя и ходит за скотиной. Было одиноко и тихо. Изредка проезжал по пути в село или из села Сиверт из Селланро. В село он возил дрова или кожи, или молочные продукты, оттуда же возвращался почти всегда порожняком, хуторянам из Селланро мало что нужно было покупать.

Изредка проходил мимо Лунного Бреде Ольсен, и за последнее время чаще, чем раньше – чего это так зачастил? Он старался в последние недели стать необходимым на телеграфной линии и таким образом сохранить за собой место.

Со времени отъезда Варвары он ни разу не зашел к Акселю, а проходил мимо, и это с его стороны заносчиво, – ведь он все еще жил в Брейдаблике и не выселился оттуда. Однажды, когда он намеревался пройти, даже не поздоровавшись, Аксель остановил его и спросил, когда он собирается освободить место.

– Как ты расстался с Варварой? – спросил вместо ответа Бреде.

Слово за слово:-» Ты отправил ее без всяких средств, она насилу добралась до Бергена.

– А, так она в Бергене?

– Да, она пишет, что наконец-то попала туда, но это без твоей помощи. – Вот я возьму и сейчас же выселю тебя из Брейдаблика, – сказал Аксель.

– Сделай одолжение! – насмешливо ответил тот. – После нового года мы и сами выселимся, – сказал он и пошел своей дорогой.

А-а, Варвара уехала в Берген. Значит, так и вышло, как Аксель думал. Он не горевал, – горевать! Чего ради? Она была просто ведьма; но до сих пор он еще не терял надежды, что она вернется. Черт его поймет! Должно быть, он все-таки очень уж привязался к этому человеку, к этой негоднице. Но у них были и хорошие минуты, незабвенные минуты, именно для того, чтоб она не убежала в Берген, он и поскупился на деньги при прощании. И вот она все равно удрала. Правда, вон висят кое-какие ее платица, да на полке лежит в бумаге соломенная шляпка с крылышками. Но она не вернется за ними. Ох,

да, может быть, он и горевал немножко. Словно в насмешку, ее газета продолжала приходить и, наверное, не прекратится до нового года.

Но как бы то ни было, у Аксея было и другое о чем подумать, – надо быть мужчиной.

К весне он собирался пристроить амбарчик к северной стене новой избы. На зиму надо нарубить бревен и напилить досок. У Аксея не было сплошного строевого леса, но в разных местах его участка росли поодиночке толстые сосны, и он решил срубить те, что находились по дороге в Селланро, чтоб сократить провоз до лесопилки.

Однажды утром он особенно тщательно накормил скотину, чтоб она выстояла до вечера, запер за собой двери и ушел в лес; кроме топора и котомки с едой он захватил с собой лопату для отгребания снега. Погода мягкая, вчера была сильная буря с метелью, но сегодня тихо. Он идет все время по телеграфной линии пока не доходит до места, потом стаскивает куртку и принимается рубить. Срубив дерево, очищает его от сучьев, превращает в бревно, а верхушку и ветки складывает в кучу.

В гору проходит Бреде Ольсен, значит на линии после вчерашней бури беспорядок. А может быть, Бреде пошел и так себе, он стал очень усерден к службе. Ха, вот до чего исправился! Мужчины не сказали друг другу ни слова и не поздоровались.

Аксель замечает, что погода меняется, ветер все усиливается, но он продолжает работать. Давно перевалило за полдень, а он не ел. И вот он срубает большую сосну, которая при падении задевает его и валит на землю.

Как это произошло? Беда подкарауливала. Стоит сосна и качается на корню, человек хочет повалить ее в одну сторону, а ветер в другую, человек оказывается слабее. Оно бы может обошлось, да снег прикрыл неровную почву, Аксель оступился, шагнул в бок, попал ногой в расщелину и застрял в горе, придавленный сосной.

Ну да! Оно бы и сейчас еще обошлось, но он упал так удивительно неловко, – как будто и руки, и ноги целы, но необыкновенно неловко, и никак не мог выбраться из-под огромной тяжести. Через некоторое время он высвободил одну руку, на другой он лежит, и до топора никак не достать. Он оглядывается и думает, как

всякое другое животное, попавшее в капкан, оглядывается, думает и барахтается под деревом.

– Наверно, немного погодя Бреде пройдет обратно, – думает он и отдувается.

В начале он относится к своему приключению легко и только сердится, что оно ему помешало, он ничуть не опасается за свое здоровье, а тем более за жизнь. Правда он чувствует, что рука, на которой он лежит, точно замирает под ним, а нога, увязшая в расщелине, стынет и тоже немеет, но это ничего.

Бреде наверное скоро придет.

Но Бреде не шел.

Буря усиливалась, снег сыпал Акселью прямо в лицо. – Смотри-ка, теперь пошло по-настоящему! – думает он еще довольно беспечно, и точно сам себе подмигивает сквозь снег, что, вот теперь надо смотреть в оба, теперь-то и начинается по-настоящему! Спустя некоторое время он издает крик. Его недалеко слышно в бурю, но он несется по линии, к Бреде. Аксель лежит и предается бесполезным думам: если б достать топор, он мог бы высвободиться!

Хоть бы выпростать руку, она лежала на чем-то остром, на камне, и камень тихонько и вежливо въедался в руку. Хоть бы убрался этот проклятый камень, но никто еще не слышал, чтоб от камня можно было дожидаться любезности.

Время идет, снег метет жестоко, Акселя совсем заносит, он совершенно беспомощен, снег невинно и бездумно ложится на его лицо, сначала тает, потом лицо остывает, и снег перестает таять. Вот теперь-то начинается по– настоящему!

Он громко кричит два раза и прислушивается.

Вот занесло и топор, он видит только кусочек топорщика. Неподалеку висит на дереве сумка с едой, если б достать, он бы съел кусочек, этакий изрядный ломтище! А уж раз он так смел в своих требованиях, то хорошо бы заодно раздобыть и куртку, становится холодно. Он опять громко кричит.

Вон стоит Бреде. Он остановился, смотрит на кричащего, стоит всего секунду и шарит глазами в том направлении, словно выискивая, что там происходит.

– Подойди и подай мне топор! – жалобно кричит Аксель.

Бреде отводит глаза, он понял, что произошло, и вот он смотрит вверх, на телеграфный провод и как будто собирается засвистать. Спятил он, что ли!

– Подойди и дай мне топор! – повторяет Аксель громче, – я лежу под деревом!

Бреде ужасно исправился и стал усерден к службе, он смотрит только на провода и вот-вот засвищет. И обратите внимание, что, пожалуй, он засвищет весело и мстительно.

– Что ж, ты хочешь убить меня и даже не подаешь мне топора! – кричит Аксель.

Тогда оказывается, что Бреде как будто надо спуститься по линии немножко дальше, осмотреть провода и там. Он исчезает в метели.

Так, да, да. Но теперь очень было бы хорошо, если б Аксель как-нибудь высвободился сам и достал топор! Он напрягает живот и грудь, чтоб приподнять придавившую его огромную тяжесть, толкает дерево, трясет его, но добивается только того, что его еще больше засыпает снегом. После нескольких тщетных попыток он успокаивается.

Начинает смеркаться. Бреде ушел, но как далеко? Не особенно далеко, Аксель опять кричит и тут же говорит одним духом:

– Что ж, ты так и оставишь меня валяться тут, убийца? – кричит он, – неужто тебе не дорога твоя душа и вечное блаженство? Ты знаешь, что можешь подучить корову, если поможешь мне, но ты пес, Бреде, ты хочешь погубить меня.

Но я же зато донесу на тебя, так же истинно, как я сейчас лежу здесь, помяни мое слово! Неужто ты не можешь подойти и дать мне топор?

Тишина. Аксель опять барахтается под деревом, чуть-чуть приподнимает его животом, снег засыпает его еще больше. Потом сдается и вздыхает, он устал и ему хочется спать. Скотина стоит теперь в землянке и мычит, она с утра не пила и не ела, Варвара ее уж не кормит, Варвара удрала, удрала с обоим» кольцами. Смеркается, ну да, наступает вечер и ночь, но это-то еще куда бы ни шло, только вот холодно, борода обмерзла, глаза, должно быть, тоже смерзаются, хорошо бы достать куртку с дерева, и – возможно ли! Нога его совсем отмерзла до бедра. – Все в руке Божьей! – говорит он, и звучит это так, как будто он и впрямь может говорить по-божественному, когда захочет.

Темнеет, ну что ж, он может умереть и без зажженной лампы! Он становится таким кротким и добрым, и ради пушного смирения, ласково и глупо улыбается непогоде, это божий снег, невинный снег! Да, он даже готов не доносить на Бреде.

Он затихает, сонливость все более и более овладевает им, он точно парализован от всепрощения, он видит так много белого перед глазами, леса и равнины, большие крылья, белая пелена, белые паруса, белое, белое – что это такое? Чепуха, он отлично знает, что это снег, он лежит на земле, похоронен под деревом, и в этом нет никакого колдовства.

И вот он опять кричит наудачу, вопит; под снегом лежит его сильная, волосатая грудь и вопит, вопит так, что должно быть слышно до самой землянки, у скотины, вопит раз за разом.

– Не свинья ли ты, не зверь, – кричит он Бреде, – подумал ли ты, что делаешь, оставил меня погибать? Не можешь ты подать мне топор, спрашиваю я, подлая ты тварь или человек? Ну да скатертью тебе дорога, если ты и вправду задумал уйти от меня.

Должно быть, он спал, он совсем ооченел и безжизнен, но глаза у него открыты, скованы льдом, но открыты, он не может моргнуть; что же, он спал с открытыми глазами? Бог знает, может быть, он дремал всего минуту, а может и час, но вот перед ним стоит Олина. Он слышит, как она спрашивает:

– Иисусе Христе, жив ты или нет? – и опять спрашивает, зачем он тут лежит, с ума сошел он, что ли? Во всяком случае, Олина стоит над ним.

В Олине есть что-то от ищейки, от шакала, она выныривает, где случится беда, нюх у нее очень острый.

Как бы выкарабкалась Олина в жизни, если б она везде не шныряла и не обладала острым нюхом? И вот она, стало быть, узнала, что Аксель посылал за ней, перебралась, в семьдесят лет, через перевал, чтоб пойти к нему.

Переждала в тепле в Селланро вчерашнюю бурю, сегодня пришла в Лунное, никого не застала, накормила скотину, постояла на крыльце, послушала, вечером подоила коров, опять послушала, – что-то непонятное.

Но вот Олина слышит крики и кивает головой: Аксель это или духи преисподней? В обоих случаях стоит разнюхать, поискать

вечной мудрости Всемогущего в такой тревоге в лесу. – А мне он ничего не сделает, потому что я не властна развязать ремень у его обуви. И вот она стоит над Акселем.

– Топор? – Олина роется в снегу и не находит топора. Она хочет обойтись без топора и пытается приподнять дерево, но сил у нее, как у малого ребенка, и ей удается потрясти только верхние сучья. Она опять ищет топор, темно, но она роет руками и ногами. Аксель не может показать, он может только сказать, где топор лежал раньше, но там его теперь нет.

– Жалко, что так далеко от Селланро! – говорит Аксель.

Олина начинает искать по собственному соображению, Аксель кричит ей, что нет, там не может быть.

– Нет, нет, – говорит Олина, – я хочу только посмотреть везде! А это что? – говорит она.

– Неужели нашла? – спрашивает Аксель.

– Да, с помощью Всемогущего! – высокопарно отвечает Олина.

Но Аксель настроен особенно возвышенно, он допускает, что, может быть, не совсем ясно соображает, он почти что умер. Да и на что Акселю топор? Он не мог шевельнуться, Олине пришлось рубить самой. О, Олина много поработала топором, нарубила за свою жизнь не одну вязанку дров. Аксель не может идти, одна нога его совсем отмерла до бедра, спина окоченела, от сильного колотья он громко вскрикивает, в общем он чувствует себя полуживым, какая-то часть его осталась под деревом.

– Что-то уж очень чудно, – говорит он, – я не понимаю! Олина понимает и объясняет ему все удивительными словами, – ну да, потому что она спасла человека от смерти и это знает: Всемогущий пожелал воспользоваться ею, как смиренным орудием, а не пожелал посылать небесное воинство. Неужели Аксель не видит его мудрого указания и решения? А если б он захотел послать червя, пресмыкающегося в земле, то мог послать и его.

– Да, это-то я знаю, – говорит Аксель, – но что-то очень уж чудно я себя чувствую!

Чудно? Надо подождать немножко, подвигаться, согнуться и выпрямиться, вот так, понемножку. Руки и ноги у него онемели и обмерли, пусть он наденет куртку и согреется. Но никогда она не забудет господня ангела, который вызвал ее давеча на крыльцо, и тут-

то она услышала крики из лесу. Точно как в райские времена, когда ангелы трубили в трубы на Иерихонских стенах.

Чудеса. Но во время этой речи Аксель приходит в себя, расправляет члены и учится ходить.

Потом они полегоньку подвигаются к дому, Олина выступает в роли спасительницы и поддерживает Акселя. Дело идет на лад. Пройдя немного, они встречают Бреде.

– Что это? – говорит Бреде. – Ты захворал? Не помочь ли тебе? – говорит он.

Аксель недружелюбно молчит. Он обещал Богу не мстить Бреде и не доносить на него, но на этом и остановился. И чего это Бреде вздумал возвращаться?

Видел он, как Олина пришла в Лунное, и понял, что она услышит крики о помощи?

– А, да это ты, Олина! – словоохотливо начинает Бреде. – Где ты его нашла?

Под деревом? Да, это с нами, людьми, неудивительно! – восклицает он. – Я ходил осматривать телеграф, и вдруг слышу крики. Уж кто не станет мешкать, так это Бреде, где нужна помощь, я тут как тут. И вдруг оказывается, это ты, Аксель! Ты лежал под деревом?

– Ты это и видел и слышал, когда шел вниз, – отвечает Аксель, – но ты прошел мимо.

– Господи помилуй меня грешную! – восклицает Олина, ужасаясь такой черствости.

Бреде объясняется: – Я тебя видел! Видеть-то видел. Но ты мог бы позвать, отчего ты не позвал? Я отлично тебя видел, но я думал, ты прилег отдохнуть.

– Молчи уж! – обрывает Аксель, – ты хотел, чтоб я там и остался!

Тем временем Олина соображает, что Бреде не должен вмешиваться, это умалит ее собственную необходимость и сделает ее спасение не таким безусловным, она мешает Бреде помогать, не дает ему даже понести сумку с провизией или топор. О, в эту минуту Олина всецело на стороне Акселя; когда впоследствии она придет к Бреде и будет сидеть за чашкой кофе, она будет на его стороне.

– Дай же мне понести хоть топор и лопату, – говорит Бреде.

– Нет, – отвечает Олина за Акселя, – он и сам донесет. Бреде продолжает: – Ты мог бы позвать меня, мы ведь уж не такие враги,

чтоб ты не мог сказать мне слова. Ты звал? Ну? Надо было кричать погромче, мог бы сообразить, что на дворе метель. А кроме того, мог бы поманить рукой.

– Нечем мне было манить, – отвечает Аксель, – ты видел, что я лежал, точно припечатанный замком.

– Нет, этого я не видел. Вот никогда не слышал чепухи! Ну дай же мне понести твою поклажу, слышишь!

Олина говорит: – Оставь Аксея в покое. Ему нехорошо.

Но тут, должно быть, заработал мозг и у Аксея. Он слышал про старуху Олину; он соображает, что в будущем она обойдется очень дорого и замучает его, если будет считать, что одна спасла ему жизнь, Аксель решает разделить триумф. Бреде получает котомку и инструменты. Аксель даже говорит, что это его облегчило, ему стало лучше. Но Олина не желает с этим мириться, она тянет котомку и заявляет, что все, что нужно, понесет она, а не кто другой.

Хитрая плусть вступает в форменный бой, Аксель на минуту остается без поддержки, тогда Бреде выпускает котомку и подхватывает Аксея, хотя тот уже не шатается.

Дальше они идут так: Бреде поддерживает ослабевшего Аксея, а Олина несет ношу. Она несет, но полна злобы и мечет искры: ей навязали самую малую и самую тяжелую часть спасения. За каким чертом принесло сюда Бреде!

– Послушай-ка, Бреде, – говорит она, – что это толкуют, будто у тебя отобрали и продали хутор?

– Кого это ты допрашиваешь? – дерзко отвечает Бреде.

– Допрашиваю? Я не знала, что ты хочешь держать это в тайне?

– Жалко, ты сама не пришла и не поторговала хутор, Олина.

– Я? Что ты смеешься над нищей!

– Как, разве ты не разбогатела? Говорят будто тебе достался в наследство сундучок дяди Сиверта, хе-хе-хе.

Напоминание об улыбнувшемся наследстве не содействовало умиротворению Олины:

– Да, старик Сиверт хотел меня облагодетельствовать, иного не могу сказать. Но когда он умер, его очистили от земных благ. Ты сам знаешь, Бреде, что значит быть очищенным и зависеть от другого; но старик Сиверт пирует теперь под райскими сенями, а мы с тобой. Бреде, ходим по земле на самых обыкновенных ногах.

– Я тебя не уважаю, – говорит Бреде и обращается к Акселю: – Я рад, что подошел вовремя и могу помочь тебе дойти до дому. Я не слишком быстро иду?

– Нет.

Спорить с Олиной, препираться с Олиной? Невозможно! Она никогда не сдавалась и никто не мог сравниться с нею в искусстве сплести небо и землю в единый корень доброжелательства и злости, чепухи и яду. И вот она слышит, что, собственно, это Бреде помогает Акселю дойти домой!

– Что это я хотела сказать, – начинает она: – Да! Про важных господ, что были намерены в Селланро – ты показал им свои мешки с камнями?

– Если хочешь, Аксель, я возьму тебя на спину и понесу, – говорит Бреде.

– Нет, – отвечает Аксель. – Спасибо тебе!

Они все идут, и до дома остается уж недалеко, Олина понимает, что если хочет чего-нибудь добиться, то надо использовать время.

– Было бы лучше, если б ты спас Акселя от смерти, – говорит она. – И неужели же, Бреде, ты видел его гибель и слышал его предсмертные крики и прошел мимо?

– Попридержи-ка язык, Олина! – отвечает Бреде. Это было бы гораздо удобнее и для нее, она спотыкалась в снегу, нести было тяжело, она задыхалась; но она отнюдь не желала молчать. По-видимому, она приберегала на конец закуску, опасную тему, не пустить ли ее сейчас?

– А Варвара-то, – говорит она, – уж не сбежала ли она?

– Да, – беспечно отвечает Бреде. – И благодаря этому, ты получила работу на зиму.

Но это оказалась вода на мельницу Олины, она намекнула, как все ее ищут, как у всех на селе она прямо нарасхват; разве она не могла пойти в два места, да хоть бы и в три? Ее приглашали и к священнику. И в то же самое время она дала понять и еще одну вещь, которую не мешало послушать и Акселю: ей предлагали столько и столько-то за зиму, кроме того, новые башмаки да еще барашка по окончании срока. Но она знала, что в Лунном она попадет к необыкновенно хорошему человеку, который щедро вознаградит ее, и потому она предпочла прийти сюда. Нет, пусть Бреде не беспокоится,

до сих пор ее небесный отец раскрывал перед нею одну дверь за другой и приглашал войти. И похоже, как будто Господь имел особый замысел, посылая ее в Лунное.

Она спасла нынче вечером жизнь человеку.

Но Аксель вдруг начинает чувствовать страшную слабость, ноги совсем перестают его слушаться. Это удивительно, до сих пор он шел все бодрее и бодрее, по мере того, как теплота и жизнь возвращались в его члены, теперь Бреде ему совершенно необходим для того, чтоб держаться на ногах! Началось это, как будто, с той минуты, как Олина заговорила о своем жалованьи, а когда она опять сказала, что спасла ему жизнь, дело стало совсем скверно.

Неужели он захотел еще раз умалить ее торжество? Бог знает, но мозг его, должно быть, совсем оправился. Когда они находились уже совсем близко от жилья, он останавливается и говорит:

– Нет, должно быть мне не дойти до дому!

Бреде, ни слова не говоря, сажает его себе на спину. Так они идут, Олина полна желчи, Аксель во всю длину висит на спине Бреде.

– Но как же это так, – спрашивает Олина, – разве Варвара не ждала ребенка?

– Ребенка? – стонет Бреде под тяжестью своей ноши. Это в высшей степени странная процессия, но Аксель предпочитает, чтоб его донесли до самого дома и посадили на крыльце.

Бреде страшно пыхтит, – Да, а разве у нее не было ребенка? – спрашивает Олина.

Аксель поспешно прерывает, обратившись к Бреде:

– Не знаю, как бы я добрался нынче живым до дому, если б не ты!

Но он не забывает и Олину. – Спасибо тебе, Олина, ты первая нашла меня!

Спасибо вам обоим!

Это и был тот вечер, когда Аксель спасся от смерти...

В следующие дни Олина не хотела говорить ни о чем, кроме великого события.

Акселю стоит больших трудов удержать ее. Олина показывает место в горнице, где она стояла, когда ангел господень вызвал ее на крыльцо, чтоб она услышала крик о помощи. У Акселя другие мысли в голове, и он должен быть мужчиной. Он возобновляет свою работу в

лесу, а покончив рубку, принимается возить бревна на лесопилку в Селланро.

Ровная и, пока что, неутомительная зимняя работа: в гору – бревна, под гору – нарезанные доски. Но надо торопиться, чтоб кончить к новому году, когда наступят большие морозы и скуют льдом лесопилку. Дело подвигается, все идет хорошо: когда Сиверту Селланро случается порожняком возвращаться из села, он тоже захватывает бревно-другое на свои сани и помогает соседу.

Тогда они заводят беседу и развлекают друг друга.

– Что слыхать в селе? – спрашивает Аксель.

– Так, пустяки, – отвечает Сиверт. – К нам в пустошь приезжает новый поселенец.

Новый поселенец – о, это вовсе не пустяк, просто, такая у Сиверта манера говорить. Новые поселенцы появлялись в пустоши с промежутками в целые года; теперь ниже Брейдаблика было уже пять хуторов, выше, в горы, заселение шло медленнее, хотя земля по направлению к югу все более и более переходила из болота в чернозем. Выше всех хуторян забрался Исаак, когда основал Селланро, он был всех смелее и умнее. За ним появился Аксель Стрем; а теперь, стало быть, объявился еще новый покупатель. Новый покупатель отхватил большой кусок плодоносного болота и леса пониже Лунного – отхватить было от чего.

– Ты не слыхал, что это за человек? – спрашивает Аксель.

– Нет, – отвечает Сиверт. – Он привез с собой готовые постройки, соберет и поставит их в одну минуту.

– Так. Значит, – богатый?

– Должно быть. Приехал с семьей, жена и трое ребят. И лошади, и скотина.

– Ну, так, стало быть, богат, – говорит Аксель. – А больше ничего не слыхал?

– Нет. Ему тридцать три года.

– Как его зовут.

– Говорят, Арон. А участок свой он назвал «Великое».

– Так, «Великое». Да, кусочек не маленький.

– Он родом с побережья. Говорят, будто занимался рыболовством.

– Значит, все дело в том, годится ли он в землепашцы, – говорит Аксель. – Ты на этот счет ничего не слыхал?

– Нет. По купчей он заплатил чистоганом. Больше ничего не слышал.

Говорят, он здорово нажился на рыбе. А теперь поселится здесь и откроет торговлю.

– Ну, откроет торговлю?

– Да, так говорят.

– Вот что – откроет торговлю!

Это была самая важная новость, и оба соседа обсуждали ее на все лады, пока ехали остававшуюся до Селланро милю. То была большая новость, пожалуй, величайшая во всей истории этих мест, было о чем поговорить. С кем станет торговать новосел? С восемью хуторами на казенной земле? Или же он рассчитывает на покупателей из села? Во всяком случае, торговое место приобретает значение, может быть, оно ускорит рост заселения, участки, вероятно, поднимутся в цене, почему знать.

Они обсуждали и так и этак и не могли наговориться! Интересы и цели этих двоих людей были столь же важны, как интересы и цели других людей; пустошь была их мир, труд, времена года и урожай – переживаемые ими события и приключения. Разве в такой жизни не бывает волнений? О, еще сколько!

Частенько приходилось им спать одним глазом, частенько забывать за работой о еде. Они справлялись с этим, здоровья у них хватало, чтобы пролежать семь часов под огромным деревом, это не вредило их жизни, если руки и ноги оставались целы. Мир без широкого простора, без перспектив? Так! Но какой мир перспектив открывало это «Великое» с торговой лавкой посреди пустоши!

Люди обсуждали это событие до Рождества...

Аксель получил письмо, большое письмо со львом, от казны: ему предлагалось отобрать у Бреде Ольсена телеграфные провода и телеграф, материалы и инструмент и принять на себя надзор за линией с нового года.

Глава IV

По болотам тянется целый обоз, это везут в пустошь постройки новоселу, воз за возом, много дней. Возы сваливают на месте, которое будет называться «Великое»; со временем оно, пожалуй, таким и будет: четверо рабочих уже сейчас трудятся в горах, выбирая камни на ограду и два погреба.

А возы все едут и едут. Каждое бревно пригнано заранее, весной их останется только собрать, все рассчитано до тонкости, бревна помечены номерами, не забыта ни одна дверь, ни одно окно, ни одно цветное стеклышко для веранды. А однажды привезли огромный воз кольев. Это еще что? Один из соседей ниже Брейдаблика знает, он родом с юга и видал там такое:

– Это садовая решетка, – говорит он.

Стало быть, новосел хочет развести в пустоши сад, большой сад.

Признак хороший, никогда не бывало такой езды по болотам, и многие, у кого были лошади, зашибли на возке порядочную деньгу. Обсуждали и это: появились виды на заработок и в будущем, торговец будет получать товары, и местные и из-за границы, ему придется возить их к себе с моря на многих подводах.

Похоже было, что здесь все становится на широкую ногу. Приехал молодой начальник или доверенный, распорядившийся возкой, он был франт, и ему все казалось, что мало лошадей, хотя возить оставалось совсем не так уж много.

– Да ведь, возить осталось не много, – сказали ему.

– А товары-то! – отвечал он.

Сиверт из Селланро ехал домой, по обыкновению, порожняком, и доверенный крикнул ему:

– Ты едешь порожняком? Почему ты не взял клади до «Великого»?

– Я бы взял, да не знал, – отвечал Сиверт. – Он из Селланро, у них две лошади! – шепнул кто-то.

– У вас две лошади? – спросил доверенный. Тащи обеих сюда, повози нам, заработаешь денег!

– Оно бы неплохо, – ответил Сиверт, – да как раз сейчас нам недосуг.

– Недосуг заработать деньги! – воскликнул доверенный. Да, в Селланро не всегда могли свободно располагать временем, дома было столько дела. А теперь они впервые даже наняли работников, двух каменщиков-шведов, которые взрывали камень для постройки скотного двора.

Этот скотный двор много лет был мечтой Исаака, землянка стала плоха и тесна для скотины, надо было построить каменный скотный двор с двойными стенами и хорошим подпольем для навоза. Но на очереди стояло так много дел, одно постоянно тащило за собой другое, стройке не предвиделось конца. У него имелась лесопилка и мельница, и летний хлев, а кузница разве не нужна?

Хоть совсем маленькая, на случай, на самый крайний случай; покривится лемех или потребуются перековать пару подков – до села так далеко. Стало быть, уж это-то ему надо было завести; горн и маленькую кузницу. В общем, в Селланро набралось очень много больших и маленьких строений.

Хозяйство растет и растет, никак не обойтись без работницы, и Иенсина живет у них и лето и зиму. Отец ее, кузнец, время от времени спрашивает, скоро ли она вернется, но не слишком настаивает, он очень уступчив, и, должно быть, не без задней мысли. Селланро расположено высоко в горах, надо всеми хуторами, и все растет, растет по части строений и разделанной земли, а люди все те же. Лопари больше не проходят здесь и не располагаются хозяевами на усадьбе, это прекратилось давным-давно. Лопари проходят не часто, они предпочитают сделать большой крюк и обойти усадьбу стороной, и, во всяком случае, никогда уже не заходят в избу, а останавливаются снаружи, если вообще останавливаются. Лопари бродят по окраинам, впотьмах, дайте им свет и воздух, и они зачахнут, как черви и нечисть. Изредка теленок и барашек пропадают с выгона в Селланро, где-нибудь на далекой опушке. С этими ничего не поделать, Разумеется, Селланро может выдержать потерю, А Сиверт, если б и умел стрелять, так у него нет ружья, да он и не умеет стрелять, он совсем не вояка, а весельчак, большой шутник:

– Да ведь, лопари-то наверно заколдованные! – говорит он. Селланро может выдержать мелкие пропажи скотины, потому что оно

велико и сильно, но и там не обходится без забот и огорчений, о нет! Ингер на весь год одинаково довольна собой и жизнью; она когда-то совершила большое путешествие и тогда, должно быть, подхватила что-то вроде злой тоски. Тоска эта проходит, потом опять возвращается. Ингер усердно работает и весела, как в лучшую свою пору, она красивая и здоровая жена для своего мужа, для мельничного жернова, но разве она не сохранила воспоминаний о Тронгейме? Никогда не мечтает? Как же, особенно зимою. Временами в ней вспыхивает чертовское веселье и живость, но танцевать одна она не может, и бала никакого не выходит. Мрачные мысли и молитвенник? Ох да, еще бы! Но Богу известно, что и кое-что другое тоже великолепно и превосходно. Она научилась быть неприхотливой, шведы— каменщики как ни как — чужие люди и незнакомые голоса на усадьбе, но они — пожилые и тихие мужчины, не играют, а работают. Но все-таки это лучше, чем ничего, они вносят оживление, один чудесно поет, сидя на камне. Ингер иногда выходит и слушает. Его зовут Яльмар.

Но и помимо этого не все хорошо и благополучно в Селланро. Вот, например, большая незадача с Елисеем. От него получилось письмо, что место его у инженера упразднено, но он должен получить другое, надо только подождать.

Потом пришло письмо о том, что пока он дожидается большого места в конторе, он не может жить святым духом, а когда ему послали бумажку в сто крон, он написал, что этого только-только хватило расплатиться с мелкими долгами.

— Так, — сказал Исаак. — Но теперь у нас каменщики и много расходов, спроси-ка Елисея, не хочет ли он лучше приехать домой помочь нам!

Ингер написала, но Елисей не желал возвращаться домой, нет, он не желал вторично проделывать зря это путешествие, он предпочитал голодать.

Но, должно быть, свободного места в конторе не было во всем городе, а, может, и сам Елисей был не мастер добиваться своего. Бог знает, может, он и вообще-то был не ахти какой работник. Усидчив и искусен на писанье, да, но был ли у него ум и сметка? А если нет, что же с ним будет?

Когда он вернулся из дома с двумястами крон, город встретил его старыми счетами, а расплатившись, должен же он был купить тросточку, вместо палки от зонтика. Надо было купить и разные другие вещи: меховую шапку на зиму, какие были у всех его товарищей, пару коньков для катания на городском катке, серебряную зубочистку, ковырять в зубах и изящно жестикулировать ею во время беседы за стаканчиком. И пока он был богат, он угощал, по силе возможности; за пирушкой по случаю его возвращения, при самой строгой бережливости, пришлось-таки раскупорить полдюжины пива. – Что это, ты даешь барышне двадцать эре? – спрашивали его; – мы даем десять. – Не надо быть мелочным! – отвечал Елисей.

Он был не мелочен, ему это не подобало, он сын богатых землевладельцев, помещиков, его отец, маркграф, обладает невообразимыми пространствами строевого леса, у него четыре лошади, тридцать коров и три сенокосилки.

Елисей был не лгун, и это не он распространил выдумку про поместье Селланро, а окружной инженер в свое время наплел это в городе. Но Елисей ничего не имел против того, чтоб этой сказке верили. Так как сам по себе он ничего не представлял, то лучше было быть сыном богатых родителей, это создавало ему кредит, и он выпутывался из затруднительных обстоятельств. Но вечно это не могло продолжаться, пришлось, наконец, платить и тут он сорвался. Когда один из его товарищей определил его на службу к своему отцу, в деревенскую лавку, торговавшую всякими товарами, это было все-таки лучше, чем ничего.

Такому взрослому молодому человеку, конечно, неподходящее дело поступать на жалованье младшего подручного в мелочную лавочку, в то время, как он готовился занять пост ленсмана, но это давало кусок хлеба и, как временный выход, было не так уж глупо. Елисей и здесь проявил расторопность и добродушие, хозяева и покупатели его полюбили, и потому он написал домой, что решил перейти к занятию торговлей.

Вот это-то и было большим разочарованием для его матери. Если Елисей стоит в мелочной лавке, то, значит, он не на волос не больше, чем приказчик у торговца в их селе; раньше он был несравненно выше: никто, кроме него, не уезжал в город и не служил конторщиком. Неужели он потерял из виду свои высокие цели? Ингер была неглупа,

она знала, что существует расстояние между обычным и необычным, но, может быть, не всегда умела точно определить это расстояние. Исаак был глупее и проще, он все меньше и меньше принимал в расчет Елисея, старший сын ускользал за пределы его власти, он переставал представлять себе Селланро разделенным между своими сыновьями, когда самого его уже не станет.

В середине весны приехал инженер с рабочими из Швеции, прокладывать дороги, строить бараки, делать съемки, взрывать горы, заводить сношения с поставщиками съестных продуктов, возчиками, прибрежными землевладельцами – и еще, бог весть, зачем – но для чего все это? Разве мы не в глуши, где все мертво? А затем, что решили приступить к пробным разделкам на медной скале.

Так значит, дело все-таки вышло, если не просто наболтал.

То были не прежние важные господа, что приезжали в первый раз, нет; судья отсутствовал, помещик отсутствовал, он был старый горняк и старый инженер.

Они купили у Исаака все напиленные доски, какие он согласился уступить, купили провизии и хорошо заплатили, потом поговорили ласково и расхвалили Селланро.

– Канатная дорога! – сказали они, – воздушная дорога с вершины горы к морю! – сказали они.

– Через все эти болота? – спросил Исаак, очень плохо соображавший.

Тут они засмеялись: – На той стороне, – сказали они, – не с этой стороны, отсюда ведь несколько миль, нет, с той стороны скалы прямо к морю, там отвесное падение, а в продольном направлении – почти ничего. Мы будем спускать руду по воздуху в железных бадьях, увидишь, как это великолепно; но для начала мы свезем руду вниз, проложим дорогу и свезем руду гужем – на пятидесяти подводах, это тоже неплохо. И нас ведь не столько, сколько ты сейчас видишь, мы что? Ничего! С той стороны идет еще больше, целый транспорт рабочих с готовыми бараками и провиантом, с материалами и всяческими инструментами и машинами, – сказали они, – мы встретимся на вершине. Увидишь, какие тут разыграются дела, на миллионы, а руда пойдет в Южную Америку.

– А судья в этом не участвует? – спросил Исаак.

– Какой судья? А, тот! Нет, он продал.

– А помещик?

– Он тоже продал. Так ты их помнишь? Нет, они продали. А те, что у них купили, тоже перепродали. Теперь медной горой владеет большое общество, страшные богачи.

– А где сейчас Гейслер? – спросил Исаак.

– Гейслер? Не знаю такого.

– Ленсман Гейслер, который тогда продал вам гору?

– А, этот! Так его зовут Гейслер? Бог его знает, где он! Ты и его тоже помнишь?

И вот, все лето, с большой партией рабочих, они палили и работали на скале, местность очень оживилась; Ингер завела обширную торговлю молоком и молочными продуктами, и было весело торговать и суетиться, видеть много народу; Исаак шагал своей громоподобной поступью и обрабатывал свою землю, ему ничто не мешало; оба каменщика и Сиверт строили скотный двор. Он выходил очень большой, но подвигался медленно, троих на такую работу было слишком мало, а Сиверт, кроме того, часто отрывался помогать отцу на земле.

Вот и хорошо было иметь сенокосилку и трех проворных женщин на жнивье. Все было хорошо, пустыня оживилась, зацвела деньгами. А торговое местечко «Великое», разве там не развилось крупное дело? Этот Арон, должен быть, черт и пройдоха, он пронюхал о предстоящей работе на руднике и моментально пожаловал со своей мелочной лавочкой, он торговал, как само правительство, да прямо как король. Во-первых, самое главное, он продавал всякого рода хозяйственные предметы и рабочее платье; но рудокопы, если они при деньгах, не очень-то считают гроши, они покупают не только необходимое, а покупают все. В особенности, вечерами по субботам лавочка в «Великом» кишела народом, и Арон загребал деньги; за прилавком ему помогали доверенный и жена, да и сам он отпускал, сколько успевал, но лавочка не пустела до поздней ночи. Сельчане, имевшие лошадей, оказались правы, подвоз товаров в «Великое» был огромный, во многих местах дорогу пришлось перемостить и привести в надлежащий вид, получилось уже далеко не то, что первая узенькая Исаакова тропа через пустынную равнину. Благодаря своей торговле и своей дороге Арон явился настоящим благодетелем этой местности. Звали его, впрочем, не Арон, это было только его имя,

фамилия же его была Аронсен, так называл себя он сам, и так звала его жена; семья этим важничала и держала двух работниц и конюха.

Земля в «Великом» временно оставалась нетронутой, на земледелие не хватало досуга, кто стал бы копаться в болоте! Но Аронсен развел сад с решеткой и смородиной, с астрами и рябиной и другими посаженными деревьями, важнецкий сад. В нем была широкая дорожка, по которой Аронсен разгуливал по воскресеньям, покуривая длинную трубку; в глубине сада виднелась веранда с красными, желтыми и синими окнами. Трое хорошеньких ребятишек бегали по саду, девочку предполагалось воспитать настоящей купеческой дочкой, мальчики пойдут по торговой части, о, это были дети с будущим!

Если бы Аронсен не заботился о будущем, он бы сюда и не переехал. Он мог бы продолжать рыбачить и, может быть, удачно, и тогда порядочно зарабатывал бы, но это не то, что торговля, не такое благородное занятие, оно не давало уважения, перед ним не снимали шапок. До сих пор Аронсен плавал на веслах, в будущем он хотел плавать под парусами. У него было словечко: «бум констант», Он говорил, что его детям должно житься «бум константнее», и подразумевал под этим, что хочет обеспечить им жизнь, свободную от тяжелого труда.

И вот, дело складывалось хорошо, люди кланялись ему, его жене, даже детям, А не так-то уж мало значит, когда люди кланяются детям. Пришли со скалы рудокопы, давно не видевшие детей; во дворе их встретили дети Аронсена, рудокопы сейчас же ласково заговорили с ними, словно увидели трех пуделей.

Они хотели было дать детям денег, но, узнав, что это дети самого торговца, поиграли им вместо этого на губной гармонике. Пришел Густав, молодой повеса в шляпе набекрень и с веселыми словами на устах, и долго потешал их. Дети каждый раз узнавали его и выбегали к нему навстречу, он сажал всех троих к себе на спину и плясал с ними. – Ху! – кричал Густав и плясал. Потом достал губную гармонику и стал играть танцы и песенки, обе работницы вышли из дома, смотрели на Густава и слушали его игру со слезами на глазах. А повеса Густав отлично знал, что делал!

Немного погодя он зашел в лавочку стал швырять деньгами и купил полный мешок всякой всячины, так что, уходя домой на

скалу, потащил на' спине целую мелочную лавку; в Селланро он ее раскрыл и всем показал. Там была почтовая бумага и новая трубка-носогрейка, и новая рубашка, и шарф с бахромой; были леденцы, которые он роздал женщинам, были блестящие вещицы, часовая цепочка с компасом, перочинный ножик; да пропасть вещей, даже ракеты, он купил их на воскресенье, повеселить самого себя и других. Ингер угостила его молоком, он пошутил с Леопольдиной и подбросил маленькую Ревекку высоко к потолку.

– Ну, скоро вы кончите скотный двор? – спросил он своих земляков– каменщиков и по-приятельски поболтал с ними.

– Мало нас народу, – отвечали каменщики.

– Так возьмите меня, – пошутил Густав.

– Вот бы хорошо-то было! – сказала Ингер, – потому что двор должен быть готов к осени, когда скотину загоняют на зиму.

Густав пустил одну ракету, а пустив вторую, решил сжечь и все шесть, женщины и дети затаили дыханье, смотря на колдовство и на колдуна, Ингер никогда не видала раньше ракет, но эти сумасшедшие блестящие напомнили ей о жизни в свете. Что значит теперь швейная машина! Когда же Густав заиграл напоследок на губной гармонике, Ингер с радостью пошла бы за ним от одного только сильного умиления...

Разработка рудника идет своим чередом, руду свозят на лошадях к морю, один пароход нагрузился и ушел в Южную Америку, на его место пришел новый.

Огромное движение. Все обитатели округа, которые могут ходить, перебивали на скале и полюбовались чудесами, приходил и Бреде Ольсен со своими образцами, но их у него не взяли, потому что горняк как раз уехал обратно в Швецию. По воскресеньям из села устраивалось целое паломничество на скалу, даже Аксель Стрем, у которого нет лишнего времени, и тот направлял свой путь на рудник в те два раза, что ходил осматривать телеграфную линию.

Скоро не найдется никого, кто не видал бы этих чудес! Тогда, конечно, и Ингер Селланро тоже надевает нарядное платье и золотое кольцо и отправляется на скалу. Что ей там нужно?

Ей ничего не нужно, ее даже не интересует посмотреть, как вскрывают скалу, она хочет показаться сама. Видя, что другие женщины ходят на скалу, она почувствовала, что и ей хочется пойти

туда. У нее безобразный рубец на верхней губе и взрослые дети, но она тоже хочет пойти. Ее огорчает, что другие молоды, но ей хочется попробовать потягаться с ними, она еще не начала жиреть, она высока ростом, стройна и красива и может постоять за себя. Разумеется, она не бела и не румяна, золотистая свежесть ее кожи давно поблекла, но пусть-ка посмотрят, придется им кивнуть головой и сказать: – Она еще годится!

Ее встречают с величайшим радушием, рабочие выпили у Ингер не одну кринку молока и узнают ее, показывают ей рудник, бараки, конюшни, кухню, погреб, кладовую, те, что посмелее подходят и легонько берут ее за руку. Ингер – ничего, ей приятно. Поднимаясь или спускаясь по каменным ступенькам, она высоко поднимает юбку и показывает свои икры, но вид у нее при этом спокойный, как будто она ровно ничего не сделала. – «Она еще годится!» – верно думают рабочие.

Старуха положительно трогательна: видно было, что взгляд каждого из этих разгоряченных мужчин был для нее неожиданностью, она была за него благодарна и отвечала таким же взглядом. Ага, ее подмывало попасть в переделку, она была такая же женщина, как все другие. Она была добродетельна за отсутствием искушений.

Старуха.

Пришел Густав. Он оставил двух девиц из села на товарища только для того, чтоб прийти. Густав отлично знал, что делал, он необыкновенно горячо и нежно пожал руку Ингер и поблагодарил за прошлый раз, но не навязывался.

– Ну, Густав, что же не придешь помогать нам достроить скотный двор? – говорит Ингер и краснеет, как пион.

Густав отвечает, что – как же, скоро придет. Товарищи его слышат и говорят, что наверно скоро придут все вместе.

– Как, а разве вы не останетесь на зиму? – спрашивает Ингер.

Рабочие сдержанно отвечают, что нет, на это не похоже. Густав смелее, он говорит, смеясь, что, пожалуй, скоро они выцарапают отсюда всю медь, какая есть.

– Да что ты говоришь? – восклицает Ингер.

– Нет, – отвечали другие рабочие, – Густав напрасно это говорит.

Но Густав полагает, что не напрасно, а, смеясь, прибавляет еще больше того; а что до Ингер, то он заметно старался отвоевать ее для

себя одного, хотя и не навязывался. Другой парень заиграл на гармонии с мехами, но это было совсем не то, что губная гармоника, когда на ней играл Густав; третий парень, тоже франт, попытался привлечь ее внимание, пропев наизусть песню под гармонию, но и это тоже вышло не ахти, как хорошо, хотя голос у него был богатырский. А минутку спустя, Густав уж надевал на мизинец золотое кольцо Ингер. Да как же это вышло, если он совсем не навязывался? О, он очень даже навязывался, только делал это исподтишка, так же как и она, они не говорили об этом, она притворялась, будто ничего не замечает, когда он тискал ей руку. Несколько позже, сидя в бараке, где ее угощали кофеем, она услышала шум и брань снаружи и поняла, что это, так сказать, в ее честь.

Это польстило ей, старая тетеря сидела и жадно слушала сладостный шум.

Как же она вернулась домой со скалы в этот вечер? О, великолепно, такую же добродетельной, как и ушла, не больше и не меньше. Ее провожало много мужчин, эти многие мужчины не хотели отставать, пока с ней был Густав, они не сдавались, не желали сдаться. Ингер даже и в Тронгейме не бывало так весело.

– А Ингер ничего не потеряла? – спросили они напоследок.

– Потеряла? Нет, – А золотое колечко? – сказали они.

Тут Густаву пришлось отдать его, против него была целая армия.

– Вот хорошо, что ты нашел его! – сказала Ингер и поспешила проститься с провожатыми.

Она приближается к Селланро и видит множество крыш, там внизу ее дом. Ока снова чувствует себя хорошей женой и хозяйкой, какую и была, и хочет зайти взглянуть на скотину в летнем загоне, по пути туда она проходит мимо хорошо знакомого ей места: здесь когда-то был похоронен маленький ребеночек, она уминала землю руками и поставила маленький крестик. О, это было так давно, А вот подоили ли девочки коров и коз и успели ли убраться?..

Работа на руднике идет своим чередом, но поговаривают, будто в горе не оказалось того, что ожидали. Горняк, уезжавший домой, приехал опять и привез с собой другого горняка, они бурят, взрывают, основательно все обследуют. В чем собственно дело? Медь хороша, но ее мало, она не идет в глубину, толщина жилы увеличивается по направлению к югу, она становится мощной и великолепной как раз

там, где проходит граница участка, а дальше опять казенная земля. Первые покупатели не придавали особого значения своей сделке, то был семейный совет, несколько родственников, покупавших для спекуляции, они не обеспечили за собой всей скалы, всю ту милю, которая шла до ближайшей долины, нет, они купили у Исаака Селланро и Гейслера маленький кусочек и перепродали его.

Что же теперь делать? Начальники, подрядчики и горняки отлично это понимают, надо немедленно вступить в переговоры с казной. И вот они посылают домой, в Швецию, нарочного с письмами и картами, а сами едут вниз, к ленсману, чтоб законтрактовать всю скалу к югу от озера. Но тут начинаются затруднения: в дело вмешивается закон, они иностранцы, не могут купить непосредственно.

Это они знали и приняли меры. Но южная часть скалы уже продана, этого они не знали.

– Продана? – говорят господа.

– Давным-давно, много лет тому назад.

– Кто же ее купил?

– Гейслер, – Какой такой Гейслер? Ах, тот!

– Купчая утверждена тингом, – говорит ленсман. – Это была голая скала, она досталась ему почти даром.

– Черт возьми, что же это за Гейслер, о котором мы то и дело слышим? Где он?

– Бог знает, где он!

Господам приходится посылать в Швецию другого нарочного. Да и надо же им узнать, кто такой Гейслер. Пока что, они уже не могли работать с полным составом рабочих.

И вот Густав пришел в Селланро, таща на спине все свое земное достояние, и сказал, что вот он пришел! Да, Густав расстался с компанией, то есть в последнее воскресенье он несколько неосторожно выразился насчет медной горы, слова его передали подрядчику и инженеру, и Густав получил расчет.

Счастливым оставаться, да, кстати, ему, пожалуй, как раз этого и хотелось; теперь приход его в Селланро ни в ком не возбуждает подозрения. Он сейчас же получил работу на постройке скотного двора.

Они выводят кладку, и когда немного спустя со скалы приходит еще один человек, его тоже определяют на стройку, образуется две смены, и работа подвигается быстро. К осени скотный двор непременно будет готов.

А с горы приходят все новые и новые рабочие, им отказывают, и они отправляются на родину, в Швецию; разведки приостановлены. Словно горестный вздох вылетел из всех грудей в селе; эх, люди были глупы, они не понимали, что пробная разведка, это значит разведка, которая делается на пробу, так оно и оказалось. Уныние и дурные предчувствия охватили жителей села, деньги стали реже, заработки уменьшились, в лавке в «Великом» наступило затишье.

Что все это значит? Все шло так хорошо, Аронсен завел уже флагшток и флаг, завел полость из шкуры белого медведя для санок на зиму и разрядил свою семью в пух и прах. Это все были, конечно, мелочи, но случились и крупные события: двое новых людей купили участки совсем в горах, между Лунным и Селланро, и вот это было совсем не безразлично для маленького уединенного уголка. Оба новосела построили землянки, расчистили землю, распахали болото, они были работящие люди и за короткое время достигли многого. Все лето они покупали съестные припасы в «Великом», но когда они пришли в последний раз, там почти ничего нельзя было достать. Товары – к чему Арон-сену товары, когда работа на руднике остановилась? Из всех жителей округи больше всего недоволен был, пожалуй, Аронсен, его расчеты оказались совсем неверными.

Когда кто-то предложил ему заняться обработкой земли и жить хозяйством, Аронсен ответил:

– Копаться в земле? Мы сюда не за тем приехали!

В конце концов, Аронсен не выдержал, пошел сам на рудник посмотреть, что там делается. День был воскресный. Дойдя до Селланро, он решил позвать с собой Исаака, а Исаак еще ни разу не побывал на скале с тех пор, как началась разработка. Пришлось вмешаться Ингер.

– Неужто ты не можешь пойти с Аронсеном, если он тебя просит! – сказала она.

Ингер ничего не имела против того, чтоб Исаак ушел, было воскресенье, ей хотелось избавиться от него часика на два. Исаак пошел.

На скале они увидели много чудного, Исаак никак не мог разобраться в этом городе из барачков, тачек, повозок и зияющих ям. Водил их сам инженер. Может, у него самого, у славного инженера-то, не легко было на душе, но он старался рассеять тяжелое настроение, охватившее хуторян и жителей села, случай сейчас представлялся хороший, явились сам маркграф из Селланро и торговец из «Великого».

Он называл им породы камней: – Колчедан, медный колчедан, содержит медь, железо и серу. О, они до тонкости знают, что содержится в горе, в ней есть даже немного золота и серебра. Нельзя ведь заниматься горным делом, не зная над чем работаешь!

– А правда, что теперь все остановится? – спросил Аронсен.

– Остановится? – изумленно повторил инженер. – Южная Америка нас за это не поблагодарила бы. Разведки на время приостановятся, это верно, но вы ведь видели, что здесь сделано, а потом построят воздушную дорогу и начнут разрабатывать всю скалу, с южной стороны. Не знает ли Исаак, куда девался этот Гейслер?

– Нет.

– Ну, разыщется. Тогда работа пойдет всерьез. Вот выдумали – остановится!

Исаак пришел в большое удивление и волнение при виде маленькой машинки, которая приводилась в движение ногой, он сразу стал смотреть, что это такое.

И оказалось, что это маленькая кузница, которую можно возить на тележке и ставить, где угодно!

– Что стоит такая машина? – спрашивает Исаак.

– Это? Походный горн? Недорого. – У них есть несколько штук, но есть и совсем другие машины и сооружения, на берегу, там огромные машины, Исаак и сам понимает, что такие глубокие долины и пропасти в скале ногтями не проделаешь, ха-ха-ха!

Они продолжают обход и осмотр, дорогой инженер рассказывает, что на днях собирается в Швецию.

– Но вы, ведь, вернетесь? – спрашивает Аронсен.

– Разумеется. – Он не знает за собой ничего такого, чтоб правительство или полиция задержали бы его на родине.

Исаак устроил так, чтобы еще раз пройти мимо маленькой кузницы.

– А сколько же может стоять такой горн? – спрашивает он.

Сколько стоит? Этого инженер, правду сказать, не помнил. Наверное, порядочно, но в бюджете большого рудного дела это ровно ничего не составляет. Бедный инженер, может быть в эту минуту ему было совсем невесело, но он соблюдал видимость и был важен и щедр до конца:

– Исааку нужен походный горн? Возьми вот этот! Компания его богата, она дарит ему походный горн!

Час спустя Аронсен и Исаак идут домой. Аронсен несколько успокоился, у него появилась маленькая надежда, Исаак спускается со скалы, таща на спине драгоценный походный горн. Старый паром привык таскать тяжести! Инженер вызвался прислать сокровище в Селланро завтра с кем-нибудь из рабочих, но Исаак поблагодарил и попросил его не беспокоиться. Он подумал о своих, как они удивятся, когда он придет с целой кузницей на спине.

А удивляться-то пришлось Исааку.

Во двор как раз въезжала лошадь, запряженная в высшей степени странный воз. Возница был человек из села, а рядом с ним шел господин, на которого Исаак уставился с изумлением: это был Гейслер.

У Исаака могли бы быть причины подивиться кое-чему другому, но он был не мастер думать о многих вещах зараз.

– Где Ингер? – сказал он только, проходя мимо кухни. Он подумал, что Гейслера надо хорошенько попотчевать.

Ингер? Она ушла по ягоды, ушла по ягоды с самого того времени, как Исаак ушел на скалу, ушла вместе с Густавом, со шведом. Старуха совсем одурела и влюбилась, время шло к осени и зиме, но она снова чувствовала в себе жар, снова зацвела.

– Пойдем, покажи мне, где у вас тут морошка – сказал Густав.

Как тут устоять! Она побежала в клеть, несколько минут простояла в набожном раздумье, но он ведь стоял под окном и ждал; мир гнался за ней по пятам. Кончилось тем, что она пригладила волосы, заботливо посмотрелась в зеркало и вышла. Ну, что ж, а разве не все поступили бы так же? Женщины не отличают одного мужчину от другого, во всяком случае, не всегда, не часто.

Они ходят по ягоднику и рвут ягоды, рвут морошку на болоте, перебираются с кочки на кочку, она высоко поднимает юбку и

показывает свои заманчивые икры. Кругом тихо, птенцы у куропатки выросли, и она уже квохчет, попадаются мягкие местечки, с кустиками по болоту. Не прошло и часу, а они уж садятся отдохнуть.

– Так вот ты какой! – говорит Ингер.

О, она так и млеет от него, улыбается блаженно, потому что совсем влюблена. О, Господи, как сладко и как больно быть до такой степени влюбленной, и сладко и больно! Конечно, обычай и приличие требуют защищаться. Да, чтоб сдать. Ингер так влюблена, смертельно и бесповоротно, она готова для него на все и полна к нему нежности и ласки.

Старуха.

– Когда скотный двор отстроят, ты уедешь, – говорит она потом.

Нет, он не уедет. Ну, конечно, когда-нибудь придется уехать, но не раньше, чем недели через две.

– Не пора нам домой? – спрашивает она.

– Нет.

Они собирают ягоды, немного погодя опять попадаетея мягкое местечко, и Ингер говорит:

– Ты с ума сошел, Густав!

Часы бегут, батюшки, да никак они заснули в кустах! Неужто заснули? Это поразительно, посреди пустыни, в раю. Но вот Ингер садится прямо, прислушивается и говорит:

– Как будто едут по дороге?

Солнце закатывается, вересковые холмы слегка потемнели от тени, когда они направляются домой. По пути попадаетея много мягких местечек, Густав их видит, и Ингер тоже видит, но ей все время кажется, что впереди них едут.

Да, но извольте-ка идти и всю дорогу защищаться от такого сумасшедшего!

Ингер так слаба, она только улыбается и говорит:

– Нет, я такого, как ты, не видала!

Домой она приходит одна. И хорошо, что она пришла именно сейчас, замечательно хорошо, приди она минутой позже, вышло бы нехорошо. И Исаак как раз вошел во двор со своей кузницей и с Аронсеном; а перед домом стоит лошадь и тележка.

– Здравствуйте! – говорит Гейслер и здоровается с Ингер. Все стоят и смотрят друг на друга. Лучше не могло и выйти...

Гейслер опять приехал. Он не показывался несколько лет, но вот опять явился, постаревший и поседевший, но как всегда бодрый и подвижный, и нынче он нарядный, в белой жилетке и при цепочке. Черт поймет этого человека!

Проведал он, что ли, о том, что на медной скале не все благополучно, и решил сам расследовать дело? Как бы то ни было, вот он, здесь. Вид у него в высшей степени оживленный, он осматривает место и землю, тихонько выгибая голову и водя глазами, видит большие перемены, маркграф расширил свои владения. Гейслер удовлетворенно кивает головой.

– Что это ты тащишь? – спрашивает он Исаака. – Ведь это лошади в пору! – говорит он.

– Кузнечный горн, – объясняет Исаак. – Он мне не раз сослужит службу на хуторе, – говорит он, наконец, называя Селланро хутором.

– Где ты его достал?

– На скале. Инженер взял да и подарил мне.

– Разве там есть инженер? – спрашивает Гейслер, будто не знал.

А неужто Гейслер уступает какому-то инженеру на скале!

– Я слышал, что у тебя есть сенокосилка, так вот, я привез тебе жнейку, – говорит он и указывает на воз.

Она стояла, красная с синим – огромный гребень, сенные грабли на конном ходу, Жнейку сняли с телеги, осмотрели, Исаак впрягся в нее и попробовал.

Неудивительно, что рот у него был разинут, столько чудес скопилось в Селланро!

Заговорили о медной скале, о руднике:

– Они спрашивали про вас, – сказал Исаак.

– Кто спрашивал?

– Инженер и все господа. Говорили, что им непременно нужно вас разыскать.

Исаак зашел, пожалуй, чересчур далеко, Гейслеру это, видно, не понравилось, он вздернул голову и сказал:

– Я здесь, если им что-нибудь от меня нужно!

На следующий день оба курьера вернулись из Швеции, и с ними приехали двое из владельцев рудника, они были верхом, важные и толстые господа; судя по виду, страсть какие богатые. Они почти не остановились в Селланро, а, не слезая с лошади, спросили про дорогу

и поехали дальше по направлению к скале. Гейслера они как будто не заметили, хотя он стоял довольно близко.

Курьеры с выучными лошадьми отдохнули с часок, потолковали с каменщиками у скотного двора, узнали, что старый господин в белом жилете и с золотой цепочкой – Гейслер, и тоже отправились дальше. Но один из курьеров вернулся в тот же вечер с устным приглашением Гейслеру пожаловать к господам на скалу.

– Я здесь, если им что-нибудь от меня нужно! – приказал ответить Гейслер.

Должно быть, он стал очень важен, думал, пожалуй, что владеет всем миром, и находил устное приглашение слишком небрежным? Но как же случилось, что он попал в Селланро как раз тогда, когда был нужен? Значит, он умел быть всеведущим, и много кое-чего знал. Ну, а господам на скале, когда они получили ответ Гейслера, пришлось побеспокоиться и самим пожаловать в Селланро. Их сопровождали инженер и два горняка.

Да, стало быть, много было крючков и обходов, прежде чем свиданье состоялось. Хорошего это не предвещало, нет, Гейслер ужасно как разважничался.

Господа были на этот раз очень вежливы, они извинились, что присылали за ним вчера, они так устали от дороги. Гейслер был тоже вежлив и ответил, что он тоже устал с дороги, иначе он бы пришел.

– Ну, а теперь к делу: не продаст ли он скалу по южной стороне озера?

– Вы – покупатели? – спросил Гейслер, – или я говорю с посредниками?

Это было только ехидство со стороны Гейслера, он сразу должен был видеть, что важные и толстые господа не посредники. Пошли дальше:

– Какая цена? – сказали они.

– Да, цена! – сказал и Гейслер и задумался. – Два миллиона, – сказал он.

– Вот как, – сказали господа и улыбнулись. Гейслер не улыбнулся.

Инженер и горняки поверхностно исследовали гору, заложили несколько буровых скважин, взорвали в нескольких местах породу, и вот данные: месторождение вулканического происхождения,

неровного залегания, согласно предварительным разведкам мощность его всего больше на участке между владениями компании и Гейслера, потом постепенно уменьшается. На протяжении последней полумили годной к разработке руды не попадает.

Гейслер слушал этот доклад с величайшим равнодушием. Он достал из кармана какие-то документы и внимательно смотрел в них, но это были не карты, и Бог знает, были ли то вообще документы, касавшиеся медной горы.

– Вы недостаточно глубоко пробурили! – сказал он, словно вычитал это из бумаг.

– Это верно, – сейчас же согласились господа; а инженер спросил:

– Откуда же Гейслер может это знать? Ведь вы совсем не бурили?

Тогда Гейслер улыбнулся, словно пробурил земной шар на двести метров в глубину, но потом засыпал скважины.

Они пробыли до полудня и все толковали и так и этак, и уж начали поглядывать на часы. Они заставили Гейслера спустить цену до четверти миллиона, но ни на волос больше. Должно быть, они довольно серьезно обидели его, они исходили из того, что он рад продать, вынужден продавать, но это было совсем не так, ха-ха, разве они не видят, что он сидит перед ними, почти такой же важный и богатый, как они!

– Пятнадцать, двадцать тысяч тоже хорошие деньги, – сказали господа.

Гейслер не отрицал этого, особенно, когда эти деньги нужны, но двести пятьдесят тысяч больше.

Тогда один из господ сказал, и сказал, должно быть, для того, чтоб пригнуть немножко Гейслера к земле:

– Между прочим, мы привезли вам поклон от родных госпожи Гейслер из Швеции.

– Благодарствуйте! – ответил Гейслер.

– А пропос, – сказал другой господин, видя, что ничто не помогает. – Четверть миллиона! Ведь это же не золото, это руда.

Гейслер кивнул:

– Это руда.

Тогда все господа сразу потеряли терпение, пять часовых крышек раскрылось и снова захлопнулось, и теперь уж некогда было шутить,

настало время обедать. Господа не пожелали обедать в Селланро, а поехали обратно на рудник, кушать свой собственный обед.

Так окончилось свиданье.

Гейслер остался один.

Каковы были занимавшие его мысли? Может быть, их и не было, может быть, он был равнодушен и ни о чем не думал? Отнюдь нет, он думал, но не проявлял никакого беспокойства. После обеда он сказал Исааку:

– Мне надо бы пройти на мою скалу, и я хотел бы взять с собой Сиверта, как в прошлый раз.

– Хорошо, – моментально сказал Исаак.

– Нет. У него другие дела.

– Он сейчас же пойдет с вами! – сказал Исаак и позвал Сиверта.

Гейслер поднял руку и кратко сказал: – Нет. Он расхаживал всюду по двору, несколько раз подходил к каменщикам и оживленно говорил с ними. Как это он мог собой так владеть, ведь только что его занимало такое важное дело!

Может быть Гейслер так долго жил на авось, что для него уже ни в чем не могло быть риска, во всяком случае, никакого стремительного падения с ним уже не могло больше случиться.

Все было дело случая. Продав маленький рудный участок родственниками своей жены, он сейчас же купил всю прилегающую к нему скалу. Зачем он это сделал? Хотел ли посердить владельцев, сделавшись их ближайшим соседом?

Первоначально он, вероятно, думал обеспечить за собой маленькую полоску на южной стороне озера, где, вероятно, расположился бы рудничный поселок, в случае разработки руды; владельцем же всей скалы он сделался потому, что она почти ничего не стоила, и потому, что ему не хотелось возиться с размежеваньем, которое затянулось бы надолго. Он сделался горным королем из равнодушия, маленький участок под бараки и машины превратился в целое царство вплоть до моря.

В Швеции первый маленький рудный участок переходил из рук в руки, и Гейслер следил за его судьбой. Разумеется, первые владельцы купили глупо, до безобразия глупо, семейный совет ничего не понимал в горном деле, они не обеспечили за собой достаточного пространства скалы, им хотелось только откупиться от некоего

Гейслера и избавиться от его близости. Новые же владельцы были не меньшие забавники, то были крупные люди, они могли позволить себе шутку и купить ради развлечения, купить за пирушкой, Господь их знает! Когда же произвели разведки и дело оказалось серьезным, перед ними вдруг встала стена: Гейслер.

– Они дети! – думал, может быть, Гейслер, он ужасно расхрабрился и держал голову очень высоко. Правда, господа старались охладить его, они думали, что перед ними стоит нищий, и намекнули о каких-то пятнадцати, двадцати тысячах, – они дети, они не знают Гейслера. Вот он стоит!

В этот день господа больше не приехали со скалы, верно, решили, что умнее не проявлять слишком большой горячности. На следующее утро они приехали и с ними были вьючные лошади, они направлялись в обратный путь. Но тут оказалось, что Гейслер ушел.

– Разве Гейслер ушел?

Господа не могли ничего решить, сидя на конях, пришлось слезть и подождать. Куда же ушел Гейслер? Никто не знал, он ходил повсюду, он очень интересовался хозяйством в Селланро, в последний раз его видели у лесопилки.

Послали за ним курьеров, но Гейслер, должно быть, ушел далеко, потому что не откликался, когда его звали. Господа смотрели на часы и сначала очень сердились и говорили: – Не ходить же нам здесь дураками и ждать! Если Гейслер хочет продавать, так он должен быть на месте! – Но великая досада господ улеглась, они стали ждать, даже начали забавляться; это становится невозможно, они заночуют где-нибудь на пограничных скалах! – Блестяще! – говорили они, – наши семьи когда-нибудь найдут наши кости!

В конце концов, Гейслер явился. Он отправился прогуляться, сейчас пришел прямо с летнего загона.

– Похоже, что летний загон для тебя мал, – сказал он Исааку. – Сколько у тебя там всего скотины?

Вот как он мог говорить в то время, как господа стояли с часами в руках!

Гейслер был заметно красен в лице, словно выпил спиртного:

– Пфу-у, как я разогрелся от прогулки! – сказал он.

– Мы были почти уверены, что застанем вас дома, – сказал один из господ.

– Вы об это меня не просили, – ответил Гейслер, – иначе я был бы на месте.

– Ну, а как же сделка? Согласен Гейслер принять сегодня разумное предложение? Ведь не каждый же день ему предлагают пятнадцать, двадцать тысяч крон, что?

Этот новый намек сильно задел Гейслера. Да и что это за манера! Но господа верно не говорили бы так, если б не были сердиты, а Гейслер не побледнел бы моментально, если б раньше не побывал в укромном месте и там не покраснел. Теперь же он побледнел и холодно ответил:

– Я не хочу назвать цену, какую, может быть, удобно было бы заплатить господам, но я знаю цену, какую хочу получить сам. Я не желаю больше слушать детскую болтовню о горе! Моя цена та же, что и вчера.

– Четверть миллиона крон?

– Да.

Господа сели на коней.

– Теперь я скажу Гейслеру вот что, – начал один из них:

– Мы прибавили до двадцати пяти тысяч.

– Вы продолжаете шутить, – ответил Гейслер. – Зато я намерен предложить вам нечто очень серьезное: хотите продать ваш маленький рудник?

– Да, – несколько растерянно сказали господа, – об этом можно подумать.

– Тогда я покупаю его, – сказал Гейслер.

Вот так Гейслер! Двор был полон народа и все слышали, все жители Селланро, и каменщики, и господа, и курьеры, он, пожалуй, и гроша не мог достать на такую покупку, а впрочем, бог знает, может быть, и мог, черт его поймет. Во всяком случае, он совсем сбил с толку господ своими немногими словами. Что это – ловушка? Или он хотел придать этим приемом еще больше значения своей горе?

Господа думали, господа начали тихонько переговариваться между собой, опять сошли с лошадей. Но тут вмешался инженер; оборот этот ему, видимо, очень не нравился и, должно быть, у него были некоторые права, а то и власть. Двор был полон народа, и все слушали.

– Мы не продаем! – сказал он.

– Нет? – спросили господ.

– Нет.

Они еще пошептались, потом сели на коней всерьез.

– Двадцать пять тысяч! – крикнул один из господ. Гейслер не отвечал, повернулся и пошел к каменщикам. Так окончилось последнее свиданье.

Гейслер казался равнодушным к последствиям, расхаживал взад-вперед, говорил то с тем, то с другим, в данную минуту ему было интересно смотреть, как каменщики кладут толстые стропила через весь двор. Им хотелось кончить постройку на этой же неделе, Крыша только временная, потом сверху надо всем двором предполагалось надстроить особое помещение для корма.

Исаак отпустил Сиверта с работы; это он сделал для того, чтоб Сиверт в любую минуту был свободен для путешествия с Гейслером на скалу. Напрасная забота, Гейслер или отказался от этой затеи, или забыл о ней. Он взял у Ингер кое-чего перекусить, пошел по направлению к равнине, и проходил до вечера.

Он зашел на два новых хутора, ниже Селланро, поговорил с хозяевами, потом добрался до Лунного и пожелал узнать, что сделал за эти годы Аксель Стрем.

Дело у Акселя подвигалось не очень быстро, но землю он обработал хорошо.

Гейслер интересовался и этим хутором и сказал Акселю:

– Есть у тебя лошадь?

– Да.

– У меня на юге есть косилка и плуг для новины, совсем новые, я пошлю их тебе.

– Как? – спросил Аксель, не понимая такого великодушия и прикидывая в уме насчет платы.

– Я подарю тебе эти орудия, – сказал Гейслер.

– Да разве ж то возможно?

– Но ты должен помочь двоим своим соседям и поднять новину и для них.

– Это уже само собой – заявил Аксель, все еще не понимая толком Гейслера: – так у вас на юге есть поместье и машины?

Гейслер ответил: – У меня так много всяких дел.

Ну, этого-то у Гейслера, пожалуй, не было, но он часто делал вид, будто есть. А косилку и плуг он мог ведь просто купить в каком-нибудь городе и послать на север.

Он разговорился с Акселем Стремом, расспрашивал о других хуторянах на равнине, о торговом местечке «Великом», о брате Аксея, молодожене, который недавно переехал в Брейдаблик и начал прокапывать болота и отводить из них воду. Аксель жаловался, что никак не найти работницы, у него живет только одна старуха, по имени Олина, от нее мало проку, но приходится радоваться, что есть хоть она. Одно время летом Акселю приходилось работать день и ночь.

Пожалуй, можно бы выписать работницу с его родины, из Гельгоlanda, но тогда надо оплатить ей дорогу, помимо жалованья. Куда ни посмотри – все расходы. Потом Аксель рассказал, что он взял место надсмотрщика на телеграфной линии, но немножко об этом жалеет.

– Такие вещи для людей, вроде Бреде, – сказал Гейслер.

– Вот уж правда, так правда! – согласился Аксель. – Да ведь все из-за денег.

– Сколько у тебя коров?

– Четыре. И бык. А то далеко было водить коров к быку в Селланро.

Но на душе у Аксея было дело много поважнее, и ему очень хотелось поговорить о нем с Гейслером: против Варвары возбудили следствие.

Разумеется, все открылось: Варвара была беременна, но уехала как ни в чем не бывало и без ребенка, как же это так вышло? Услышав, в чем дело, Гейслер кратко сказал:

– Пойдем!

Он повел Аксея от построек, причем держал себя очень важно, совсем как начальство. Они сели на опушке и Гейслер сказал:

– Ну, я слушаю!

Разумеется, все открылось, как могло быть иначе! Людей развелось много, да, кроме того, у них на хуторе бывала Олина. Какое имеет касательство к делу Олина? Она-то? Да еще вдобавок Бреде Ольсен с ней поссорился. Теперь Олину уж никак не обойти, она поселилась в самом месте действия и по мелочам выпросила все у

самого Акселя, она ведь жила ради темных дел, отчасти ими и кормилась, как опять не сказать, что у нее удивительно верный нюх. В сущности, Олина стала слишком стара и слаба, чтоб смотреть за домом и скотиной в Лунном, ей следовало бы отказаться, но как же она могла? Разве она могла спокойно оставить место, где была такая огромная неразъясненная загадка? Она справила зимние работы, мучилась и все лето, сил у нее не хватало, Но она держалась надеждой разоблачить одну из дочерей Бреде. Не успел весной сойти снег, как Олина принялась всюду шнырять, она нашла маленький зеленый холмик у ручья и сразу увидела, что холмик обложен аккуратно срезанным дерном; ей даже посчастливилось однажды застать там Акселя, когда он утапывал и заравнивал маленькую могилку. Стало быть, Акселю тоже обо всем известно. Олина кивнула седой головой – теперь, значит, ее черед!

Нельзя сказать, чтоб у Акселя было плохо жить, но он был изрядно скуповат, считал головки сыра и помнил наперечет каждый моток шерсти; у Олины руки были далеко не свободны. А взять его спасение в прошлом году, что же, разве Аксель показал себя настоящим хозяином и отблагодарил ее как следует?

Наоборот, он все время упорно старался умалить ее торжество: – Ну да, – говорил он, – если б Олина не пришла, ему пришлось бы всю ночь пролежать в лесу и мерзнуть; но Бреде тоже оказал ему большую помощь, доставив его домой! Вот и вся благодарность. Олина находила, что Всевышний, должно быть, разгневался на людей! Как будто Аксель не мог взять в хлеву корову, подвести ее к Олине и сказать: – Это твоя корова, Олина! – Так нет же!

А теперь вопрос, не обойдется ли ему это подороже коровы!

Все лето Олина подкарауливала проходящих мимо хутора, шушукалась с ними, кивала и поверяла свои тайны, – Только никому не передавай! – говорила она.

Раза два Олина ходила и в село. И вот по всей округе пошли слухи, они ползли, как туман, ложились на лица, набивались в уши, даже у детей ходивших в школу в Брейдаблике, и у тех завелись тайны. В конце концов пришлось пошевелиться ленсману, пришлось ему составить рапорт и получить приказ. И вот, однажды, он явился в Лунное с понятым и протоколом, снял допрос, записал что надо и уехал. Но через три недели приехал опять, допрашивал дальше и

записал больше. И на этот раз раскопал маленький зеленый холмик у ручья и извлек оттуда детский трупик; Олина оказалась для него незаменимой помощницей, в награду он должен был отвечать на ее многочисленные вопросы и тут-то, между прочим, он и сказал, что, может быть, будет возбужден вопрос об аресте Акселя. Тогда Олина всплеснула руками, ужасаясь гнусностям, в какие она попала, и пожалела, что не находится далеко, очень далеко отсюда.

– Ну а Варвара? – зашептала она.

– Девица Варвара, – сказал ленсман, арестована в Бергене; правосудие пойдет своим чередом, прибавил он. Потом забрал мертвое детское тельце и уехал...

Немудрено поэтому, что Аксель переживал большое волнение. Он все рассказал ленсману и не думал запереться: в чем он причастен, так это в самом ребенке, да еще в том, что собственноручно выкопал для него могилку.

И вот он спрашивал Гейслера, как ему вести себя дальше. Наверное, его повезут в город на более строгий допрос и пытки?

Гейслер держался уже не таким молодцом, как раньше, длинный рассказ утомил его, он осовел – Бог знает, отчего – может быть, утренний дух уж выдохся. Он посмотрел на часы, встал и сказал:

– Это надо основательно обмозговать, я подумаю. И дам тебе ответ до своего отъезда.

С этими словами Гейслер ушел.

Вернувшись вечером в Селланро, он слегка поужинал и лег. Проспал очень долго, спал, отдыхал, должно быть, устал от свиданья со шведскими владельцами коней. Только через два дня он собрался уезжать. Он опять был важен и величав, щедро расплатился и дал маленькой Ревекке новенькую крону.

Исааку он держал целую речь:

– Ничего не значит, что сейчас сделка не состоялась, это еще придет со временем; пока я приостанавливаю работы на скале. Эти люди – дети, вздумали меня учить! Ты слышал, как они мне предлагали двадцать пять тысяч?

– Да, – ответил Исаак.

– Ну, – продолжал Гейслер, отмахивая головой всякие обидные предложения и пылинки, – здешнему округу не повредит, если я задержу разработку, наоборот, это научит людей ценить свою землю.

Но в селе это почувствуют. Ведь за лето туда притекло порядочно денег, у всех появились нарядные платья и всякие разносолы; теперь этому конец. Да, а если бы село относилось ко мне по- хорошему, могло бы быть иначе. Теперь власть-то у меня!

Однако, когда он пошел, никто не сказал бы по его виду, что он такой уж властный человек, в руке он нес маленький узелок с провизией, и жилетка на нем была далеко не белоснежной чистоты. Может быть, заботливая жена собрала его в эту поездку на остатки от сорока тысяч, которые когда-то получила.

Бог знает, не так ли оно на самом деле и было. И вот теперь он вернется домой ни с чем!

На обратном пути он не забыл зайти к Акселю и дать ему ответ:

– Я обдумал, – сказал он, – следствие ведется, и, стало быть, ты ничего сейчас сделать не можешь. Тебя потребуют к допросу, и ты должен будешь дать показания...

Просто обыкновенный разговор. Гейслер, наверное, вовсе не думал об этом деле.

Аксель на все уныло говорил: «Да».

В заключение в Гейслере опять проснулся важный барин, он нахмурил брови и сказал раздумчиво:

– Вот разве если б я смог в это время быть в городе и лично явиться в суд?

– Ах, если бы вам можно было! – воскликнул Аксель. Гейслер моментально решил:

– Посмотрю, успею ли, у меня столько дела на юге. Но я постараюсь выбрать время. До свиданья, пока. Я пришлю тебе орудия!

Гейслер ушел.

Последний ли то был его приход в эти места? Остатки рабочих спускаются со скалы, разработка приостановлена. Скала снова стоит мертвая.

Готов и скотный двор в Селланро. На зиму его покрыли временной дерновой крышей, большое строение разделено на комнаты, светлые комнаты, посредине огромная гостиная, на обоих концах по большому кабинету, – словно, для людей.

Когда-то Исаак жил здесь в дерновой землянке вместе с козами: теперь в Селланро уже нет ни одной дерновой землянки.

Устраивают колоды, стойла и закрома. Для скорости к этой работе привлекли обоих каменщиков, Густав же говорит, что не умеет столярничать, и собирается уезжать. Густав великолепно работал за каменщика и ворочал бревна, как медведь; по вечерам он веселил и забавлял всех, играл на губной гармонике, а кроме того, помогал женщинам носить тяжелые ведра с реки и на реку; но теперь он собирается ехать. Нет, столярная работа не по нем, говорит он. Похоже, как будто, он во что бы то ни стало хочет уехать.

– Остался бы до завтра, – просит Ингер.

Нет, работы для него здесь больше нету, а вдобавок до пограничных скал будут попутчики, последние рудокопы.

– Кто-то теперь поможет мне носить ведра? – говорит Ингер и печально улыбается.

На это у проворного Густава сейчас же готов ответ: он называет Яльмара. А Яльмар – это младший из двух каменщиков, но ни один из них не был так молод, как Густав, и ни один не похож на него.

– Ну, Яльмар! – презрительно отзывается Ингер. Но вдруг спохватывается и, желая раззадорить Густава, говорит: – Да, да, Яльмар не так плох. И как он славно поет за работой.

– Ищейка! – заявляет Густав, не раззадориваясь.

– Неужто не можешь остаться до утра? Нет. Попутчики уйдут тогда без него.

Да, должно быть, Густаву все это уже прискучило. Чудесно было выхватить ее из-под носа у всех товарищей и побаловаться с ней две недели, что он прожил здесь; но теперь ему пора уходить, к другим рабочим, может, к невесте на родине, перед ним раскрывались новые планы. Неужели ему торчать здесь ради Ингер. У него были настолько веские причины к разрыву, что она и сама должна бы понять его; но она стала так смела, так беззастенчива, ни на что не обращала внимания. Любовь их продолжалась не очень долго, нет, но она продолжалась до конца каменных работ.

Ингер печальна, она так безумно искренна в своем увлечении, что горюет.

Ей приходится плохо, она без притворства и без жеманства влюблена. И она этого не стыдится, Ингер сильная женщина, полная слабости, она повинуетя окружающей ее природе, у нее осенний пыл. Она собирает Густаву провизию, а грудь ее ходит ходуном от

волнения. Она не думает о том, имеет ли на это право, и есть ли в этом опасность, а просто отдается своим чувствам, она стала жадной на лакомое, на наслаждение. Исаак мог бы еще раз подкинуть ее к потолку и швырнуть на пол – ну что ж, она и не защищается.

Она выходит с узелком и отдает его.

Она приготовила у лестницы лоханку, не снесет ли ее Густав с нею в последний раз на реку. Может быть, она хочет сказать ему что-то, сунуть что –нибудь в руку, золотое кольцо, Бог знает, она сейчас на все способна. Но когда-нибудь да надо же положить конец, Густав благодарит за узелок, прощается и уходит. Уходит.

А она стоит.

– Яльмар! – зовет она громко, ах, совсем излишне громко. Словно радуется на зло – или мечется в отчаянии.

Густав уходит... Осенью по всей равнине, вплоть до села происходит обычная работа, копают картошку, свозят ячмень, крупный скот выпущен на поля. Восемь хуторов, и всюду спешка, в торговом же местечке «Великом» нет скота и нет зеленых полей, там только сад; торговли, впрочем, теперь тоже нет, никто там и не торопится.

В Селланро посадили новый корнеплод, который называется турнепс, он стоит огромный и зеленый на своей полосе и колышет листьями, но невозможно отогнать от него коров, они ломают все загородки и с ревом несутся туда.

Леопольдине и маленькой Ревекке приходится стеречь турнепсовое поле, и Ревекка расхаживает с огромной хворостиной, старательно отгоняя коров. Отец работает неподалеку, изредка подходит к ней, пробует ей руки и ноги и спрашивает, не озябла ли она. А Леопольдина, которая скоро будет совсем взрослой, тоже ходит за пастуха, а сама тем временем вяжет чулки и варежки на зиму. Она родилась в Тронгейме и приехала в Селланро пяти лет, воспоминание о большом городе с множеством людей и о долгом путешествии на пароходе отходит все дальше и дальше, она дитя полей и не знает никакого иного света, кроме села, где несколько раз бывала в церкви и где в прошлом году конфирмовалась...

Потом подвертываются случайные дела, например, дорога внизу в двух местах стала почти непроезжей. Однажды, пока земля еще не

замерзла, Исаак и Сиверт отправляются чинить дорогу. Там два болотца, их надо осушить.

Аксель Стрем обещал принять участие в этой работе, потому что он тоже обзавелся лошадьё и пользуется дорогой, но Акселю понадобилось непременно поехать в город – неизвестно зачем, он только сказал, по очень важному делу.

Но он прислал вместо себя своего брата из Брейдаблика. Зовут его Фредрик.

Фредрик молод и недавно женился, веселый малый, умеет пошутить и не полезет за словом в карман; они с Сивертом похожи друг на друга. Утром, по дороге сюда, Фредрик заходил к своему ближайшему соседу Аронсену в «Великое» и сейчас поглощен тем, что торговец ему говорил. Началось с того, что Фредрик спросил у него пачку табаку.

– Я подарю тебе пачку табаку, когда у меня будет, – сказал Аронсен.

– Как, разве у вас нет табаку?

– Нет, и не будет, некому его покупать. Сколько, по-твоему, я зарабатываю на одной пачке табаку?

Аронсен был в скверном настроении, он считал, что шведская компания прямо– таки его обманула: он поселился в деревне, чтоб торговать, а они взяли да и прекратили разработку.

Фредрик потешается над Аронсеном и не очень-то лестно о нем отзывается:

– Да, ведь он к своей земле и не притронулся! – говорит он, – у него нет даже корма для скотины, он его покупает! Он и у меня хотел купить сена, но только нет, у меня продажного сена не имеется. – Как, тебе не нужно денег? – сказал Аронсен. Он думает, что деньги – это все, выложил на прилавок бумажку в сто крон и говорит: – Деньги! – Да, деньги – штука хорошая! – говорю я. Это «бум констант!» – говорит он. Он аккурат, словно бы немножко помешался, а жена его и по будням ходит при часах – Бог ее знает, какие такие часы ей непременно надо помнить.

Сиверт спрашивает: – А не говорил Аронсен об одном человеке по имени Гейслер?

– Как же. Это тот, что не захотел продать свою скалу, сказал он. Аронсен страсть, как злился: выгнанный ленсман, говорит, может у

него за душой нет и пяти крон, его, говорит, надо пристрелить! – А вы подождите немножко, говорю я, – может, он потом продаст. – Нет, – говорит Аронсен, – и не думай этого. Я то ведь купец, и понимаю, что когда одна сторона запрашивает двести пятьдесят тысяч, а другая дает двадцать пять, так тут расстояние слишком велико, и никакой сделки не может выйти. Ну, да скатертью дорожка! – сказал Аронсен, – я рад был бы, если б ноги моей никогда не бывало в этой проклятой дыре! – Но вы ведь не собираетесь продавать? – спрашиваю я. – Да, ответил он, как раз это я и собираюсь сделать. Ох, уж это мне болото, эта дыра и эта пустыня! Я не выручаю за день и одной кроны, – сказал он.

Они смеялись над Аронсеном и нисколько его не жалели.

– Ты думаешь, он продаст? – спросил Исаак.

– Да, он так говорил. Он уж отпустил работника. Да, можно сказать, деликатный и мудреный человек этот Аронсен! Отпускает работника, который мог бы заготовить ему на зиму дрова и свозить сено на собственной лошади, но оставляет доверенного. А это правда, он сейчас не выручает в день и одной кроны, потому что у него нет товаров в лавке, ну тогда на что же ему доверенный? Разве что для гордости и величия: вот, мол, у него за конторской стоит человек и пишет в больших книгах. Ха-ха-ха, нет, он просто– напросто малость помешался, этот Аронсен!

Трое мужчин работают до обеда, закусывают из своих котомок и некоторое время беседуют. У них есть, о чем поговорить, полевые и хуторские горести и радости, это не мелочь, но они обсуждают их здраво, они спокойны, нервы их не издерганы и они не делают того, что не следует. Вот подходит осень, леса смолкают, стоят горы, стоит солнце, вечером зажгутся луна и звезды, все прочно и твердо, полно ласки, как нежное объятие. Здесь людям есть когда отдохнуть на вереске, подложив под голову руку вместо подушки.

Фредрик рассказывает про Брейдаблик: он там еще немного сделал.

– Нет, – говорит Исаак, – ты уж много наработал, я видел, когда проходил мимо.

Эта похвала от старейшего в округе, от самого великана, радует Фредрика, он почтительно спрашивает:

– Вы находите? Нет, потом будет лучше. В этом году было много помех, пришлось проконопатить избу, она протекала и совсем

разваливалась, сломать и поставить заново сеновал, хлев был чересчур мал, у меня ведь корова и телка, а у Бреде не было, – горделиво говорит Фредрик.

– Нравится тебе здесь? – спрашивает Исаак.

– Да, нравится, и жене тоже нравится, почему же не нравится? Место у нас открытое, видно и вверх и вниз по дороге. Рошица за постройками очень красивая, там березы и вербы, я посажу еще по ту сторону двора, если успею.

Просто удивительно, до чего болото просохло только с весны, как я прокопал его, интересно, что-то на нем нынче вырастет! Как же не нравится? Раз у нас с женой есть и дом, и свой угол, и земля?

– Так, а разве вас только двое и будет? – лукаво спрашивает Сиверт.

– Нет, знаешь, может случиться, что будет и больше, – весело отвечает Фредрик. – А раз уж мы заговорили о том, хорошо ли нам здесь живется, так я скажу, что никогда жена моя не толстела так, как теперь.

Они работают до вечера; изредка распрямляют спины и переговариваются:

– Что ж, так ты и не достал табаку? – спрашивает Сиверт.

– Нет, да это-то мне все равно, – отвечает Фредрик. – Я ведь не курю.

– Не куришь?

– Нет. А мне просто хотелось зайти к Аронсену и послушать, что он скажет.

Оба проказника захохотали.

На обратном пути домой отец и сын по обыкновению молчаливы, но Исаак надумал что-то и говорит:

– Послушай, Сиверт.

– Что? – отзывается Сиверт.

– Да нет, ничего.

Они идут долго, потом отец опять заговаривает:

– Как же Аронсен может торговать, когда у него нет товаров?

– Да, – отвечает Сиверт. – Но и людей-то здесь не так много, чтоб для них держать товары.

– Ну, ты так думаешь? Да, да, наверное оно так! Сиверт немножко удивляется этим словам. Отец продолжает:

– Здесь всего восемь хуторов, но может быть гораздо больше. Да нет, не знаю.

Сиверт дивится еще больше: о чем думает отец? Ни о чем? Отец с сыном опять идут долго и почти доходят до дому.

– Гм. Как думаешь, сколько Аронсен запросит за свой участок? – спрашивает старик.

– Вот оно что! – отвечает Сиверт. – Ты хочешь купить? – спрашивает он шутки ради. Но вдруг его сразу осеняет, куда клонит отец: старик думает об Елисее.

О, наверное он никогда не забывал о нем, а думал так же упорно, как мать, только по-своему, ближе к земле, ближе и к Селланро.

– Цена наверно сходная, – говорит тогда Сиверт.

Из этих слов Сиверта отец заключает, что его поняли, и, словно испугавшись своей чрезмерной откровенности, сейчас же переводит на другое и говорит о починке дороги, о том, как хорошо, что они с нею развязались.

Дня два Сиверт с матерью присаживались друг к дружке, совещались, шушукались и даже написали письмо; а в субботу Сиверту вдруг надумалось пойти в село.

– Зачем это тебе опять понадобилось в село, только трепать подметки? – спросил с досадой отец, – и лицо у него было неестественно сердитое: он отлично понял, что Сиверт собрался на почту.

– Хочу пойти в церковь, – ответил Сиверт. Лучшей причины не подыскать, сказал отец: – Да уж за чем ни на есть!

Но если Сиверт собрался в церковь, так пусть запряжет лошадь и возьмет с собой маленькую Ревекку. Маленькой Ревекке можно доставить это удовольствие в первый раз в жизни; она была такая умница, помогала отгонять коров от турнепса, и, вообще, была для всех на хуторе, что солнышко в небе. Запрягли телегу, Ревекке дали в провожатые Иенсину, чему Сиверт не противился.

Пока они ездят, на хутор неожиданно является доверенный из «Великого».

Что случилось? Да ничего, просто пришел пешком некий доверенный, некий Андресен, он направляется в скалы, хозяин послал его... Только и всего. Это событие не вызывает среди жителей Селланро никакой особой суматохи, это не то, что в былые дни, когда

гость представлял редкое зрелище на хуторе, и Ингер приходила в большее или меньшее волнение. Нет, Ингер опять ушла в себя и притихла.

Необыкновенная вещь этот молитвенник, прямо путеводная звезда, рука, обвивающая шею! Когда Ингер пришла в разлад с самой собой и заблудилась в ягоднике вывело ее на путь воспоминание о горенке и о молитвеннике; сейчас она опять сосредоточенна и богобоязненна. Она вспоминает давние годы, когда, бывало, за шитьем уколет палец иглой и скажет: Черт! Этому она научилась от своих товарок за большим портняжным столом. А теперь уколется до крови, и высасывает кровь молча. Немало требуется борьбы с собой, чтоб так перемениться. А Ингер пошла еще дальше. Когда все рабочие ушли и каменный скотный двор был готов, а хутор опять опустел и затих, Ингер очень мучилась, много плакала и страдала. Она никого не винила в своем отчаянии, кроме себя самой, и была полна смирения. Поговорить бы с Исааком и облегчить свою душу! Но в Селланро никогда не водилось, чтобы кто-нибудь говорил о своих чувствах и в чем-либо каялся. И потому она только необыкновенно ласково звала мужа обедать и ужинать, а если он бывал не дома, шла к нему, а не кричала с порога, по вечерам же осматривала его платье и прикрепляла пуговицы. Но Ингер пошла и еще дальше. Однажды ночью она приподнялась на локте и сказала мужу:

– Послушай, Исаак!

– Чего тебе? – спросил Исаак.

– А ты не спишь?

– Ну?

– Нет, ничего, – говорит Ингер. – А только я была не такая, как надо.

– Чего? – спрашивает Исаак. Он не понял и тоже приподнялся на локте.

Они стали разговаривать лежа. Она все-таки отличная женщина, и на сердце у нее тяжело:

– Я была для тебя не такую, как надо, – говорит она. – Мне так жалко!

Эти простые слова умиляют его, умиляют мельничный жернов: ему хочется утешить Ингер, он не понимает, в чем собственно дело, понимает только, что другой такой, как она, нет.

– Об этом тебе нечего плакать, – говорит Исаак, – никто не бывает таким, как надо.

– Ах! Нет, нет, – с благодарностью отвечает она.

О, у Исаака были такие здравые понятия о вещах, он умел выпрямить, где что покосится. Кто из нас таков, каким бы должен быть? Исаак был прав; даже бог сердца, который ведь все-таки бог, пускается на приключения, и мы видим, какой он буйн: один день он зарывается в груды роз, облизывается и все помнит, а на следующий день он занозил ногу шипом и вытаскивает его с гримасой отчаяния. Что же, умирает он от этого? Ничего подобного, остается таким же, как был. Нечего сказать, хорошо бы было, если б он умер!

Обошлось дело и с Ингер, она пережила свое горе, но осталась верна своим благочестивым размышлениям и находит в них верное утешение. Ингер неизменно прилежна, терпелива и добра, она ставит Исаака выше всех других мужчин и смотрит на все его глазами. Разумеется, с виду он не щеголь и не певун, но он еще хоть куда, ха! Спросите-ка ее! И опять подтверждается, что набожность и нетребовательность – большое благо.

И вот явился этот маленький доверенный из «Великого», этот Андресен; явился он в Селланро в воскресенье, и Ингер не взволновалась, совсем напротив, она даже не удостоила подать ему крынку молока, а так как работницы не было дома, послала вместо себя Леопольдину. И Леопольдина отлично сумела подать крынку и сказала: «Пожалуйста», и вся вспыхнула в лице, хотя одета была по праздничному, и ей не в чем было извиняться.

– Спасибо, зачем ты это! – сказал Андресен. – Отец твой дома? – спросил он.

– Должно быть, вышел куда-нибудь.

Андресен выпил, вытер носовым платком рот и посмотрел на часы.

– Далеко отсюда до рудника? – спросил он.

– Нет. Час ходьбы, а то и меньше.

– Мне надо пройти туда по поручению Аронсена, я его доверенный.

– Так.

– Разве ты меня не узнала? Я доверенный у Аронсена. Ты была у нас за покупками?

– Да.

– Я тебя хорошо помню, – сказал Андресен. – Ты была два раза и покупала у нас.

– Не ожидала я, что вы меня вспомните, – ответила Леопольдина, но тут силы ей изменили, и она ухватилась за стул.

Андресену силы не изменили, он повернулся на одной ножке и сказал:

– Как же мне тебя не запомнить! – И прибавил: – Ты не можешь пойти со мной на скалу?

Через минуту у Леопольдины замелькали какие-то чудные красные круги перед глазами, пол поплыл из-под ног, а голос доверенного Андресена донесся откуда-то издалека:

– Тебе некогда?

– Да, – ответила Леопольдина.

Бог знает, как она добралась до кухни. Мать взглянула на нее и спросила:

– Что с тобой?

– Ничего.

Ничего – ну, конечно! А дело в том, что и для Леопольдины настал черед волноваться, начинать свой бег по кругу. Она весьма для этого годилась, вытянулась, похорошела, только что конфирмовалась, жертва хоть куда. В юной груди ее трепыхается птичка, длинные руки ее, как и у матери, полны нежности, женственности. А разве она не умеет танцевать? Еще как!

Удивительно, где они научились, но в Селланро все умели танцевать, и Сиверт, и Леопольдина танцевали местную деревенскую пляску с разными коленцами, шотландку, мазурку, рейнлендер и вальс. А наряжаться, влюбляться и грезить на яву – разве Леопольдина всего этого не умела? Точь в точь, как другие!

Когда она стояла в церкви, мать дала ей надеть золотое кольцо, какой же тут грех, только красиво, к тому же, на следующий день, когда она должна была причащаться, кольца ей уже не дали до окончания всей церемонии. Отчего же ей и не надеть в церковь золотое кольцо, она ведь дочь богатого человека, самого маркграфа.

На обратном пути со скалы доверенный Андресен застал Исаака дома, и его пригласили зайти. Угостили обедом и кофе. Все домашние были в горнице и приняли участие в беседе. Доверенный рассказал,

что Аронсен послал его на скалу разузнать, в каком положении дело на руднике, есть ли признаки, что разработка возобновится. Бог знает, доверенный, может, сидел и врал, что его послали, он мог и сам по себе затеять эту прогулку, и во всяком случае за короткое время, что он проходил, он не мог добраться до самого рудника.

– Снаружи-то не очень разглядишь, собирается компания работать или нет, – сказал Исаак.

– Да, – согласился доверенный, но Аронсен послал его, да и потом, четыре глаза увидят все-таки больше, чем два.

Но тут Ингер не удержалась и спрашивает:

– Правду ли говорят, будто Аронсен собирается продавать?

Доверенный отвечает: – Он так поговаривает. А ведь такой человек, как он, может делать, что захочет, у него на все хватит средств.

– Ну, у него так много денег?

– Да, – отвечает доверенный и кивает головой, – уж не без того!

Ингер опять не может смолчать и спрашивает:

– А сколько же он хочет за свой участок?

Исаак вмешивается, любопытство разбирает его, может быть, еще больше, чем Ингер; но мысль о покупке «Великого» отнюдь не должна исходить от него, он отмахивается от нее и говорит:

– Зачем ты спрашиваешь, Ингер?

– Да нет, я только так, – отвечает она.

Оба смотрят на доверенного Андресена и ждут. Тогда тот отвечает.

Он отвечает очень сдержанно, что цены он не знает, но, со слов Аронсена, знает, во сколько ему обошлось «Великое».

– Сколько же? – спрашивает Ингер, не в силах удержать язык за зубами.

– Тысячу шестьсот крон, – отвечает доверенный.

– Неужто! – Ингер мгновенно всплескивает руками, потому что, если есть такое, в чем женщины не знают никакого толку, так это именно в ценах на земельные участки. Но, впрочем, тысяча шестьсот крон и сами по себе для деревни сумма не маленькая, и Ингер боится одного: что Исаака она отпугнет.

Но Исаак – аккурат скала и говорит только:

– Постройки-то там большие!

– Да, – соглашается доверенный Андресен, – много разных служб!

Перед самым уходом доверенного Леопольдина потихоньку выскользнула за дверь. Чудно, должно быть, подать ему руку. Но она выискала себе хорошее местечко: стоит в каменном скотном дворе и выглядывает из окошка. На шее у нее голубая шелковая ленточка, раньше ее не было, и замечательно, что она как-то успела ее надеть. Вот он проходит, – чуточку низковат ростом, кругленький, с тугими икрами, болокурая борода, лет на восемь, десять старше ее. Как будто он ничего!..

А поздно в ночь на понедельник возвращается из села Сиверт с Ревеккой и Иенсиной. Все сошло хорошо, Ревекка последние часы спала, и так, сонную, ее вынимают из телеги и вносят в дом. Сиверт узнал много новостей, но когда мать спрашивает:

– Что слышал нового? – он отвечает:

– Да ничего особенного. Аксель завел косилку и борону для целины.

– Что ты говоришь? – с интересом спрашивает отец. – Ты видел?

– Видел. Стоят на пристани.

– Ага, так вот зачем он ездил в город! – говорит отец. А Сиверт сидит, полный еще более любопытных вестей, но не говорит больше ни слова.

Пусть отец думает, что необходимое дело, за которым Аксель Стрем ездил в город, – покупка косилки и бороны; пусть и мать тоже так думает. Но никто из них этого не думал, они довольно наслушались, что поездка эта имела отношение к недавнему детоубийству, раскрытому в их местности.

– Ну, ступай, ложись! – говорит, наконец, Исаак.

Сиверт уходит и ложится, его распирает от новостей. Аксея вызвали на допрос по важному делу, с ним поехал и ленсман. Дело было настолько важное, что даже жена ленсмана, у которой опять родился маленький, оставила ребенка и тоже поехала с ними в город. Она заявила, что хочет сказать словечко присяжным.

По селу ходили всякие сплетни и слухи, и Сиверт отлично заметил, что вспомнили и про другое, старое детоубийство. При его приближении разговоры у церкви смолкли, и будь он не тем, кем был, люди, может быть, отвернулись бы от него. Хорошо быть Сивертом:

во-первых, сын богатого человека, владельца большого поместья, а потом и сам по себе толковый парень, работяга, его ставили в пример и уважали. И все время он пользовался общей любовью. Только бы Иенсина не наслушалась лишнего до их отъезда домой! У Сиверта тоже было свое, чем он дорожил, ведь и деревенские люди тоже могут краснеть и бледнеть. Он видел, как Иенсина вышла из церкви с маленькой Ревеккой, она тоже его видела, но молча прошла мимо. Он подождал немножко, потом подъехал к избе кузнеца, чтоб забрать Иенсину и сестренку.

Все сидят за обедом. Сиверта тоже приглашают, но он уже закусил, спасибо!

Они знали, что он приедет, могли бы немножко подождать; у них, в Селланро подождали бы, здесь – нет!

– Ну, конечно, это не такая еда, к какой ты привык дома, – говорит кузнечиха.

– Что слышал у церкви? – спрашивает кузнец, хотя и сам был там.

Когда Иенсина с Ревеккой уселись в телегу, кузнечиха говорит дочери:

– Да, да, Иенсина, теперь надо тебе поскорее возвращаться домой!

Это можно понять на-двое, верно подумал Сиверт, потому что не вмешался.

Но скажи она немножко пояснее – и он, может быть, ответил бы! Он хмурит брови и ждет – нет, больше ничего.

Они едут домой, и маленькая Ревекка одна разговаривает, она полна впечатлений от виденного в церкви: священник в ризе с серебряными крестами, паникадило, орган. Некоторое время спустя Иенсина говорит:

– Какой стыд, с Варварой-то!

– На что это твоя мать намекала, когда сказала, что тебе надо поскорее возвращаться домой? – спрашивает Сиверт.

– На что намекала?

– Ты хочешь от нас уехать?

– Когда-нибудь придется же вернуться домой.

– Тпруу! – говорит Сиверт и останавливает лошадь. – Хочешь, чтоб я повернул и отвез тебя сейчас же?

Иенсина смотрит на него, он бледен, как мертвец.

– Нет, – отвечает она. Через минуту она начинает плакать.

Ревекка с удивлением посматривает то на одного, то на другую. О, маленькая Ревекка оказалась очень кстати при такой поездке, она заступилась за Иенсину, погладила ее и заставила улыбнуться. А когда пригрозила брату, что прыгнет с телеги и принесет для него хорошую розгу, невольно улыбнулся и Сиверт.

– А теперь я спрошу, на что намекал ты? – сказала Иенсина.

Сиверт, не раздумывая, ответил:

– Я хотел сказать, что если ты хочешь от нас уехать, мы попробуем обойтись и без тебя.

Некоторое время спустя Иенсина говорит:

– Да, да, Леопольдина уж подросла и может исполнять мою работу.

Обратный путь вышел очень печальный.

Глава V

По равнине идет человек. Ветрено, льет дождь, началась осенняя мокрота, но человеку это все равно, и он весел с виду, и на душе у него весело, это Аксель Стрем, он возвращается с допроса, его оправдали. И он рад: во-первых, на пристани стоит для него косилка и борона для целины, а во-вторых, его оправдали. Он не принимал участия в убийстве ребенка. Вот как бывает на свете!

Но что за часы он пережил! Когда он стоял перед судом и давал показания, ему, неутомимому труженику, эта работа показалась самой тяжелой в его жизни.

Ему не было никакого расчета усугублять вину Варвары, поэтому он всячески старался не сказать лишнего, он рассказал даже не все, что знал, каждое слово пришлось из него вытягивать, и большей частью он отвечал только «да» и «нет». Разве этого не довольно? Разве надо было раздувать дело еще больше? О, много раз казалось, что оно принимает серьезный оборот, высокое начальство в черных, пречерных, сюртуках смотрело так грозно, оно могло немногими словами повернуть все на плохое и, пожалуй, добиться его осуждения. Но они оказались добрыми людьми, не захотели его гибели. Да кроме того, над спасением Варвары работали могущественные силы, а это должно было пойти на пользу и ему.

Господи помилуй, что же его ожидало?

Ведь сама Варвара не могла показать против своего бывшего хозяина и возлюбленного, ему была известна и эта история, и другая, что была раньше, – не так же Варвара глупа. Нет, Варвара оказалась достаточно умна, она расхвалила Аксея, сказала, что он решительно ничего не знал о родах, до того, как все кончилось. Он был немножко чудной, и они между собой не ладили, но он человек смирный и, вообще, замечательно хороший человек. А что он выкопал новую могилку и переложил в нее тельце, так случилось это уже некоторое время спустя, и сделал он это оттого, что ему показалось, будто прежняя могилка сыровата, хотя она и была сухая, а только Аксель такой уж чудной.

Так что же грозило Акселю, раз Варвара принимала на себя всю вину? За Варвару же действовали могучие силы. Действовала госпожа ленсманша Гейердаль.

Она обошла и высших и низших, не щадя себя, потребовала, чтоб ее допросили в качестве свидетельницы и произнесла на суде целую речь. Когда настала ее очередь, она вышла к решетке с видом важной дамы; она поставила вопрос о детоубийстве во всем его объеме и прочитала суду целую лекцию; похоже было, как будто она предварительно добилась разрешения на это. Можно было иметь о ленсманше какое угодно мнение, но говорить она умела, и в политике и в общественных вопросах разбиралась очень хорошо. Просто удивительно, откуда у нее брались слова. По временам председателю заметно хотелось вернуть ее к существу дела, но, должно быть, не хватало духу ей помешать, и он не прерывал ее. А в заключение она привела даже два практических разъяснения и сделала суду, возбудившее всеобщий интерес, предложение.

Все произошло – откинув специально юридические тонкости – следующим образом:

– Мы, женщины, – говорила ленсманша, – несчастная и угнетаемая половина человечества. Законы создают мужчины, мы, женщины, не имеем в этой области никакого влияния. Но разве мужчина может понять, что значит для женщины родить дитя? Переживал ли он страх, чувствовал ли ужасные страдания и боли, испускал ли стоны и вопли? В данном случае ребенка родит служанка, наемная работница. Она не замужем, следовательно, она должна, нося в себе ребенка, все время стараться это скрыть. Почему она должна скрывать? Ради общества.

Общество презирает незамужнюю женщину, ожидающую ребенка. Оно не только не охраняет ее, а преследует ее презрением и позором. Разве это не ужасно?

Ведь это должно бы возмутить всякого человека с сердцем! Девушка не только должна родить на свет ребенка, что и само-то по себе, казалось бы, довольно тяжело, но, сверх того, с ней обращаются за это как с преступницей. Я готова сказать, что для девушки, сидящей на скамье подсудимых, редкая удача, что ребенок ее, благодаря несчастной случайности, родился в ручье и захлебнулся. Это было счастьем для нее самой и для ребенка. Пока общество

остается таким, каково оно сейчас, незамужнюю мать следовало бы освобождать даже за убийство своего ребенка.

Со стороны председателя слышится слабое ворчанье.

– Или, во всяком случае, назначить лишь самое незначительное наказание, – продолжала ленсманша. – Разумеется, мы все согласны в том, что жизнь детей надлежит охранять, – говорила она, – но неужели абсолютно ни один из законов гуманности не должен распространяться на несчастную мать? – спросила она. – Попробуйте представить себе, что она пережила за время беременности, какие муки вытерпела, скрывая свое состояние и не зная, что ей делать с собой и будущим ребенком. Этого ни один мужчина себе не может представить. Во всяком случае, ребенка она убивает из желания ему добра. Мать не настолько жестока к себе и к своему дорогому малютке, чтоб оставить его жить, ей слишком тяжело нести свой позор, под его давлением в ней созревает план убить дитя. И вот она родит где-нибудь тайком и в течение двадцати четырех часов находится в таком расстройстве, что во время самого убийства совершенно невменяема. Она, так сказать, почти не совершила его, до того велико ее расстройство. У нее еще болит после родов каждая косточка, каждый суставчик, а она должна поскорее убить ребенка и убрать труп – подумайте, какое напряжение воли требуется для этой работы! Но, натурально, мы все хотим, чтоб дети оставались живы, и можем только жалеть, что некоторых из них убивают. Но это вина самого общества, этого тупого, жестокого, зараженного сплетнями, жаждой преследования, злобного общества, которое стоит на страже, чтоб всеми средствами душить незамужнюю мать!

Но даже и после такого обращения со стороны общества злополучные матери могут подняться и оправиться. Часто бывает, что в таких девушках именно после их социального проступка начинают развиваться лучшие и благороднейшие качества их души. Присяжные могут спросить заведующих приютами, принимающих таких матерей и детей, правда ли это. И опытом дознано, что именно девушки, которые... которых общество вынудило убить свое дитя, становятся образцовыми нянями. Обстоятельство, думается нам, представляющее для всякого человека материал для размышлений.

Другая сторона дела такова: почему оставляют на свободе мужчину? Мать, совершившую детоубийство, бросают в тюрьму и тиранят, но отца ребенка, настоящего соблазнителя, подстрекателя, того не трогают. Однако, будучи виновником зачатия ребенка, он несет известную долю участия в его убийстве, и даже наибольшую долю: не будь его – не было бы и несчастья. Так почему же он остается неприкосновенным и правым? Потому что законы сочиняются мужчинами. Вот вам ответ. Положительно приходится молить небо о защите от этих мужских законов! И всегда так и будет, до тех пор, пока мы, женщины, не получим права голоса при выборах и в тинге.

– Но если, – продолжала ленсманша, – эта жестокая судьба поражает виновную – или более виновную – незамужнюю мать, совершившую детоубийство, то что сказать о невинной, только подозреваемой в убийстве и его не совершившей?

Какую компенсацию дает общество этой жертве? Никакой компенсации! Я удостоверяю, что знаю сидящую здесь подсудимую с детства, она служила у меня, отец ее состоит понятым у моего мужа. Мы, женщины, позволяем себе думать и чувствовать как раз наперекор мужским обвинениям и преследованиям, мы позволяем себе иметь собственное мнение о вещах. Сидящая здесь девушка арестована и лишена свободы по подозрению в том, что, во-первых, родила тайком, а затем в том, что убила своего ребенка. Она – я в этом не сомневаюсь – не совершила ни того, ни другого; присяжные сами придут к этому ясному, как солнце, заключению. Сокрытие родов? Она родит среди бела дня. Правда, она одна, но кому же быть при ней? Она живет в глуши, в пустынном месте, единственный человек, живущий там же кроме нее – мужчина, неужели же ей призывать его в такой момент? Нас, женщин, подобная мысль возмущает. Затем она, якобы, убила дитя? Она родила его в ручье, она лежит в ледяной воде и родит. Каким образом она попала в ручей? Она наемная работница, следовательно, рабыня, каждый день у нее определенные дела.

Сегодня ей нужно пойти в лес за можжевельником для мытья деревянной посуды; переходя через ручей, она оступается и падает в воду. Она лежит, не в силах подняться. Ребенок рождается и захлебывается в воде.

Ленсманша останавливается. По лицам присяжных и слушателей она видела, что говорила необыкновенно хорошо, в зале царила

полная тишина, только Варвара изредка вытирала глаза от волнения. Ленсманша закончила следующими словами:

– У нас, женщин, есть сердце. Я бросила своих детей на чужих людей, чтоб приехать сюда и дать показания в пользу сидящей здесь, несчастной девушки.

Мужские законы не могут запретить женщинам думать: я думаю, что эта девушка достаточно наказана за то, что не сделала ничего дурного. Оправдайте же ее, я возьму ее к себе. Она будет самой лучшей няней из всех, какие у меня были.

Ленсманша кончила. Председатель заметил:

– Но ведь, по словам свидетельницы, именно из детоубийц и выходят такие замечательные няни?

Но председатель вовсе не был несогласен с ленсманшей Гейердаль, отнюдь нет, и он даже был чрезвычайно гуманен, чисто пастырски сострадателен. Во время вопросов, обращенных затем прокурором к ленсманше, председатель большей частью сидел молча и делал какие-то отметки на бумагах.

Судебное разбирательство происходило утром, свидетелей было мало, и самое дело, в сущности, очень просто. Аксель Стрем надеялся уже на благоприятный исход, как вдруг ленсманша и прокурор словно соединились, чтоб создать ему неприятности за то, что он похоронил ребенка, вместо того, чтоб заявить о смерти. Его стали довольно строго допрашивать, и, может быть, он не так-то легко справился бы с этим пунктом, если б не заметил в конце залы Гейслера.

Совершенно верно: там сидел Гейслер. Это дало Акселю некоторую опору, он почувствовал себя не одиноким пред лицом начальства, задумавшего его погубить. Гейслер кивнул ему.

Да, Гейслер приехал в город. Он приехал не для того, чтоб выступить в качестве свидетеля, но присутствовал на суде. Он употребил два дня до разбирательства на ознакомление с делом и на записывание того, что запомнил из рассказа Акселя в Лунном. Большинство документов были в глазах Гейслера вздорными, этот ленсман Гейердаль был весьма ограниченный человек, в протоколе допроса он старался изобразить Акселя соумышленником детоубийства.

Дурак, идиот, он не имел никакого понятия о жизни в деревне, не понимал, что именно ребенок и был теми узами, которые должны

были привязать к хутору Акселя, необходимую помощницу!

Гейслер переговорил с прокурором, но получил впечатление, что это было не нужно: он хотел помочь Акселью вернуться обратно на хутор, но Аксель не нуждался в помощи. Нет, потому что шансы самой Варвары были самые блестящие, а с ее оправданием отпадал вопрос и о соучастии Акселя. Все зависело от показаний свидетелей. Допросили немногих свидетелей – Олину не вызывали, – ленсманна, Акселя, эксперта, двух девушек из села; после их допроса наступил обеденный перерыв; и Гейслер опять пошел к прокурору. Нет, прокурор по–прежнему ожидал благоприятного для девицы Варвары решения. Показания ленсманши Гейердаль оказались чрезвычайно вескими. Все зависело от присяжных.

– Вы очень интересуетесь этой девушкой? – спросил прокурор.

– Отчасти, – ответил Гейслер. – Или скорее – мужчиной.

– Так, мужчина. А девушка? Сочувствие суда на ее стороне. Она у вас тоже служила?

– Нет, она у меня не служила.

– Мужчина гораздо подозрительнее, – сказал прокурор. – Он отправляется совершенно один и хоронит детский трупик в лесу. Это подозрительно.

– Наверное, он просто хотел, вообще, хоронить его, – сказал Гейслер, – ведь это делалось не в первый раз.

– Ну, она женщина и не обладала мужской силой, чтоб как следует выкопать могилу. А в таком состоянии, в каком она находилась, большего она не могла сделать. В общем, – сказал прокурор, – мы дожили, наконец, до более гуманных воззрений на эти дела о детоубийстве. В качестве присяжного, я не решился бы вынести обвинительный приговор этой девушке, а после того, что выяснилось на суде, я не стану требовать ее обвинения.

– Это очень утешительно! – сказал Гейслер и поклонился.

Прокурор продолжал:

– Как человек и частное лицо, я пошел бы даже дальше: я не приговорил бы к наказанию ни одну незамужнюю мать, убившую своего ребенка.

– Это интересно, – сказал Гейслер, – господин прокурор и дама, дававшая сегодня показания, придерживаются совершенно одинаковых взглядов.

– Ну, она-то! Но, впрочем, она очень хорошо говорила. Нет, в самом деле, к чему же все эти приговоры? незамужние матери уже заранее перенесли такие неслыханные муки и низведены на такую низкую ступень человеческого существования жестокостью и грубостью света, что это само по себе уже достаточное наказание.

Гейслер поднялся и сказал: – Но как же дети?

– Да, – ответил прокурор, – по отношению к детям это очень прескорбно. Но если все принять в расчет, то, в конце концов, это божье благословенье и для детей. И в особенности такие незаконнорожденные дети – какова бывает их судьба? Что из них выходит?

Гейслеру, должно быть, захотелось подразнить кругленького человечка, а может вздумалось разыграть из себя мистика и философа, и он сказал: – Эразм был незаконнорожденный.

– Эразм?

– Эразм Роттердамский.

– Неужели?

– Леонардо был незаконнорожденный.

– Леонардо да Винчи? Вот как! Да, разумеется, бывают исключения, иначе не было бы и правила. Но в общем и целом...

– Мы охраняем птиц и зверей, – сказал Гейслер, – как будто, немножко странно не охранять младенца.

Прокурор медленно и величественно потянулся за лежавшими на столе бумагами в знак окончания беседы: – Да, – рассеянно проговорил он, – да, о, да, да, конечно.

Гейслер поблагодарил за необычайно поучительную беседу, которой удостоился, и вышел.

Он опять сел в зале суда, чтоб своевременно выступить. Наверное ему было забавно сознавать за собой такую силу: ведь ему было известно о разрезанной рубашке, взятой с собой для... для того, чтоб увязать в нее осоку, о детском трупике, выловленном однажды из городского залива, он мог бы здорово одурачить суд, одно его слово сейчас стоило тысячи мечей. Но Гейслер, видимо, не намеревался произносить это слово без особой необходимости. Все ведь складывалось отлично, даже общественный обвинитель стоял на стороне обвиняемой.

Зала наполнилась публикой и суд занял свои места.

Началась интересная для маленького городка комедия: грозная торжественность прокурора, взволнованное красноречие защитника. Присяжные сидели и слушали о том, что им надлежит думать о девице Варваре и о смерти ее ребенка.

Да и то сказать: разобраться в этом было не совсем просто. Прокурор был красивый мужчина и, несомненно, добрый человек, но, должно быть, его перед этим что-то рассердило, или он вспомнил, что должен защищать определенную позицию норвежского правосудия, Господь его знает! Это было непонятно, но он уже не проявил такой снисходительности, как утром, порицал злодеяние, если оно было совершено – разумеется, сказал он, это была бы мрачная страница, если б можно было с уверенностью сказать, что она действительно так мрачна, как позволяют думать и полагать свидетельские показания. Это должны решить присяжные. Он хочет обратить их внимание на три пункта: первый пункт – имеется ли налицо сокрытие рождения ребенка, ясен ли этот вопрос для судей. Он сделал несколько замечаний от себя. Второй пункт – тряпка, эта половина рубашки: для чего взяла ее с собой обвиняемая? В предположении ли, что она ей понадобится? Он подробно развил эту мысль.

Третий пункт – это поспешное и подозрительное погребение, без сообщения о случае смерти пастору и ленсману. Здесь главным действующим лицом является мужчина, и присяжным чрезвычайно важно составить себе ясное суждение именно в этом вопросе. Ибо ведь ясно, что если мужчина был сообщником, и потому предпринял погребение по собственному почину, то работница его совершила, несомненно, преступление, которого он сделался сообщником.

– Гм! – пронеслось по зале.

Аксель Стрем опять сообразил, что он в опасности, он поднял голову и не встретил ни одного взгляда, все следили глазами за оратором. Но в конце залы сидел Гейслер, вид у него был чрезвычайно важный, словно он вот-вот лопнет от гордости, нижняя губа выпячена, голова закинута к потолку. Это невероятное равнодушие к громам правосудия и это – «Гм!» – брошенное к потолку, подбодрили Акселя, и он опять почувствовал себя не одиноким против своего света.

Но вот все стало поправляться; прокурор, видимо, решил, что, пожалуй, довольно, – он посеял столько недоверия и злобы против Акселя, сколько было возможно, и перестал. Он даже повернул

довольно круто, прокурор-то, он не потребовал обвинения. В заключение он напрямик сказал, что на основании имеющихся улик он, с своей стороны, не решается настаивать на обвинительном приговоре.

– Да, ведь это отлично! – подумал, наверное, Аксель, – сейчас, значит, конец!

Но тут выступил защитник, молодой человек, учившийся на юриста и получивший защиту в этом великолепном деле. И речь же вышла, век не найти другого, который так умел бы защищать невинность, как он! В сущности, это ленсманша Гейердаль опередила его и утром предвосхитила у него несколько аргументов, он был недоволен тем, что она уже использовала общество – о, он и сам так много имел что сказать этому самому обществу! Он сердился на председателя, что тот не остановил ее во время речи, ведь, в сущности, она произнесла реплику, это нарушение судебной процедуры, что же осталось для него?

Он начал с самого начала жизненной карьеры девицы Варвары Бреде. Она была родом из бедной семьи, впрочем, дочь работающих и почтенных родителей; вынужденная в ранней юности служить, она поступила сперва в семью ленсмана.

Мы слышали сегодня отзыв ее хозяйки, госпожи Гейердаль, блестящее нельзя себе ничего представить. Варвара переехала в Берген. Защитник остановился на глубоко прочувствованной рекомендации двух конторщиков, у которых она занимала доверенное положение в Бергене. Варвара снова вернулась домой, чтоб вести хозяйство у холостого мужчины на отдаленном хуторе. Здесь начались ее несчастья.

– Она забеременела от этого холостого мужчины. Почтенный прокурор упомянул – впрочем, самым наиразумнейшим и осторожнейшим образом – на сокрытие родов. Разве Варвара скрывала свое состояние, разве она отрицала его? Две свидетельницы, две девушки из ее родного села, показали, что считали ее беременной, но когда они спросили Варвару, она не отрицала, а пропустила мимо ушей. Так обыкновенно и поступают в этом деле молодые девушки, – пропускают мимо ушей. Больше Варвару никто не спрашивал. Пошла ли она к своей хозяйке и призналась ли ей? У нее не было хозяйки. Она сама была хозяйка. У нее был хозяин, но молодая девушка не

пойдет с такого рода тайной к мужчине, она несет крест сама, она не поет, она не шепчет, она траппистка. Она не скрывается, но ищет уединения.

Рождается ребенок; это доношенный и нормального сложения мальчик, он жил и дышал после рождения, но захлебнулся. Присяжным известны обстоятельства этого рождения, оно произошло в воде, мать упала в ручей и родила, она не в состоянии спасти ребенка, она лежит и сама лишь долго спустя может выбраться на берег. И что же, никаких признаков насилия на теле ребенка не обнаружено, нет никаких следов, никто не хотел его смерти, он захлебнулся водой, невозможно найти более естественного объяснения.

Почтенный прокурор намекал на тряпку: это темный пункт. Зачем она взяла с собой эту половину рубашки? Нет ничего яснее этой неясности: она взяла с собой тряпку, чтоб увязать в нее можжевельник. Она могла бы взять – ну, скажем, наволочку, но она взяла тряпку. Что-нибудь ей нужно было взять, она не могла нести можжевельник просто в руках. Нет, в этом отношении присяжные могут быть совершенно спокойны!

Но есть другой пункт, уже не такой ясный: имела ли обвиняемая ту поддержку и заботу, каких в то время требовало ее состояние? Проявлял ли ее хозяин по отношению к ней заботливость? Хорошо, если так! На допросе девушка отзывалась о своем хозяине с благодарностью, это указывает на доброту и благородство ее характера. Сам мужчина, Аксель Стрем, в своих показаниях, тоже не прибавил камня к бременю обвиняемой и не порочил ее – положим, в этом случае он поступал правильно, чтобы не сказать умно: ведь спасти ее может только он. Взвалить на нее вину значило бы, в случае ее осуждения, самому разделить с ней кару.

Невозможно погрузиться в материалы настоящего дела, не испытывая живейшего сострадания к этой молодой девушке, такой покинутой и брошенной.

И все же, она нуждается не в милосердии, а лишь в справедливости и понимании. Она и ее хозяин некоторым образом помолвлены, но несходство характеров и глубокая разница интересов исключают возможность брака. С этим мужчиной эта девушка не может связать своего будущего. Неприятно, что приходится это

делать, но необходимо вернуться к моменту о принесенной тряпке: если творить все, то ведь девушка взяла не одну из своих рубашек, а рубашку своего хозяина. Мы сами спрашивали себя вначале: была ли эта рубашка ей дана? Здесь, думалось нам, возможно допустить, что мужчина, что Аксель тоже замешан в игре.

– Гм! раздалось в конце залы. Оно было так громко и твердо, что остановило оратора, все стали искать глазами виновника этой заминки.

Председатель метнул строгий взгляд.

– Но, – продолжал защитник, оправившись, – и по отношению к этому пункту мы можем быть спокойны, благодаря самой подсудимой. Хотя, казалось бы, в ее интересах разделить здесь вину, она этого не сделала. Она самым решительным образом отрицала, что Аксель Стрем знал о том, что, отправляясь к ручью – я хочу сказать, в лес, за можжевеловником, – она взяла его рубашку, вместо своей. Нет ни малейших оснований сомневаться в словах обвиняемой, они все время выдерживали критику, таковы же они и в данном случае: если бы она взяла рубашку из рук мужчины, это предполагало бы уже совершение и самого детоубийства, обвиняемая же не хочет своей правдивостью содействовать обвинению этого человека за несуществующее преступление. В общем, она вела себя на допросе чистосердечно и откровенно и не пожелала набросить на других и тени вины. Эта черта благородства сказывается у нее во всем. Так, она тщательнейшим образом запеленала маленький детский трупик, и, видимо, приложила в этом большое старание. В таком виде его нашел в могилке ленсман.

– Председатель обращает порядка ради – ваше внимание на то, что ленсман нашел могилу номер второй, а ведь там похоронил ребенка Аксель.

– Да, это так, и я очень благодарен господину председателю! – говорит защитник со всей почтительностью, подобающей по отношению к юстиции. – Да, это было бы так. Но ведь Аксель сам заявил, что он только перенес тельце в новую могилу и закопал его там. И не подлежит также сомнению, что женщина может лучше спеленать ребенка, нежели мужчина, а кто же спеленает его лучше всех? Конечно, мать, нежными материнскими руками!

Председатель кивает головой.

– И дальше, разве не могла эта девушка – будь она такого склада – разве не могла она похоронить ребенка голеньким? Я готов даже допустить, что она могла бы бросить его в мусорный ящик. Могла бы оставить на земле под деревом, чтоб он замерз – конечно, в том случае, если б он не был уже мертв.

Она могла, улучив минуту, сунуть его в горящую печь и сжечь. Могла отнести на речку в Селланро и бросить в воду. Ничего такого эта мать не сделала, она запеленала мертвого ребеночка и похоронила его. Если же он был аккуратно запеленут, когда его нашли, то запеленала его женщина, а не мужчина.

– Теперь, – продолжал защитник, – присяжным предстоит решить, что же осталось от преступления девицы Варвары. По совести, немного, по глубокому убеждению защитника, не осталось ничего. Правда, присяжные могут обвинить ее за то, что она не заявила о смертном случае. Но ведь ребенок уж умер, произошло это в глуши, в пустыне, за много миль от пастора и ленсмана, пусть он спит вечным сном в уютной могилке в лесу. Если было преступлением похоронить его там, то обвиняемая разделяет это преступление с отцом ребенка: но это преступление во всяком случае можно простить. Мы все более и более отходим от мысли карать преступление, мы исправляем преступников.

Это в старину полагалось наказывать за что угодно, тогда царило мстительное учение Ветхого Завета: око за око, зуб за зуб! Но нет, дух современного законодательства не таков. Современное правосудие гуманно, оно старается приспособиться к более или менее преступному душевному складу, обнаруженному подсудимыми.

– Не судите же строго эту девушку! – говорил защитник. – Дело не в том, чтоб заполучить лишнего преступника, а в том, чтоб вернуть обществу доброго и полезного сочлена.

Защитник указал, что обвиняемая будет пользоваться тщательным присмотром на новом, предложенном ей месте. Супруга ленсмана Гейердаля, на основании своего многолетнего знакомстве с Варварой и на основании своего богатого материнского опыта, широко раскрыла перед ней двери своего дома; с сознанием тяжести своей ответственности присяжные должны теперь или осудить или оправдать ее. В заключение защитник выразил благодарность

господину прокурору за то, что он не настаивал на обвинительном приговоре, проявив тем глубокое и гуманное понимание.

Защитник сел.

Остальная часть процедуры заняла немного времени; резюме председателя было повторением пройденного, рассматриваемого с двух точек зрения: краткое извлечение из содержания всей пьесы, сухое, скучное и весьма почтенное.

Сошло оно очень гладко, потому что ведь и прокурор и защитник оба забирались в область председателя и облегчили ему задачу.

Зажгли огонь, две лампы засветили под потолком скупым светом, при котором председатель едва ли мог разглядеть свои заметки. Он очень строго порицал, что о смерти не было сообщено властям; но, – сказал он, – при данных обстоятельствах это должно быть поставлено в вину скорее отцу, чем матери, так как она была чересчур слаба. Таким образом, присяжным предстоит решить, имеется ли в данном деле сокрытие родов и детоубийство. Он еще раз объяснил все с самого начала. Затем последовали обычные внушения о сознании своей ответственности, чем присяжных и без того уже напугали раньше, и, наконец, небезызвестное указание, что, в случае расхождения во мнениях, решение принимается в пользу обвиняемого.

Теперь все было ясно.

Судьи удалились из залы в соседнюю комнату. Они должны были совещаться по бумаге с вопросами, которую один из них захватил с собой. Пробыв в отсутствии пять минут, они вернулись с отрицательным ответом на все вопросы.

Нет, девица Варвара не убивала свое дитя.

Затем председатель произнес еще несколько слов и сказал, что девица Варвара свободна.

Публика покинула зал, комедия кончилась...

Кто-то трогает Акселя Стрема за руку, это Гейслер. Он говорит:

– Ну, вот ты и развязался с этим делом!

– Да, – проговорил Аксель.

– Но ведь тебя оторвали от дела совершенно зря.

– Да, – опять ответил Аксель. Но он уже немного оправился и прибавил:

– Но я рад, что выкарабкался.

– Этого еще не доставало! – сказал Гейслер, напирая на каждое слово.

Из этого Аксель заключил, что Гейслер принимал какое-то участие в деле, что и он в него вмешался. Бог знает, может быть, в сущности, Гейслер и направлял весь суд и добился того результата, какого хотел. Дело темное.

Но, во всяком случае, Аксель понимал, что весь день Гейслер был на его стороне.

– Спасибо вам, уж такое большое спасибо! – сказал он, протягивая руку.

– За что? – спросил Гейслер.

– Да уж – да уж за все! Гейслер остановил его:

– Я ничего не сделал. Даже и не старался, не стоило того.

Но Гейслер, пожалуй, все же ничего не имел против этой благодарности, он словно дожидался ее и, вот, наконец, получил:

– Мне сейчас некогда поговорить с тобой, – сказал он. – Ты едешь домой завтра? Это хорошо. Ну, будь здоров! – Гейслер пошел по улице...

На пароходе Аксель встретился с ленсманом и его женой, с Варварой и двумя девушками-свидетельницами.

– Ну, – сказала ленсманша, – рад ты результату? Аксель ответил, что да, как же не радоваться, – уж теперь, наверное, конец.

Ленсман тоже заговорил и сказал: – Это второе детоубийство в моем округе, в первом была замешана Ингер из Селланро, теперь я развязался со вторым.

Нет, в таких случаях бесполезно проявлять мягкость, правосудие должно осуществляться в полной мере!

Но ленсманша, должно быть, понимала, что Аксель не особенно благодарен ей за ее вчерашние показания, она захотела смягчить их, загладить:

– Ты ведь понял, почему я говорила против тебя?

– Да. Как же, – ответил Аксель.

– Надеюсь, понял. Или ты думаешь, что я хотела тебя погубить? Я всегда считала тебя превосходным человеком, я только это и хочу тебе сказать.

– Так, – только и промолвил Аксель, но взволновался и обрадовался.

– Да, – продолжала ленсманша. – Но я была вынуждена взвалить на тебя часть своей вины, потому что иначе Варвару приговорили бы, а вместе с ней приговорили бы и тебя. Я это делала из самых лучших побуждений.

– Так, так, спасибо вам за это!

– Это я, а не кто другой, пошла в городе к Ироду и Пилату и хлопотала за вас. И ты, ведь слышал, что всем нам, произносившим речи, пришлось сваливать часть вины на тебя, чтоб добиться оправдания вас обоих.

– Да, – проговорил Аксель.

– Но ведь ты же ни одной минуты не думал, что я настроена против тебя, не правда ли? Против тебя, которого я считаю таким превосходным малым!

Как это было приятно после стольких унижений! Во всяком случае, Аксель так растрогался, что ему захотелось подарить ленсманше что-нибудь, все равно что, лишь бы выразить свою благодарность и сделать какой-либо подарок, пожалуй, отвезти убоины осенью. У него был молодой бычок.

Ленсманша Гейердаль сдержала слово: она взяла к себе Варвару. И на пароходе она заботилась о ней, не давала ей зябнуть или голодать, не позволяла и болтать с бергенским штурманом. Когда это случилось в первый раз, ленсманша ничего не сказала, только позвала Варвару к себе. Но смотрите-ка, Варвара опять стоит и болтает с штурманом, и выгибает головку на бочок, и говорит на бергенском наречии, и улыбается. Тогда ленсманша подозвала ее и сказала:

– Я думаю, тебе не следует сейчас стоять с мужчинами и вести с ними разговоры, Варвара. Вспомни, что ты только что пережила и от чего спаслась.

– Я только услышала, что он из Бергена, оттого с ним и заговорила, – ответила Варвара.

Аксель с ней не разговаривал. Он заметил, что она похудела и побледнела, а зубы у нее стали хорошие. Ни одного его кольца на ней не было...

И вот Аксель идет по равнине. Ветрено и льет дождь, но он рад и весел. Он видел на пристани косилку и борону для целины. Вот так Гейслер! И ведь ни слова не сказал в городе об этом огромном подарке. Что за мудреный барин.

Глава VI

Акселю недолго пришлось отдохнуть дома: с осенними бурями начались новые заботы и неприятности, которые он сам навязал себе: телеграф на его стенке извещал, что на линии беспорядок.

Это за то, что он пожадничал на деньги, принимая эту должность. И с самого начала это было неприятно, Бреде Ольсен прямо грозил ему; когда он пришел и за телеграфным имуществом и аппаратом, тот сказал:

– Не очень-то ты помнишь, что я спас тебе жизнь зимой.

– Мне спасла жизнь Олина, – отвечает Аксель.

– Так, а разве я не тащил тебя домой на своей несчастной спине?

А за это ты подстроил так, чтоб купить у меня в летнюю пору хутор и выкинуть на улицу, на зиму глядя! – Бреде был оскорблен до глубины души, он сказал: – Но сделай одолжение, забирай и телеграф и весь этот хлам. Я переезжаю с семьей в село и примусь за одно дело, что это за дело – тебе и не снилось, а будет у меня гостиница и такое место, куда люди смогут приходиться пить кофей. Ты думаешь, мы не справимся? Жена моя будет продавать всякие угощения, а сам я стану разъезжать по делам, и заработаю гораздо больше тебя. Но только вот что я тебе, Аксель, скажу: я могу наделать тебе много каверз, я ведь до тонкости знаком с телеграфом, я могу повалить столбы, порвать проволоку.

Вот тебе и придется отрываться в рабочую пору. Только это я и хотел тебе сказать, а ты постарайся запомнить...

И вот Аксель мог бы привезти с пристани машины – о, они были такие раззолоченные и цветистые, словно вывески, он мог бы привезти их сегодня, любоваться ими и поучиться, как ими действовать, – а теперь им приходится стоять. Обидно откладывать необходимую работу и бегать по телеграфной линии.

Но, ведь, вот деньги.

На вершине скалы он встречает Аронсена. Торговец Аронсен стоит и смотрит куда-то в бурю, сам он точно призрак. Чего ему здесь надо? Должно быть, не находит покоя, его тянет на скалу самому осмотреть рудник. Да, торговец Аронсен полон беспокойства за себя и

за судьбу своей семьи. И вот он стоит перед полным разорением и опустошением на покинутой скале: машины валяются и ржавеют, материалы, повозки, многое под открытым небом, все без призора, в отчаянном виде. Кое-где на стенах барачков прибиты рукописные плакаты, запрещающие уносить или портить инструменты, экипажи и строения, принадлежащие обществу.

Аксель останавливается поболтать с помешанным лавочником и спрашивает:

– Уж не на охоту ли вы собрались?

– Да, мне непременно надо добыть его! – отвечает Аронсен.

– Кого вам надо добыть?

– Кого? Того, кто разоряет, и меня и всех остальных в округе. Кто не захотел продать свою скалу, прекратил движение и отнял у людей торговлю и деньги.

– Вы говорите про Гейслера?

– Именно про него. Его следовало бы расстрелять! Аксель смеется и говорит:

– А ведь Гейслер был на днях в городе, вы могли бы его там встретить.

Только, по моему слабому разумению, не думаю я, чтоб вам стоило связываться с этим человеком.

– Почему это? – резко спрашивает Аронсен.

– Я боюсь, что он окажется для вас чересчур непонятен и высокопоставлен.

Они заспорили и Аронсен все больше и больше сердился. Под конец Аксель спросил, шутки ради:

– Ведь вы не собираетесь оставить нас здесь совсем не при чем, и не уедете от нас?

– Уж не воображаешь ли ты, что я стану гнить в ваших болотах, когда я не могу заработать даже на табак для трубки? – злобно вскричал Аронсен. – Если ты достанешь мне покупателя – непременно продам!

– Покупателя? – спросил Аксель. – У нас хорошая земля, если б вы занялись ею, как следует; на таком участке, как ваш, смело можно прокормиться.

– Ты же слышишь, что я не желаю в ней копаться! – опять закричал Аронсен прямо в бурю. – Я могу найти занятие лучше!

Аксель сказал, что может достать ему покупателя, но Аронсен язвительно засмеялся над подобной мыслью:

– Здесь в округе нет ни одного человека, который мог бы купить мой участок.

– Нет, как раз здесь. Но могут найтись и другие.

– Здесь только дрянь и нищие, – с бешенством продолжал Аронсен.

– Уж какие есть. А только Исаак из Селланро может купить ваш участок в любой день, – обиженно сказал Аксель.

– Не думаю, – сказал Аронсен.

– Мне все равно, что вы думаете, – отвечал Аксель и повернулся уходить.

Аронсен крикнул ему вслед:

– Подожди немножко! По твоему, Исаак мог бы избавить меня от «Великого», так, что ли?

– Да, – отвечал Аксель, – и от пяти таких «Великих», если говорить о средствах и деньгах!

Идя на рудник, Аронсен прошел мимо Селланро стороной, ему не хотелось, чтоб его видели; на обратном пути он зашел на усадьбу и имел беседу с Исааком.

– Нет, – сказал Исаак и только покачал головой, – я об этом не думал и не собираюсь.

Но когда к Рождеству приехал домой Елисей, Исаак стал уже не так несговорчив. Правда, он никогда не слышал ничего глупее, как покупать «Великое», во всяком случае, фантазия эта исходила не от него; но если Елисей находит, что лавка – дело для него подходящее, – надо об этом подумать.

Сам Елисей относился к этому так себе, середка на половинке, совсем не против, но и не равнодушен. Если он оснуется здесь, дома, то ему, до известной степени, конец: деревня не город. Осенью, когда в городе происходила регистрация жителей их местности, он избегал показываться, не желая встречаться с земляками, они принадлежали к другому миру. Неужели теперь ему самому предстоит вернуться в этот мир?

Мать его настаивала на покупке, Сиверт тоже, они уговаривали Елисея, и однажды все втроем поехали в «Великое» осмотреть «помесье».

Но, очутившись пред перспективой лишиться участка, Аронсен вдруг стал точно другим человеком: ему нет надобности продавать!

Если он уедет, участок может оставаться и без него, это бумконстантный участок, роскошный участок, он всегда успеет его продать.

– Вы не дадите столько, сколько я за него хочу, – сказал Аронсен.

Обошли комнаты, побывали на скотном дворе, в складе, осмотрели жалкие остатки товаров: несколько губных гармоник, часовые цепочки, коробочки с розовой бумагой, висячие лампы с стеклянными подвесками – все вещи неходкие среди хуторян. И в заключение – немножко бумазеи и несколько ящичков гвоздей.

Елисей ломался и осматривал все с видом знатока.

– Таких товаров мне не нужно, – сказал он.

– Их можно не брать, – ответил Аронсен.

– А за участок, как он есть, со всеми товарами, скотиной и всем прочим, я могу предложить вам полторы тысячи крон, – сказал Елисей. – Ему было все равно, что ни сказать, предложение его было просто своего рода озорство, ему хотелось показать себя.

Поехали домой. Сделка не состоялась, Елисей предложил Аронсену слишком дешевую цену и страшно оскорбил его:

– Я считаю недостойным слушать тебя, – сказал Аронсен, переходя на «ты», – этакий городской щелкопер, вздумал учить торговца Аронсена, какие должны быть товары!

– Насколько мне известно, я не пил с вами на «ты», – проговорил Елисей, не менее оскорбленный. Того и гляди, между ними вспыхнет вражда не на живот, а на смерть.

Но почему Аронсен с первой же минуты оказался так несговорчив и не захотел продавать? Этому были причины. У Аронсена снова пробудились некоторые надежды.

В селе состоялось собрание для обсуждения положения, создавшегося вследствие отказа Гейслера продать свою скалу. Страдала от этого не только их местность, весь округ совершенно замер. А почему люди не могли жить так же хорошо или так же плохо, как жили до пробных разведок медной скалы?

Не могли!

Они привыкли к манной каше и белому хлебу, к фабричной ткани для платья, к высоким заработкам, к расточительности, привыкли к

большим деньгам, сделались людьми. А теперь деньги опять исчезли, ушли, словно стая сельдей в море, Господи помилуй, опять нужда, что делать?

Не подлежало никакому сомнению, что бывший ленсман хотел отомстить селу за то, что оно помогло амтману сместить его, и не подлежало также сомнению, что село не сумело оценить этого человека. Он не ушел. Самым простым средством, одним только бесстыдным требованием четверти миллиона за какую-то скалу, он приостановил развитие села. Разве он не был силен? Об этом мог порассказать Аксель Стрем из Лунного, недавно встретивший Гейслера. У Варвары Бреде было дело в городе, и она вернулась домой оправданная, а Гейслер присутствовал в суде во время разбора дела. Те же, кто думали, что Гейслер покатылся под гору не хуже иного нищего, пусть посмотрят дорогие машины, которые он прислал Акселю в подарок.

Итак, этот человек держал в своих руках судьбу округа, приходилось с ним считаться. За сколько, в крайнем случае, продаст Гейслер свою скалу? Это надо выяснить. Шведы предлагали ему двадцать пять тысяч, Гейслер отказался.

Ну, а если село, если община доложит остальное для того, чтоб сделка все-таки состоялась? Если сумма будет не слишком несообразная, это стоит сделать. Торговец на берегу и торговец Аронсен в «Великом» тайно согласились сделать дополнительные взносы: лишний расход, который они понесут теперь, с течением времени окупиться.

Кончилось тем, что двоих уполномоченных отправили для переговоров с Гейслером. И теперь ожидали их возвращения.

Вот потому-то у Аронсена и появились некоторые надежды, и он полагал, что может упрямиться с покупателями на «Великое». Но упрямиться ему пришлось недолго.

Через неделю уполномоченные вернулись с решительным отказом. И с самого начала плохо вышло то, что один из уполномоченных был не кто иной, как Бреде Ольсен, а все оттого, что у него было много свободного времени.

Уполномоченные разыскали Гейслера, но он только покачал головой и усмехнулся. – Поезжайте домой, – сказал он. Но Гейслер оплатил им обратную дорогу.

Стало быть, так округу и погибать!

Побесновавшись некоторое время и совсем растерявшись, Аронсен в один прекрасный день отправился прямо в Селланро и заключил сделку. Вот что сделал Аронсен. Елисей поставил на своем, участок с постройками, скотом и товарами достался ему за тысячу пятьсот крон. Правда, при сдаче оказалось, что жена Аронсена припрятала большую часть ситцев, но на такие пустяки люди, подобные Елисею, не обращают внимания. – Не надо быть мелочными, – сказал он.

В общем же, Елисей был вовсе не в восторге: отныне жизненная карьера его была припечатана, деревня похоронит его! Приходилось отказаться от блестящих планов: конторщиком он уже не был, ленсманом не будет, не будет даже городским жителем. Перед отцом и домашними он гордился, что сторговал «Великое» как раз за ту цену, какую сказал, пусть видят, как хорошо он во всем разбирается! Но этот маленький триумф недорого стоил. Кроме этого, ему льстило, что он мог взять доверенного Андресена, составлявшего в некотором роде придачу к лавке, – Аронсен, до открытия новой торговли, не нуждался в своем доверенном. Елисея очень приятно пощекотало, когда Андресен пришел и попросил не увольнять его; в первый раз Елисей почувствовал себя начальником и хозяином.

– Можешь оставаться! – сказал он. – Мне понадобится доверенный здесь, на месте, на то время, когда я буду уезжать по делам и завязывать сношения в Тронгейме и Бергене, – сказал он.

И Андресен был неплохим доверенным, это он доказал сейчас же; он много работал и следил за всем, когда хозяин. Елисей находился в отсутствии.

Только вначале своего пребывания здесь доверенный Андресен разыгрывал из себя важную персону, в этом был виноват его хозяин Аронсен. Теперь стало по другому. Весной, когда болота оттаяли немножко и в глубину, Сиверт из Селланро приехал в «Великое» и стал мотыжить землю у своего брата, и тогда вышел мотыжить и доверенный Андресен – чего ради, неизвестно, это вовсе не входило в его обязанности; но, во всяком случае, вот какой он был человек!

Земля оттаяла еще настолько мало, что как следует измотыжить нельзя было, но, пока что, они сделали половину работы, и это уже было много. То была мысль старика Исаака – осушить болота в

«Великом» и заняться там земледелием; мелочная же торговля пусть будет только чем-то побочным, просто ради того, чтоб людям не ездить в село, если понадобится катушка ниток.

И вот Сиверт и Андресен мотыжили рядом, по временам останавливаясь передохнуть и весело разговаривая. Андресен каким-то образом раздобыл золотой и двадцать крон, и Сиверту очень хотелось приобрести эту блестящую монетку, но Андресену было жалко с ней расстаться, он держал ее в сундуке, завернутой в папиросную бумагу. Сиверт предложил побороться на монету, кто одолеет, тому она и достанется, но Андресен побоялся рискнуть; Сиверт предложил двадцать крон бумажками и кроме того вызвался один взмотыжить все болото, если Андресен отдаст ему монету; но тогда доверенный Андресен обиделся и сказал: – Да, чтоб ты потом рассказал у себя дома, что я не могу работать на болоте! – В конце концов, они сошлись на двадцати пяти кронах бумажками за золотой, и Сиверт побежал ночью домой в Селлаиро и выпросил бумажки у отца.

Причуды юности, прекрасной юности жизни! Бессонная ночь, миля туда да миля назад, а день опять за работой – пустяк для сильного молодого человека, а золотой был красивенький. Андресен вздумал было посмеяться над Сивертом по случаю этой странной сделки, но против этого у Сиверта было хорошее средство, ему стоило только сказать словечко о Леопольдине:

– Да, кстати, Леопольдина просила тебе кланяться! – И Андресен сейчас же смолк и покраснел.

То были веселые дни для обоих, они стояли не болоте и в шутку перебранивались, работали и опять перебранивались. Изредка к ним выходил Елисей и помогал, но он скоро уставал, он не отличался ни сильным телом, ни сильной волей, но был милейший человек.

– Вон идет Олина, – говорил Сиверт, – ступай, продай ей еще полфунтика кофею!

И Елисей охотно повиновался. Шел в лавку и отпускал Олине какую-нибудь мелочь. Так он на время избавлялся от копанья в болоте.

А бедняжка Олина изредка приходила за горсточкой кофею, когда, бывало, иной раз получит деньжонок от Акселя или выручит их за украденную головку сыра. Про Олину уж нельзя было сказать, что она совсем не меняется, служба в Лунном была в сущности слишком

тяжела для старухи и подточила ее силы. Но она ни за что не хотела признавать своей старости и немощности, о, она изрядно взъерепенилась бы, если б ей отказали. Она была вынослива и непреклонна, делала свою работу и находила время бродить по соседям, чтоб отвести душу за беседой, которой ей не хватало дома. Аксель был совсем не говорун.

Она была недовольна процессом, разочарована судом. Оправдание по всей линии! Что Варвара Бреде вышла сухой из воды, когда Ингер из Селланро засадили на восемь лет, – этого Олина не могла понять, она чувствовала совсем не христианскую злобу по поводу того, что ближнему ее сделали добро.

– Но Всемогущий еще не сказал своего слова! – подмигивала Олина, как бы провидя возможный небесный приговор в будущем. Разумеется, Олина не могла удержать про себя свое недовольство процессом, и, в особенности, когда ссорилась из-за чего-нибудь с своим хозяином, непременно принималась за свое и изощрялась в язвительности:

– Да, да, мне, конечно, неизвестно, как смотрит теперь закон насчет содомских грехов, но я-то живу согласно собственным словам Божиим, такая уж я глупая!

Ах, как надоела Акселью его ключница и как он желал от нее избавиться! А тут опять наступила весна, и все работы приходилось делать одному; потом подойдет сенокос, и он будет все равно, что без рук. Вот каковы были виды.

Невестка его в Брейдаблике написала своим в Гельголанд, чтоб ему прислали хорошую работницу, но до сих пор никого не могли найти. Да и во всяком случае ему пришлось бы оплатить дорогу.

Нет, нехорошая и подлая это была проделка со стороны Варвары, что она убила ребенка и сама сбежала! Две зимы и лето пришлось ему обходиться с Олиной, и похоже, что так и впредь будет. А Варваре хоть бы что, дрянь такая! Ему случалось поговорить с ней однажды зимой, в селе, и хоть бы слезинка выкатилась у нее из глаза и замерзла на щеке.

– Куда ты девала кольца, которые я тебе подарил? – спросил он.

– Кольца? – проговорила она.

– Ну да, кольца.

– У меня их нет!

– Так у тебя их больше нет?

– Ведь между нами все кончилось, – сказала она, – значит, мне нельзя было их носить. Так никогда не делается, чтоб носить кольца, когда все кончено.

– Мне желательно знать, куда ты их девала?

– Ты рассчитывал взять их обратно? – спросила она. – Мне не хотелось выставить тебя таким скаредом.

Аксель подумал немножко и сказал: – Я мог бы заплатить тебе за них. Ты отдала бы их не задаром!

Так нет же, Варвара сбывла куда-то кольца и не дала ему даже возможности получить задешево золотое кольцо и серебряное.

Но, впрочем, Варвара была вовсе не груба и не неприятна, этого нельзя сказать! На ней был длинный передник с помочами и складочками, а у ворота белая обшивочка, это было очень красиво. Поговаривали, что она завела себе дружка на селе, но, может, это просто болтали, ленсманша держала ее строго, и так и не пустила танцевать на святках.

Да, ленсманша и в самом деле следила строго: когда Аксель стоял на дороге и разговаривал с своей бывшей работницей о кольцах, барыня вдруг появилась между ними и сказала:

– Ведь, кажется, я послала тебя в лавку, Варвара? Варвара ушла. Барыня обратилась к Акселю и сказала:

– Нет ли у тебя продажной убоины?

– Гм! – ответил Аксель и поклонился.

А ведь как раз ленсманша нынче осенью расхваливала его, что он такой великолепный парень, самый замечательный из всех парней, это ведь стоит кое-какой любезности в отплату. Аксель знал старинное обхождение народа с господами, с начальством, оттого у него сразу же мелькнула мысль об убоине, о молодом бычке, которым он мог бы пожертвовать. Но дни проходили, прошла осень, и месяц за месяцем, а бычок оставался в экономии. Как будто нечего ждать плохого, если бычок и впредь останется при нем, во всяком случае, отдав его, он станет на одного бычка беднее, а бычок прямо золото.

– Гм. Здравствуйте! Нету, – сказал Аксель и помотал головой в знак того, что у него нет убоины.

Барыня словно стояла и подстерегала его потаенные мысли:

– А я слыхала, будто у тебя есть бычок, – сказала она.

– Есть-то есть, – отвечал Аксель.

– Он тебе нужен?

– Да, нужен.

– Так, – сказала ленсманша, – а барана нет?

– Нет, сейчас нету. У меня ведь в аккурат столько скотины, сколько я могу прокормить.

– Да, да, ну, так больше ничего, – барыня кивнула головой и пошла.

Аксель поехал домой, но задумался об этом разговоре и испугался, не наделал ли глупостей. Ленсманша в свое время оказалась важной свидетельницей, она показывала и за него и против него, но свидетельница она была важная. Сейчас-то он уж немножко позабыл, но во всяком случае, он выкарабкался из тяжелого и неприятного дела, в котором был замешан детский трупик в его лесу. Пожалуй, лучше все-таки пожертвовать одного барана.

Удивительно, что эта мысль имела отдаленную связь с Варварой: когда он придет к ее хозяйке с бараном, Варвара должна будет проникнуться к нему некоторым уважением.

Но опять прошли дни, и ничего дурного оттого, что они прошли, не случилось. Поехав опять в село, Аксель не взял с собой барана, однако в последнюю минуту прихватил ягненка. Впрочем, ягненок был крупный, вовсе не какой-нибудь заморыш, и, придя с ним, Аксель сказал:

– У баранов очень уж жесткое мясо, а мне хотелось подарить вам что получше.

Но ленсманша и слышать не хотела ни о каких подарках:

– Говори, почем хочешь за фунт? – сказала она. Гордая барыня, нет, спасибо, она не принимает подарков от простонародья!

Кончилось тем, что Аксель выручил хорошие деньги за ягненка.

Варвару он не видал. Нет, ленсманша, должно быть, заметила, как он подходил и отослала ее куда-нибудь. Что ж, скатертью дорожка, Варвара на целых полтора года оставила его без работницы!

Глава VII

Весной случилось нечто весьма неожиданное и важное: на медном руднике собирались возобновить разработку, Гейслер продал свою скалу. Неужели невероятное все-таки случилось? О, Гейслер был непостижимый господин, он мог продавать или не продавать, трести головой отрицательно или кивать утвердительно. Он мог заставить целое село вновь заулыбаться.

Так, значит и в нем заговорила-таки совесть, он не захотел дольше наказывать свой бывший округ доморощенной кашей и безденежьем? Или же он получил свои четверть миллиона? А может быть и так, что Гейслер сам начал нуждаться в деньгах и вынужден был спустить скалу за что придется? Двадцать пять или пятьдесят тысяч тоже, ведь, деньги. А, впрочем, ходили слухи, что продажу совершил от имени отца его старший сын.

Но как бы то ни было, разработка возобновилась, приехал тот же инженер с разными рабочими и началась та же работа. Та же работа, да, но совсем другим способом, чем раньше, как-то задом наперед.

Все казалось так просто: приехали шведы с рабочими, с динамитом и деньгами, в чем же дело? И даже Аронсен вернулся, торговец Аронсен, желавший во что бы то ни стало купить обратно «Великое».

– Нет, – сказал Елисей, – я не продаю.

– Нет?

Нет, Елисей не хотел продавать «Великое». Дело в том, что положение торговца в деревне уже не представлялось ему таким жалким, у него была красивая веранда с цветными стеклами, был доверенный, который за него работал, а сам он мог путешествовать. О, путешествовать в первом классе, с благородными господами! Хорошо бы когда-нибудь прокатиться в самую Америку, он частенько об этом подумывал. Даже деловые поездки в южные города для завязывания сношений и те каждый раз давали ему столько впечатлений, что он долго жил ими. Не то, чтобы он очень форсил и разъезжал на собственном пароходе или задавал оргии. Он и оргии! В сущности, он был какой-то удивительный, совсем перестал интересоваться

девушками, он бросил их, утратил к ним интерес. Но, натурально, он был сын маркиграфа, ездил в первом классе и покупал много товаров. Из поездок своих он каждый раз возвращался все наряднее и важнее, в последний раз приехал в галошах.

– Что это, ты носишь две пары сапог? – спрашивали его.

– Да, у меня очень зябкие ноги, – отвечал Елисей. И все жалели его, что у него такие зябкие ноги. Счастливые дни, барская жизнь и безделье! Нет, он не хотел продавать «Великое». Неужели ему возвращаться в маленький городишко и опять стоять в мужичьей лавчонке и не иметь под своим началом доверенного! К тому же, он намеревался развить огромную деятельность в «Великом». Вернулись шведы и опять наводнят местность деньгами, он будет болваном, если продаст. Аронсен каждый раз уходил с отказом, все более и более ужасаясь своей плупости, что бросил это место.

Но Аронсен мог бы умерить свои муки, а Елисей мог бы точно так же умерить свои чрезмерные надежды; самое же главное, хуторянам и селу следовало бы поменьше надеяться и не ходить, улыбаясь и потирая руки, словно ангелы, сознающие свое блаженство; хуторянам и селу совсем не следовало бы так поступать, потому что разочарование оказалось громадным. Кто бы мог поверить: работа в руднике-то началась, совершенно верно, но на противоположном конце скалы, в двух милях оттуда, на южном конце Гейслеровой скалы, в другой, чужой волости, и совсем в стороне. Оттуда работа должна была медленно подниматься к северу, к первой медной скале, и сделаться благословением для хуторов и села. В лучшем случае, на это потребуется много лет, потребуются десятилетия.

Весть эта грянула, словно страшнейший взрыв динамита, всех затуманила и оглушила. Жители села погрузились в глубокую скорбь. Одни обвиняли Гейслера, что этот чертов Гейслер опять сыграл с ними штуку, другие приплелись на сход и послали опять депутацию из доверенных лиц, на этот раз к рудничной компании, к инженеру. Это ни к чему не привело, инженер объяснил, что работу надо начать на южной стороне, потому что там сразу море, не требуется воздушной дороги, почти никакой перевозки. Нет, работа должна начаться на южной стороне. Это решено.

Тогда Аронсен моментально переехал на место новых работ, на новые золотые россыпи. Он даже хотел взять с собой доверенного

Андресена.

– Чего тебе торчать в этой пустыне? – сказал он. – Тебе гораздо лучше быть со мной!

Но доверенный Андресен ни за что не хотел покидать «Великое»; это было непостижимо, но его точно что привязывало к месту, видимо, ему здесь нравилось, он словно прирос здесь. Должно быть, это Андресен так переменялся, потому что место осталось, как и было. Люди и условия были аккурат такие же, как прежде: горные работы отошли от этих мест, но ни один из хуторян не потерял из-за этого головы, у них было земледелие, были посевы, был скот. Денег, правда, водилось немного, но все необходимое для жизни было, решительно все. Даже Елисей не пришел в отчаяние от того, что денежный поток устремился мимо него, хуже всего было то, что в первом пылу он накупил множество неходких товаров, но они могли пока полежать, они украшали лавку и создавали ей славу.

Поселянин не потерял головы. Он не находил, что местный воздух ему нездоров, публики для его новых нарядов у него было довольно, о брильянтах он не тосковал, вино знал по Браку в Кане Галилейской. Поселянин не горевал о прелестях, которых не имел: искусство, газеты, роскошь, политика стоят ровно столько, сколько люди готовы за них платить, не больше; продукты земли же, наоборот, приходится доставать по какой угодно цене, они – создатель всего, единственный источник. Жизнь поселянина пуста и печальна?

О, что угодно, только не это! У него свои высшие силы, свои грезы, свои увлечения, свое пышное суеверие. Однажды вечером Сиверт идет берегом реки и вдруг останавливается: на воде покачиваются две диких утки, самец и самка.

Они заметили его, увидели человека и испугались, одна говорит что-то, отрывистый звук, мелодия в три тона, вторая отвечает ей в лад. В ту же секунду птицы снимаются, чиркают словно два маленьких колесика по воде и опять садятся на расстоянии брошенного камня. Тогда одна опять что-то говорит, а другая отвечает, это та же фраза, что и в первый раз, но полная такого облегчения, что звучит почти блаженством: она построена двумя октавами выше! Сиверт стоит и смотрит на птиц, смотрит мимо них и куда-то далеко, в грезу. Какой-то звук пронизал его, нежность, в нем проснулось слабое и легкое воспоминание о чем-то буйном и чудесном, пережитом когда-то

раньше, но изгладившемся. Он идет домой, притихший, не говорит об этом, не болтает, это было не похоже на земные слова. То был Сиверт из Селланро, молодой и самый обыкновенный; он вышел однажды вечером и вот что он пережил.

Это было не единственное его приключение, у него были и другие. Но было и такое приключение, что Иенсина покинула Селланро. Это создало большой беспорядок в душевной жизни Сиверта.

Да, вышло так, что она уехала, сама захотела. О, Иенсина была не первая встречающая, этого никто бы не сказал! Сиверт однажды предложил свезти ее домой, при этом случае она, к сожалению, расплакалась, потом она раскаялась в своих слезах и доказала, что раскаялась, отказалась от места. Ну что ж, очень просто.

А Ингер из Селланро ничто не могло прийти больше по душе, как то, что Иенсина уехала, Ингер перестала быть довольной своей работницей.

Удивительно, она ни в чем не могла упрекнуть ее, но, казалось, смотрела на нее с отвращением, едва-едва выносила ее присутствие в усадьбе. Наверное это находилось в связи с душевным состоянием Ингер: она была мрачна и религиозна всю зиму, и это не прошло для нее бесследно.

– Ты хочешь уехать? Ну что ж, – сказала Ингер.

Это было счастье, исполнение ночных молитв. Их и так две взрослых женщины на усадьбе, к чему же еще эта пышущая свежестью и созревшая для замужества Иенсина? Ингер с неудовольствием смотрела на эту брачную зрелость и думала, должно быть: – Точь в точь такой была когда-то и я!

Религиозность ее не ослабевала. Она была так мало порочна от природы, она отведала сладкого, полакомилась, но не собиралась заниматься тем же на старости лет, об этом и речи не могло быть, Ингер с ужасом отгоняла эту мысль. Не стало работы на руднике и рабочих – о, Господи, да чего же лучше!

Добродетель была не только сносна, она была необходима, необходимое благо, милость.

А мир был безумен. Вот посмотреть на Леопольдину, на маленькую Леопольдину, зернышко, ребенок, а и она до краев полна здоровья и греха; обнять ее за талию, она уж готова упасть на землю,

фу! У нее появились на лице прыщики, это указывало на буйство в крови, о, мать отлично это помнила, – так начинается буйство в крови. Мать не осуждала свою дочь за эти прыщики, но она хотела с ними покончить, Леопольдина должна была прекратить эти прыщики. И чего этот доверенный Андресен таскается в Селланро по воскресеньям и болтает о сельском хозяйстве с Исааком? Неужели оба они воображают, что малютка Леопольдина ничего не понимает? О, молодежь была безумна в старину, лет тридцать, сорок тому назад, но теперь она стала еще хуже.

– Ну, уж как там будет, – сказал Исаак, когда они заговорили об этом. – А вот теперь весна на дворе, а Иенсина уехала, кого же нам взять на летние работы?

– Мы с Леопольдиной станем работать, – сказала Ингер, – Скорей я готова работать день и ночь! – проговорила она взволнованно и со слезами в голосе.

Исаак не понял этой страстной вспышки, но у него были свои собственные мысли, и вот он пошел на опушку с заступом и ломом и принялся работать над камнем. Нет, по совести, Исаак не понимал, как это работница Иенсина уехала, она была отличная девушка. Вообще он понимал только самое простое и явное: работу, законные и естественные поступки. Торс у него был круглый и могучий, нельзя было отыскать менее астрального человека, он ел, как настоящий мужик, и это шло ему на благо, поэтому он очень редко выходил из равновесия.

Так вот этот камень. Камней-то было много и разных, но для начала был этот один. Исаак предвидит день, когда ему придется строить здесь маленькую избушку, уголок для себя и Ингер, он хочет расчистить место, пока Сиверт в «Великом», а то придется объяснять сыну, а этого он хочет избежать.

Разумеется, придет день, когда Сиверту понадобятся все строения на усадьбе, стало быть, родителям нужно запасти себе избу. Собственно говоря, стройка в Селланро никогда не прекращалась, вот большой сеновал над каменным скотным двором до сих пор еще не поставлен. Но бревна и доски для него готовы.

Так вот этот камень. Он не особенно выступал землей, но не подавался от ударов, значит, наверно, он здоровенный. Исаак окопал его кругом и попробовал приподнять ломом, камень не двинулся. Он

покопал еще и опять попробовал – нет. Пришлось Исааку сбегать домой за лопатой, чтоб откидать землю, опять покопал, попробовал – нет. Вот так дядя! – терпеливо подумал Исаак про камень. Он покопал порядочно времени, а камень только все дальше и дальше уходил в землю, и никак нельзя было за него ухватиться. Досадно, если придется взрывать его. Удары по буру услышат из дому, и все сбегутся.

Он продолжал копать. Сходил за вагой и попробовал – нет! Опять покопал.

Исаак начал немножко сердиться на камень, сдвинул брови и глядел на него так, словно пришел сюда произвести осмотр здешним камням, и как раз этот камень был особенно глуп. Он критиковал его, камень был такой крупный и дурацкий, никак за него не ухватиться, Исааку почти казалось, что он глупо создан. Взорвать? Тратить на него порох! Так неужто отказаться, проявить своего рода страх, что камень одолеет его?

Он стал копать. Устал ужасно, это да, но куда же девался страх? Наконец, он подсунул под него конец ваги и попробовал – камень не двинулся. В смысле техники ничего нельзя было сказать против этого приема, но он не подействовал. Что же это, разве Исаак не ломал раньше камней? Состарился, что ли? Чудно, хе-хе. Смешно. Правда, он еще недавно заметил признаки некоторого уменьшения силы, то есть, вовсе он не заметил, и даже не обратил внимания, просто ему представилось. И вот он опять принимается за камень с твердым решением стащить его с места.

А это не пустяк, когда Исаак ложится на вагу и старается давить на нее изо всех сил. Вот он лежит и давит, и давит, ужасно страшно, как циклоп, и кажется, что туловище у него вытягивается до самых колен. В нем была известная пышность и великолепие, экватор его был невероятен.

Но камень не сдвинулся.

Делать нечего, надо еще покопать. Взорвать камень? Молчок! Нет, – надо еще покопать. Он вошел в азарт, камень надо вытащить! Нельзя сказать, что в этом сказывалась какая-то извращенность Исаака, – нет, это была старая любовь землероба, но совершенно лишенная нежности. С виду это казалось глупо, сначала он словно припадал к камню со всех сторон, прежде чем навалиться на него,

потом оказывал с боков и обнимал, счищал с него землю обеими руками, вот что он делал. Но все это были не ласки. Он разогрелся, но разогрелся от упрямства.

Что если опять попробовать вагой? Он подсунул ее, где было всего легче – нет. Что же это за необыкновенное упрямство и настойчивость у камня! Но дело, как будто, пошло на лад, Исаак опять пробует и проникается надеждой.

Землепашец чутьем угадывает, что камень уже не так непобедим. Вдруг вага соскальзывает и бросает Исаака на землю. – Черт! – восклицает он. Шапка его съехала и едва держится на боку, вид у него разбойничий, испанистый. Он плюет.

Вот идет Ингер.

– Иди же, покушай, Исаак! – говорит она мягко и ласково.

– Сейчас, – отвечает он, но не хочет, чтоб она подходила ближе и не хочет разговаривать.

Ах, Ингер, она ничего не понимала, она подошла:

– Что это ты опять выдумал? – спрашивает она, желая умиротворить его тем, что он чуть не каждый день придумывает что-нибудь необыкновенное.

Но Исаак мрачен, ужасно мрачен, он отвечает:

– Да нет, не знаю.

А Ингер, та ужасно глупа, уф, она спрашивает и пристает к нему и не уходит.

– Раз уж ты увидела, – говорит Исаак, – так я хочу вытащить этот камень!

– Ну, неужто ты хочешь его вытащить?

– Да.

– А я не могу тебе помочь? – спрашивает она. Исаак качает головой. Но во всяком случае, очень хорошо со стороны Ингер, что она захотела ему помочь, и он уже не может на нее огрызнуться:

– Пожалуй, подожди немножко! – сказал он и побежал домой за молотом и шкворнем.

Если он отколет от камня осколок. Он будет не такой ровный. И тогда у ваги будет больше упора. Ингер держит шкворень, а Исаак колотит. Бьет, бьет.

Ага, вот отлетел осколок.

– Спасибо за помощь, – говорит Исаак. – И не приставай ко мне пока с едой, я хочу вытащить этот камень.

Но Ингер не уходит. И, в сущности, Исааку очень приятно, что она стоит и смотрит, как он работает, он любил это еще смолоду. И вот смотрите-ка у вага получился надлежащий упор, он налегает и – камень шевелится!

– Он шевелится! – говорит Ингер.

– А ты не врешь? – спрашивает Исаак.

– Ну вот, вру! Шевелится!

Вот чего он достиг, камень приподнялся-таки, черт бы его побрал, он привлек к делу самый камень, между ними началась совместная работа. Исаак наваливается на вагу и пыхтит, а камень шевелится, но и только. Так продолжается несколько минут, нет, ни к чему. Исаак вдруг понимает, что дело не только в тяжести его тела; у него уже нет прежних сил, в этом вся суть, он утратил стойкую упругость в теле. Тяжесть? Не шутка навалиться и сломать толстую вагу. Он ослабел, вот оно что, вот в чем суть. Это преисполняет терпеливого человека горечью: хоть бы Ингер не стояла тут и не смотрела!

Вдруг он бросает вагу и хватается за молот. На него напал гнев, он в настроении пустить в ход насилие. Шапка у него по-прежнему набекрень, вид разбойничий, крупными шагами и грозно обходит он камень, как бы для того, чтоб показаться ему в настоящем свете, так и кажется, что он хочет превратить этот камень в щебень. А почему ему этого не сделать? Раздавить камень, который смертельно ненавидишь, ведь это только формальность. А если камень окажет сопротивление, если он не даст себя раздавить? Еще посмотрим, кто из двоих останется в живых!

Но вот Ингер начинает чуть-чуть боязливо, потому что понимает, что клокочет в душе мужа; она говорит:

– А если мы оба наляжем на бревно? – Под бревном она подразумевает вагу.

– Нет! – с бешенством кричит Исаак. Но после минутного раздумья он говорит: – Ну, что ж, – раз ты все равно здесь, но я не понимаю, почему ты не идешь домой.

Давай попробуем!

И вот они выворачивают камень на ребро. Вышло.

– Пфу-у! – говорит Исаак.

Но тут перед их глазами открывается нечто неожиданное: нижняя сторона камня – плоскость, страшно широкая, аккуратно срезанная, ровная, гладкая, как пол. Камень только половина камня, вторая половинка где-нибудь поблизости. Исаак отлично знал, что две половинки того же камня могут залегать в земле в разных пластах, должно быть, мерзлая земля в течение огромного промежутка времени отделила их друг от друга; но открытие удивляет и радует его, это великолепнейший камень для поделки, приступка к двери. Крупная сумма денег не преисполнила бы сердце хуторянина такой радостью.

– Чудесная приступка! – гордо говорит он. Ингер наивно восклицает:

– Не понимаю, как ты мог это знать!

– Гм! – отвечает Исаак, – ты думаешь, я стал бы зря гь землю!

Они вместе идут домой; Исаак наслаждается незаслуженным восхищением. Он рассказывает как все это время гонялся за порядочной приступкой, и вот, наконец, нашел. Отныне в его работе не будет ничего подозрительного, он может копать, сколько угодно, под предлогом поисков другой половины приступки. Когда Сиверт вернется, он даже ему поможет.

Но если дело обстоит так, что он уже не может один выкорчевать камень из земли, значит, многое изменилось; это неладно, значит, надо поторопиться с расчисткой для стройки места. Старость нагнала Исаака, он уже созрел для богадельни. Торжество, которое он испытал, когда нашел дверную приступку, с течением дней растаяло, оно было ненастоящее и непрочное. Исаак стал горбиться на ходу. Разве не было в его жизни времени, когда он становился внимателен и настораживался, если кто-нибудь заговаривал с ним о камнях и о пахоте. Это было не так давно, всего несколько лет тому назад. И тогда тому, кто взглянул бы косо на осушенное болото, пришлось бы от него плохо.

Теперь он начал принимать подобные вещи с относительным спокойствием, о– ох, Господи! Ничто не осталось, каким было, вся здешняя местность переменялась, этой широкой телеграфной дороги через лес не было, горы у озера не были взорваны вдоль и поперек. А люди? Разве они говорили «мир вам!» когда приходили, – и

«оставайтесь с миром!» когда уходили? Они просто кивали головой, а то даже и не кивали.

Но ведь раньше не существовало и Селланро. Была просто дерновая землянка.

А что на этом месте теперь? И не было раньше и маркграфа.

Да, но что такое маркграф теперь? Просто унылый и отживший человек. Какой прок плотать пищу и иметь здоровые кишки, когда от этого не образуется сил?

Силы теперь у Сиверта, и слава Богу, что у Сиверта они есть; ах, но если б у Исаака они тоже были! Что хорошего в том, что колесо его начало замедлять ход? Он работал, как настоящий мужчина, спина его выдерживала тяжести, впору выючной скотине, после всего он проявит выносливость в том, что даст ей отдохнуть на деревянном стуле.

Исаак недоволен, Исаак печален.

Вот лежит на пригорке старая шляпа-зюдвестка и гниет. Сюда, на опушку, загнала ее, должно быть, буря или, может быть, ребятишки, когда были маленькими. Она лежит здесь год за годом и все больше и больше разваливается, а была когда-то отличная зюдвестка, и вся желтая. Исаак помнит, как он пришел в ней от торговца, и Ингер сказала, что это очень красивая зюдвестка. Года через два он зашел на селе к маляру и попросил его хорошенько вычернить зюдвестку, а поля выкрасить зеленым. Когда он вернулся домой, Ингер сказала; что зюдвестка стала еще красивее, чем была. Ингер всегда все нравилось, ах, то было хорошее время, он колол дрова, а Ингер смотрела, то была его лучшая пора. А когда наступали март и апрель, они с Ингер сходили с ума друг о друге, аккуратно, как птицы и звери в лесу, в мае же он сеял ячмень и сажал картошку и хлопотал круглые сутки. Тогда были работа и сон, любовь, грезы, он был словно первый его бык, а тот был чудовище, большой да гладкий, и выступал, словно король. Но в нынешние года такого мая больше не бывает. Нету.

В течение нескольких дней Исаак был очень угнетен. То были мрачные дни.

Он не чувствовал в себе ни сил, ни охоты приняться за новый сеновал, пусть уж об этом позаботится в свое время Сиверт; что нужно построить, так это избушку на покой. В конце концов, он не мог долго скрывать от Сиверта, что расчищает на опушке место для стройки, и однажды он это прямо и сказал:

– Там есть хороший камень, на случай, если нам когда-нибудь придется строить, – сказал он. – И есть и еще один такой же хороший камень.

Сиверт не дрогнул ни одним мускулом, но ответил:

– Отличные камни для фундамента!

– А что ты думаешь, – говорит отец, – мы столько времени шарили здесь из-за второй приступки, что здесь вышел бы отличный двор. Только, вот, не знаю...

– Что ж, здесь место для двора неплохое, – отвечает Сиверт и обводит глазами площадку.

– Ну, в самом деле? Можно бы поставить маленькую избушку, куда помещать в случае, если кто приедет.

– Да.

– С горницей и клетью, как думаешь? Помнишь, как было, когда приезжали к нам шведские господа, а теперь у нас нет для них отдельного строения. Нет, а ты вот скажи: не надо ли и кухню, на случай, если они захотят что-то приготовить?

– По-моему, как же они будут без кухни, еще поднимут нас на смех, – сказал Сиверт.

– Ну, ты так думаешь.

Отец замолчал. Но этот Сиверт удивительный парень, как он ловко соображает, что за изба требуется для шведских господ, и никогда ведь даже ничего и не спросит, а сам вдруг говорит:

– Будь я на твоём месте, я сделал бы маленький уланчик у северной стены, ведь иной раз им может понадобиться повесить просушить мокрую одежду. Отец сейчас же подхватывает:

– Это ты дело говоришь!

Оба молчат и возятся с камнями. Через минуту отец говорит:

– Елисей еще не вернулся, нет?

Сиверт отвечает уклончиво: – Наверно скоро приедет.

Чистая беда с Елисеем, так он любит быть где-то не дома, разъезжать.

Неужто нельзя выписать товары, вместо того, чтоб самому ездить и покупать их на месте? Правда, так они обходятся ему гораздо дешевле; ну, а во сколько обходится самые разъезды? Чудно как-то он рассуждает. И на что ему еще бумагея и разные шелковые ленточки на крестильные чепчики, и черные и белые соломенные шляпы, и

длинные чубуки для трубок? Никто из хуторян таких вещей не покупал, а покупатели из села приходили в «Великое» только тогда, когда у них не бывало денег. Елисей по своей части толковый парень, посмотреть только, как он пишет на бумаге или подсчитывает счет мелом! – Хотел бы я иметь твою голову! – говорили ему люди.

Это-то все верно, но он слишком много тратит денег. Ведь сельские покупатели никогда не платили своих долгов, а даже такие голыши, как Бреде Ольсен, приходили зимой в «Великое» и получали в кредит и бумагею, и кофей, и патоку, и керосин.

Исаак передавал уж много денег Елисею на его торговлю и разъезды; от богатства, полученного за медную скалу, немного оставалось, ну, а дальше что?

– Как, по-твоему, идут дела у Елисея? – спрашивает вдруг Исаак.

– Дела-то? – переспрашивает Сиверт, чтоб выгадать время.

– Непохоже, чтоб хорошо.

– Он надеется, что пойдут.

– А, так ты говорил с ним об этом?

– Нет. Андресен сказывал.

Отец думает, качает головой: – Нет, не пойдут! – говорит он. – А жалко Елисея!

И все мрачнее и мрачнее становится отец, а он и раньше-то был не очень веселый.

Тогда Сиверт раздражается новостью.

– А у нас в пустоши прибавилось людей.

– Как так?

– Еще двое новоселов. Они купили напротив нас. Исаак останавливается, держа на весу лом, это большая новость и хорошая новость, одна из самых лучших:

– Стало быть, нас будет десятеро в пустоши, – говорит он.

Исаак спрашивает подробнее, где именно купили новоселы, вся география местности у него в голове, он кивает:

– Да, это они правильно сделали, там хороший дровяной лес, да попадаются и строевые сосны. Земля обращена на юго-восток.

Так, стало быть, новоселов ничто не утрашало, людей все прибавлялось.

Работа на руднике прекратилась, но это пошло только на пользу земледелию; неправда, что пустошь замирала, наоборот, она начинала

кишеть жизнью, еще двое новых поселенцев, четыре лишних руки, поля, луга, дома. Ах, как хороши зелененькие полянки в глубине леса, избушка, колодец, дети, скотина! На болотах, где торчал чертополох, колышется ячмень, кивают на межах голубенькие колокольчики, солнечное золото пылает на лютиках у домов. И ходят люди, разговаривают, думают и составляют одно с небом и землей.

А вот стоит первый в пустоши человек. Он пришел однажды, увязая по колена в болота и путаясь в вереске, нашел откос и поселился там. За ним пришли другие, протоптали тропинку по пустынной земле, потом пришли еще люди, тропинка превратилась в дорогу, теперь по ней ездили в телегах. Исаак должен чувствовать себя довольным, душа его должна трепетать от гордости: он был основателем этого поселения, он маркграф.

– Да, да, нельзя нам все время возиться над этим двором, если мы хотим нынче поставить сарай для фуража, – говорит он.

Он сказал это, должно быть, с внезапно проснувшейся веселостью, с новым порывом жизнерадостности.

Глава VIII

В гору, по пустоши поднимается женщина. Льет ровный летний дождь, она промокла, но не обращает внимания, ей есть о чем подумать, она взволнована – это Варвара, а не кто другая, Варвара Бреде.

Конечно, она взволнована: она не знает, чем кончится ее затея, но она ушла от ленсмана и покинула село. Вот как обстоит дело.

Она обходит стороной все хутора на пустоши, потому что не хочет попадаться на глаза людям; ведь всякий поймет, куда она направляется – на спине у нее узел с платьем. Ну да, она направляется в «Лунное» и хочет опять поселиться там.

Она прослужила у ленсмана десять месяцев, и это срок немалый, если перевести на дни и ночи, но это целая вечность, в переводе на постоянное стеснение и скуку. Вначале все шло отлично, госпожа Гейердаль была очень заботлива, подарила несколько передников и придела ее, приятно было ходить за покупками в лавочку в таких красивых платьях. Ведь Варвара девочкой жила в этом селе, знала всех еще с того времени, как играла на улице, ходила в школу, целовалась с мальчиками и играла в разные игры, в камешки и раковины.

Месяца два все шло хорошо. Но тут госпожа Гейердаль стала еще заботливее, а когда подошли рождественские праздники, госпожа Гейердаль стала просто–напросто строгой. К чему это могло повести, как не к порче добрых отношений! Варвара не выдержала бы такой жизни, если б определенные ночные часы не оставались в ее распоряжении: с двух часов до шести утра она могла быть до известной степени спокойной, и в эти часы она разрешила себе не мало запретных развлечений. Но какого же склада была кухарка, что не выдавала ее? Да самая обыкновенная девушка на свете: кухарка сама уходила без спросу. Они соблюдали очередь в дежурствах.

И открылось это не скоро. Варвара была вовсе не так легкомысленна, что каждый мог прочесть это у нее на лбу, ее никак нельзя было заподозрить в какой-либо развращенности. Развращенность? Она оказывала все сопротивление, какое полагалось. Когда на святках парни приглашали ее на танцы, она отвечала «нет»

один раз, два раза, но на третий ответила: – Попробую прийти от двух до шести! – Ну что ж так отвечает всякая порядочная женщина, не выставя себя хуже, чем она есть, и не кичась своей дерзостью. Она была служанка, служила всю жизнь и не знала иных развлечений, кроме как повесни– чать. Да больше ничего она и не желала. Ленсманша приходила к ней, читала нотации и давала книжки – вот дурища! Это Варваре-то, которая жила в Бергене, читала газеты и ходила в театр! Она не какая-нибудь неотесанная деревенщина.

Но, должно быть, у ленсманши зародились подозрения. Однажды утром в три часа она подходит к двери комнаты, где спали девушки, и зовет:

– Варвара!

– Что угодно? – отвечает кухарка.

– А разве Варвары нет? Отопри!

Кухарка отпирает дверь и дает условленное объяснение: Варваре пришлось опрометью побежать домой.

– Домой, опрометью? Да ведь три часа ночи, – говорит барыня и развивает это подробнее.

На утро длинный допрос, призвали Бреде и барыня спросила:

– Была у вас Варвара нынче ночью в три часа?

Бреде не подготовлен, но отвечает:

– Да. В три часа? Нынче ночью. Да, да, мы засиделись так долго, потому что надо было кое о чем поговорить, – отвечает Варварин отец.

Ленсманша торжественно возвещает:

– Варвара больше не будет выходить по ночам!

– Нет, нет, – отвечает Бреде.

– Пока она у меня в доме – нет!

– Нет. Ты слышишь, Варвара, я говорил тебе! – подтверждает отец.

– Можешь ходить к своим родителям кое-когда по утрам! – решает барыня.

Но благодетельная ленсманша, вероятно, все же ее совсем освободилась от своих подозрений, она выждала неделю и опять отправилась на разведку в четыре часа утра.

– Варвара! – позвала она.

Но на этот раз нет кухарки, а Варвара дома, стало быть, девичья полна невинности. Барыне пришлось наспех придумать что-нибудь:

– Ты внесла вечером белье в дом?

– Да. – Это хорошо, потому что поднимается сальный ветер. Покойной ночи!

Впрочем, для самой ленсманши это было хлопотливо: упрашивать ленсмана, чтоб он будил ее по ночам, и потом самой шлепать через весь дом к девушкам и подслушивать, дома ли они. Пусть делают, что хотят, она перестала следить за ними.

И если бы счастье не изменило, Варвара, пожалуй, выжила бы у своей хозяйки на таких условиях целый год. Но вот, несколько дней тому назад между ними вышло полное расстройство.

Случилось это ранним утром в кухне. Сначала Варвара слегка повздорила с кухаркой, да, впрочем, не так уж слегка, а порядочно; они говорили все громче и громче и позабыли, что барыня может прийти. Кухарка вела себя подло, и нынче ночью удрала не в очередь, потому что это было воскресенье.

И что же она привела в свое оправданье? Ей необходимо было проститься с любимой сестрой, уезжающей в Америку? Ничего подобного, кухарка вовсе и не оправдалась, а только говорила, что хорошо повеселилась в эту ночь.

– И как это у тебя нет за душой ни совести, ни чести, скотина ты этакая! – сказала Варвара.

А барыня стояла в дверях.

Может быть, идя к ним, она имела в виду спросить объяснения этому крику, но, ответив на приветствие девушек, она вдруг стала как-то по особенному смотреть на Варвару, на бюст Варвары, наклонилась и стала смотреть еще пристальнее. Это становилось очень неприятным. И вдруг барыня вскрикивает и отшатывается к двери.

– Господи, что такое? – думает Варвара и смотрит себе на грудь. Ох, Господи, вошь! Варвара невольно улыбается, и так как она привыкла не теряться в чрезвычайных обстоятельствах, стряхивает с себя вошь.

– На пол? – кричит барыня. – Ты с ума сошла! Подними эту гадость!

Варвара начинает искать, и опять действует очень ловко: делает вид будто нашла вошь и широким жестом бросает ее в плиту.

- Откуда она у тебя? – взволнованно спрашивает барыня.
- Откуда она у меня? – переспрашивает Варвара.
- Да, я желаю знать, где ты была, где ее подцепила. Отвечай!

И вот Варвара сделала постыдную ошибку, не ответила: «В лавке!» На этом бы все и кончилось. А она сказала, что не знает, откуда у нее вошь, но намекнула, не от кухарки ли.

Кухарка моментально подскочила:

- От меня? Ты и сама мастерица притаскивать вшей!
- Да, ведь, нынче-то ночью уходила ты!

Опять ошибка, ей никак не следовало упоминать об этом. Кухарке не было больше смысла молчать, и тут все и выплыло на божий свет о злополучных ночных странствиях. Ленсманша пришла в страшнейшее волнение, до кухарки ей нет дела, но Варвара, девушка, к которой она так хорошо относилась! И может быть, все обошлось бы еще хорошо, если б Варвара поникла головой, как тростинка пала бы наземь и поклялась бы какими-нибудь удивительно крепкими клятвами, что впредь этого не будет. Так нет же. В конце концов, барыне пришлось напомнить своей горничной обо всем, что она для нее сделала, и тут Варвара принялась отвечать, возражать, вот до чего она была глупа.

А может, и очень умна, если хотела довести дело до точки и вырваться отсюда? Барыня сказала:

– Я вырвала тебя из львиных когтей.

– Что до этого, – ответила Варвара, – то мне и без вас было бы не хуже.

– Вот твоя благодарность! – воскликнула барыня.

– То ли нам говорить об этом, то ли молчать, – сказала Варвара. – Если б меня и приговорили, то все равно не больше, как на несколько месяцев, и тем бы все и кончилось!

Барыня мгновенно лишается языка, некоторое время стоит и только открывает рот и опять закрывает. Первое слово, какое ей удастся произнести – расчет!

Варвара только и ответила:

– Да, да, как вам будет угодно!

Следующие за этим дни Варвара прожила дома, у родителей. Но там ей нельзя было оставаться. Мать, правда, торговала теперь кофеем, и к ней приходило много народу, но Варвара не могла на это

прожить, а может, у нее были и другие веские причины желать прочного положения. И вот, сегодня она вскинула на спину узел с платьем и пустилась в путь. Теперь все зависит от того, примет ли ее Аксель Стрем! Но она устроила так, что в прошлое воскресенье их огласили в церкви.

Льет дождь, дорога грязная, но Варвара идет. Вечереет, но так как до дня Святого Олафа далеко, еще светло. Бедняжка Варвара, она не жалеет себя, она идет за своим делом, и ей надо идти в определенное место и начинать очередную борьбу. Собственно говоря, она никогда не жалела себя, никогда не линилась, зато она и красива и тонка станом. У Варвары быстрое соображение, и она часто пользуется им на собственную погибель, но чего же иного можно ожидать? Она научилась перебиваться из кулька в рогожку, но сумела сохранить много хороших качеств, смерть ребенка для нее ничто, но живому ребенку она способна дать конфетку. Потом у нее замечательный музыкальный слух, она чувствительно и верно тренькает на гитаре и поет сипловатым голосом, ее очень приятно и чуть-чуть грустно слушать. Нет, жалеть себя так мало, что давно уже выбросила всю себя за борт и не замечает при этом никакой потери. Изредка она плачет, и сердце у нее разрывается над тем или иным случаем в ее жизни; так полагается, это от песен, которые она поет, это говорит в ней поэзия и милый дружок, она обманывала этим и самое себя и многих других. Будь у нее сегодня с собой гитара, она нынче же вечером поиграла бы Акселью.

Она подгоняет так, чтобы прийти попозже, и когда входит во двор, в Лунном все тихо. Ага, Аксель уже выкосил двор и убрал часть сена! Она соображает, что Олина по старости лет, наверное, спит в горнице, а Аксель – на сеновале, где когда-то спала она сама. Она подходит к знакомой двери, волнуясь, как вор, потом тихонько окликает: – Аксель!

– Что это! – сразу отвечает Аксель.

– Ничего, это только я, – говорит Варвара и входит. – Пожалуй, ты непустишь меня ночью? – говорит она.

Аксель смотрит на нее:

– А, так это ты, – говорит он, наконец. – Куда ты собралась?

– Это зависит прежде всего от того, нужна ли тебе помощница на лето, – отвечает она.

Аксель думает с минуту, потом спрашивает:

– А ты разве ушла оттуда, где жила?

– Да, я рассчиталась у ленсмана.

– Мне, пожалуй, понадобится работница, – говорит Аксель. – Но что это значит: ты разве надумала вернуться?

– Да нет, не беспокойся, – отвечает Варвара. – Я завтра пойду дальше, я иду в Селланро и за перервал, у меня там есть место.

– Разве тебя там наняли?

– Мне, пожалуй, понадобится работница, – повторяет Аксель.

Она совершенно промокла, но в узле у нее белье и платье, и она хочет переодеться.

– Ты не обращай на меня внимания, – говорит Аксель, слегка отодвигаясь к двери.

Варвара снимает мокрое платье, и во время разговора Аксель часто поворачивает к ней голову.

– Ну, а теперь выйди на минутку! – говорит Варвара.

– На улицу? – отвечает он.

И правда, погода была не такая, чтоб выходить на улицу. Он стоит и смотрит, как она обнажается все больше и больше, прямо глаз не оторвать; да и Варвара такая рассеянная: она отлично могла бы надевать сухую одежду по мере того, как снимала бы мокрую, но она так не делала. Рубашка ужасно тоненькая и прилипла к телу, вот она расстегнула ее на одном плече и отворачивается, какая она ловкая. Он замолкает в эту минуту, как мертвый, и видит, что она делает всего одно или два движения и спускает с себя рубашку, «Вот замечательно сделано,» подумал он. А она стоит себе, как ни в чем не бывало.

Немного погодя, они лежат и разговаривают. Да, ему нужна работница, это верно.

– Да, я слыхала, – говорит Варвара.

Он начал косить, ведь запasti сено надо на целый год, а он совсем один, Варвара сама может понять, как ему трудно.

Да, Варвара все понимала.

С другой стороны, ведь Варвара сама удрала в тот раз и оставила его без работницы, он не забыл ей этого, да еще прихватила с собой кольца. И в довершение издевательства газета ее продолжала получаться, эта бергенская газета, от которой он никак не мог отделаться; ему пришлось потом заплатить еще за целый год.

– Вот-то бесстыжая газета! – сказала Варвара, соглашаясь с ним во всем.

Но в виду такой огромной уступчивости, и Аксель не мог же вести себя, как зверь; он признал, что у Варвары были основания сердиться на него за то, что он отнял место у ее отца на телеграфе.

– Да впрочем, отец твой может опять забрать свой телеграф, – сказал он, – я не гонюсь за ним, это только трата времени.

– Правда, – согласилась Варвара.

Аксель подумал с минуту, потом спросил напрямик:

– Так как же, ты проживешь только лето?

– Нет, – ответила Варвара, – будет, как ты захочешь.

– Ну, это ты всерьез?

– Да. Как ты хочешь, так хочу и я. Ты больше во мне не сомневайся.

– Ну?

– Да, да. И я сказала, чтоб нас опласили.

Вот что. Выходило совсем неплохо. Аксель долго лежал я думал. Если на этот раз это всерьез, а не опять какой-нибудь подлый обман, он заполучит работницу и обеспечен на вечные времена.

– Я мог бы выписать себе женщину с родины, – сказал он, – и она написала, что согласна выйти за меня. Но только приходится оплатить ей проезд из Америки.

Варвара спрашивает:

– Как, разве она в Америке?

– Да. Уехала в прошлом году, но ей там не нравится.

– Нет, ты о ней не думай! – заявляет Варвара. – Что же тогда будет со мной? – спрашивает она и начинает беспокойно двигаться.

– Оттого-то я и не порешил с ней окончательно. Варваре, наверное, тоже не захотелось отстать, она призналась, что могла выйти замуж за одного молодого человека в Бергене, он служил возчиком в огромной пивной, так что пользовался большим доверием.

– И, конечно, он до сих пор вздыхает обо мне, – всхлипывая, говорит Варвара. – Но ты знаешь, когда между двумя людьми было столько, сколько между нами с тобой, Аксель, то я не могу забыть этого. Ну, а ты можешь забывать меня, сколько тебе угодно!

– Кто, я? – отвечает Аксель. – Нет, из-за этого тебе нечего плакать, потому что я никогда не забывал тебя.

– Ну?

Это признание прекрасно действует на Варвару, и она говорит:

– А раз так, зачем тебе выписывать ее из Америки, если можешь без этого обойтись!

Она отговаривает его от этой затеи, это выйдет слишком дорого, да совсем ему и не нужно. Варвара, по-видимому, вбила себе в голову, что сама составит его счастье.

За ночь они договорились. Они ведь были чужие друг другу, а очень часто обсуждали все и раньше. Даже и необходимое венчание могло произойти до дня Св. Олафа и жатвы, им незачем было притворяться, и Варвара сама торопила еще усерднее Аксея. Аксея не оскорбляла настойчивость Варвары и не возбуждала в нем никаких подозрений, наоборот, ее поспешность ему льстила и подогревала его. Ну да, он был человек земли, кремень, не очень разборчивый, чертовски мало щепетильный, ему приходилось мириться и с тем и с другим, он соображал свою выгоду. К тому же, Варвара казалась ему опять такой новой и красивой, чуть ли даже не красивее и милее прежнего. Она была словно яблоко, и он запустил в него зубы. Да и в церкви их уже опласили!

Мертвого ребенка и процесс оба обошли молчанием.

Зато они поговорили об Олине: как им от нее избавиться?

– Да, ее нужно выпроводить! – сказала Варвара. – Нам ее не за что благодарить. Она только разводит сплетни и злость.

Но выпроводить Олину оказалось не легко.

В первое же утро, увидев Варвару, старуха Олина, должно быть, почуяла свою судьбу. Она сразу обозлилась, но затаила злость и приbedнилась, придвинула Варваре стул. Жизнь в Лунном шла потихоньку, Аксель таскал воду и дрова, делал за Олину всю самую тяжелую работу, а Олина справлялась с остальным. С течением времени она решила про себя, что останется на хуторе до конца своих дней, но вот появилась Варвара и разом уничтожила ее планы.

– Если бы в доме было хоть зернышко кофею, я бы сварила тебе, – сказала она Варваре. – Ты идешь куда-нибудь дальше?

– Нет, – ответила Варвара.

– Вот что, так ты не в горы?

– Нет.

– Ну да, это меня, конечно, не касается, – сказала Олина. – Опять, значит, вниз?

– Нет, и не вниз. Я останусь здесь, как раньше.

– Вот что. Будешь здесь жить?

– Да, наверно к этому придет.

Олина молчит с минуту, работает своей старой головой; у, она тонкий политик:

– Да, – говорит она, – в таком случае, я, значит, освобожусь. И рада же я буду!

– Ну, – шутливо говорит Варвара, – разве Аксель был для тебя так плох?

– Плох? Он-то? Не смейся над несчастной старухой, которая только и ждет отпущения! Аксель был мне все равно, что отец и посланец божий во всякий день и час, иного я не могу сказать. Но дело в том, что у меня здесь нет никого из родных, я живу одинокая и покинутая на чужой стороне, а все мои близкие живут за перевалом.

Но Олина осталась. Они не могли отпустить ее, пока не повенчаются, и Олина хорошо на этом сыграла, заставила себя упрашивать, но под конец сказала, что хорошо, она окажет им эту услугу, присмотрит за скотиной и за домом, пока они будут венчаться. Это заняло два дня. Но когда новобрачные вернулись домой, Олина все-таки не ушла. Она тянула время, один день она была нездорова, на другой – собирался дождь. Она подлизывалась к Варваре: теперь все стало по другому в Лунном, другая еда, а уж про кофей нечего и говорить! О, Олина ничем не пренебрегала, она советовалась с Варварой о вещах, которые сама знала лучше ее:

– Как думаешь, подоить мне коров, раз уж они стоят в стойлах, или сначала приняться за Борделину?

– Делай, как хочешь.

– Да разве я о том говорю! – восклицает Олина. – Ты побывала в свете, обращалась среди богатых и знатных людей и всему научилась. Не то, что мы, бедные!

Нет, Олина ничем не пренебрегала, она круглые сутки политиканствовала.

Разве она не сидела с Варварой и не рассказывала, как была дружна с ее отцом, с Бреде Ольсенем! О, не один приятный часок провели они вместе, он был такой почтенный и обходительный

человек, этот Бреде, никогда-то не услышишь плохого слова из его уст!

Но так не могло продолжаться; ни Аксель, ни Варвара не желали больше держать Олину, и Варвара отобрала у нее всю работу. Олина не жаловалась, но провожала свою хозяйку недобрыми взглядами и постепенно изменила тон:

– Да, вы теперь стали страх какие важные! – говорила она. – Аксель-то в прошлом году осенью ездил в город, ты с ним там не встречалась? Да нет, ты была в Бергене. А ездил он по какому-то делу и купил косилку и борону. Что теперь против вас хозяева Селланро? И равнять нельзя!

Она изощрялась в мелких уколах, но и это не помогало; хозяева перестали ее бояться, однажды Аксель прямо сказал ей, чтоб она уходила.

– Уходить? – спросила Олина. – Как это; что же мне, ползти, что ли?

Нет, она отказалась уходить под предлогом, что совсем нездорова и не в состоянии шевельнуть ногами. И ведь как нехорошо вышло: когда у нее отобрали работу и лишили всякой деятельности, она сразу опустилась и действительно захворала. Все-таки она протаскалась еще с неделю. Аксель смотрел на нее с бешенством, но Олина продолжала жить у них из злости, а под конец совсем слегла.

И вот она лежала и вовсе не ждала отпущения, а наоборот, часами говорила о том, что поправится. Она требовала доктора, роскошь, неизвестную в пустоши.

– Доктора? – спросил Аксель, – из ума ты выжила?

– Как это? – кротко спросила Олина, притворяясь, будто ничего не понимает.

Она была так кротка и умильна, так счастлива тем, что никому не в тягость, она может заплатить доктору сама.

– Ну, разве можешь? – спросил Аксель.

– А что же? – сказала Олина. – И потом, не лежать же мне здесь и помирать, как скотине без призора.

Тут вмешалась Варвара и неосторожно спросила:

– Чего тебе не хватает? Разве я тебе не приношу еду? А кофею я тебе не даю для твоей же пользы.

– Это ты, Варвара? – говорит Олина и поворачивает на нее глаза. Она очень плоха, и перекошенные глаза придают ей жуткий вид: – Оно, может, и так, как ты говоришь, Варвара, может мне станет хуже от капельки кофею, от чайной ложечки кофею.

– Будь ты такая, как я, ты бы думала сейчас кое о чем другом, а не о кофее, – сказала Варвара.

– А я что же говорю, – ответила Олина. – Ты никогда не желала смерти человеку, а желала, чтоб он исправился и жил. Что это, – я, вот, лежу и смотрю, – никак ты в тягостях, Варвара?

– Я? – кричит Варвара и яростно прибавляет: – ты стоишь того, чтоб я выбросила тебя на навоз за твой язык!

Тут больная молчит с добрую минуту, но губы ее дрожат. Будто она силится непременно улыбнуться и не может.

– Нынче ночью я слышала, как кто-то звал, – говорит она.

– Она бредит! – говорит Аксель.

– Нет я не брежу. Будто кто-то звал. Слышалось из леса или от ручья.

Удивительно, точь в точь, будто кричал маленький ребеночек. Что, Варвара ушла?

– Да, – сказал Аксель, – ей надоело слушать твою чепуху.

– Это вовсе не чепуха, я не брежу, как вы думаете, – говорит Олина, – нет, Всемогущий не допустит, чтоб я предстала перед престолом и агнцем со всем тем, что мне известно про Лунное. Я еще поправлюсь; а ты должен позвать ко мне доктора, Аксель, тогда это пойдет скорее. Какую-то корову ты мне подаришь?

– Какую еще корову?

– Корову, которую ты мне обещал. Не Борделину ли?

– Ты просто городишь, сама не знаешь что, – говорит Аксель.

– Ты ведь помнишь, что обещал мне корову, когда я спасла тебе жизнь.

– Нет, не помню.

Тогда Олина поднимает голову и смотрит на него. Она совсем седая и лысая, голова торчит на длинной птичьей шее, она страшна, как сказочное чудовище; Аксель вздрагивает и нащупывает за спиной дверную ручку.

– Ага, – говорит Олина, – так вот ты какой! Значит, пока что, мы об этом больше не будем говорить. С этого дня я проживу и без

коровы и не заикнусь об ней. Но хорошо, что ты показал себя аккурат таким, каков ты есть, Аксель, вперед я буду знать, что ты за птица!

Но однажды ночью Олина умерла, как-то среди ночи; во всяком случае, когда утром они вошли к ней, она уж похолодела.

Старуха Олина – родилась и умерла...

И Аксель и Варвара были рады похоронить ее навеки, теперь некого было остерегаться, они повеселели. Варвара опять жалуется на зубную боль, в остальном же все хорошо. Но этот вечный шерстяной платок у рта, который ей приходится отнимать всякий раз, когда она хочет сказать слово, – не малое мученье, и Аксель не понимает, как это могут у человека так долго болеть зубы. Правда он замечал, что она жует всегда очень осторожно, но ведь у нее все зубы целы.

– Разве ты не вставила себе новые зубы? – спрашивает он.

– Да.

– Что же, и они тоже болят?

– Ты все представляешься и врешь! – сердито отвечает Варвара, хотя он спросил вполне искренно. И в раздражении своем она дает более толковый ответ:

– Ведь ты отлично понимаешь, что со мной.

Что же с ней? Аксель смотрит внимательнее, и ему кажется, будто у нее вырос живот.

– Да ведь не в тягостях же ты? – спрашивает он.

– Я думаю, ты и сам отлично знаешь, – отвечает она.

Он смотрит на нее немножко бессмысленно. В медлительности своей он сидит довольно долго и считает: неделя, две недели, третья неделя.

– Разве я знаю? – говорит он.

Варвара приходит в страшное раздражением от этого спора и начинает громко и обиженно плакаты – Нет, закопай лучше и меня в землю, тогда ты от меня избавишься! – говорит она.

Удивительно, из-за чего только женщины ни плачут!

Но Аксель вовсе не желал закапывать ее в землю, он великий мастер видеть свою выгоду, у него совсем нет потребности ходить по цветочным коврам.

– Так, значит, ты не сможешь лето работать? – спрашивает он.

– Я не смогу работать? – с ужасом воскликнула она. О, Господи, и как же женщина может вдруг заулыбаться!

Когда Варвара увидела, как принял это событие Аксель, ее обуяло какое-то истерическое счастье, и она воскликнула:

– Я буду работать за двоих! Вот увидишь Аксель, я буду делать все, что ты велишь, и даже гораздо больше. Я разобьюсь в лепешку и буду рада, лишь бы ты был доволен!

Опять полились слезы, пошли улыбки и ласки. В пустыне их было только двое, некого бояться, открытые двери, летнее тепло, жужжанье мух. Она была так покорна и преданна, смотрела на все его глазами.

После заката солнца он запрягает косилку, хочет скосить маленькую луговинку на завтра. Варвара поспешно выходит, будто за делом, и говорит:

– Послушай, Аксель, как это ты мог думать выписывать кого-то из Америки?

Ведь она бы приехала не раньше зимы, а на что она тебе тогда?

Вот что подумала Варвара, и прибежала теперь сказать ему, как будто это было нужно.

Но это было совсем не нужно, Аксель с первой же минуты понял, что если возьмет Варвару, то выгадает вместо летней работницы годовую. Этот человек не знает шатаний и парит не в облаках. Теперь, когда он залучил в дом надежную работницу, он может на некоторое время оставить за собой и телеграф. Это дает в год много денег и очень кстати, пока он не может особенно много продавать со своего участка. Все складывается очень хорошо, он весь в реальности. А от Бреде, который сделался его тестем, ему теперь нечего опасаться каких-либо покушений на телеграфную линию. Счастье начинает улыбаться Акселю.

Глава IX

А время идет, зима миновала, опять наступает весна. Разумеется, однажды Исааку понадобилось в село. Его с просили, зачем.

– Да не знаю, – ответил он.

Но хорошенько вымыл телегу, приладил сиденье и поехал. И, разумеется, повез с собой разной провизии. Елисею в «Великое». Ведь ни разу никто не уезжал из Селланро без той или иной посылки Елисею.

Выезды Исаака были вовсе не заурядным событием, он ездил очень редко, обыкновенно посылал вместо себя Сиверта. На двух первых хуторах хозяева стоят в дверях землянки и говорят друг другу:

– Это сам Исаак, зачем он едет сегодня?

Когда он проезжает мимо Лунного, у окна стоит Варвара с ребенком на руках, смотрит на него и думает:

– Это сам Исаак!

Он подъезжает к «Великому» и останавливается:

– Тпру! Елисей дома?

Елисей выходит. Да, он дома, еще не уехал, но собирается в весеннюю поездку по южным городам.

– Вот, тут мать что-то такое тебе прислала, – говорит отец, – не знаю, что, но, верно, пустяки.

Елисей вынимает горшки, благодарит и спрашивает:

– А письмеца или чего-нибудь такого нет?

– Как же! – отвечает отец и начинает шарить по карманам, – должно быть, от маленькой Ревекки.

Елисей берет письмо, его-то он и ждал, он чувствует, что оно плотное и толстое, и говорит отцу:

– Жалко, что ты приехал так рано, лучше бы денька через два. Но, может, ты подождешь немножко, и свезешь мой чемодан.

Исаак слезает и привязывает лошадь. Он обходит участок. Маленький доверенный Андресен неплохой землепашец за счет Елисея, конечно; Сиверт приезжал ему помогать с лошадью из Селланро, но он и сам осушил порядочный участок болота и нанял человека обложить камнями канавки. Нынче в «Великом» не придется

покупать корма для скотины, а на будущий год Елисей сможет, пожалуй, держать лошадь. Этим он обязан интересу Андресена к сельскому хозяйству.

Некоторое время спустя Елисей кричит, что он уложил чемодан и готов. Сам он тоже стоит на крыльце готовый к отъезду, на нем красивый синий костюм, белый воротничок, на ногах галоши, в руках тросточка. Правда, он приедет за два дня до отхода парохода, но это не беда, он может подождать в селе, ему все равно, где быть.

И вот отец с сыном едут. Доверенный Андресен стоит в дверях лавки и говорит:

– Счастливого пути!

Отец заботится о сыне и хочет предоставить сиденье ему одному, но Елисей сейчас же отказывается и садится сбоку. Они проезжают мимо Брейдаблика. И Елисей вдруг вспоминает, что позабыл одну вещь.

– Тпру! Что такое? – спрашивает отец.

О, зонтик, Елисей позабыл дождевой зонт, но не решается сказать и говорит только:

– Ну, делать нечего. Поезжай!

– Не повернуть ли?

– Нет, поезжай дальше!

Но, во всяком случае, чертовски досадно, что он стал так забывчив! Это второпях, оттого, что отец ходил по участку и ждал. Теперь Елисею придется купить второй зонт, чтоб ходить с ним в Тронгейме, когда туда приедет. Ведь то, что у него будет два зонта, никакой разницы не составит. Однако он так сердит на себя, что соскакивает на землю и идет позади телеги.

Так им не удастся особенно много побеседовать, потому что отцу приходится каждый раз оборачиваться и говорить через плечо. Он спрашивает:

– Ты надолго уезжаешь? Елисей отвечает:

– Недели на три, самое большее на месяц.

Отец удивляется, как это люди не путаются в больших городах и не попадают невесть куда. Но Елисей отвечает, что если говорить о нем, то он привык к городам и ни разу не плутал, с ним этого никогда не случалось.

Отцу совестно сидеть одному, он говорит:

– Нет, теперь поезжай ты, мне надоело!

Но Елисей ни за что не хочет согнать отца с сиденья и предпочитает сесть сам. Но сначала они закусывают из большой отцовской котомки. Потом едут дальше.

Они подъезжают к двум нижним хуторам, и сразу видно, что они приблизились к селу, в обеих усадьбах белые занавески на маленьких оконцах, выходящих на дорогу, а на коньке сеновала укреплен жердь для флага в честь Семнадцатого мая.

– Это сам Исаак! – говорят люди на обоих хуторах, увидя проезжающих.

Наконец, мысли Елисея настолько отходит от его собственной особы и его собственных дел, что он спрашивает:

– Зачем ты едешь сегодня?

– Гм! – отвечает отец, – да ни зачем! – Но Елисей ведь уезжает, так что не беда, если он и узнает: – Да вот, еду за кузнецовой Иенсиной, – признается отец.

– Стоило ли тебе ехать из-за этого самому, разве не мог бы съездить Сиверт? – спрашивает Елисей.

Вот тебе и раз, Елисей ничего не понимает; он думает, значит, что Сиверт поехал бы за кузнецовой Иенсиной после того, как она так заважничала, что уехала из Селланро!

Нет, в прошлом году насчет сенокоса у них было неважно. Правда, Ингер здорово работала, как и обещала, Леопольдина тоже делала свое, да, кроме того, у них были конные грабли. Но сено – частью тяжелая тимофеевка, а покос большой. В Селланро теперь большое хозяйство, у женщин много другой работы, помимо уборки сена: сколько скота, кушанье надо приготовить во– время, да варить сыр, да сбивать масло, да стирать, да печь хлеба; мать и дочь выбивались из сил, Исаак не хотел пережить второе такое лето, он заявил, что Иенсина должна вернуться, если она свободна. Теперь Ингер тоже ничего не имела против, она опять образумилась и отвечала:

– По мне, делай, как хочешь!

Ингер стала теперь рассудительнее, немалая штука вернуть себе разум, когда его потеряешь. Ингер уже не нужно тушить внутренний жар, не нужно держать в узде какое-то особенное буйство, зима остудила ее, жар у нее остался для домашнего употребления, она

начала понемножку полнеть, стала красивая, статная. Удивительная она была женщина: она не увядала, не отмирала по частям; может быть, это происходило оттого, что цвести она начала так поздно. Бог знает, отчего все происходит, ничто не имеет одной единственной причины, все имеет целый ряд причин. Разве Ингер не пользовалась величайшим уважением у кузнечих? За что кузнечики могли ее осуждать? Благодаря обезображенному лицу, она пропустила зря свою весну, потом ее посадили в искусственную атмосферу и на шесть лет оторвали от лета; так как в ней оставалась жизнь, осень ее по неволе должна была дать буйные побеги. Ингер была лучше всяких кузнечих, немножко поврежденная, немножко искривленная, но хорошая от природы, добродетельная от природы...

Отец и сын едут, подъезжают к гостинице Бреде Ольсена и ставят лошадь в сарай. Уж вечер. Они входят в дом.

Бреде Ольсену удалось снять этот дом; это был нежилой дом, принадлежавший торговцу, сейчас в нем устроены две комнаты и две каморки, он не плох и стоит на хорошем месте, заведение охотно посещается любителями кофе и жителями соседних сел и деревень, приезжающими к пароходу.

Кажется, на этот раз Бреде повезло, он попал на свое настоящее место, и этим обязан своей жене. Действительно, мысль о кофейне и гостинице пришла жене Бреде, когда она продавала кофе на аукционе в Брейдаблике, очень уж весело было торговать, чувствовать между пальцами скиллинги, наличные деньги. С тех пор, как они попали сюда, дела идут отлично, жена продает теперь кофе всерьез и дает приют многим, у кого нет крыши над головой.

Проезжие ее благословляют. Конечно, ей помогает дочь, Катерина, она уже взрослая девушка и отлично прислуживает; но, конечно, это вопрос времени, потому что Катерине недолго придется пробыть в родительском доме и прислуживать. Но, пока что, оборот очень приличный, а это самое главное, Начало было очень хорошо и было бы еще лучше, если б торговец не подвел с крендельками и печеньем к кофе; а то в праздник Семнадцатого мая весь народ сидел и тщетно требовал хлеба к кофе, печенья! Это научило торговца запасаться печеньем к сельским торжествам.

Семья Бреде и сам он, как ни как, кормятся своим предприятием. Частенько обед состоит из кофе с черствым хлебом и печеньем, но это

все-таки поддерживает жизнь, а дети приобретают благородную, можно даже сказать, изысканно благородную наружность. – Не у всех есть хлеб и кофе! – говорят сельчане. Семья Бреде, по-видимому, живет хорошо, они даже держат собаку, которая обходит гостей, ластится, получает лакомые куски и жиреет. Такая жиренная собака еще как может рекламировать кухню и стол в гостинице!

Сам Бреде Ольсен играет в этом доме роль хозяина; попутно он успел упрочить свое общественное положение. Он снова состоит понятым и постоянным спутником ленсмана, и одно время к услугам его очень часто прибегали; но в последнюю осень дочь его Варвара не поладила с ленсманшей из-за безделицы, попросту сказать, из-за вши, и с того времени Бреде стали недолюбливать в доме ленсмана. Но Бреде от этого не очень в накладе, есть и другие господа, которые теперь обращаются к нему как раз для того, чтоб позлить ленсманшу; таким образом он в большом фаворе у доктора, а пасторша, «так у той свиней– то столько нет, сколько раз она посылала за Бреде, их колоть», – это его собственные слова.

Но, конечно, частенько семье Бреде приходится туговато, они не все такие жирные, как собака. Ну да, слава Богу, у Бреде характер легкий: – Дети все растут и растут! – говорит он, хотя постоянно появляются новые малютки. Те, что выросли и уехали, заботятся о себе сами и изредка посылают кое-что домой: Варвара живет замужем в Лунном, а Хельге служит в сельдяной артели; они уделяют родителям немножко провизии или денег, когда могут. Даже Катерина, прислуживающая дома, и та умудрилась сунуть отцу в руку пять крон как-то зимой, когда им пришлось очень туго.

– Вот так девчонка! – сказал Бреде, и не спросил откуда у нее бумажка и за что она ее получила. Так ведь и следует, дети должны любить родителей и помогать им!

В этом отношении Бреде недоволен сыном Хельге. Частенько Бреде стоит в мелочной лавке, окруженный слушателями, и развивает свои взгляды на обязанности детей к родителям.

– Взять для примера сына моего – Хельге: если он курит табак или выпьет рюмочку, я против этого ничего не скажу, все мы были молоды. Но не порядок, что он посылает нам письмо за письмом с одними поклонами. Не порядок, что он заставляет мать свою плакать. Это безобразие. В старину было по-другому: дети не успевали

вырасти, как сейчас же поступали на службу и начинали помаленьку помогать родителям. Да так и должно быть! Разве не отец и мать носили их сначала под своим сердцем и трудились до кровавого пота, чтоб прокормить их, пока они не вырастут? А они это забывают!

И Хельге словно услышал речи отца, потому что вдруг пришло от него письмо с бумажкой, целых пятьдесят крон. И тут семья Бреде закутила во всю, купили мяса и рыбы для варева, и лампу с подвесками для парадной комнаты в гостинице.

День прошел, чего же больше? Жила и семья Бреде, жила, перебиваясь с хлеба на квас, но без больших трудов. Чего больше желать!..

– Вот так гости! – сказал Бреде, провожая Исаака и Елисея в комнату с висячей лампой. – Нет, что я вижу! Ведь ты, надеюсь, не уезжаешь, Исаак?

– Нет, я только к кузнецу, по делу.

– Так, значит, это Елисей опять собрался на юг, по городам?

Елисей привык к гостиницам, он располагается, как дома, вешает пальто и палку на стену и заказывает кофе; закуска у отца с собой в котомке.

Катерина приносит кофе.

– Нет, пожалуйста, не платите! – говорит Бреде. – Я так часто бывал в Селланро, и вы меня угощали, а у Елисея я и посейчас записан в книгах. Не бери ни одной эре, Катерина.

Но Елисей платит, вынимает кошелек и платит, а потом дает еще двадцать эре. Не безделица!

Исаак уходит к кузнецу, а Елисей остается.

Он говорит, что нужно, Катерине, только самое необходимое, не больше; разговаривать же предпочитает с ее отцом. Нет, Елисей не гоняется за девицами, его точно оттолкнуло от них когда-то, с тех пор он утратил к ним интерес, Может быть, в нем никогда и не было заложено любовного влечения, о котором стоило бы говорить, раз он живет, так, зря. Редкий экземпляр в деревне, господин с тонкими руками и женской страстью к франтовству, зонтикам, тросточкам и галошам. Испортили, что ли, подменили этого непонятного холостяка? И усы-то у него не хотят как следует расти. Но может быть и так, что поначалу он и был правильно устроен для продолжения рода, а потом попал в искусственную обстановку и превратится в

кастрата? Или же он так усердно занимался в конторе в мелочной лавке, что вся его непосредственность исчезла? Может быть и так. Во всяком случае, он живет, добродушный и бесстрастный, немножко слабый, немножко апатичный, и уходит все дальше по своему ложному пути. Он мог бы завидовать любому человеку в деревне, но не способен даже на это.

Катерина привыкла шутить с гостями и поддразнивает Елисея, что, наверно, он опять едет на юг к своей душеньке.

– У меня другое на уме, – отвечает Елисей, – я еду по делам, завязывать сношения.

– Не приставай с плупостями к приличным гостям, Катерина! – останавливает ее отец.

О, Бреде Ольсен так вежлив с Елисеем, так почтителен, что прямо удивительно. Да ему и приходится быть таким, это очень умно, он должен в лавку в «Великом», он стоит сейчас перед своим кредитором. А Елисей? Ха, ему нравится эта вежливость, и он милостиво отвечает на нее: – Ваше благородие! – называет он Бреде в шутку и ломается. Рассказывает, что позабыл свой дождевой зонт:

– Мы как раз проезжали мимо Брейдаблика, и в эту минуту я и вспомнил про зонт.

Бреде спрашивает: – Ведь вы, наверное, пойдете к нашему торговцу вечером на стаканчик пунша? Елисей отвечает:

– Да, будь я один. Но со мной отец.

Бреде настроен приятно и продолжает разговор:

– Послезавтра приезжает сюда один человек, который возвращается в Америку.

– Он приезжал домой на побывку?

– Да. Он из верхнего села. Уезжал бог знает на сколько лет, а теперь прожил зиму дома. Чемодан его привез сюда подводчик, вот это так чемодан!

– Я сам частенько подумываю об Америке, – откровенно говорит Елисей.

– Вы? – восклицает Бреде. – Да разве вам это нужно!

– Я, может быть, не остался бы там на вечные времена, не знаю. Но я уж много путешествовал, хотелось бы побывать и там.

– Разве что так. А они зарабатывают там пропасть денег, в этой Америке.

Вот, взять хоть этого парня, с которым я разговаривал: он устраивал эту зиму пиры за пирами у себя в селе, а когда приходит ко мне, то говорит: – Дай мне целый кофейник кофе и все, говорит, печенье, какое у тебя есть.

Хотите посмотреть его чемодан?

Пошли в коридор и осмотрели его чемодан. Чудо на земле, так и горит со всех сторон от металла и блях, с тремя пряжками, не считая замка.

– Не вскрыть отмычкой! – говорит Бреде, словно пробовал.

Они вернулись в комнату, но Елисей вдруг притих. Этот американец из верхнего села уничтожил его, он совершал свои путешествия, как самый важный чиновник; ясно было, что Бреде увлечен этим субъектом. Елисей спросил еще кофе и попробовал тоже разыграть богача, потребовал к кофе печенье и покормил им собаку, но чувствовал себя ничтожным и обескураженным. Что такое его чемодан перед тем чудом! Вон он стоит: черная клеенка, углы потерлись и побелели, ручной саквояж, – ей, ей, он купит себе великолепный чемодан, как только приедет на юг, вот посмотрите!

– Вы напрасно беспокоитесь кормить собаку, – сказал Бреде.

И Елисей опять почувствовал себя до некоторой степени человеком и закривлялся:

– Прямо колоссально, до чего жирна эта собака, – сказал он.

Одна мысль перегоняла у него другую, он прервал беседу с Бреде и вышел, пошел в сарай к лошади. Здесь он вскрыл конверт, лежавший у него в кармане.

Он просто сунул его тогда не посмотрев, сколько в нем денег; он уж раньше получал такие письма из дома, и в них всегда лежало несколько кредиток, пособие на поездку. Что-то в нем теперь? Большой лист серой бумаги, разрисованный маленькой Ревеккой для брата Елисея, потом записочка от матери. А еще что? Ничего? Больше ничего. Никаких денег.

Мать писала, что не решилась больше просить денег у отца, потому что сейчас от капитала, который они получили за медную гору, почти ничего не осталось, все пошло на покупку «Великого», а потом на товары и на поездки Елисея. Придется ему на этот раз справиться как-нибудь самому, потому что деньги, какие еще есть,

должны пойти сестрам, а то они останутся совсем уж безо всего. Счастливого пути, и с любовью низкий поклон.

Никаких денег.

Своих денег на поездку на юг Елисею не хватало, он выскреб кассу в своей лавке и собрал не очень много. Ах, как же он сплупил, послав недавно своему поставщику в Бергене денежное письмо в уплату по нескольким счетам. Это могло бы подождать. Разумеется, он поступил очень легкомысленно: пустился в путь, не распечатав предварительно письма; он мог бы избавить себя от поездки в село со своим несчастным чемоданом. А вот теперь, извольте радоваться...

Отец возвращается от кузнеца, удачно покончив дело: Иенсину отпустят с ним завтра. Иенсина не упрявилась, не заставила себя упрашивать, она сразу поняла, что им в Селланро нужна работница на лето, и согласилась поехать.

Опять правильное поведение.

Пока отец рассказывает, Елисей сидит и думает о своем. Он показывает отцу чемодан американца и говорит:

– Как бы я хотел быть там, откуда приехал этот чемодан!

Отец отвечает: – Да оно бы не плохо!..

На утро отец собирается в обратный путь, запрягает лошадь и едет к кузнецу за Иенсиной и ее сундучком, Елисей стоит все время и смотрит им вслед; когда они скрываются за опушкой леса, он расплывается в гостинице и дает на чай:

– Пусть чемодан мой постоит у вас до моего возвращения, – говорит он.

Катерине и уходит.

Елисей, – да куда же он идет? У него только одно место, куда пойти, – он поворачивает назад: приходится опять постучаться домой. Он идет по пустоши, прежней дорогой, стараясь держаться на таком расстоянии позади отца и Иенсины, чтобы они его не увидели. Так идет он дальше и дальше. И теперь начинает завидовать, каждому хуторянину. Жаль Елисея, он совсем сбился с толку! Разве у него нет торговли в «Великом»? Да ведь, не на чем разыгрывать барина, он совершает слишком много интересных поездок для завязывания сношений, они обходятся слишком дорого, он ездит недешево.

– Не надо быть мелочным, – говорит Елисей и дает двадцать эре, когда мог бы обойтись десятью. Торговля не может прокормить этого

расточительного человека, ему необходимы прибавки из дому. Сейчас участок в «Великом» дает картофель, ячмень и сено для домашнего обихода, но остальные припасы приходится посылать из Селланро. Это все? Сиверт возит товары Елисею бесплатно с пристани. Все ли? Мать должна добывать ему денег от отца на разъезды. А теперь-то все ли? Самое худшее осталось.

Елисей действует, как безумец. Ему так льстит, что люди приходят из села за покупками в «Великое», что он с радостью отпускает им в кредит; когда об этом узналось, народу стало приходиться все больше и больше, и все забирают в кредит, творится черт знает что; Елисей очень добр и отпускает, лавка опустошается снова наполняется. Все это стоит денег. Кто же платит? Отец.

Вначале мать его была верным адвокатом. Елисей считался в семье светлой головой, ему надо дать настоящий ход; вспомни, как дешево он купил «Великое», и как он точка в точку угадал, сколько за него дать! Когда отец говорил, что из его торговли выходит чепуха, мать отвечала: – Что ты понимаешь! – Она даже сердилась за такие грубые выражения, выходило чуть ли не так, что почтенный Исаак слишком неуважительно относится к Елисею.

Ну да, мать сама путешествовала, повидала свет, она понимала, что, в сущности, Елисей пропадает в деревне, он привык к лучшим условиям жизни, стал общительнее и подвижнее, ему недоставало здесь общества равных ему по развитию. Он слишком много тратил на нестоящих людей, но это он делал не по испорченности и не для того, чтоб разорять родителей, а исключительно из благородства и доброты характера, ему хотелось помочь людям, стоящим ниже его. Господи, да ведь во всей округе только у него одного и есть белые носовые платки, которые постоянно приходится стирать. Когда люди доверчиво обращались к нему за кредитом, если бы он ответил: нет, это поняли бы так, что он не такой добрый человек, каким его все считали. Кроме того, в качестве местного горожанина и гения, у него были особые обязанности.

Все это мать принимала во внимание.

Но отец, не понимавший по этой части ни аза, раскрыл ей однажды глаза и уши:

– Посмотри, вот что осталось от денег, какие мы получили за медную гору!

– Так, – сказала она, – а остальные где?

– Их забрал Елисей.

Она всплеснула руками и воскликнула:

– Нет, пора ему взяться за ум!

Бедный Елисей, он так изболтался, стал таким никчемным. Ему следовало бы все время оставаться деревенским жителем, теперь он человек, научившийся писать буквы, у него нет инициативы, нет глубины. Но он вовсе не злодей и не исчадие ада, он не влюблен и не честолюбив, он почти ничто, даже и ничтожество-то не очень большое.

На этом молодом человеке словно лежит печать какого-то несчастья и обреченности, словно заложена в нем какая-то порча. Пожалуй, было бы лучше, если б добрый окружной инженер не заметил его в детстве и не брал к себе в город, чтоб сделать из него человека; должно быть, у мальчика подрезали корни, и он зачах. Все, что он затевает, указывает на какой-то таящийся в нем дефект, какую-то черноту на светлом дне...

Он все идет и идет. Телега проезжает мимо «Великого», Елисей сворачивает в сторону и тоже обходит «Великое»; что ему делать дома, в своей лавке?

Телега подъезжает к Селланро ночью, Елисей подходит следом за нею. Он видит, как Сиверт выходит во двор, и удивляется при виде Иенсины; они здороваются за руку и оба улыбаются, потом Сиверт берет лошадь и уводит ее в конюшню.

Елисей отваживается подойти ближе; гордость семьи теперь отваживается подойти. Он не идет, он крадется, застаёт Сиверта в конюшне.

– Это я, – говорит он.

– И ты тоже! – говорит Сиверт и опять удивляется, Между братьями начинается тихий разговор: не упросит ли Сиверт мать, чтоб она дала сколько-нибудь денег на дорогу, пусть выручит его. Так как сейчас, больше не может продолжаться, Елисей устал, он давно уже об этом думал, это должно случиться сегодня же ночью, большое путешествие, Америка, сегодня же в ночь.

– Америка? – громко произносит Сиверт.

– Тише! Я давно об этом думал, теперь ты должен уговорить мать. Так больше нельзя, и я давно об этом думал.

– Но в Америку – как же так? – говорит Сиверт. – Нет, не надо этого делать!

– Непременно. Я сейчас же уйду и захвачу пароход.

– Тебе верно надо поесть?

– Я не голоден.

– А поспать?

– Нет.

Сиверт любит брата и отговаривает его, но Елисей стоек, раз в жизни он стоек. Сиверт совсем сбит с толку, сначала он взволновался при виде Иенсины, а теперь вдруг Елисей хочет покинуть родину, все равно, что этот свет.

– А как же «Великое»? – спрашивает Сиверт.

– Пусть достанется Андресену, – отвечает Елисей.

– Как же оно может достаться Андресену?

– Разве он не женится на Леопольдине?

– Не знаю. Да, наверно, женится.

Они говорят шепотом и не могут наговориться. Сиверт предлагает позвать отца, чтоб Елисей поговорил с ним сам, но... – Нет, нет! – шепчет Елисей, он не может, у него никогда не хватало храбрости встречаться лицом к лицу с подобными опасностями, ему всегда был нужен посредник.

Сиверт говорит:

– А мать, ты ведь знаешь, какая она. Тебе не избежать слез и уговоров.

Она не должна знать.

– Нет, – соглашается Елисей, – она не должна знать. Сиверт уходит, пропадает на целую вечность, потом возвращается с деньгами, – много денег:

– Вот, больше у него нет. Как думаешь, довольно? Сосчитай, он не считал.

– А что отец сказал?

– Да ничего особенного. Подожди минутку, я сейчас оденусь и провожу тебя.

– Не надо, ложись спать.

– Ну, ты что же, боишься остаться один в темноте, в конюшне? – спрашивает Сиверт, со слабой попыткой подбодриться.

Он уходит на минуту и возвращается одетый, на плече у него отцовская котомка с припасами. Когда они выходят из конюшни, их встречает отец:

– Я слышал, ты собираешься уехать очень далеко? – говорит он.

– Да, – отвечает Елисей, – но я вернусь.

– Ну, ну, что же это я тебя задерживаю, – бормочет старик и круто поворачивается. – Счастливого пути! – как-то странно взлаивает он и поспешно уходит.

Братья спускаются по направлению к равнине, пройдя немного садятся и закусывают, и оказывается, что Елисей очень голоден, он никак не может наесться. Стоит чудесная весенняя ночь, на холмах во многих местах токуют тетерева, и этот родной звук на минуту сжимает изгнаннику сердце:

– Какая хорошая погода, – говорит он. – А теперь иди домой, Сиверт!

– Ну, – говорит Сиверт и идет дальше.

Они проходят мимо «Великого», мимо Брейдаблика, все время то тут, то там, на холмах токуют тетерева, это не духовая музыка, как в городах, нет, но это голоса, благовест, весна пришла. Вдруг слышится с вершины дерева первая пташка, она будит другую, со всех сторон несутся вопросы и ответы, это больше, чем песнь, это славословие. Должно быть, изгнанник чувствует что-то вроде тоски по родине, какую-то безнадежность, он едет в Америку, и никто не созрел для этого путешествия так, как он.

– Ну, а теперь, Сиверт, тебе пора поворачивать! – говорит он.

– Хорошо, хорошо, – отвечает, брат, – раз тебе так хочется.

Они садятся на опушке и видят впереди село, торговую площадь, пристань, гостиницу Бреде; несколько человек копошатся возле парохода, готовясь к отплытию.

– Однако, мне, пожалуй, некогда сидеть, – говорит Елисей, вставая.

– Жалко, что ты так далеко уезжаешь, – говорит Сиверт.

Елисей отвечает:

– Да ведь я вернусь. И тогда у меня будет не какой-нибудь клеенчатый чемодан для разъездов!

Прощаясь, Сиверт сует брату в руку какую-то вещичку, завернутую в бумагу.

– Что это? – спрашивает Елисей. Сиверт отвечает:

– Пиши почаще! – И уходит.

Елисей разворачивает бумажку и смотрит: это золотая монета, те двадцать крон золотом!

– Нет, не надо, зачем ты это! – кричит он.

Сиверт не останавливается.

Пройдя немного, он поворачивает назад и опять садится на опушке. Внизу у парохода становится все оживленнее, он видит, как люди поднимаются по трапу, вот поднимается брат, пароход отчаливает. И Елисей уезжает в Америку.

Он так и не вернулся.

Глава X

По направлению к Селланро поднимается удивительная процессия, пожалуй, немножко смешная, если смотреть на нее, как на процессию, но не только смешная: три человека с огромными ношами, с мешками, свисающими у них вдоль груди и спины. Они идут гуськом и шутливо перекликаются между собой, но нести им тяжело. Первым в процессии идет маленький доверенный Андресен, да, впрочем, и процессия-то – его: он снарядил самого себя, Сиверта из Селланро и еще третьего, Фредрика Стрема из Брейдаблика, в эту экспедицию. Чертовски забавный человек этот доверенный Андресен, одно плечо у него перегнулось совсем к земле, а куртка съехала чуть не до полспины, так он идет, но упорно тащит свою ношу.

Он не купил по-настоящему «Великое» и торговлю после отъезда Елисея, на это у него нет средств; но у него есть средство лучше: выждать время и, может быть, получить все задаром. Андресен далеко не дурак; пока что, он арендовал участок и понемножку торгует. Он обревизовал товарную наличность и нашел множество непроданных предметов в лавке Елисея, вроде зубных щеток, невышитых дорожек для стола, даже птичек на стальной проволоке, которые пищат, если их подавить в надлежащем месте.

Со всеми этими товарами он пустился в странствие, он надумал продать их рудокопам за скалой. Еще со времен Аронсена он знает по опыту, что рудокопы при деньгах покупают все на свете. Сейчас его сердит только то, что пришлось оставить дома шесть деревянных лошадок-качалок, купленных Елисеем в последнюю поездку в Берген.

Караван входит во двор Селланро и снимает с себя вьюки. Отдыхают недолго; напившись молока и предложив, для потехи, свои товары всем обитателям хутора, они вскидывают вьюки на плечи и идут дальше. Затеяли-то они не одну только потеху. Они шагают по лесу в южном направлении.

Идут до полудня, обедают и идут до вечера. Потом ужинают и ложатся, спят часок-другой. Сиверт спит сидя на камне, который он называет мягким креслом.

О, Сиверт в таких делах очень умен. Ведь солнце за день накалило камень, сидеть и спать на нем очень приятно, товарищи его не так сведущи и не слушаются советов, они ложатся на вереск и просыпаются с ознобом и насморком. Проснувшись, они завтракают и идут дальше.

Идут и прислушиваются, не услышат ли шума взрыва; они рассчитывают среди дня набрести на людей и шахты, работы наверное отошли уже далеко от моря по направлению к Селланро. Взрывов не слышно. Они идут до полудня, не встретив людей, но изредка проходят мимо больших ям в земле, выкопанных людьми для разведки. Что же это значит? Должно быть, на том конце скалы руда необыкновенно богата, они работают в чистойшей полновесной меди и почти не двигаются вверх от моря.

После полудня они натываются на несколько шахт, но народа не видать. Идут до вечера и уже внизу видят море, проходят пустыней покинутых шурфов и не слышат ни единого взрыва. Это поразительно, но надо поужинать и лечь соснуть – вторая ночь под открытым небом. Они совещаются: уж не кончились ли работы? Не повернуть ли им назад со своими товарами?

– И речи быть не может! – говорит доверенный Андресен.

Утром к месту их ночлега подходит человек, бледный, изнуренный человек, он хмурит брови и смотрит на них, пронизывает их взглядом:

– Это ты, Андресен? – говорит человек.

Это Аронсен, торговец Аронсен. Он не прочь выпить с караваном горячего кофе и закусить и присаживается:

– Я увидел ваш дым и захотел посмотреть, что это такое, – объясняет он. – Я подумал: вот увидишь, они взялись за ум и возобновили работу. А оказывается, это только вы! Куда вы собрались?

– Сюда.

– А что несете?

– Товары.

– Товары? – кричит Аронсен. – Вы пришли сюда продавать товары? Кому?

Здесь нет народу. Все уехали в субботу.

– Кто уехал?

– Все. Здесь никого нет. А если бы и были, так у меня довольно товаров.

У меня полная лавка. Вы можете купить товары, если хотите.

Ах ты, Господи, опять торговцу Аронсену не повезло: работа на руднике прекратилась.

Они успокаивают его второй кружкой кофе и расспрашивают.

Аронсен подавленно мотает головой:

– Этому слов нету, это просто непонятно! – говорит он. – Все шло хорошо, он продавал свои товары и копил деньги, поселки вокруг благоденствовали, обзавелись манной кашей, новыми школами, лампами с подвесками и городской обувью. И вдруг господа находят, что больше не стоит работать и прекращают.

Не стоит? Ведь до сих пор стоило же? Разве медная лазурь не выходит на белый свет после каждого взрыва? Это просто обман.

– И они не думают о том, что ставят такого человека, как я, в величайшее затруднение. Но, должно быть, оно так и есть, как они говорят, и опять всему виноват этот Гейслер. Не успел он приехать, как работа прекратилась, точно он пронюхал.

– Разве Гейслер здесь?

– Еще бы не здесь! Его следовало бы пристрелить. Он приехал однажды с пароходом и сказал инженеру: – Ну, как дела? – На мой взгляд, хорошо, – ответил инженер. А Гейслер стоит и опять спрашивает: – А! Так вы говорите – хорошо? – Да. Насколько мне известно, – ответил инженер. Но, благодарю покорно, когда распечатали почту, в ней оказались письмо и телеграмма инженеру о том, что больше не стоит, извольте прекратить работу!

Члены каравана переглядываются, но предводитель, карлик Андресен, видимо, не потерял мужества. – Поворачивайте-ка домой! – советует Аронсен.

– Этого-то мы не сделаем, – отвечает Андресен, запаковывая кофейник.

Аронсен смотрит поочередно на всех троих:

– Вы сумасшедшие! – говорит он.

Но доверенный Андресен не очень обращает внимание на своего бывшего патрона, он сам теперь патрон, это он снарядил экспедицию в дальние края, повернуть обратно здесь, на скале, значило бы потерять весь свой престиж.

– Да куда же вы пойдете? – раздраженно спрашивает Аронсен.

– Не знаю, – отвечает Андресен. Но у него есть план, он верно думает о туземцах: вот он пришел втроем с большим запасом стеклянных бус и колец.

– Ну, пойдете, – говорит он товарищам. Собственно говоря, выйдя нынче утром, Аронсен намеревался пройти подальше, может быть, ему хотелось посмотреть, все ли шахты опустели, правда ли, что ушли все до единого человека; но эти разносчики своим упрямым желанием непременно идти дальше расстроили его планы; он во что бы то ни стало должен отговорить их.

Андресен бесится, он забегает вперед каравана, сразу поворачивается и кричит, вопит на них, защищает свою область. Так они доходят до поселка из бараков.

Пусто и уныло. Главные инструменты и машины внесены в помещения, но бревна, доски, ломаные повозки, ящики и бочки валяются повсюду без призора; кое-где на стенах построек прибиты плакаты, воспреещающие вход.

– Видите! – кричит Аронсен. – Ни души! Куда вы идете? – И грозит каравану великими бедами и ленсманом; сам он пойдет за ними по пятам и посмотрит, не торгуют ли они запрещенными товарами. – А за это тюрьма и каторга, бум констант!

Вдруг кто-то окликает Сиверта. Поселок не совсем покинут, не совсем мертв; у одного из домов стоит человек и манит рукой. Сиверт шагает к нему со своей ношей и сразу узнает его: это Гейслер.

– Вот удивительная встреча! – говорит Гейслер. Лицо у него красное, цветущее, но глаза, должно быть, болят от весеннего света, он в темном пенсне. Речь у него такая же живая, как прежде: – Чудесная встреча! – говорит он, – это избавляет меня от путешествия в Селланро, у меня так много хлопот.

Сколько у вас теперь хуторов в пустоши?

– Десять.

– Десять хуторов? Это я одобряю, я доволен! Нам надо бы иметь 32 тысячи таких молодцов, как твой отец! Говорю я, и опять одобряю, я это высчитал.

– Ты идешь, Сиверт? – кричит караван. Гейслер слышит и резко отвечает: – Нет!

– Я догоню, – кричит Сиверт и снимает свои тюки.

Оба садятся и разговаривают; на Гейслера снизошел дух, и он смолкает лишь на то время, когда Сиверт дает краткий ответ, потом опять раздражается:

– Исключительный случай, я не забуду его! Вся эта моя поездка была замечательно удачна, а тут еще я встречаю тебя, и мне не надо делать крюк, чтоб попасть в Селланро! У вас все благополучно дома?

– Да, спасибо на спросе.

– Построили вы новый сеновал над скотным двором?

– Да.

– А я так занят, у меня дел скоро будет выше головы. Видишь, например, Сиверт, где мы сейчас сидим? На развалинах города. Люди построили его прямо на свою беду. В сущности, во всем виноват я, то есть, я был одним из посредников в маленькой игре судьбы. Началось с того, что отец твой нашел несколько камешков на скале и дал их тебе поиграть, когда ты был маленьким.

С этого и началось. Я хорошо знал, что эти камни имеют только ту цену, какую люди захотят заплатить за них, ну, что ж, я назначил за них цену и купил. Потом камни стали переходить из рук в руки и производили свое разорительное действие. Время шло. Теперь я приехал сюда несколько дней тому назад, и знаешь зачем? Я хочу купить эти камни обратно!

Гейслер умолкает и смотри на Сиверта. Он замечает мешок и вдруг спрашивает:

– Что это ты несешь?

– Товары, – отвечает Сиверт, – мы идем с ними в село. Ответ видимо не интересует Гейслера, да, может быть, он и не слышал, он продолжает:

– Стало быть, купить обратно камни. Последний раз я велел моему сыну продать их, он молодой человек твоих лет и, в общем, ничего больше. В семье нашей он – молния, я – туман. Я из тех, что знают, как надо поступать, но не поступают. А он – молния; сейчас он поступил на службу промышленности.

Это он в последний раз продал вместо меня. Я – нечто, про него этого не скажешь, он только молния, быстрый, современный человек. Но молния сама по себе бесплодна. Возьмем вас, обитателей Селланро: вы смотрите каждый день на какую-нибудь синюю скалу, это не выдуманные вещи, это древние скалы, они стоят, глубоко

зарытые в прошлое; но для вас они – товарищи. Вы живете вместе с землей и небом и составляете с ними одно, составляете одно с этой ширью и неподвижностью. Вам не нужен меч в руку, вы проходите жизнь с пустыми руками и обнаженной головой среди великой ласки. Смотри, вот природа, она твоя и всех твоих! Человек и природа не палят друг в друга из пушек, они воздают друг другу должное, не конкурируют, не состязаются ни в чем, они следуют друг за другом. Среди всего этого вращаетесь вы, обитатели Селланро, и существуете. Скалы, лес, болота, луга, небо и звезды – о, это не бедно и не отмерено, это беспредельно. Послушай меня, Сиверт: будь доволен! У вас есть все, чем жить, ради чего жить, все, во что верить; вы рождаетесь и производите, вы необходимы на земле. Вы поддерживаєте жизнь.

Из поколения в поколение вы живете в неустанном строительстве, и когда вы умираете, на ваше место заступают новые строители. Вот это-то подразумевается под вечной жизнью. Что жизнь в простом и правильном положении по отношению ко всему. Что вы за это имеете? Никто не дергает вас и не командует вами, вы имеете покой и авторитет, вы окружены великой лаской. Вот что вы за это имеете. Вы лежите у груди, играете теплой материнской рукой и сосете. Я думаю о твоём отце, он один из тридцати двух тысяч. Что такое многие другие? Я – кое-что, я – туман, я здесь и там, я плаваю, иногда я – дождь на пересохшую почву. А другие? Мой сын – молния, которая – ничто, он – бесплодное сверканье, он может действовать. Мой сын – тип нашего века, он искренно верит в то, чему век научил его, в то, чему научили его евреи и янки; я на все это качаю головой. Но во мне нет ничего загадочного, только в своей семье я – туман. Там я сижу и качаю головой.

Дело в том: мне не дано способностей для нераскаянного поведения. Будь у меня эта способность, я и сам мог бы быть молнией. Теперь я – туман.

Вдруг Гейслер словно опять приходит в себя и спрашивает:

– Вы поставили сенной сарай над скотным двором?

– Да. А отец построил новую избу.

– Еще избу?

– Он говорит, на случай, если кто приедет, на случай, говорит, если приедет Гейслер.

Гейслер думает и решает: – В таком случае, я непременно приду. Да, приду, так и скажи отцу. Но у меня так много дел. Вот я приехал сюда и сказал инженеру: – Передайте от меня господам в Швеции, что я – их покупатель!

Увидим, что из этого выйдет. Мне-то ведь все равно, я не тороплюсь. Но посмотрел бы ты на инженера: он работал здесь, возился с людьми и с лошадьми, с деньгами, с машинами, с разорением, был убежден, что делает настоящее дело. Чем больше камней он превратит в деньги, тем лучше; он думает, что делает этим нечто весьма почтенное, доставляет деньги селу, деньги стране; гибель подходит к ним все ближе и ближе, а он не понимает положения; стране нужны не деньги, у страны денег более, чем достаточно; чего мало, так это таких людей, как твой отец. Подумать только – превратить средство в цель и гордиться этим! Они больны и безумны, они не работают, они не знают плуга, знают только игральные кости. Разве они достойны уважения, разве они не изводят себя своим безумием? Посмотри на них, ведь они ставят на карту все! Ошибка только в том, что игра вовсе не задор, она даже не мужество, она ужас. Знаешь, что такое игра? Это страх, когда лоб холодеет от пота, вот что это такое. Ошибка в том, что они не хотят идти в такт с жизнью, а хотят идти скорее ее, они несутся, вламываются в жизнь, как клинья. Но тут бока их говорят – стоп, что-то трещит, ищи лекарство, остановись, бока! А жизнь давит их, вежливо, но решительно. И тут начинаются жалобы на жизнь, ожесточение против жизни! Каждому свое; у одних, пожалуй, есть причины жаловаться, у других нет, но никто не должен бы злобствовать на жизнь. Не надо быть строгим, справедливым и жестоким к жизни, надо быть милосердным к ней и брать ее под свою защиту: надо помнить, с какими игроками приходится возиться жизни!

Гейслер смолкает на минуту, потом говорит: – Ну, да пусть будет, как будет! – Он, видимо, устал, начинает зевать. – Ты идешь вниз? – спрашивает он.

– Да.

– Ну, торопиться некуда. За тобой еще большая прогулка по скалам, помнишь, Сиверт? Я все помню. Я помню себя полуторагодовалым мальчонкой: я стоял и качался на помосте у сенного сарая в поместье Гармо в Ломе и чувствовал определенный запах. Я и сейчас

чувствую этот запах. Ну, да и это все равно; но мы могли бы пройти сейчас по скалам, не будь у тебя этого мешка. Что у тебя в мешке?

– Товары. Это Андресен понес их продавать.

– Стало быть, – я человек, знающий, как надо поступать, но так не поступающий, – говорит Гейслер. – Это надо понимать буквально. Я – туман.

Вот на днях я, может, куплю эту скалу, это не невозможно; но и в таком случае я не стану смотреть в небо и говорить: воздушная дорога! Южная Америка! Это для игроков. Здешний народ думает, что я, должно быть, сам дьявол, раз я знал, что здесь будет крах. Но тут нет ничего таинственного, все очень просто: новые залежи меди в монтане. Янки игроки похитрее нас, они забивают нас конкуренцией в Южной Америке; наша руда слишком бедна. Мой сын – молния, он получил сообщение, и я приплыл сюда. Вот как это просто. Я опередил шведских господ на несколько часов, вот и все.

Гейслер опять зевает и говорит: – Если тебе надо вниз, – пойдём!

Они идут вниз, Гейслер плетется сзади и раскис. Караван остановился у пристани, веселый Фредрик Стрем дразнит Аронсена во всю:

– У меня вышел весь табак, есть у вас табак?

– Вот я дам тебе табаку! – отвечает Аронсен. Фредрик смеется и утешает его: – Да вы не огорчайтесь так, не принимайте так близко к сердцу, Аронсен!

Мы только продадим у вас на глазах эти товары, а потом уйдем домой.

– Пойди, вымой свою харю! – озлобленно кричит Аронсен.

– Ха-ха-ха, зачем же вы подпрыгиваете так некрасиво, вы должны стоять, как на картине!

Гейслер устал, ужасно устал, даже темное пенсне не помогает, глаза его смыкаются от яркого весеннего света:

– Прощай, Сиверт! – внезапно говорит он. – Нет, мне все-таки не удастся в этот раз побывать в Селланро, скажи отцу: у меня столько хлопот. Но я приеду попозже!

Аронсен плюет ему вслед и повторяет:

– Его бы следовало пристрелить!..

В три дня караван распродает свои мешки и по хорошей цене. Дело оказалось блестящим. У людей в селе еще осталось много денег

после краха, и они всячески старались поскорее спустить их; им понадобились даже птички на проволоке, они поставили их на комод в горнице; закупили и красивых ножей, разрезать календари. Аронсен неистовствовал:

– Как будто у меня нет точно таких же великолепных вещей в лавке!

Торговец Аронсен переживал страшные муки, ему следовало бы хорошенько последить за этими разносчиками, но они разделились и пошли в село поодиночке, и он разрывался на части, бегая за всеми троими. И вот он сначала бросил Фредрика Стрема, который был всех неприятнее на язык, потом Сиверта, потому что тот никогда не отвечал ни слова, а только продавал; Аронсен решил сопровождать своего бывшего доверенного и бороться против него в избах. Но доверенный Андресен отлично знал своего бывшего хозяина и его неосведомленность по части торговли и запрещенных товаров.

– А, так, значит, английские катушечные нитки не запрещены? – спросил Аронсен, притворяясь знатоком.

– Как же, – ответил Андресен. – Но я и не принес сюда катушек, их я могу продать на равнине. У меня нет ни одной катушки ниток, посмотрите сами.

– Ладно уж. Но ты видишь, я знаю, что запрещено, а что нет, не тебе меня учить!

Аронсен выдержал один день, потом бросил и Андресена и ушел домой.

Разносчики остались без надзора.

А дело шло великолепно. Это было в те дни, когда женщины носили локоны, и доверенный Андресен оказался великим мастером продавать локоны, он в одну минуту мог продать белокурые локоны черноволосым девушкам и только жалел, что у него не было локонов посветлее, седых, потому что те ценились всего дороже. Каждый вечер приятели сходились на условленном месте, делились сообщениями и пополняли, занимая друг у друга, запасы товаров; потом Андресен присаживался с напильником и вычищал германскую фабричную марку с охотничьего рога или соскабливал клеймо «Фабер» с пеналов. Андресен был мастер на все руки.

Зато Сиверт оказался не на высоте. Не то, чтобы он ленился или не сбывал товары, нет, он продавал больше всех, но выручал слишком

мало денег.

– Ты мало разговариваешь, – сказал Андресеи.

Нет, Сиверт не болтал, как за язык повешенный; он был хуторянин, скуп на слова и спокоен. О чем было болтать? Кроме того, Сиверту хотелось отделаться к празднику и попасть домой, там ждали полевые работы.

– Это Иенсина его зовет! – говорил Фредрик Стрем. У самого Фредрика, впрочем, тоже были весенние работы, и некогда было терять время, но в последний день он все-таки отправился к Аронсену, поругаться!

– Я хочу продать ему пустые мешки, – сказал он. Андресен и Сиверт тоже пошли и подождали, пока Фредрик был у Аронсена. Они слышали отборнейшую ругань из лавки и по временам смех Фредрика; вдруг Аронсен распахнул дверь и стал выпроваживать гостя. Но Фредрик не уходил, нет, он не торопился и продолжал говорить; они слышали, как он напоследок пытался всучить Аронсену деревянных лошадок.

Потом караван направился домой – три парня, полных молодости и здоровья.

Они шли и пели, проспали несколько часов на скале и опять пошли. Когда в понедельник они подходили к Селланро, Исаак как раз начал сеять. Погода была подходящая: влажный воздух, изредка проглядывало солнце, огромная радуга перекинулась через все небо.

Караван расходится. Прощай, прощай...

Исаак ходит и сеет, мельничный жернов фигурой, чурбан. Он ходит в домотканном платье, шерсть от его собственных овец, сапоги из кож его собственных телят и коров. Он ходит с набожно обнаженной головой и сеет, темя и макушка у него лысые, но ниже он по-прежнему страшно волосат, волосы и борода кольцом окружают его голову. Это Исаак, маркграф.

Он редко знал точное число месяца, зачем оно ему! У него не было бумаги на записи: кресты в календаре указывали время отела коров. Но осенью он знал день святого Олафа, к этому времени у него бывало свезено все сено, знал весной Благовещенье, и что через три недели после Благовещенья медведь выходит из берлоги: к этому времени все семена должны быть в земле. Он знал все, что было нужно.

Он – деревенский житель и телом, и душой, и землепашец, не знающий пощады.

Выходец из прошлого, прообраз будущего, человек первых дней земледелия, отроду ему девятьсот лет, и все же он сын своего века.

Нет, у него ничего не осталось от денег, полученных за медную гору, они улетели! Да и у кого они были после того, как скала опустела? На пустоши же выросло десять хуторов, и она ждет сотни других.

Разве здесь ничего не растет? Здесь растет все, люди, животные и растения.

Исаак сеет. Вечернее солнце озаряет ячмень, дугою сыплется он из его руки и золотым дождем падает на землю. Вот идет Сиверт и заборонит его, прикатает катком, потом опять заборонит. Лес и скалы стоят и смотрят, все – высь и ширь, здесь есть связь и цель.

Клинг-линг! – говорят колокольчики высоко на откосе, все ближе и ближе: скотина пробирается к вечеру домой. Пятнадцать коров и сорок пять штук мелкого скота, всего шестьдесят голов. Вон идут к летнему загону женщины со множеством подошников, они несут их на коромысле через плечо, – Леопольдина, Иенсина и маленькая Ревекка. Все три босиком. Маркграфиня не с ними. Сама Ингер дома, готовит обед. Она расхаживает по дому, высокая и статная, весталка, поддерживающая огонь в кухонной плите. Ну, что ж, Ингер поплавала по бурному морю, побывала в городе, теперь она опять дома; мир велик, он бурлит от множества мест, Ингер тоже бурлила. Она была почти никем среди людей, ничтожная единица. Наступает вечер.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)